

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук, канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

А.В. Большова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 08.08.2025 г.

Формат 60×90/8

Объем 35,25 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 31 экз.)

Заказ № 203_Т

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи проходят
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможны неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labour psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.V. Bolshova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

I.R. No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 08.08.2025
Format 60×90/8
Size 35,25 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1,000 copies
(the first factory 31 copies)
Print order No. 203_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

- Башмаков Д.В.**
Анализ содержания процессно-ориентированной культуры в современных организациях 5
- Разгуляев В.Ю., Головин А.А., Шамаева Е.Ф.**
Клиентоцентричность и клиентократия: эволюция подходов в государственном управлении 17

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Тарасов А.А., Халимон Е.А.**
Особенности управления научно-исследовательскими проектами и программами в Российской Федерации 32
- Токарев Б.Е., Россихин Б.А.**
Анализ применения искусственного интеллекта преподавателями вуза 45

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Александрова И.Ю.**
Геобрендинг покинутого малого города: анализ проблем и возможностей с позиций теории систем 56
- Аргун Г.Р.**
Экономико-статистический анализ состояния и динамики развития туристической отрасли Российской Федерации 69
- Жданович О.В., Тарарышкина А.И.**
Образовательный туризм и привлекательность его развития в государствах-членах Евразийского экономического союза 82
- Кирица А.А., Чутчева Ю.В., Кораблин М.Н.**
Современные возможности обновления машинно-тракторного парка сельскохозяйственных организаций с помощью лизинга 93

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Алабина Т.А., Шемякина Т.Ю.**
Проблемы применения стоимостного инжиниринга в Российской Федерации 103
- Астафьева О.Е.**
Новый подход к обоснованию эффективного использования ресурсов и обеспечению капитальных вложений при взаимодействии хозяйствующих субъектов в промышленной экосистеме 111
- Мащуляк И.Д., Агеева О.А., Ярошук А.Б.**
Некоторые вопросы экономической безопасности фармакологии и фармацевтики в условиях новых вызовов Российской Федерации 120
- Смирнов Е.Н., Леонова Т.Н.**
Траектории экономической политики в условиях новых глобальных вызовов развития мировой экономики 131
- Стародубцева Е.Б., Маркова О.М.**
Состояние и перспективы развития торговли между Российской Федерацией и дружественными странами в условиях санкционных ограничений 145

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

- Евдокименко И.В., Юдинцева Л.А., Толкачёва Д.А.**
Эконометрическая оценка влияния макроэкономических явлений на российский рынок акций 157
- Трегубова Е.А.**
Применение проектного финансирования для модернизации электростанций 170

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- Гейдаров Р.И., Харчилава Г.П.**
Влияние DeFi (децентрализованных финансов) и ВСТ (блокчейн-технологий) на рыночную капитализацию компаний 180

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

- Бальбот Н.А., Крыштановская О.В.**
Бедность в структуре российского общества 189
- Довжик Г.В., Сытникова М.О.**
Мотивационные факторы геймификации в образовательном процессе при формировании профессиональных компетенций студентов 200
- Ерошник П.С.**
Стратификационная несовместимость в социальном статусе врачей государственной системы здравоохранения Российской Федерации 213
- Филиппенко В.А.**
Репродуктивное поведение молодежи Тамбовской области: демографические вызовы и пути их преодоления 225
- Ходячих С.С.**
Региональные различия и факторы пространственного распределения населения Центрального федерального округа Российской Федерации 237

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

- Алиев Д.Ф., Левковская Н.А.**
Личностные компетенции в профессиональной ориентации 247
- Помуран Н.Н., Лухманова М.А.**
Отражение англоязычного мира в стереотипах студентов-переводчиков 256
- Цветкова Н.А., Лагвилава К.Е.**
Связь индекса толерантности с базисными убеждениями у студентов русской национальности – граждан Российской Федерации 265
- Шогенова Ф.О.**
Эмоциональный интеллект как фактор трудовой мотивации в современных организациях 274

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- D.V. Bashmakov**
Analysis of the content of process-oriented culture
in modern organisations 5
- V.Yu. Razgulyaev, A.A. Golovin, E.F. Shamaeva**
Client-centricity and clientocracy: evolution of approaches
in public administration 17

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- A.A. Tarasov, E.A. Khalimon**
Features of management of research projects and programmes
in the Russian Federation..... 32
- B.E. Tokarev, B.A. Rossikhin**
Analysis of artificial intelligence use by university teachers 45

DEVELOPMENT OF INDUSTRY
AND REGIONAL MANAGEMENT

- I.Yu. Aleksandrova**
Geobranding of an abandoned small town: analysing problems
and opportunities from the perspective of systems theory..... 56
- G.R. Argun**
Economic and statistical analysis of the state and dynamics
of development of the tourism industry
in the Russian Federation..... 69
- O.V. Zhdanovich, L.I. Tararyshkina**
Educational tourism and attractiveness of its development
in the member states of the Eurasian Economic Union 82
- A.A. Kiritsa, Yu.V. Chutcheva, M.N. Korablin**
Modern possibilities of upgrading the machine
and tractor fleet of agricultural organisations with
the help of leasing..... 93

ECONOMICS: PROBLEMS,
SOLUTIONS AND PROSPECTS

- T.A. Alabina, T.Yu. Shemyakina**
Problems of cost engineering application
in the Russian Federation..... 103
- O.E. Astafyeva**
New approach to substantiation of efficient use of resources
and provision of capital investments in the interaction
of economic entities in an industrial ecosystem..... 111
- I.D. Matskulyak, O.A. Ageeva, A.B. Yaroshchuk**
Economic security aspects of pharmacology
and pharmaceuticals in the Russian Federation:
navigating emerging challenges..... 120
- E.N. Smirnov, T.N. Leonova**
Trajectories of economic policy in the context of new global
challenges of development of the world economy 131
- E.B. Starodubtseva, O.M. Markova**
State and prospects of trade development between
the Russian Federation and friendly countries in the context
of sanctions restrictions..... 145

INVESTMENT VALUATION

- I.V. Evdokimenko, L.A. Iudintseva, D.A. Tolkachyova**
Econometric assessment of the impact of macroeconomic
phenomena on the Russian stock market..... 157
- E.A. Tregubova**
Application of project financing for modernisation
of power plants 170

FINANCE AND BANKING

- R.I. Geydarov, G.P. Kharchilava**
Impact of decentralised finance and blockchain technology
on the market capitalisation of companies 180

SOCIAL TECHNOLOGIES
AND PROCESSES

- N.A. Balbot, O.V. Kryshtanovskaya**
Poverty in the structure of Russian society..... 189
- G.V. Dovzhik, M.O. Sytnikova**
Motivation factors of gamification in educational process
for development of students' professional competencies..... 200
- P.S. Eroshik**
Stratification incompatibility in the social status of doctors
in the Russian state healthcare system 213
- V.A. Filippenko**
Reproductive behaviour of young people in the Tambov region:
demographic challenges and ways to overcome them..... 225
- S.S. Khodiachikh**
Regional differences and factors of spatial population
distribution of the Central Federal District
of the Russian Federation..... 237

CURRENT TRENDS
IN PSYCHOLOGY

- D.F. Aliev, N.A. Levkovskaya**
Personal competencies in career guidance 247
- N.N. Pomuran, M.A. Lukhmanova**
Reflection of the English-speaking world in the stereotypes
of students-translators 256
- N.A. Tsvetkova, K.E. Lagvilava**
Relationship of the tolerance index with basic beliefs
of Russian – citizens of the Russian Federation..... 265
- E.O. Shogenova**
Emotional intelligence as a factor of work motivation
in modern organisations 274

Анализ содержания процессно-ориентированной культуры в современных организациях

Башмаков Данил Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. современных технологий управления

ORCID: 0000-0001-8663-4757, e-mail: dv.bashmakov@mail.ru

МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Данная работа посвящена изучению содержания процессно-ориентированной организационной культуры. Основные вопросы в ней – существует ли состав универсальных ценностей, определяемых методологией менеджмента бизнес-процессов и соответствуют ли ему организационные культуры российских компаний? Для решения этих вопросов были выполнены три задачи исследования. Во-первых, с позиций номотетического подхода определены состав и взаимосвязи ценностей процессно-ориентированной культуры на основе идей, изложенных международным профессиональным сообществом в стандарте «Свод знаний по управлению бизнес-процессами». Во-вторых, проведена оценка наличия этих номотетически определенных ценностей в официальных заявлениях и документах российских компаний. В-третьих, изучена практика следования процессно-ориентированной культуре на основе анализа содержания и методов реализации проектов совершенствования бизнес-процессов в российских организациях. В результате проведенного исследования было установлено, что к универсальным ценностям процессно-ориентированной культуры следует отнести изменения, качество в аспектах клиентоориентированности и производительности, ответственность и сотрудничество. В заключении работы был сделан вывод об изоморфности организационных культур современных компаний. Высказано предположение, что это сходство обусловлено общими тенденциями развития общества, среди которых научно-технический прогресс, увеличение производственных возможностей и рост доступности образования и знаний в целом. Ввиду возможных перспектив этих тенденций также был сделан вывод о необходимости поддержания в современных организациях баланса универсальных ценностей процессно-ориентированной культуры посредством намеренного культивирования ответственности и сотрудничества.

Ключевые слова

Бизнес-процесс, ценности организации, организационные изменения, ответственность, организационная культура, качество, система коммуникаций, клиентоориентированность, сотрудничество, организационный изоморфизм, универсальные ценности, технологический прогресс

Для цитирования: Башмаков Д.В. Анализ содержания процессно-ориентированной культуры в современных организациях // Вестник университета. 2025. № 7. С. 5–16.

Analysis of the content of process-oriented culture in modern organisations

Danil V. Bashmakov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Modern Management Technologies Department
ORCID: 0000-0001-8663-4757, e-mail: dv.bashmakov@mail.ru

Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation – Russian Technological University, Moscow, Russia

Abstract

This article is devoted to the study of the content of process-oriented organisational culture. The main questions in it are whether there is a composition of universal values defined by the methodology of business process management and whether the organisational cultures of Russian correspond correspond to it. To solve these problems, three research tasks are performed. Firstly, the composition and interrelationships of values of the process-oriented culture are defined from the nomothetic approach based on the ideas set out by the international professional community in the standard “Guide to the Business Process Management Common Body of Knowledge”. Secondly, the presence of these nomothetically defined values in official statements and documents of Russian companies is assessed. Thirdly, the practice of following the process-oriented culture is studied based on the analysis of the content and methods of implementation of business process improvement projects in Russian organisations. As a result of the research, it has been found that the universal values of the process-oriented culture include change, quality in the aspects of customer orientation and productivity, responsibility and cooperation. In the article it is concluded that the organisational cultures of modern companies are isomorphic. It is suggested that this similarity is due to general trends in the development of society, among which are scientific and technological progress, increasing production capabilities, and growing availability of education and knowledge on the whole. In view of the possible prospects of these trends, it has also been concluded that it is necessary to maintain the balance of universal values of the process-oriented culture in modern organisations by deliberately cultivating responsibility and cooperation.

Keywords

Business process, organisational values, organisational changes, responsibility, organisational culture, quality, communication system, customer orientation, cooperation, organisational isomorphism, universal values, technological progress

For citation: Bashmakov D.V. (2025) Analysis of the content of process-oriented culture in modern organisations. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 5–16.

ВВЕДЕНИЕ

В определении процессно-ориентированной организационной культуры можно выделить два аспекта. В первую очередь это проявление отношений и поведения людей в контексте их взаимодействия в бизнес-процессах современных организаций. Именно взгляд на компанию как на множество последовательных действий, логика которых подчинена созданию продуктов, обладающих ценностью для разных заинтересованных сторон, лежит в основе методологического подхода BPM (англ. business process management – управление бизнес-процессами), и находит отражение в его культурном феномене. В этом аспекте охарактеризовать или оценить культуру становится возможным по фактическим действиям и общению членов относительно того, насколько они способствуют эффективной деятельности, – очевидно, что в условиях слаженного взаимодействия процессы могут протекать быстрее и соответствовать требуемому результату.

В ином аспекте процессно-ориентированная культура есть совокупность номотетически определенных профессиональным сообществом ценностей, общих для всех тех организаций, что намерены следовать стандартам BPM. С этой позиции методологические принципы, призванные обобщить совместный опыт управления бизнес-процессами, выступают ключевым аргументом в утверждении универсальных ценностей для регулирования взаимоотношения членов организации через воздействие на их поведенческие установки.

Оба аспекта должны сходиться в объяснении каждой конкретной ситуации – то есть, взаимодействуя в рамках бизнес-процессов, члены компании вырабатывают те же ценности, которые провозглашаются сообществом в лице Ассоциации профессионалов по управлению бизнес-процессами АВРМР (англ. Association of Business Process Management Professionals), а также в том, что следование номотетическому ряду ценностей процессно-ориентированной культуры менеджмента (или BPM-культуры) будет оказывать положительное влияние на успехи деятельности организации, и потому оно поддерживается руководством.

Следовательно, суть проблемы можно выразить в двух гипотезах: применение методов BPM приводит к определенной институционализации универсальных ценностей; декларируемые профессиональным сообществом универсальные ценности подкреплены практикой, и следование им положительно влияет на результаты организации.

Для проверки этих гипотез предлагается определить состав ценностей процессно-ориентированной культуры менеджмента на основе анализа содержания Свода знаний по управлению бизнес-процессами (англ. Business Process Management Common Body of Knowledge, далее – BPM СВОК) как актуального международного профессионального стандарта; проверить наличие ценностей BPM-культуры в отечественных организациях, успешная деятельность которых получила признание в профессиональном сообществе, на основе изучения их информационных материалов.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ В СВОДЕ ЗНАНИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ

Авторы BPM СВОК четвертой версии дают определение понятию культуры в параграфе 9.3.2 «Организационное проектирование» в следующем виде: «это то, как организация на самом деле работает. Она состоит из стиля руководства, отношения и привычек работников, а также практики управления, составляющих отличительную индивидуальность организации. Культура подобна воздуху, который проникает всюду, и она является одновременно причиной и следствием поведения организации. Культура отражает истинную философию и ценности, которые организация практикует в реальности. Таким образом, культура – это показатель того, насколько хорошо организация воплотила свою философию (организационную стратегию) на практике» [1, с. 358]. В этом определении следует выделить два важных признака. Первый из них – это сочетание двух вышеобозначенных аспектов – культура есть и причина, и следствие поведения организации одновременно, то есть и ее фактические проявления, и ее смысловые компоненты прагматичного назначения. Второй признак – намеренная индивидуализация, то есть культура должна отличать компанию от других через выражение ее философии и ценностей. По сути, это означает, что содержание организационной культуры должно быть неповторимо, что, как правило, обусловлено той уникальной потребительской ценностью, которую она создает. Однако очевидно, что наличие идентичных управленческих практик в организациях, в том числе связанных с BPM, будет способствовать формированию в них схожих черт культуры. Действительно, как это будет

показано далее, в ВРМ СВОК есть общие рекомендации к организационной культуре, которая, в соответствии с философией ВРМ, должна быть процессно-ориентированной, а именно обеспечивать общее понимание разных аспектов управления бизнес-процессами. Как минимум четыре ценности концентрируют в себе основные мысли ВРМ СВОК.

Ценность 1 – изменения. В ВРМ СВОК 4 заявлено, что «конечная цель инициативы ВРМ заключается в формировании процессной культуры, в которой организация воспринимает технологические и другие изменения...» [1, с. 373]. В стандарте рекомендуется сформировать лояльное отношение всех сотрудников к преобразованиям. Для этого руководству организации необходимо обеспечить верную интерпретацию сотрудниками причин предлагаемых в ней изменений. Это, в свою очередь, требует создания развитой системы эффективных коммуникаций и реализацию процессов сопровождающего программу изменений обучения. Основные аргументы ценности – часто наблюдаемое сопротивление сотрудников процессным инициативам, их негодование разрушениями привычного им порядка, страх увольнения, а также утраты полномочий и влияния [2]. Учитывая, что совершенствование процессов на основе внедрения новых технологий способствует росту производительности и действительно создает в организации возможности снижения трудозатрат, сопротивление сотрудников преобразованиям вполне может быть небезосновательным. Однако в отсутствие реальных угроз для них важно исключить восприятие изменений только как ради изменений во множестве неизвестных мотивов, связав их с обеспечением конкурентоспособности организации. Инвестиции же в обучение сотрудников будут свидетельствовать об их ценности для компании и способствовать вовлечению в процесс организационного развития с пониманием своей роли в нем.

Ценность 2 – качество. Качество есть такое сочетание свойств продукта, которое будет удовлетворять потребностям и требованиям клиентов и других заинтересованных сторон. Иными словами, это то, что хотят видеть в продукте рынок, общество. Формирование этой ценности связано с самой сутью методологии ВРМ, а именно с выстраиванием сквозного процесса, ориентированного на создание потребительской ценности. Оно сначала получило международное признание как один из принципов всеобщего управления качеством (англ. total quality management, далее – TQM). Ценность проявляется в том, что каждый сотрудник вносит свой вклад в общий результат деятельности организации, поскольку она представляет собой систему взаимосвязанных процессов, целостность которой позволяет определить ее как тотальную, или всеобщую.

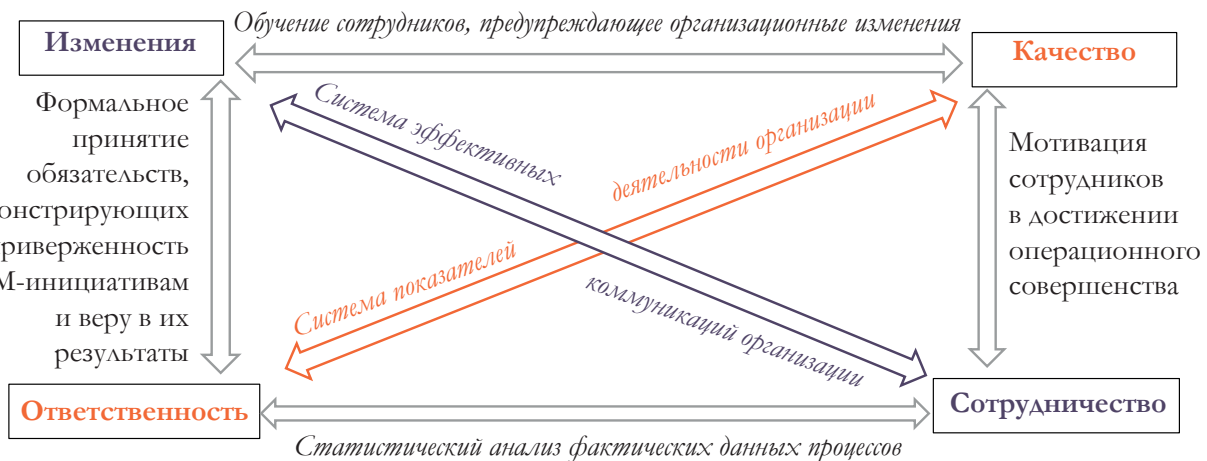
Создание потребительской ценности как достижение одной из целей ВРМ-инициатив возможно только через общее понимание тех свойств, которые должны быть воплощены в ней. Разделяемый всеми сотрудниками образ качества продукта позволяет провести различие между полезной и излишне выполняемой работой, способствуя их более высокой эффективности. В свою очередь, дифференциация процессов создает необходимый простор для творчества в разработке технологии деятельности, связанный с принятием решений о составе операций и методах их исполнения. Согласно ВРМ СВОК 4 эти решения должны демонстрировать операционное совершенство – достижение требуемого качества снижением объема используемых ресурсов. Отсюда в составе рассматриваемой ценности можно выделить еще два смыслообразующих компонента – это клиентоориентированность и производительность. Их связь и раскрывает суть качества – правильно делать правильные вещи. Проявлением же ценности качества в организации часто являются ее критерии решений в сфере кадрового управления – показатели оценки достижений, за которые вознаграждают сотрудников, способы их мотивации, критерии отбора и найма, основные направления обучения, развития талантов и векторы карьерного развития, а также условия формирования кадрового резерва.

Ценность 3 – ответственность. Ответственность буквально означает способность отвечать за свои поступки, действия. Иначе можно сказать, что будущие ответы человека служат причинами действий в настоящем. В ВРМ СВОК 4 выражением ответственности в организационной культуре являются следующие поведенческие принципы и установки, прежде всего высшего руководства. Во-первых, приверженность процессным инициативам, что оправдывает серьезность намерений руководства и других сотрудников по поводу изменений в организации. Во-вторых, наличие веры в успешное достижение результатов ВРМ-проектов, ее отсутствие в момент их инициации свидетельствует об игнорировании сомнений и оставленных без внимания возможных неблагоприятных исходов в проекте. В-третьих, постановка измеримых результатов, что требует более точной оценки последствий при принятии в настоящем

решений и проектировании действий. В-четвертых, следование принципу баланса полномочий и обязанностей, крайне важному для методологии BPM, поскольку в его основе лежит изменение способа распределения ответственности в организации. BPM ориентирована на устранение проблем и потерь эффективности при передаче ответственности между функциональными подразделениями. Для заполнения вакуума ответственности в межфункциональном взаимодействии BPM СВОК рекомендует введение роли владельца процесса в системе управления организации. Частым нарушением принципа баланса обязанностей и полномочий является назначение на эту роль человека, ответственного за весь цикл работы в нем, функционального руководителя среднего звена без расширения его полномочий, способного обеспечить надлежащее выполнение лишь части функций данного процесса, но не успешное достижение общего результата. В-пятых, ресурсное обеспечение решений, в особенности применительно к задачам развития организации, которые требуют, в частности, учитывать и компетентностный потенциал сотрудников.

Ценность 4 – сотрудничество. Процесс как предмет управления, согласно методологии BPM, обретает свою целостность в результате объединения работников разных должностей из разных отделов в совместную деятельность на основе их открытости и готовности к межфункциональному взаимодействию в организации. Одной из установок BPM СВОК в стремлении к сотрудничеству является следование моральному принципу отказа от осуждения людей, что позволяет избегать конфликтов и взаимного недоверия, в результате которых возможно блокирование успешной реализации процесса. В этом случае можно наблюдать заимствование философией BPM еще одного принципа TQM, который подробно разбирает в своих трудах Э. Деминг, а именно принципа анализа процесса на основе фактов, выявляемых посредством изучения статистической вариативности его результатов. Э. Деминг убедительно доказывает, что стабильные отклонения в процессе есть следствие, как правило, его недостаточной организации, а не чей-то вины в каждом отдельном случае. Для эффективной работы процесса важно устранить системные ошибки и те условия, которые приводят к его сбоям, а поиск виновного в этом мало чем поможет, тем более что понимание причин отклонений можно преобразовать в формализованное знание, доступное всем сотрудникам организации [3]. Проявлением ценности сотрудничества является бесконфликтное, вовлеченное и естественное общение работников по существующим проблемам организации и перспективам ее развития. Основанная на солидарности и доверии система коммуникаций компании способна обеспечить эффективность обучения, поскольку создает благоприятную среду для обмена знаниями [4].

Связи всех четырех ценностей обусловлены взаимоусиливающим влиянием средств реализации процессно-ориентированной культуры в организации, показанных на рисунке.

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Процессно-ориентированная культура организации в составе ценностей и средств их реализации

Применение этих средств культивирования вышеописанных ценностей должно помочь руководству организации достичь синергетического эффекта процессно-ориентированной культуры благодаря их сочетаемости с рекомендуемыми BPM-практиками.

ЦЕННОСТИ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЫ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЗАЯВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Рассмотрим, как представленные выше ценности проявляются в отечественных организациях, которые заявляют о применении методологии BPM. Разумеется, для начала следовало бы обратиться к их официальным сведениям и документам о содержании организационных культур. В качестве объекта исследования были выбраны 11 публичных компаний, которые участвовали в конкурсе «BPM-проект года», проводимого с 2017 г. АВРМР Russian Chapter при поддержке ИТ-кластера (ИТ – информационные технологии) Фонда «Сколково» и Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (далее – РФ, Россия)¹. В результате изучения информации на их официальных сайтах выяснилось, что только у двух компаний отсутствовал набор из всех четырех рассматриваемых ценностей. Во-первых, это публичное акционерное общество (далее – ПАО) «Промсвязьбанк», у которого заявлен набор всего из трех ценностей, где, за исключением качества, все остальные по своей сути полностью соответствуют содержанию процессно-ориентированной культуры:

- ценность изменений. «Широта взглядов. Мы смотрим шире на свои задачи и помогаем банку меняться»²;
- ценность ответственности. «Личная ответственность. Мы отвечаем за свои действия и решения»³;
- ценность сотрудничества. «Единая команда. Мы сотрудничаем для решения общих задач»⁴.

Вторая организация, где также из-за исключения качества отсутствует полный набор рассматриваемых ценностей, – это ПАО «Горно-металлургическая компания „Норильский никель“». В содержании культуры этой организации вместо заявлений о качестве присутствует вектор на безопасность, что, конечно, чрезвычайно значимо для горнодобывающих промышленных компаний. Однако все остальные ценности находят отражение в официальных формулировках:

- ценность изменений. «Эффективность – это главное стремление компании и стимул для развития профессиональных качеств каждого сотрудника. Каждый из нас умеет менять привычные подходы и меняться к лучшему – изменения должны быть заряжены энергией действия, иначе инерцию не преодолеть»;
- ценность ответственности. «Эффективность. Каждый из нас в ответе за общий результат – настоящие командные достижения невозможны без персональной ответственности за свой участок»;
- ценность сотрудничества. «Забота о людях – это основа сотрудничества и взаимодействия внутри наших коллективов. Каждый из нас поддерживает друг друга по делу и знает, как принести пользу... Каждый из нас уважает себя и проявляет уважение к другим – самоуважение позволяет не путать заслуженную критику с хамством, лидерство – с высокомерием, а уверенность в себе – с безразличием»⁵.

Итак, все 11 публичных компаний, участники конкурсов «BPM-проект года» разных лет, в официальных заявлениях своих организационных культур содержат три из четырех вышеописанных ценностей BPM-культуры, а 9 из них (более 80 %) имеют полный набор, включая четвертую ценность о качестве как клиентоориентированности и операционном совершенстве. Такое сходство в содержании является свидетельством их изоморфности и наличия общей культурной среды, в которой действуют эти компании. Данный вывод делается в пользу мнения сторонников институциональной теории о влиянии культуры общества на организацию [4].

Однако это заявления и призывы. На практике, например, одно из диагностических исследований корпоративной культуры в Информационно-вычислительном центре «Российских железных дорог» (далее – РЖД) показало, что не все сотрудники могут четко описать ценностно-смысловую составляющую деятельности организации [5]. Действительно, формирование политики на высших уровнях иерархии управления организацией и понимание этой политики на ее нижних «этажах» – не одно и то же.

ЦЕННОСТИ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЫ И СРЕДСТВА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В BPM-ПРОЕКТАХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Конечно, с учетом ограничений в объеме данной работы рассмотреть все компании не получится, поэтому в качестве объектов для дальнейшего анализа отберем лишь те из них, включая их дочерние

¹ BPM-проект года. Официальный сайт. Режим доступа: <https://bpaward.ru> (дата обращения: 22.04.2025).

² Карьерный портал ПСБ. О банке. Режим доступа: <https://job.psbank.ru/about> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Норникель. Новые корпоративные ценности. Режим доступа: <https://nornickel.ru/upload/iblock/buklet-po-cennostyam-181124.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

структуры, что неоднократно удостаивались наград от жюри этого конкурса. К таковым следует отнести открытое акционерное общество (далее – ОАО) «РЖД», ПАО «Сбербанк», ПАО «Норникель» и ПАО «ВТБ». На примере этих организаций выявим наличие стремления к ценностям процессно-ориентированной культуры в описаниях BPM-проектов, представленных ими на конкурс «BPM-проект года» в период с 2017 г. по 2024 г., а также выясним, какие средства и приемы они использовали для культивирования этих ценностей.

Ценность 1 – изменения. В ОАО «РЖД» наиболее явно она представлена в проекте «Фабрика роботизации бизнес-процессов» 2022 г.⁶ В его описании компания прямо признает, что основной трудностью было преодоление недоверия потенциальных внутренних заказчиков к технологии RPA (англ. robotic process automation – роботизированная автоматизация). Решить эту проблему компании удалось с помощью системы коммуникации и обучения. В первом случае она использовала популяризацию идеи через внутренний новостной портал, публикацию статей об эффективности технологии во внутренних изданиях, выступления на эту тему на конференциях внутри компании и доклады на разных уровнях управления и даже создала внутренний бренд проекта «Фабрика роботизации». Во втором случае ею был сформирован центр обучения по созданию и эксплуатации программных роботов. Необходимость повышения компетенций сотрудников бизнес-подразделений возникла и в компании ПАО «Норникель» при реализации похожего проекта «Миграция 100+ RPA-роботов без потери функциональности» 2024 г.⁷

Проблема страха пользователей при переходе на новые средства автоматизации решалась и в проекте «Автоматизация кредитного процесса для корпоративных клиентов» ПАО «Сбербанк» 2018 г.⁸ Во избежание этой проблемы внедрение сложных решений сопровождалось наличием дублирующих решений (как правило, старых средств автоматизации) до наступления периода стабилизации. Свидетельством распространения знаний в компании, поддерживающих организационные изменения, в этом проекте является использованная при его реализации корпоративная методика Sbergile, основанная на методологии гибкого управления. Этот инструмент обеспечивает в каждом конкретном проекте не только высокую скорость поставки конечной функциональности пользователю, но и непрерывное следование изменениям их потребностей. Методы agile используются и в ВТБ, в котором к 2021 г. было сформировано 227 agile-команд [6]. В частности, в описании проекта «ВТБ Онлайн» «Упрощенный налоговый вычет без документов» 2022 г. отмечены такие преимущества от применения гибких методов, как возможность вносить изменения в продукт даже на поздних стадиях его разработки и оперативное реагирование на обновления законодательства, изменения бизнес-требований, действия конкурентов и проявления прочих внутренних и внешних факторов их деятельности⁹.

Ценность 2 – качество. В описании предлагавшихся на конкурсах «BPM-проект года» проектов рассматриваемых здесь компаний сообщается о стремлении к двум ранее упоминавшимся аспектам качества – клиентоориентированности и операционной эффективности. В проектах «Внедрение сервиса дистанционной продажи билетов льготной категории пассажиров» ОАО «РЖД» 2023 г.¹⁰ и «Улучшение клиентского опыта за счет совершенствования процессов обслуживания пассажиров в поездах» Федеральной пассажирской компании 2024 г. клиентоориентированность достигалась с помощью метода построения клиентского пути. В последнем проекте сообщается об использовании индекса удовлетворенности пассажиров как корпоративного показателя эффективности компании, рассчитываемого для мотивации всех ее работников¹¹. В проекте ВТБ «Упрощенный налоговый вычет без документов» 2022 г., помимо индекса удовлетворенности потребителей CSI (англ. customer satisfaction index), проводилось также измерение индекса лояльности клиентов и готовности рекомендовать сервис NPS (англ. net promoter score), что связано со стремлением банка достичь уникального клиентского опыта посредством создания бесшовных сервисов.

⁶ BPM-проект года. Фабрика роботизации бизнес-процессов (ОАО «РЖД»). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2022/03/02/rzd2/> (дата обращения: 25.04.2025).

⁷ BPM-проект года. Миграция 100+ RPA-роботов без потери функциональности (Норникель). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2024/02/25/pornik-2/> (дата обращения: 25.04.2025).

⁸ BPM-проект года. Автоматизация кредитного процесса для корпоративных клиентов (Сбербанк). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2019/01/23/sberbank-3/> (дата обращения: 25.04.2025).

⁹ BPM-проект года. Упрощенный налоговый вычет без документов (ВТБ Онлайн). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2022/01/24/onlinevtb-ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁰ BPM-проект года. Внедрение сервиса дистанционной продажи билетов льготной категории пассажиров (ОАО «РЖД»). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2023/02/28/center-rzd-ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹¹ BPM-проект года. Улучшение клиентского опыта за счет совершенствования процессов обслуживания пассажиров в поездах дальнего следования (Федеральная пассажирская компания). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2024/03/01/fpk/> (дата обращения: 25.04.2025).

В ПАО «Сбербанк» в проекте «Автоматизация кредитного процесса для корпоративных клиентов» 2018 г. ориентация на потребителя обеспечивалась построением клиентоцентричной базы данных с последующим ее применением для персонализации предложений банка, а также омниканальностью на основе Единой фронтальной системы и единого стандарта обслуживания во всех каналах взаимодействия с клиентом – в офисах, в мобильном приложении, браузере и телефоне. Аналогичный подход применялся и компанией «Норникель» в 2023 г. в проекте «Комплексная автоматизация бизнес-процессов на платформе K2» для внутренних пользователей¹².

Стремление к операционной эффективности наиболее явно представлено в проектах роботизации процессов, среди них «Фабрика роботизации бизнес-процессов» ОАО «РЖД», в котором было создано более 1 тыс. программных роботов, заменяющих работу почти 400 квалифицированных специалистов, и «Миграция 100+ RPA-роботов без потери функциональности» компании «Норникель», где был использован такой метод контроля качества, как трехэтапное тестирование разработчиком, архитектором и бизнес-заказчиком, что позволило сократить до нуля возврат продукта на доработку.

Ценность 3 – ответственность. Примерами следования этой ценности являются проекты ВТБ «Цифровизация социальных выплат в партнерстве с государством»¹³ и «Упрощенный налоговый вычет без документов» 2023 г. и 2022 г. соответственно. Формальные обязательства и приверженность BPM-инициативам со стороны руководства выражались в них в том, что из состава правления выделялся куратор с прямыми полномочиями над специально созданными ответственными структурами. Всего под непосредственным подчинением курирующего члена правления в банке было создано более 50 стримов – независимых подразделений, которые теперь самостоятельно, от идеи до ее реализации, развивают бизнес-процессы. В частности, за осуществление двух выпенензанных проектов отвечал стрим «Госуслуги».

Также следует отметить, что эта ценность в методологии BPM реализуется через управление на основе фактических данных и метрик. Поэтому решение этих задач в описании проекта «Управление бизнес-процессами» по внедрению в ПАО «Сбербанк» BPM-технологии замкнутого цикла в 2017 г. является также примером следования компанией ценности ответственности¹⁴.

Ценность 4 – сотрудничество. Ориентация на совместную деятельность означает отказ от разрушающих отношения действий, уважение мнения других и признание приоритета людей и коммуникаций между ними над формальными процессами и организационными инструментами. В такой трактовке сотрудничество является одной из ценностей agile [7], и на это непосредственным образом указано в описании проектов ВТБ. В компании руководствуются принципом one team – one goal (англ. одна команда – одна цель), вследствие чего нормами становятся отказ от обвинений кого-либо в неудачах, открытые обсуждения, стремление к разбору ситуации, уважение мнения своих коллег и поиск возможностей оперативного решения проблем на основе взаимной поддержки.

Следствием применения принципов гибкого управления в контексте сотрудничества является также практика вовлечения заказчиков и пользователей продукта в его разработку, которая, например, была использована в проекте 2024 г. «Миграция 100+ RPA-роботов без потери функциональности» компании «Норникель»¹⁵.

Свидетельством наличия ценности сотрудничества является и ориентация в BPM-проектах на вовлеченность широкого круга лиц, что обычно требует согласования разных интересов в достижении результатов и обеспечения соответствия их метрик мотивам этих лиц. Например, в проекте 2018 г. ПАО «Сбербанк» «Автоматизация кредитного процесса для корпоративных клиентов» совершенствуемый бизнес-процесс представлял собой комплекс взаимодействий различных подразделений банка. В нем задействовано более 70 различных ролей, и по каждой из них был обеспечен контроль последовательности и сроков выполнения операций.

В проекты ВТБ «Цифровизация социальных выплат в партнерстве с государством» и «Упрощенный налоговый вычет без документов» 2023 г. и 2022 г. соответственно были вовлечены коллеги из смежных

¹² BPM-проект года. Комплексная автоматизация бизнес-процессов на платформе K2 (ПАО «ГМК «Норильский никель»). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2023/01/27/nornik-ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹³ BPM-проект года. Цифровизация социальных выплат в партнерстве с государством (Банк ВТБ). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2023/02/16/vtb-ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁴ BPM-проект года. Комплексная автоматизация бизнес-процессов на платформе K2 (ПАО «ГМК «Норильский никель»). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2023/01/27/nornik-ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁵ BPM-проект года. Миграция 100+ RPA-роботов без потери функциональности (Норникель). Режим доступа: <https://bpmaward.ru/2024/02/25/nornik-2/> (дата обращения: 25.04.2025).

подразделений банка и организовано непрерывное взаимодействие с рядом ведомств Пенсионного фонда РФ, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России, Федеральной налоговой службы и др.

В итоге можно сделать вывод о том, что заявленные выше ценности ВРМ-культуры присутствуют не только в ВРМ СВОК, но и в официальных источниках и документах рассматриваемых компаний как элементы их организационных культур, и даже более того – стремление к ним находит фактическое выражение в конкретных способах и приемах реализации реальных ВРМ-проектов. Проведенный в работе анализ также показывает изоморфность организационных культур современных компаний, которые оказываются идентичными по составу и смыслу их ценностей в силу общего процессно-ориентированного содержания.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЫ

Методология ВРМ сама по себе является культурным феноменом развития общества. Сформированные в ней ценности отражают эволюцию мысли менеджмента ввиду тех изменений, что происходили в организациях в контексте общих исторических событий на протяжении почти двух столетий в разных странах. В связи с этим для наилучшего понимания роли данных универсальных ценностей сегодня целесообразно в заключение сделать предположения о тех значимых событиях и тенденциях, которые вели к их распространению.

Исходным, поворотным пунктом в развитии общества на пути к ценностям современного менеджмента в целом стала первая треть XIX в., когда осуществлялся переход от первой промышленной революции ко второй. С одной стороны, широкое распространение получила механизация труда в текстильной, а потом и в других отраслях промышленности, а с другой – началось применение паровых машин в судоходстве и строительстве железных дорог. Так, по мнению А. Чандлера, менеджмент появился в Соединенных Штатах Америки в середине XIX в. в железнодорожных компаниях, на 40–50 лет раньше, чем в промышленности [8]. С этого времени смена технологий, приводящая к кардинальным изменениям хозяйственного быта, происходила в пределах человеческой жизни и переживалась на индивидуальном личном уровне. Всякий раз появление новых технологий завораживало людей своей мощью и подогревало их любопытство к новым открытиям – в обществе укоренялись идеи научно-технического и социального прогресса, подготовленные предыдущей эпохой Просвещения. В этих идеях прогрессивизма и зарождается культура инноваций, выраженная в стремлениях общества к самообновлению, принятии им новшеств в способах удовлетворения своих потребностей и ожиданиях постоянных улучшений в социальном порядке.

Однако к середине XIX в. в обществе стали возникать противоречия – рост промышленности требовал все больше рабочей силы, до сих пор скованной крепостным правом или отношениями рабовладения. Отказ от принудительных форм труда в этот период в разных странах не только дал свободу все большему числу людей, но и стал ключевым условием для формирования культуры ответственности, ценности которой еще только требовалось воспитать – широкие массы людей должны были понимать обстоятельства своих решений и возможные последствия своего поведения, причем в череде сменяющихся технологических укладов. В связи с этим к началу XX в. в разных странах начинает распространяться система всеобщего образования – задача, по-прежнему не решенная в масштабах человечества. Способствуют этому и средства массовой информации, которые в указанный период достигают эффекта влияния на общественное мнение, особенно радио, доступное широким массам людей. В этот же период фабричная система производства начинает сменяться системой массового производства, образцовыми примерами которого стали автомобильный завод Г. Форда и предприятия Т. Бати. В этих условиях, помимо необходимости обеспечения унифицированного стандартного качества, возникает и потребность в сотрудничестве для его достижения на основе углубления разделения труда и концентрации всего производственного процесса в одном месте. Методы работы на предприятиях массового производства формируют поведенческие нормы людей индустриальной эпохи, через них происходит культивирование качества и коллективной солидарности. Так в период с первой трети XIX в. и по первую треть XX в. в обществе формируется база тех ценностей, – инновации, качество, ответственность и сотрудничество – которые определяют дискурс в менеджменте и организационных практиках социума вплоть до середины XX в., когда появляются тенденции потребительства, или консьюмеризма.

После Второй мировой войны конфигурация потенциалов четырех ценностей меняется. Если ценности изменений (инноваций) и качества культивируются естественным образом в силу тенденций, присущих динамике общества, то ценности ответственности и сотрудничества ввиду действия этих же тенденций нуждаются, скорее, в защите и намеренной культивации. К естественным тенденциям следует отнести, во-первых, рост товарного разнообразия и устойчивого профицита на товарном рынке, возникновение общества потребления, укореняющего ценность качества посредством усиливающейся маркетинговой активности в социуме, а во-вторых, автоматизацию и следующую за ней цифровизацию производства, в условиях которых возникает ориентация на поиск и внедрение новых технологий и непрерывных циклов организационных изменений ради роста производительности, что в итоге приводит к усилению первой тенденции. Эти же тенденции оказывают обратное, разрушающее или как минимум ослабляющее воздействие на другие ценности – ответственность и сотрудничество, которым тем не менее в современном обществе альтернативы пока нет, а потому они нуждаются в культивировании в организациях для надлежащего выполнения людьми своих социальных ролей.

Культ сотрудничества, особенно в аспекте коллективной солидарности, часто увязывают с технологиями производственной деятельности, в которую вовлечены члены того или иного сообщества, или вовсе с отраслевой структурой экономики. Например, коллективизм свойственен народам, веками занимавшимся выращиванием риса, так как это требует общих усилий по созданию системы орошения полей [9]. Следовательно, ценность сотрудничества была обусловлена взаимной нуждой людей друг в друге в производственном процессе для достижения его целей. Сегодня технологические тенденции размыкают эту связь между людьми, а, по мнению Э.С. Райнерта, технологическое развитие и прогресс всегда имели логику соревнования, а не сотрудничества [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящий же момент очевидно, что распространение автоматизации приводит к исключению человека из производственных процессов, дает возможность заниматься производительным трудом без прямого контакта с другими работниками, исчезает существовавшее прежде требование объединения физических усилий индивидов. Аналогичным образом развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) уменьшает роль человеческого мнения в созидательной деятельности. Со временем количество систем ИИ, существующих только как компьютерные программы, превысит число людей. Общественные отношения будут трансформированы «посредством вычислительных абстракций в безэмоциональный системно-виртуальный мир, в котором индивид „морально устаревает“ относительно требований новейших технологий» [11, с. 602]. Уже сегодня связь между людьми в производственном процессе все чаще опосредована информационно-коммуникационными технологиями в сети интернет, при этом разделение труда даже в пределах одной организации может иметь глобальный характер и предполагать обезличенное и эмоционально обедненное взаимодействие неизвестных друг другу сотрудников без регулярного общения с руководителем [12].

Исследования шестого и седьмого технологических укладов показывают, что примерно к 2040 г. менеджмент как координатор отношений «человек – человек» может стать бессмысленным, его роль в концепции безлюдного роботизированного производства будет играть ИИ [11]. В ситуации отсутствия внешней необходимости постоянного общения с другими членами коллектива формирование ответственности ограничено из-за отсутствия тех субъектов, по отношению к которым она должна была проявиться [9]. Ценность ответственности из плоскости труда как совместной деятельности мигрирует в плоскость рыночных отношений в качестве ориентации на потребителя. Если в первом случае человек имел возможность руководствоваться групповым интересом через непосредственное общение с коллегами, то во втором случае его оценка своих усилий обусловлена агрегацией покупательских решений в виде получаемого дохода, как правило, без установления личных отношений. В таких обстоятельствах культура сотрудничества выражает нормы не столько достижения общего результата через объединение индивидуальных усилий, сколько стремления к благосостоянию через рост рыночных транзакций. При этом нынешний уровень благосостояния в отдельных странах достиг такой величины, что у трудоспособного человека появляется возможность жить исключительно за счет труда других людей, получая так называемый безусловный базовый доход. Иными словами, современные технологии производства предполагают создание такого

объема валового продукта, который уже не требует полного участия трудоспособных членов общества в совместной деятельности, снижая для них ценность сотрудничества.

В итоге организации сегодня вынуждены обеспечивать баланс ценностей – если изменения и качество для них имеют естественные стимулы устремления к ним для сохранения своей конкурентоспособности, то применительно к ответственности и сотрудничеству такие стимулы ослабевают, и из-за отсутствия их альтернатив руководству следует проводить намеренное культивирование этих ценностей посредством организационных практик.

Список литературы

1. Бенедикт Т., Кирхмер М., Шфарсиг М., Франц П., Саксена Р., Моррис Д. и др. Свод знаний по управлению бизнес-процессами: BPM СВОК 4.0. Пер. с англ. А. Матусевич. М.: Альпина Паблишер; 2022. 504 с.
2. Грошев И.В., Мэни Х. Управление цифровой трансформацией организационной культуры и формирующих ее факторов в условиях цифровизации. Вестник университета. 2024;11:5–13. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-5-13>
3. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. Пер. с англ. Ю. Адлера, В. Шпера. М.: Альпина Паблишер; 2017. 417 с.
4. Ци Ж. Управленческая культура как часть организационной культуры в формировании и реализации стратегии организации. Вестник университета. 2021;4:25–31. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-25-31>
5. Верещагина Л.С., Кублин И.М., Ольхова Л.А., Воронов А.А. Маркетинговый инструментарий корпоративной культуры транспортно-логистического бизнеса. Экономика устойчивого развития. 2022;2(50):44–48. https://doi.org/10.37124/20799136_2022_2_50_44
6. Мандрон В.В., Будаев Н.С., Потоцкая А.А., Сидорина Т.Н. Трансформация системы цифровизации бизнес-процессов в Банке ВТБ (ПАО). Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021;2:70–79. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-70-79>
7. Мартин Р. Чистый agile. Основы гибкости. Пер. с англ. И.Р. Сигаилука, Е.П. Матвеева. СПб.: Питер; 2022. 272 с.
8. Шпотов Б.М. Теория эволюции фирмы Альфреда Д. Чандлера и пути развития промышленности. В кн.: Экономическая история: ежегодник. М.: Российская политическая энциклопедия; 2009. С. 21–50.
9. Меренков А.В. Культура сотрудничества: теоретико-методологический анализ. Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019;4(194(14)):5–16.
10. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер. с англ. Н. Автономовой. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2016. 384 с.
11. Никулин А.Ф., Великороссов В.В., Филин С.А., Ланчаков А.Б. Искусственный интеллект и трансформация менеджмента. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020;4(485(16)):600–612. <https://doi.org/10.24891/ni.16.4.600>
12. Жерегеля А.В. Особенности управления современной организацией при реализации стратегии цифровой трансформации. Вестник университета. 2023;1:5–13. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-5-13>

References

1. Benedict T., Kirchmer M., Scarsig M., Frantz P., Saxena R., Morris D. et al. BPM CBOK Version 4.0. Guide to the Business Process Management Common Body of Knowledge. Trans. from Eng. A. Matusевич. Moscow: Alpina Publisher; 2022. 504 p. (In Russian).
2. Groshev I.V., Menin H. Managing digital transformation of organisational culture and its shaping factors in the context of digitalisation. Vestnik universiteta. 2024;11:5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-5-13>
3. Deming W. Out of the crisis. The new paradigm of managing people, systems and processes. Trans. from Eng. Yu. Adler, V. Shper. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 417 p. (In Russian).
4. Zi G. Management culture as part of the organizational culture in the formation and implementation of the organization's strategy. Vestnik universiteta. 2021;4:25–31. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-25-31>
5. Vereshchagina L.S., Kublin I.M., Olkhova L.A., Voronov A.A. Marketing tools of the corporate culture of the transport and logistics business. Economics of Sustainable Development. 2022;2(50):44–48. (In Russian). https://doi.org/10.37124/20799136_2022_2_50_44
6. Mandron V.V., Budaev N.S., Pototskaya A.A., Sidorina T.N. Transformation of digitalization system of business processes at VTB Bank, PJSC. Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2021;2:70–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-70-79>
7. Martin R. Clean agile. Back to basics. Trans. from Eng. I.R. Sigailyuk, E.P. Matveev. St. Petersburg: Piter; 2022. 272 p. (In Russian).
8. Shpotov B.M. The theory of enterprise evolution by Alfred D. Chandler and the ways of industrial development. In: Economic history: yearbook. Moscow: Political Encyclopedia Publishers; 2009. Pp. 21–50. (In Russian).

9. *Merenkov A.V.* Culture of cooperation: theoretical and methodological analysis. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences.* 2019;4(194(14):5–16. (In Russian).
10. *Reinert E.S.* How rich countries got rich... and why poor countries stay poor. Trans. from Eng. N. Avtonomova. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2016. 384 p. (In Russian).
11. *Nikulin L.F., Velikorosov V.V., Filin S.A., Lanchakov A.B.* Artificial intelligence and the management transformation. *National Interests: Priorities and Security.* 2020;4(485(16):600–612. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ni.16.4.600>
12. *Zheregelya A.V.* Features of modern organization management when implementing a digital transformation strategy. *Vestnik universiteta.* 2023;1:5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-5-13>

Клиентоцентричность и клиентократия: эволюция подходов в государственном управлении

Разгуляев Валерий Юрьевич

Управляющий экспертизой

ORCID: 0009-0007-8634-2659, e-mail: vrazgulyaev@beyond-taylor.com

Головин Андрей Аркадьевич

Канд. экон. наук, ведущий специалист-исследователь Центра научной экспертизы

ORCID: 0000-0003-3976-6540, e-mail: agolovin@beyond-taylor.com

Шамаева Екатерина Федоровна

Канд. техн. наук, лидер научного изучения клиентократии

ORCID: 0000-0002-1070-8550, e-mail: eshamaeva@beyond-taylor.com

Общество с ограниченной ответственностью «Бейонд Тэйлор», г. Москва, Россия

Аннотация

Трансформирование подходов к государственному управлению имеет нарастающую тенденцию использования успешного предпринимательского опыта, доказанного многолетней практикой на рынке. Исследование ставит целью осуществление сравнительного анализа двух современных концепций государственного управления через удовлетворение потребностей клиентов – клиентоцентричности и клиентократии. Описана хронология появления клиентоцентричного подхода в системе стратегического планирования Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Клиентоцентричность выступает механизмом внедрения идеи сервисного государства. Впервые введены этапы перехода к концепции клиентоцентричности в государственном управлении России. Описаны ценности, принципы, направления и миссия РФ как клиентоцентричного государства. Выделены категории граждан, на которые распространяются стандарты клиентоцентричности. Дана оценка результатов внедрения клиентоцентричного подхода в оказании федеральных и региональных услуг в 2023 г. На примере опыта успешных российских компаний «ВкусВилл», «Агама», «ХимРар» описан методологический подход клиентократии как новой концепции управления коммерческими и государственными организациями. Рассмотрены принципы, элементы, этапы и инструменты клиентократии, применимые для использования в системе государственного управления. Показан прецедент создания Российской системой качества и группой инновационных компаний государственно-частного партнерства в виде компании «Бейонд Тэйлор» по разработке и внедрению более эффективных стандартов управления. Представлены отличия клиентократии от классического бюрократического подхода к управлению. В работе сделаны выводы о непротиворечивости двух концепций. При этом клиентократия эволюционно вбирает в себя лучшие подходы клиентоориентированности, клиенто- и человекоцентричности и интегрирует их в отдельную методологию с учетом российской практики.

Ключевые слова

Клиентоцентричность, клиентократия, государственное управление, концепции управления, бюрократия, клиентоцентричное государство, клиент, удовлетворение потребностей, ценности клиентоцентричного государства, субъектность, качество жизни

Для цитирования: Разгуляев В.Ю., Головин А.А., Шамаева Е.Ф. Клиентоцентричность и клиентократия: эволюция подходов в государственном управлении // Вестник университета. 2025. № 7. С. 17–31.

© Разгуляев В.Ю., Головин А.А., Шамаева Е.Ф., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Client-centricity and clientocracy: evolution of approaches in public administration

Valery Yu. Razgulyaev

Head of Expertise

ORCID: 0009-0007-8634-2659, e-mail: vrazgulyaev@beyond-taylor.com

Andrei A. Golovin

Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Centre for Scientific Expertise

ORCID: 0000-0003-3976-6540, e-mail: agolovin@beyond-taylor.com

Ekaterina F. Shamaeva

Cand. Sci. (Engr.), Leader of Scientific Study of Clientocracy

ORCID: 0000-0002-1070-8550, e-mail: eshamaeva@beyond-taylor.com

Limited liability company “Beyond Taylor”, Moscow, Russia

Abstract

Transformation of approaches to public administration has an increasing tendency of using successful entrepreneurial experience proven by long-term practice in the market. The research is aimed to perform a comparative analysis of two modern concepts of government administration through meeting customers' needs – client-centricity and clientocracy. The article examines the history of formation of a client-centric approach in the strategic planning system of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia). Client-centricity serves as a mechanism for implementing the idea of a service state. For the first time, stages of transition to the concept of client-centricity in public administration of Russia are introduced. Values, principles, directions, and mission of the RF as a client-centric state are described. Categories of citizens to whom the standards of client-centricity apply are identified. The results of implementation of a customer-oriented approach in provision of federal and regional services in 2023 are assessed. Methodological approach of clientocracy as a new concept of management of commercial and state organisations is described using the example of experience of successful Russian companies “VkusVill”, “Agama”, and “ChemRar”. Principles, elements, stages, and tools of clientocracy applicable for use in the public administration system are considered. We show the precedent of creation of a public-private partnership by the Russian Quality System and a group of innovative companies in the form of “Beyond Taylor” company for development and implementation of more effective management standards. The differences between clientocracy and classical bureaucratic approach to management are presented. The paper draws conclusions about consistency of the two concepts. At the same time, clientocracy evolutionarily absorbs the best approaches of client-orientation, client- and human-centricity and integrates them into a separate methodology taking into account the Russian practice.

Keywords

Client-centricity, clientocracy, public administration, management concepts, bureaucracy, client-centric state, client, satisfaction of needs, values of client-centric state, subjectivity, quality of life

For citation: Razgulyaev V.Yu., Golovin A.A., Shamaeva E.F. (2025) Client-centricity and clientocracy: evolution of approaches in public administration. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 17–31.

ВВЕДЕНИЕ

Повестка разработки и внедрения эффективных концепций управления организациями с государственным участием приобрела значимость в условиях современной социально-экономической турбулентности. Классические подходы к управлению, выработанные Ф.У. Тейлором и Н. Винером еще в XIX–XX вв., требуют не столько адаптации, сколько создания новой теории управления. Такие мнения высказываются смелыми учеными на международных научных конференциях. Пока наука и практика управления планомерно идут по пути совершенствования существующих подходов к управлению организациями, подготавливая тем самым почву для новой теории.

Знаменательной вехой в данном движении выступает обращение внимания системы государственного управления к ценностно обусловленным потребностям граждан. Клиентоориентированный, а затем и клиентоцентричный подходы к удовлетворению потребностей человека прошли становление в бизнес-практике, а с 2022 г. укрепляют свои позиции в федеральном проекте «Государство для людей»¹, который появился в результате стратегической инициативы клиентоцентричности. Правительство Российской Федерации (далее – РФ, Россия) поставило цель – выстраивание клиентоцентричного государства, где каждая жизненная потребность гражданина-клиента будет удовлетворена через совокупность сервисов и услуг.

В данной статье осуществлен обзор ключевых концепций клиентоцентричности и клиентократии, направленных на повышение качества жизни населения.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – клиентоориентированные концепции управления. Предмет – организационно-управленческие подходы к удовлетворению потребностей клиентов в системе государственного управления.

В исследовании применены общенаучные методы теоретического, эмпирического и общелогического характера. В рамках предмета исследования подвергнуты изучению социально-экономические, нормативно-правовые условия. Разработка темы проходила с учетом научных принципов комплексности, детерминизма, дополненности и др. Указанные принципы и методы позволили осуществить сравнительный анализ клиентоцентричности и клиентократии как передовых концепций управления в условиях формирования клиентоцентричного государства.

КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РФ

Деятельность органов публичной власти России по устойчивому социально-экономическому развитию строится посредством системы документов стратегического планирования. Система формирует иерархию уровней, участников, периодов, а также принципы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования документов.

Политика органов публичной власти РФ реализуется через исполнение национальных целей развития, обновленных Указом Президента России в мае 2024 г.² На период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. определено 7 национальных целей. Они связаны с обеспечением демографического, здоровьесберегающего, патриотического, экономического, цифрового, безопасного, инфраструктурного, технологического и других направлений развития. Целевой задачей к 2030 г. ставится повышение уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных служащих, условиями и предоставляемыми услугами в разных сферах.

Стратегические приоритеты по достижению национальных целей развития с взаимоувязкой государственных программ и национальных проектов конкретизированы в одноименном едином плане Правительства России³.

Разработка концепции государственного управления по клиентоцентричности является результатом политики Правительства РФ по формированию более гибкой экономики услуг и повышению их качества.

¹ Федеральный проект «Государство для людей». Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/ (дата обращения: 10.03.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <https://base.garant.ru/408992634/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402829258/> (дата обращения: 10.03.2025).

Можно отметить, что клиентоцентричность является одним из подходов к идее сервисного государства, где в центре внимания находится клиент (физическое или юридическое лицо), а не только услуга и удовлетворенность клиента от ее предоставления.

Историю перехода к концепции клиентоцентричности в государственном управлении условно можно разделить на три этапа:

- 1) создание предпосылок для внедрения (2021 г.);
- 2) создание нормативно-правового обеспечения (2022 г.);
- 3) переход к активному внедрению клиентоцентричного подхода (с 2023 г.).

На первом этапе в 2021 г. рабочими группами при Правительстве России были проанализированы востребованные идеи и утверждены 42 инициативы социально-экономического развития, призванные дополнить государственные программы и национальные проекты⁴. В направлении «Государство для граждан» появилась инициатива национальной клиентоцентричности. При этом клиентоцентричность отнесена к национальной цели цифровой трансформации управления. Предполагается, что ее формирование будет содействовать более внимательному отношению органов публичной власти к потребностям и интересам граждан. Оказание государственных услуг (далее – госуслуги) должно производиться комплексно с учетом конкретных жизненных ситуаций, а также необходимо уменьшать время и количество требуемых документов. Внедрение клиентоцентричного подхода должно содействовать формированию новой культуры простого и удобного взаимодействия государства, граждан.

Для апробации инструментов, обеспечивающих внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении, проведен эксперимент. Участие в эксперименте приняли заинтересованные федеральные органы государственной власти (далее – ФОИВ), субъекты России и другие организации⁵.

На втором этапе в 2022 г. запущен соответствующий федеральный проект «Государство для граждан»⁶, включенный в государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Под клиентоцентричностью понимается концепция государственного управления, ориентированная на постоянное совершенствование процессов удовлетворения потребностей клиента на основе непрерывного изучения клиентского опыта. Клиентоцентричный подход заключается в изучении клиентского опыта с целью выявления потребностей и их удовлетворения, осуществляемого с привлечением клиента⁷.

Принятая Декларация ценностей клиентоцентричности (далее – Декларация) «провозглашает переход к клиентоцентричной модели государственного управления и организации государственных функций и услуг, основанной на обеспечении эффективного и комфортного взаимодействия человека и государства за счет анализа актуальных потребностей и клиентского опыта человека»⁸. Внедрение клиентоцентричной модели должно способствовать решению целого ряда задач, в частности удобства взаимодействия органов публичной власти и гражданина.

В Декларации формулируется миссия России как клиентоцентричного государства: «обеспечивать достойную жизнь людей, а также спокойствие и уверенность в любой жизненной ситуации, помогая каждому человеку решать свои задачи и оказывая незримую поддержку, когда она требуется»⁹.

Клиентоцентричное государство фокусируется на человеке, опираясь на эмпатию (чуткость и внимательность), профессионализм и честность (рис. 1).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402792803/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2021 г. № 3878-р «О проведении эксперимента по апробации инструментов, обеспечивающих внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403221094/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁶ Федеральный проект «Государство для людей». Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/ (дата обращения: 10.03.2025).

⁷ Государство для людей. Официальный сайт. Режим доступа: <https://государстводлялюдей.рф/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁸ Декларация ценностей клиентоцентричного государства – текстовая версия. Режим доступа: https://mfnsnso.nso.ru/sites/mfnsnso.nso.ru/wodby_files/files/page_6176/deklaraciya_klientocentrichnosti.pdf?ysclid=mdyl8mow5a532383089 (дата обращения: 10.03.2025).

⁹ Там же.

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

Рис. 1. Подход к деловой культуре клиентоцентричного государства

Основные метрики внедрения ценностей клиентоцентричности описываются вокруг роста уровня удовлетворения качеством госуслуг, в результате которого РФ должна войти в десятку стран-лидеров; созданию достаточного набора жизненно важных услуг; наличия постоянной обратной связи от клиентов-граждан и возможности совершенствования услуг на основе обратной связи.

Стандарты клиентоцентричности разработаны по трем направлениям: «Государство для людей», «Государство для бизнеса» и «Стандарт для внутреннего клиента». Таким образом, выделено три категории клиентов для государства: граждане как физические лица, бизнес как юридические лица (в том числе индивидуальные предприниматели и самозанятые), внутренний клиент как работник органов публичной власти или уполномоченных на оказание госуслуг организаций. Для каждой из трех категорий сформулированы принципы (табл. 1). Ценности и принципы взаимосвязаны, применяются в совокупности, дополняя друг друга и образуя единую систему.

Таблица 1

Ценности и принципы клиентоцентричного государства

Стандарт		
«Государство для людей»	«Государство для бизнеса»	«Стандарт для внутреннего клиента»
Ценность равного доступа		
Учет особенностей каждого клиента. Построение услуг и сервисов вокруг потребностей клиента	Клиент в центре деятельности. Доступность	Учитывать особенности каждого клиента и устранять административные и иные барьеры. Адаптировать услуги и функции под потребности человека
Ценность эффективности и удобства		

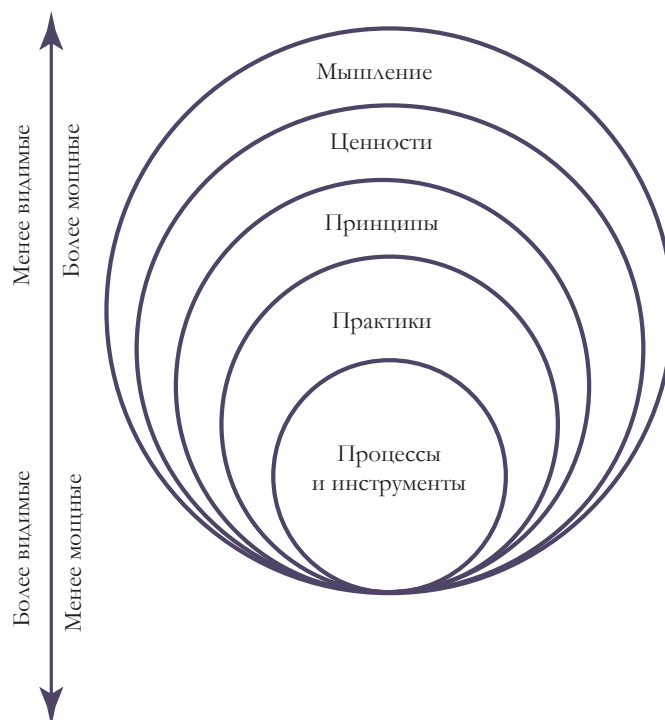
¹⁰ Декларация ценностей клиентоцентричного государства – текстовая версия. Режим доступа: https://mfnsnso.nso.ru/sites/mfnsnso.nso.ru/wodby_files/files/page_6176/deklaraciya_klientocentrchnosti.pdf?ysclid=mdyl8mow5a532383089 (дата обращения: 10.03.2025).

Стандарт		
«Государство для людей»	«Государство для бизнеса»	«Стандарт для внутреннего клиента»
Решение задач клиента вместо исполнения формальных функций. Использование наиболее простых и удобных методов решения задачи. Обеспечение экономической эффективности процедур и правил	Удобство и скорость. Сервисная культура. Результативность	Решать задачи клиента, а не исполнять обязанности формально. Находить и использовать наиболее простой и удобный путь к решению задачи. Обеспечивать экономическую эффективность процедур и правил
Ценность единства и целостности		
Принятие решений на основе достоверных данных. Последовательность в принятии решений и осуществлении действий	Принятие решений на основе достоверных данных. Последовательность в принятии решений и осуществлении действий	Действовать на опережение, повышая качество услуг и сервисов, оперативно устраняя выявляемые недостатки. Тестировать и внедрять инновации, экспериментировать
Ценность постоянного повышения качества и проактивности		
Опережающие действия, повышение качества, устранение ошибок. Внедрение инноваций. Проактивность	Открытость и вовлеченность. Внедрение инноваций. Проактивность	Выступать единой командой для решения задач клиента. Устранять межведомственные дублирования и противоречия
Ценность объективности и беспристрастности		
Предоставление актуальной информации, мотивирование принимаемых решений. Поощрение обратной связи, признание имеющихся проблем	Разумность регулирования. Недопустимость возложения избыточных издержек. Справедливость	Принимать решения, опираясь на достоверные данные. Соблюдать последовательность в принятии решений и действиях
Ценность открытости и прозрачности		
Открытость. Прозрачность	Достоверность. Постоянное совершенствование	Приветствовать обратную связь, признавать проблемы, если они есть. Представлять актуальную информацию, объяснять принимаемые решения
Ценность взаимного доверия и безопасности		
Выполнение обещаний. Гарантия безопасности взаимодействия с государством и конфиденциальности данных. Ответственность	Безопасность и конфиденциальность. Ответственность. Минимизация контроля (надзора)	Исполнять публично взятые обязательства и честно сообщать о достигнутых результатах. Гарантировать безопасность взаимодействия с органами и организациями и защиту конфиденциальной информации (в том числе персональных данных). Минимизировать необходимость контроля и проверок с учетом анализа рисков. Гарантировать защищенность гражданских служащих

Составлено авторами по материалам источника¹¹

А.В. Ожаровский описывает методологию клиентоцентричного подхода через следующую модель слоев клиентоцентричности: мышление – ценности – принципы – практики – процессы и инструменты (рис. 2).

¹¹ Декларация ценностей клиентоцентричного государства – текстовая версия. Режим доступа: https://mfnsnso.ru/sites/mfnsnso.ru/wodby_files/files/page_6176/deklaraciya_klientocentrichnosti.pdf?ysclid=mdyl8mow5a532383089 (дата обращения: 10.03.2025).

Составлено авторами по материалам источника¹²

Рис. 2. Модель слоев клиентоцентричности

Министерство экономического развития России в 2023 г. создало межведомственную рабочую группу, которая обеспечивает выработку, согласование и утверждение решений по следующим вопросам:

- внедрение принципов и стандартов клиентоцентричности в деятельность федеральных органов исполнительной власти и исполнительных органов субъектов РФ;
- формирование перечня приоритетных жизненных ситуаций и обеспечение соответствия принципам и стандартам клиентоцентричности входящих государственных функций и услуг (сервисов);
- актуализация методики проведения оценки уровня соответствия данным принципам и стандартам¹³.

Разработана методика оценки достижения результатов по применению стандартов клиентоцентричности в государственных услугах и сервисах, использования нормативно-правовых актов¹⁴. Она направлена на установление уровня зрелости при внедрении принципов и стандартов клиентоцентричности в регионах, оцениваемой, в частности, с помощью листов самопроверки. Получаемый индекс внедрения клиентоцентричности включает следующие уровни: 0 звезда – ее отсутствие (значение индекса – 0); 1 – начальный уровень (от 0,01 до 0,19); 2 – удовлетворительный (от 0,20 до 0,39); 3 – продвинутый (от 0,40 до 0,59); 4 – высокий (от 0,60 до 0,79); 5 – высший (от 0,80 до 1,00).

На третьем этапе в 2023 г. проведена оценка наиболее востребованных федеральных (429) и региональных (около 13,5 тыс.) услуг. Как показало исследование, около 67 % федеральных и 26 % региональных услуг соответствуют стандартам клиентоцентричности. Остальные было решено оптимизировать. В результате работы за 2023 г. упростили процедуры получения 50 федеральных услуг.

Это привело к сокращению срока оказания госуслуги в среднем в два раза (с четырех до двух дней), уменьшению количества требуемых документов в 1,5 раза (с трех до двух в среднем), сокращению количества очных визитов в 1,5 раза (с трех до двух в среднем)¹⁵. На 2024 г. запланирована оптимизация

¹² Ожаровский А.В. Ценности клиентоцентричности и человекоцентричности. Режим доступа: https://ugrateam.admhmao.ru/forum/2024/materials/Ожаровский_А.В_Ценности_кlientoцентричности_человекоцентричности.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

¹³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.02.2023 г. № 332-р «Об образовании межведомственной рабочей группы по внедрению клиентоцентричности в государственное управление». Режим доступа: <https://base.garant.ru/406387553/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁴ Методика оценки достижения результатов «Обеспечено внедрение и применение принципов и стандартов клиентоцентричности на региональном уровне». Режим доступа: <https://irkobl.ru/sites/digital/working/klientocentrchnost/doc/Методика%20оценки%20зрелости%20кlientoцентричности%20для%20СУБЪЕКТОВ%20РФ.pdf?ysclid=mdyduem3r4971242241> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁵ ТАСС. Все федеральные услуги будут соответствовать стандартам клиентоцентричности в 2024 году. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/20040357> (дата обращения: 12.03.2025).

еще 79 госуслуг, и так каждый год. К 2030 г. 100 % очных обращений граждан за федеральными услугами будут переведены в многофункциональные центры.

Оценка специалистами ежегодной экономии от оцифровки архивов и прекращения со временем хранения бумажных документов для крупного банка составляет более 2,5 млрд руб., для среднего федерального органа государственной власти или государственного архива на территории субъекта России – от 500 млн до 1 млрд руб. в год¹⁶.

В 2023 г. проведено рейтингование ФОИВ по уровню внедрения принципов и стандартов клиентоцентричности¹⁷. В рейтинг вошло 62 ФОИВ (табл. 2).

Таблица 2

**Рейтинг ФОИВ по уровню внедрения принципов и стандартов клиентоцентричности
в 2023 г.**

ФОИВ	Индекс внедрения клиентоцентричности, %	Уровень зрелости	Количество звезд
Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии	74,6	Высокий	4
ФНС	73,5	Высокий	4
Росаккредитация	72,0	Высокий	4
Росфинмониторинг	71,0	Высокий	4
Федеральная служба судебных приставов	69,2	Продвинутый	3
Федеральная таможенная служба	66,3	Продвинутый	3
Министерство финансов	65,9	Продвинутый	3
Росздравнадзор	63,9	Продвинутый	3
Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения	62,9	Продвинутый	3
Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками	62,8	Продвинутый	3

Примечание: ФНС – Федеральная налоговая служба; Росаккредитация – Федеральная служба по аккредитации; Росфинмониторинг – Федеральная служба по финансовому мониторингу

Составлено авторами по материалам источника¹⁴

Высокий уровень зрелости (4 звезды) показали Росресстр с индексом внедрения клиентоцентричности 74,6 %, ФНС России (73,5 %), Росаккредитация (72 %), Росфинмониторинг (71 %). Наименьшие значения индекса в 2023 г. присутствовали у Министерства внутренних дел РФ (1 звезда, начальный уровень, 18,2 %), Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (2 звезды, удовлетворительный уровень, 30,6 %), Министерства иностранных дел России (2 звезды, удовлетворительный уровень, 30,9 %) и др.

В 2024 г. в рамках федерального проекта «Государство для граждан» запланирован ряд значимых результатов: обучение принципам клиентоцентричности органов исполнительной власти, подключение органов власти к реестру жизненных ситуаций, оценка новых госуслуг в специально созданных для этого лабораториях пользовательского тестирования. Среди них особо отметим, что все федеральные и региональные органы исполнительной власти должны внедрить принципы и стандарты клиентоцентричности по трем обозначенным направлениям.

МЕТОДОЛОГИЯ КЛИЕНТОКРАТИИ: ОТ ПРАКТИКИ БИЗНЕСА ДО ВНЕДРЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР

В 2023 г. в рамках Петербургского международного экономического форума объявили о создании совместного предприятия «Бейонд Тэйлор» между Российской системой качества (далее – Роскачество)

¹⁶ Алексей Херсонцев: госуслуги должны быть клиентоориентированными. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksey_hersoncev_gosuslugi_dolzny_byt_klientoorientirovannymi.html (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁷ Рейтинг федеральных органов исполнительной власти по уровню внедрения принципов и стандартов клиентоцентричности. 2023 год. Режим доступа: <https://государстводлялюдей.рф/upload/Рейтинг%20ФОИВ%202023%20год.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

и группой инновационных компаний (акционерное общество «ГилТех», инновационное товарищество «ГилТех капитал»). Учредителем Роскачества является РФ в лице Министерства промышленности и торговли совместно с Торгово-промышленной палатой России, «Опорой России» и другими национальными союзами производителей и потребителей. Одними из задач Роскачества являются оценка качества процессов и наиболее эффективных практик управления, внедрение более совершенных систем менеджмента качества. За группой инновационных компаний стоят «ВкусВилл», группа компаний «Агама», некоммерческое партнерство «Центр высоких технологий „ХимРар“» и др. Бейонд Тэйлор (Beyond Taylor) призвана внедрить новый подход к управлению в российских государственных организациях, получивший название «клиентократия». Таким образом, создан прецедент государственно-частного сотрудничества в целях разработки более эффективных стандартов управления.

Под клиентократией понимается концепция управления организацией, выстроенная на удовлетворении потребности клиентов. Ее основной фокус внимания направлен на создание ценности для потребителя, которая достигается путем введения системы обещаний от сотрудников клиентам.

Клиентократия Beyond Taylor включает в себя в качестве обязательных следующие элементы: систему обещаний с наделением исполнителей всеми необходимыми полномочиями для выполнения обещаний; систему вознаграждения, направленную на обеспечение все большей ценности для клиента; выделение ключевой ценности; управление единой концепцией, которое создает ключевую ценность для клиента, осуществляет внутреннюю и внешнюю коммуникацию, а также отвечает за доступность по цене.

В отличие от клиентоцентричного подхода в государственном секторе (далее – госсектор), который устанавливает единый перечень ценностей для всех государственных организаций (табл. 1), клиентократия определяет уникальные ценности для каждого клиента в рамках своей методологии. Структура управления по Beyond Taylor включает набор обязательных принципов, которые должны учитываться при любой работе и принятии решений в организации: опциональность, избыточность, экспериментирование, доверие, самостоятельность, человечность (табл. 3).

Таблица 3

Принципы клиентократии, отличающие ее от классического подхода к управлению

Уровень применения	Принцип	Описание
Организация	Опциональность	В любой ситуации оставлять возможность для выбора и запуска альтернативных направлений вместо использования одного варианта
	Избыточность	Использование резервов на запуск новых проектов и быстрого переключения на новые направления вместо тотальной эффективности и нормирования
	Экспериментирование	Проведение большого количества экспериментов всей компанией вместо планирования долгосрочных проектов
Люди	Доверие	Позволение принимать решения каждому сотруднику, наделяя его необходимыми полномочиями и ответственностью за результаты их применения вместо предварительного контроля и согласований
	Самостоятельность	Предоставление инструментов самоуправления и поощрения командной мотивации вместо иерархии и наращивания административного персонала
	Человечность	Люди воспринимаются целиком со всеми своими человеческими качествами и потребностями, а не только как функции

Составлено авторами по материалам источника [1]

В отношении последнего принципа человечности следует отметить новый зарождающийся мейнстрим для внедрения в государственное управление: всех работников не пытаются сделать одинаковыми, понимая их разность, при этом формируя творческую синергию вместо принуждения и работы на износ. Клиентократия выступает следующим этапом на пути к клиенту, вмещающим в себя подход клиентоориентированности, клиенто- и человекоцентричности.

Для внедрения клиентократии Beyond Taylor определяет 9 последовательных этапов: выявление клиента; определение ценности предложения клиенту; построение стратегической канвы как инструмента формирования уникального ценностного предложения для него; формулирование внешних обещаний клиенту и метрик их выполнения; формулирование внутренних обещаний подразделений организации, обеспечивающих достижение ценности клиента; формирование эффективной команды и правил общения; определение показателей экономики команды и системы мотивации; прилаживание как способ экспериментирования и улучшения процессов на основе обратной связи [2]. Для каждого этапа Beyond Taylor разработаны полезные инструменты и механизмы, которые после внедрения позволяют повысить эффективность управления организацией. К подобным инструментам можно отнести инновационные организационные технологии, зарекомендовавшие себя в рыночной практике:

- custdev (англ. customer development – инструмент выявления потребности и болей клиента);
- стратегическая канва (инструмент отображения и проектирования положения организации по ценностям для клиента, основанный на анализе способов удовлетворения его потребностей);
- система обещаний (инструмент формирования иерархии результатов по созданию ценностей для клиента);
- инструменты построения оптимальной организационной структуры, включающей гибкие подразделения автономных команд и совета управляющих как главной автономной команды, обладающей всей полнотой ответственности и полномочиями за происходящее в организации. взаимосвязи разных типов обещаний как результатов создания ценности для внешнего клиента;
- система мотивации, вознаграждения и экономики организации, выстраиваемая от создания ценности для клиента;
- прилаживание (инструмент постоянного улучшения через анализ обратной связи, ошибок, результатов работы и экспериментов) и др.

На данный момент элементы клиентократии активно внедряются в частном и государственном секторах, крупном и среднем бизнесе, университетах, государственных организациях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Клиентоцентричность в отечественной научной литературе рассматривается в контексте формирования качества репутационных ресурсов системы публичного управления [3], трансформации профессиональной культуры и квалификации государственных служащих [4; 5], повышения результативности контрольно-надзорной деятельности государства [6] и качества государственных услуг и цифрового государственного управления [7–9], использования для повышения качества управления в отдельных отраслях экономики [10].

Последние результаты социологических исследований позволяют сформулировать основную проблематику клиентоцентричной трансформации на текущем этапе для органов публичной власти [11]. Основные проблемы сгруппированы в четыре сектора:

- для сектора ценностей и приоритетов существует неприятие термина «клиент», не используются четкие приоритеты при трансформации в сторону клиентоцентричности;
- для сектора управления федеральным проектом не сконструирована понятная система управления, выражена несогласованность федеральных мероприятий;
- для сектора практики реализации используется негибкая система управления федеральным проектом, что выражается, например, в недостаточной межведомственной координации и слабой методической обеспеченности;
- для сектора кадрового потенциала проявляется дефицит как необходимых кадров, так и их компетенций, невовлеченность руководства, некоторые обучающие программы удалены от практики.

При наличии позитивных намерений органы публичной власти России сталкиваются с вопросом: как внедрять клиентоцентричный подход в условиях действия бюрократического подхода к управлению? Данное противоречие приводит к торможению перехода к модели клиентоцентричного государства. Отсутствие оперативного реагирования на выявленные проблемы клиентоцентричной трансформации потенциально снижает уровень доверия граждан, бизнеса и работников государственных структур. Таким образом, внедрение модели клиентоцентричного государства сталкивается с проблемой когерентности создаваемых инструментов клиентоцентричности с классической системой управления в госсекторе. На сегодняшний день клиентоцентричность госсектора направлена на внешнего клиента-гражданина

и является сдерживающим фактором внутренних иерархических потоков. Без изменения внутренних управленческих процессов с возможностью появления более гибких, адаптивных, автономных механизмов работы подразделений в организациях госсектора заявленная цель перехода к клиентоцентричному государству не будет полностью достигнута. Для сглаживания возникших противоречий могут использоваться показавшие свою эффективность организационные технологии клиентократии. В своем ядре клиентоцентричность и клиентократия опираются на единую аксиому удовлетворения потребности клиента. При этом последняя имеет инструменты перестройки управления под потребности клиента, которые могут позволить клиентоцентричному государству реализовать поставленные цели.

Следует отметить, что вопросы управления удовлетворения потребностей клиентов и их ценностей в конечном итоге преследуют цель повышения качества жизни населения. Аспекту распределения бюджета социального времени потребителей и его влияния на качество жизни населения посвящены отдельные исследования [12].

В западных прикладных исследованиях особое внимание уделяется поиску методов и инструментов, повышающих эффективность управления организацией. Обращается внимание, что использование классических подходов к управлению затрудняет удовлетворение потребностей клиентов в полной мере. В связи с этим прорабатываются новые подходы с фокусировкой на понимание их потребностей, такие как концепция запутанной ориентации на клиента (англ. cluttered client orientation) [13] и др.

Библиометрический анализ научных публикаций Scopus за 1990–2020 гг. свидетельствует о существенном росте исследований в области клиентоориентированных организаций с точки зрения устойчивого развития [14]. В этих вопросах лидируют США, Индия и Китай. Наиболее проявленной выступает тематика отношения к продвижению клиента как цели организации и в то же время обеспечения экономической, экологической и кадровой устойчивости в долгосрочной перспективе.

Отдельное направление исследований по клиентоцентричности связано с цифровым государством и сервисными услугами [15]. Востребованными направлениями в данных статьях являются изучение препятствий, мешающих внедрению цифрового правительства, ориентированного на граждан; прогнозы и оценки использования услуг цифрового правительства; методы вовлечения клиентов и оценки инициатив участия.

Большую практику внедрения имеют гибкие принципы бирюзового управления, формирующие в организации горизонтальную систему управления с эволюционной целью, самоуправлением и ответственным, целостным отношением к работнику [1]. В РФ внедрены и развиваются различные гибкие подходы к управлению: agile, холакратия, социократия 3.0, ТВОЯкратия, клиентократия. Данные подходы призваны, например, решить проблему бюрократии и низкой производительности труда.

Beyond Taylor дословно переводится как «после Тэйлора». Имеется в виду формирование нового этапа в развитии теории управления, принципы которой заложил Ф.У. Тейлор еще в XIX в. Основанием для постановки вопроса о создании новой теории управления становится пересмотр социальных отношений, ролей, прав и обязанностей. В динамичных условиях усложнения социальных потребностей и отношений иерархический подход по модели «субъект – объект» (руководитель – подчиненный, компания – клиент) уступает место моделям «субъект – субъект», «субъект – полисубъектная среда» (табл. 4).

Таблица 4

Философско-методологический анализ эволюции парадигм управления

Характеристика	Парадигма управления		
	Кибернетика первого порядка	Кибернетика второго порядка	Кибернетика третьего порядка
Тип научной рациональности (философский уровень)	Классический	Неклассический	Постнеклассический
Базовые парадигмы и типы субъектов	Субъект – объект (утилитарный субъект)	Субъект – субъект (коммуникативный субъект)	Субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда (стратегический субъект)
Базовые научные подходы	Деятельностный (монодисциплинарный)	Субъектно-деятельностный (междисциплинарный)	Субъектно-ориентированный (трансдисциплинарный)

Характеристика	Парадигма управления		
	Кибернетика первого порядка	Кибернетика второго порядка	Кибернетика третьего порядка
Базовые виды управления	Классическое (иерархическое)	Рефлексивное (манипуляции и др.)	Управление через среды
Базовые механизмы и технологии	Обратные связи, иерархические структуры	Коммуникационные связи, сетевые структуры	Воздействия через среды, культуру, ценности, саморазвивающиеся среды
Базовые этические представления	Этика целей	Коммуникативная этика	Этика стратегических субъектов

Составлено авторами по материалам источника [16]

Проблема субъекта оказывается в центре внимания экономической науки XXI в. Анализ В.Е. Лепского содержания большинства Нобелевских премий XXI в. очерчивает тренд на усиление внимания к механизмам управления в контексте парадигмы управления «субъект – полисубъектная среда». Такие черты содержатся в результатах работ Нобелевских лауреатов по экономике Дж. Акерлофа, М. Спенса и Дж. Стиглица по анализу рынков с асимметричной информацией (2001 г.); Д. Канемана и В.Л. Смита по экономическому анализу человеческого поведения (2002 г.); Л.А. Гурвича, Э. Маскина и Р.Б. Майерсона по теории экономических механизмов (2007 г.); Э. Остром и О. Уильямсона по экономической организации и анализу вне рыночных экономических транзакций (2009 г.); П. Даймонда, Д. Мортенсена и К. Писсаридеса по исследованию рынков с моделями поиска (2010 г.) и др. [17]. Таким образом, научно подтверждаются пересмотр целевых функций организаций, усиление роли клиента в деятельности компании.

Основной вызов клиентократии видит в преодолении снижающейся эффективности классического бюрократического подхода к управлению, по которому работают большинство организаций на рынке и госсектор России. Бюрократия (дословно «власть канцелярии») есть иерархическая структура подчинения в компании, где высшее руководство планирует и спускает планы для выполнения сотрудникам. Тогда как клиентократия (дословно «власть клиента») обеспечивает гибкость структуры управления сотрудниками, наличие автономных команд и совета управляющих организацией, состоящих из лидеров команд. За этим следуют формирование обновленной системы мотивации и вознаграждения работников, ориентация на развитие команды организации. Более подробно отличие концепции клиентократии от бюрократии приведено в табл. 5.

Таблица 5

Отличие концепции клиентократии от бюрократии

Элементы	Бюрократия (концепция Taylor)	Клиентократия (концепция Beyond Taylor)
Цель	Максимизация операционной эффективности	Максимизация пользы для конечного потребителя
Задачи прибыли	Распределение дивидендов собственнику	Развитие организации и ее сотрудников
Фокус организации	Цели и функции организации находятся в центре всех процессов	Клиент, его ценности и потребности как центр всех процессов
Ценности	Ценности определяются руководителем (собственником)	Ценности, определяющиеся потребностями клиентов
Структура управления	Наличие руководителя и иерархии подчиненных	Наличие лидеров, совета управляющих из лидеров, автономных команд
Восприятие организации	Организация как бюрократический механизм	Организация как живой организм для раскрытия потенциала людей
Роль сотрудников	Работник как ресурс для исполнения регламентов, развитие которого ограничивается его должностными инструкциями	Работник как соучастник обеспечения пользы для потребителя, в развитии которого заинтересована организация

Элементы	Бюрократия (концепция Taylor)	Клиентократия (концепция Beyond Taylor)
Подход к взаимодействию внутри и вовне организации	Конкуренция	Сотрудничество
Приоритеты	Поддержание стабильности и сохранения системы (стабильные системы)	Постоянные изменения и обеспечение развития (развивающиеся системы)

Составлено авторами по материалам источника [1]

Клиентократия переворачивает рассмотрение клиента только как объекта, которому необходимо навязать товар/услугу/сервис, возможно, ему ненужный. Каждый клиент рассматривается с позиции ценностно-ориентированного человека, у которого есть свои потребности, боли (препятствия по их удовлетворению), ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление современного этапа развития государственного управления показывает усиливающийся тренд перехода на клиентоцентричный подход. Возрастает субъектно-ориентированная роль клиента (гражданина, покупателя товаров/услуг/сервисов, бизнеса, сотрудника как внутреннего клиента) в принятии решений и учете своей стратегии развития государством, бизнесом.

Построение клиентоцентричного государства объявляется миссией деятельности органов публичной власти на период до 2030 г. Результатами внедрения клиентоцентричной модели государственного управления должны стать решение стандартного перечня жизненных ситуаций граждан, обеспечение достойной жизни людей, эффективное и комфортное взаимодействие человека и государства за счет анализа актуальных потребностей и клиентского опыта.

Бюрократия как классический подход к управлению функционирует по стандартной схеме «цели и функции бюрократической организации → товары, услуги, сервисы → человек и его потребности». Бюрократия функционирует сверху вниз, от начальника и собственника к подчиненному и клиенту. Клиентоцентричность и клиентократия переворачивают классический подход на схему «клиент и его ценности → товары, услуги, сервисы, удовлетворяющие потребности → структура управления от ценностей клиента». Клиентоориентированные концепции действуют снизу вверх, от ценности потребителя к управлению организацией.

Клиентоцентричность и клиентократия как концепции управления не противоречат друг другу и представляют лишь разные модели формирования клиентоцентричного государства. В их основании лежит цель – довольный человек с удовлетворенными потребностями и реализованными ценностями.

Если клиентоцентричность направлена на выстраивание качественных взаимоотношений с клиентами и удовлетворение их потребностей без серьезных изменений организационной структуры, то клиентократия идет от перестройки структуры управления в сторону внедрения гибких инструментов с целью наилучшего удовлетворения потребностей клиентов через принесение ценности. В данном контексте клиентоцентричность продолжает функционировать в классическом бюрократическом подходе, сохраняя организационные проблемы повышения эффективности управления. Клиентократия же как следующий за клиентоцентричностью этап в базисе устремлена к организации гибкой структуры управления, повышающей эффективность достижения целей компании и удовлетворения ценностей клиента.

Клиентократия эволюционно вбирает в себя лучшие подходы (клиентоориентированность + клиентоцентричность + человекоцентричность) и интегрирует их в отдельную методологию с учетом российской практики. Клиентократия предоставляет системе государственного управления полезные и инновационные инструменты повышения эффективности деятельности. К таким инструментам относятся custdev, стратегическая канва, система обещаний, построение оптимальной организационной структуры, система вознаграждения и экономики организации, прилаживание и др.

На сегодняшний день государственные органы власти показывают приверженность к внедрению успешных практик бизнеса в систему государственного управления. Все чаще можно встретить трансформацию нормативно-правовых документов и принципов деятельности органов власти. Одним из ярких

примеров подобной трансформации выступает клиентоцентричный подход. Для повышения эффективности перестройки следует увеличить количество государственно-частных партнерств в целях обеспечения органами государственной власти доступности товаров, работ, услуг и улучшения их качества. Одним из передовых примеров государственно-частного партнерства являются деятельность компании «Бейонд Тэйлор» и ее методологии клиентократии.

Список литературы

1. Разгуляев В.Ю. Бирюзовое управление на практике. Опыт российских компаний. 2^е изд., перераб. и доп. М.: Альпина Паблишер; 2022. 348 р.
2. Mikhaleva Y.Y., Razgulyaev V.Y. Beyond Taylor (clientocracy) management methodology as a tool to enhance corporate culture and improve business process efficiency through flexible approaches. In: Proceedings of the 6th international conference on quality engineering and management, Girona, June 13–14, 2024. Girona: University of Girona; 2024. Pp. 1130–1137.
3. Леонтьева А.С., Смирнова В.В. Клиентоцентричность как фактор формирования качества репутационных ресурсов системы публичного управления (отечественный и зарубежный опыт). Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022;3:3–20.
4. Богатырева Т.Г., Мартынова С.Э. Внедрение ценностей клиентоцентричности в деятельность органов власти: концептуальные подходы и инструменты. Среднерусский вестник общественных наук. 2022;3(17):42–70. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-3-42-70>
5. Калинин А.М. Использование принципа клиентоцентричности в государственном управлении: повестка внедрения. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023;3:7–25. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25>
6. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан. Вопросы государственного и муниципального управления. 2022;3:38–60. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-38-60>
7. Болдина М.Ю. Клиентоориентированность и клиентоцентричность при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Социология. 2023;5:168–174.
8. Воронов А.М. Клиентоцентричность в публичном управлении. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022;3:117–123. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2022.03.09>
9. Аяликов А.А. Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности. Управленческое консультирование. 2023;11:149–160. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-11-149-160>
10. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Концепция клиентоцентричности в сфере высшего образования: российский и международный опыт реализации. Вопросы регулирования экономики. 2023;1(14):6–22. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.1.006-022>
11. Вальдман И.А., Горбовский Р.В., Паратунов М.В., Путинцева Е.А. Основные проблемы и барьеры клиентоцентричной трансформации системы государственного управления. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024;1:20–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>
12. Шамаева Е.Ф., Головин А.А., Попов Е.Б., Прокудин В.А. Исследование социального времени: современное состояние и практики воздействия. Уровень жизни населения регионов России. 2023;2(19):254–259. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_8_254_259
13. Zierock B., Jungblut A., Senn N. Chaotic customer centrality. In: HCI international 2023 posters: Proceedings of the 25th International Conference on Human-Computer Interaction, Copenhagen, July 23–28, 2023. Cham: Springer; 2023. Pp. 189–198.
14. Pardo-Jaramillo S., Muñoz-Villamizar A., Osuna I., Roncancio R. Mapping research on customer centrality and sustainable organizations. Sustainability. 2020;19(12). <http://dx.doi.org/10.3390/su12197908>
15. Sundberg L., Holmström J. Citizen-centrality in digital government research: a literature review and integrative framework. Information Polity. 2024;1(29):55–72. <https://doi.org/10.3233/IP-220047>
16. Лепский В.Е. Вызовы будущего и кибернетика третьего порядка. В кн.: Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: материалы 2-й Международной конференции, Москва, 7–8 февраля 2019 г. М.: Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша Российской академии наук; 2019. С. 64–70. <https://doi.org/doi:10.20948/future-2019-6>
17. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр; 2019. 340 с.

References

1. *Razgulyaev V.Y.* Turquoise management in practice. Experience of Russian companies. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Alpina Publisher; 2022. 348 p. (In Russian).
2. *Mikhaleva Y.Y., Razgulyaev V.Y.* Beyond Taylor (clientocracy) management methodology as a tool to enhance corporate culture and improve business process efficiency through flexible approaches. In: Proceedings of the 6th international conference on quality engineering and management, Girona, June 13–14, 2024. Girona: University of Girona; 2024. Pp. 1130–1137.
3. *Leontieva L.S., Smirnova V.V.* Citizen-centricity as a formation factor of the reputational resources quality in public administration system (domestic and foreign experience). *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. Political Science.* 2022;3:3–20. (In Russian).
4. *Bogatyreva T.G., Martynova S.E.* Implementation of customer-centric values in the government work: conceptual approaches and tools. *Central Russian Journal of Social Sciences.* 2022;3(17):42–70. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-3-42-70>
5. *Kalinin A.M.* Using the principle of customer-centricity in public administration: agenda for implementation. *Public Administration Issues.* 2023;3:7–25. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25>
6. *Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V.* Are state enforcement activities client centric? Citizens' perspective. *Public Administration Issues.* 2022;3:38–60. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-38-60>
7. *Boldina M.YU.* Client focus and client-centricity in the provision of state and municipal services. *Sociology.* 2023;5:168–174. (In Russian).
8. *Voronov A.M.* Client-centricity in public administration. Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2022;3:117–123. (In Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2022.03.09>
9. *Lyalikov A.A.* Development of theoretical and methodological approaches to public administration: from the “iron cage” bureaucracy to digital governance and client-centeredness. *Administrative consulting.* 2023;11:149–160. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-11-149-160>
10. *Balatsky E.V., Ekimova N.A.* Client-centric concept in higher education: Russian and international experience of implementation. *Journal of Economic Regulation.* 2023;1(14):6–22. (In Russian). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.1.006-022>
11. *Valdman I.A., Gorbovsky R.V., Paratunov M.V., Putintseva E.A.* Main problems and barriers of the client-centered transformation of the public administration system. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;1:20–31. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>
12. *Shamaeva E.F., Golovin A.A., Popov E.B., Prokudin V.A.* Research of social time: current state and practices of influence. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2023;2(19):254–259. (In Russian). https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_8_254_259
13. *Zierock B., Jungblut A., Senn N.* Chaotic customer centricity. In: HCI international 2023 posters: Proceedings of the 25th International Conference on Human-Computer Interaction, Copenhagen, July 23–28, 2023. Cham: Springer; 2023. Pp. 189–198.
14. *Pardo-Jaramillo S., Muñoz-Villamiñar A., Osuna I., Roncancio R.* Mapping research on customer centricity and sustainable organizations. *Sustainability.* 2020;19(12). <http://dx.doi.org/10.3390/su12197908>
15. *Sundberg L., Holmström J.* Citizen-centricity in digital government research: a literature review and integrative framework. *Information Polity.* 2024;1(29):55–72. <https://doi.org/10.3233/IP-220047>
16. *Lepskiy V.E.* Challenges of the future and third-order cybernetics. In: Designing the future. Problems of digital reality: Proceedings of the 2nd International Conference. Moscow, February 7–8, 2019. Moscow: Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences; 2019. Pp. 64–70. <https://doi.org/doi:10.20948/future-2019-6>
17. *Lepskiy V.E.* Methodological and philosophical analysis of the development of management issues. Moscow: Cogito-Centre; 2019. 340 p. (In Russian).

Особенности управления научно-исследовательскими проектами и программами в Российской Федерации

Тарасов Антон Александрович¹

Инженер по организации управления производством
ORCID: 0009-0005-2967-6914, e-mail: toni.tarasov.11@mail.ru

Халимон Екатерина Андреевна²

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0002-9480-3466, e-mail: guu.konf@yandex.ru

¹Всероссийский научно-исследовательский институт автоматики имени Н.А. Духова, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматриваются ключевые аспекты управления научно-исследовательскими проектами и программами с акцентом на важность междисциплинарного подхода и интеграции научного и промышленного секторов. На примере отечественных предприятий и научных институтов продемонстрировано, как разнообразие научных и технологических направлений способствует значимым прорывам в области экономики и технологий, что, в свою очередь, укрепляет национальную безопасность и стимулирует устойчивый экономический рост. Методологически работа основана на всестороннем анализе факторов, влияющих на успешность научных проектов, а также на выявлении ключевых компонентов эффективного управления такими проектами. Результаты исследования подчеркивают важность тесного сотрудничества между различными секторами экономики, что способствует созданию благоприятной среды для инновационного развития. В качестве направлений для будущих исследований выделяются разработка и усовершенствование методологических подходов к оценке эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также изучение универсальных практик, которые можно применить в разных отраслях для оптимизации внедрения инноваций и их воздействия на общественное развитие. Применение этих подходов в реальных условиях обеспечит создание долгосрочных устойчивых решений для повышения инновационного потенциала и конкурентоспособности страны.

Ключевые слова

Научно-исследовательский проект, научно-исследовательская программа, научные исследования, междисциплинарный подход, управление проектами, технологический прорыв, национальная безопасность, экономический рост, инновации, эффективность научных проектов, практики управления

Для цитирования: Тарасов А.А., Халимон Е.А. Особенности управления научно-исследовательскими проектами и программами в Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 32–44.

Features of management of research projects and programmes in the Russian Federation

Anton A. Tarasov¹

Engineer for Production Management Organisation
ORCID: 0009-0005-2967-6914, e-mail: toni.tarasov.11@mail.ru

Ekaterina A. Khalimon²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0002-9480-3466, e-mail: guu.konf@yandex.ru

¹Dukhov Automatics Research Institute, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses key aspects of management of research and design (hereinafter referred to as R&D) project and programme with a focus on the importance of interdisciplinary approach and integration of scientific and industrial sectors. Using the example of domestic enterprises and scientific institutes, it demonstrates how the diversity of scientific and technological directions contributes to significant breakthroughs in the field of economy and technology, which in turn strengthens national security and stimulates sustainable economic growth. Methodologically, the work is based on a comprehensive analysis of the factors influencing the success of scientific projects as well as on the identification of key components of effective management of such projects. The results of the study emphasise the importance of close cooperation between different sectors of the economy, which contributes to the creation of a favourable environment for innovative development. Areas for future research include the development and improvement of methodological approaches to R&D performance measurement as well as the study of universal practices that can be applied across sectors to optimise innovation adoption and its impact on societal development. Applying these approaches in real-world contexts will ensure the creation of long-term sustainable solutions to improve the country's innovation potential and competitiveness.

Keywords

Research project, research programme, scientific research, interdisciplinary approach, project management, technological breakthrough, national security, economic growth, innovation, efficiency of scientific projects, management practices

For citation: Tarasov A.A., Khalimon E.A. (2025) Features of management of research projects and programmes in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 32–44.

ВВЕДЕНИЕ

Научные исследования служат фундаментом для технологического и экономического развития современного общества. Научно-исследовательские (далее – НИ) проекты и программы помогают создавать инновации, способствующие укреплению национальной безопасности и устойчивому экономическому росту [1]. Однако организационные и методологические особенности управления ими представляют собой сложную задачу, которую необходимо тщательно изучать.

В этой статье рассматриваются ключевые характеристики НИ-программ и проектов, их значимость для общества, а также вкладываемые усилия в управление и реализацию.

Цели данной работы – дать определение НИ-проектам и программам как отдельному типу проектов и программ, выявить особенности управления ими, описать характеристики и типы. В практической части данной статьи выявлен перечень основных факторов, влияющих на успешность НИ-проектов на примере отечественных предприятий и научных институтов. Предполагается, что многообразие направлений деятельности и интеграция различных отраслей в рамках этих организаций позволяют им вносить значительный вклад как в экономику, так и в обороноспособность страны.

Гипотеза исследования заключается в том, что междисциплинарный подход и сотрудничество между научными и промышленными секторами являются ключевыми аспектами в достижении высокой эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР), что приводит к значительным технологическим и экономическим прорывам.

СУЩНОСТЬ НИ-ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ

В рамках НИ-проектов проводятся исследования, которые могут привести к новым открытиям, разработке новых методов и подходов, созданию новых продуктов или услуг. В управлении ими, как правило, участвует ряд сотрудников – от начинающих специалистов до высокопрофессиональных руководителей.

Различные авторы приводят определения проектов и программ, в частности:

1) в международном стандарте по управлению проектами Individual Competence Baseline 4.0 указано, что проект – это уникальное, временное, мультидисциплинарное и организованное усилие, направленное на получение согласованного конечного результата в рамках predetermined требований и ограничений [2];

2) программа запускается для достижения какой-либо стратегической цели. Для нее характерна временная организация из взаимосвязанных компонентов, управление которыми осуществляется скоординированно. Целями программы являются реализация изменений и получение выгод. В управлении программами, как правило, участвуют старшие руководители или директора проектов [3];

3) проект можно представить как уникальное и временное предприятие, организованное для достижения конкретного результата или цели. Он обычно объединяет специалистов из разных областей и требует координированных усилий для управления лимитами по времени и ресурсам. Такие проектные команды могут включать, в частности, начинающих специалистов, которые работают под руководством более опытных коллег. Программа, в отличие от проекта, направлена на достижение стратегических изменений и выгод. Она включает в себя ряд связанных между собой компонентов или проектов, управление которыми осуществляется скоординированно и стратегически. Обычно ответственность за ведение программ лежит на старших руководителях или директорах, которые следят за тем, чтобы все элементы программы работали в гармонии для достижения поставленных стратегических целей и реализации запланированных изменений [4].

Однако в научной литературе отсутствует определение НИ-проектов и программ. Учитывая, что научные исследования связаны с долгосрочным характером разработки и реализации, что инновации не рождаются за краткосрочный период, принимая во внимание требуемый высокий уровень новизны именно в научной сфере, можно определить: НИ-проект – это комплекс долговременных, трудоемких научно-исследовательских и/или опытно-конструкторских работ, состоящих из среднесрочных и краткосрочных исследовательских и организационных задач и выполняемых командой кросс-функциональных специалистов, большая часть из которых – ученые.

Программы, представляющие собой набор стратегически важных инициатив, направлены на достижение долгосрочных изменений и получение значительных выгод. В них задействованы различные команды и ресурсы, которые работают над достижением общей цели. Задача координации всех этих усилий возложена на опытных руководителей [5].

Их работа заключается не только в контроле за инвестициями, управлении ими, но и в обеспечении надлежащего выполнения задач, грамотном распределении ресурсов и своевременной оценке результатов деятельности.

Управленцы на уровне старших руководителей или директоров проектов выполняют ключевую роль, интегрируя разнообразные компоненты программы и поддерживая постоянный обмен информацией между всеми ее участниками. Это позволяет обеспечить синергетический эффект, когда каждое действие и решение движут проект в сторону успешного завершения.

Благодаря такой организации программы способствуют внедрению инноваций, созданию условий для устойчивого развития, удовлетворяя требованиям бизнеса или общества, а также повышению конкурентоспособности в условиях быстро меняющихся внешних и внутренних факторов [6].

На основании вышесказанного можно определить, что НИИ-программа – это амбициозный комплексный подход к решению широкого спектра задач регионального, национального или международного уровня, направленных на достижение долгосрочных стратегических целей в области науки и технологий. Такие программы играют важную роль в развитии страны, региона или сектора экономики, способствуя улучшению качества жизни общества, модернизации промышленности и укреплению позиций на глобальной арене [4]. НИИ-программы, иницируемые и поддерживаемые международными организациями, министерствами, фондами, реализуемые группой ученых из разных стран, призваны осуществить прорыв в научной сфере, что было бы невозможно достичь силами и ресурсами одного государства.

Благодаря сочетанию разнообразных проектов в рамках одной программы осуществляются НИИ-работы, опытно-конструкторские разработки (далее – ОКР), а также организационные мероприятия (форумы, конференции, конгрессы и пр.), которые позволяют генерировать и обсуждать инновационные идеи, проводить эксперименты и внедрять наработки в практическую среду.

Важно отметить, что успех любой НИИ-программы зависит от эффективного взаимодействия между учеными, инженерами, управленцами предприятий и государственных структур. Такой подход способствует интеграции знаний и технологий, упаковке инноваций, превращая теоретические разработки в реальные продукты и услуги. Участие в подобной программе предоставляет уникальные возможности для профессионального роста и обмена опытом, а также способствует формированию устойчивых сетей сотрудничества и партнерства. В условиях глобальной конкуренции НИИ-программы становятся важным инструментом для поддержания научно-технического лидерства и устойчивого развития [3].

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НИИ-ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ

НИИ-проекты и программы играют ключевую роль в развитии государства, обеспечивая экономический рост и укрепляя национальную безопасность. Их важность обусловлена рядом факторов, каждый из которых заслуживает отдельного внимания.

1. Значительное влияние на макроэкономические показатели страны. Научные исследования и разработки способствуют созданию новых технологий, продуктов и услуг, что ведет к увеличению производительности труда, росту валового внутреннего продукта и улучшению других ключевых экономических показателей. Новые открытия и изобретения позволяют оптимизировать производственные процессы, снижать затраты и повышать эффективность использования ресурсов. Это, в свою очередь, способствует укреплению экономической стабильности и повышению уровня жизни населения.

2. Изменение структуры общественного производства. Научный прогресс стимулирует переход от традиционных отраслей промышленности к высокотехнологичным секторам экономики. Например, развитие информационных, био- и нанотехнологий меняет подходы к производству товаров и услуг. Это приводит к появлению новых рабочих мест, снижению зависимости от сырьевых ресурсов и диверсификации экономики, что делает страну менее уязвимой перед внешними экономическими шоками.

3. Заметное воздействие на институциональные экономические механизмы. Научная деятельность помогает совершенствовать правовые нормы и экономические институты, регулирующие хозяйственную жизнь. Разработка новых стандартов качества продукции, внедрение инновационных методов управления и контроля за финансовыми потоками, производственными и логистическими процессами улучшают функционирование рынка и снижают риски недобросовестного поведения участников. Это создает условия для устойчивого экономического роста, повышает доверие инвесторов и улучшает инвестиционный климат.

4. Прямая связь между прогрессом нации и ее способностями создавать и внедрять новые технологии. Уровень технологического развития страны является одним из главных индикаторов ее способности к прогрессу. Государства, активно инвестирующие в научные исследования и инновационные проекты, быстрее адаптируются к изменениям на мировом рынке, создают уникальные продукты и услуги, которые пользуются спросом на международной арене. Таким образом, технологический прогресс становится основой для устойчивого социально-экономического развития.

5. Влияние научно-технического прогресса на социальную стабильность. Новые технологии и инновации могут способствовать решению социальных проблем, таких как безработица, бедность и неравенство. Например, автоматизация производственных процессов позволяет улучшить производительность труда, создавая новые рабочие места в сфере обслуживания и высоких технологий. Улучшение медицинского оборудования и методик лечения увеличивает продолжительность и качество жизни людей, а также снижает нагрузку на систему здравоохранения. Все это укрепляет социальное благополучие и снижает риск возникновения конфликтов.

6. Воздействие инноваций на состояние окружающей среды. Современные экологические проблемы требуют внедрения экологически чистых технологий и ресурсосберегающих подходов. Научные исследования помогают разрабатывать альтернативные источники энергии, эффективные методы утилизации отходов и защиты природных ресурсов. Внедрение таких решений позволяет снизить негативное воздействие на природу, улучшить качество воздуха и воды, создавая благоприятную среду для жизни будущих поколений.

7. Активизация международного научно-технического сотрудничества. Совместные исследовательские проекты с зарубежными партнерами открывают доступ к новым знаниям и технологиям, ускоряя процесс их адаптации и внедрения в отечественные отрасли. Международное сотрудничество также способствует обмену опытом и идеями, расширяет возможности для коммерциализации научных разработок [7].

Существуют три категории внутренних расходов на научно-исследовательскую, технологическую и инновационную деятельность: фундаментальные и прикладные исследования, технические разработки. Финансирование НИ-проектов и программ играет важную роль в процессе коммерциализации полученных результатов. Его методы включают различные способы привлечения средств, учитывающие конкретные финансовые ресурсы организации и фондов, текущие задачи и планы развития. Основные источники – коммерческое, государственное финансирование инновационной деятельности промышленных предприятий. Чтобы обеспечить финансирование НИ-деятельности, предприятия используют различные источники средств. Среди них пакетирование проектов, самофинансирование, создание венчура, заклад имущества, эмиссия ценных бумаг, инновационный кредит, банковский кредит, факторинг, форфейтинг, доходы от продажи технологий, аренда или лизинг свободных активов. Прямое государственное финансирование НИ-деятельности осуществляется через бюджеты разных уровней (федеральный, уровень субъектов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), местные) и внебюджетные фонды, которые входят в централизованные финансы финансовой системы РФ. Федеральный бюджет служит основным механизмом реализации научно-технической политики государства и ключевым элементом финансовой системы. Через него перераспределяется около 30–40 % общего дохода страны, принадлежащего владельцам производственных активов [8].

Из государственного бюджета финансируются те секторы экономики и общественные сферы, которые не поддерживаются частным бизнесом из-за низкой прибыльности. Распределение бюджетных средств происходит через специальный фонд. Бюджетные средства, выделяемые на возвратной основе для финансирования государственных инвестиций, ежегодно включаются в федеральный бюджет согласно соответствующей функциональной классификации, в том числе высокорентабельные проекты, реализуемые на конкурсной основе. Средства федерального бюджета на возвратной основе предоставляются через федеральные исполнительные органы, региональные администрации и другие российские юридические лица, действующие как агенты Правительства России.

На базе изучения роли инновационного финансирования в повышении конкурентоспособности, технологической и научно-технической безопасности государства можно сделать следующие выводы:

- научно-техническое и технологическое развитие становится важнейшей государственной задачей, в решении которой первостепенное место отведено инвестиционной составляющей;
- экономически развитые государства должны осуществлять стимулирование и координацию процессов финансирования науки, обеспечивать значительную конкурентоспособность в наукоемких

и высокотехнологичных промышленных производствах и захватывать лидирующие позиции на международном рынке;

– для обеспечения технологической и научно-технической безопасности государства особое значение придается финансированию высокотехнологичных и наукоемких направлений, таких как нано- и биотехнологии, гениальная инженерия, информационные технологии (далее – ИТ).

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НИ-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОВНЕ ГОСУДАРСТВА

Основным содержанием государственной инновационной научно-технической политики в отношении частного бизнеса представляется управление финансовыми потоками, которое обеспечивает доступ фирм к финансовым источникам. Следует выделить два главных метода – целенаправленное бюджетное субсидирование (через федеральные ведомства и агентства) и привлечение к финансированию НИ-проектов и программ средств частного капитала [7].

В соответствии с приказом Федеральной службы государственной статистики от 30 июля 2020 г. № 424 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий»¹ установлены требования к видам деятельности (в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности деятельность, классифицируемая как научные исследования и разработки), которые не могут быть включены в научные исследования и разработки.

К ним относятся следующие виды:

- 1) образование и подготовка кадров;
- 2) научно-технические услуги, в том числе:
 - деятельность в области научно-технической информации;
 - перевод, редактирование и издание научно-технической литературы;
 - научно-техническая деятельность библиотек, музеев, ботанических и зоологических садов;
 - исследование конъюнктуры рынка;
 - патентно-лицензионная деятельность и др.

Регулирование различных сфер деятельности в России осуществляется через применение целого ряда нормативно-правовых актов, которые включают в себя как законы, так и указы с постановлениями. Например, сфера образования и подготовки кадров регулировалась федеральными законами и указами Правительства, устанавливающими стандарты образования. Это значит, что каждый этап процесса обучения должен соответствовать установленным нормам, чтобы обеспечить высокое качество образования на всех уровнях [9].

Научно-технические услуги оказываются в соответствии с федеральными законами и указами, поддерживающими научно-техническую деятельность, таким образом стимулируя инновации и развитие технологий. Такая поддержка является важной частью государственной политики, направленной на развитие научного потенциала.

В области перевода и издания научной литературы важную роль играют законы об авторском праве, которые обеспечивают защиту интеллектуальной собственности. Это позволяет авторам быть уверенными в защите своих прав при публикации научных работ.

В техническом плане стандартизация и метрология играют ключевую роль в исследованиях и испытаниях. Указы и постановления в этой области обеспечивают единообразие и точность, необходимые для доверия к результатам исследований.

Инжиниринговые услуги, в свою очередь, регулируются через профессиональные стандарты и постановления, которые обеспечивают качество и надежность инженерной деятельности. Это критично в сложных инженерных проектах, где точность и безопасность стоят на первом месте.

В сфере дизайна и консалтинга используются нормативы и профессиональные стандарты, которые помогают поддерживать высокий уровень профессионализма и качество услуг.

Использование результатов исследований и лицензий в коммерческих целях невозможно без опоры на законы о патентах и о конкурентных правах, которые регулируют условия работы на рынке и обеспечивают защиту инноваций и честную конкуренцию.

¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.07.2020 г. № 424 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий». Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=457474> (дата обращения: 21.04.2025).

Медицинские и клинические исследования регулируются постановлениями в области здравоохранения, что обеспечивает безопасность и этичность проводимых испытаний.

Законы об информационных технологиях и цифровой экономике регулируют создание программного обеспечения (далее – ПО) и веб-разработку, направляя развитие этой быстрорастущей области, гарантируя цифровую безопасность.

Строительство как отрасль строго регулируется строительными нормами и стратегическими указами, которые обеспечивают безопасность и качество строительных проектов [10].

Поддержка политических акций и творческой деятельности осуществляется через законы о средствах массовой информации и о политических партиях, а также через нормативные акты в области культуры.

Важно отметить, что для каждой сферы регулирование может меняться в зависимости от юрисдикции и актуальной законодательной базы. Регулирующие документы постоянно обновляются, чтобы соответствовать актуальным вызовам и изменениям в обществе.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НИ-ПРОЕКТАМИ

Особенности управления НИ-проектами и программами требуют особого внимания к функциональным аспектам управления, таким как планирование, организация, мотивация, контроль и координация. Эти функции играют ключевую роль в обеспечении успешного выполнения проектов, направленных на создание новых знаний и технологий. Управление НИ-проектами и программами является уникальной задачей, которая требует от управляющих не только знаний в области классического проектного менеджмента, но и глубокого понимания специфики исследовательской деятельности. Исследовательские проекты часто сопряжены с высокой степенью неопределенности и рисков, поскольку они направлены на изучение новых, ранее не исследованных областей. В этой связи классические методы управления проектами должны быть адаптированы и интегрированы с учетом особенностей научной деятельности.

Планирование в НИ-проектах связано с четким определением целей, задач и необходимых ресурсов. Это процесс, который требует тщательной проработки деталей, таких как временные рамки, бюджет и кадровые потребности. Важно составить гибкий план, способный адаптироваться к изменениям и учитывать неопределенности, связанные с исследовательской деятельностью. Это подразумевает необходимость постоянной актуализации плана по мере получения новых данных и продвижения проекта. На этапе планирования следует учитывать не только временные и ресурсные ограничения, но и возможные научные риски, такие как непредсказуемые результаты или научные преграды. Планирование в НИ-проектах связано не только с установлением временных рамок и распределением ресурсов, но и с прогнозированием возможных научных результатов, что делает этот процесс гораздо более комплексным и динамичным.

Организация как функция управления в НИ-проектах связана с созданием оптимальной структуры команды и распределением обязанностей среди ее участников, с установлением четкой иерархии и схемы коммуникаций. Эффективная организация способствует тому, чтобы каждый участник знал свои задачи и поручения, имея достаточную свободу для творчества и инноваций, что является чрезвычайно важным в исследовательской среде [11]. В НИ-проектах критически важно обеспечить наличие междисциплинарных навыков, необходимых для достижения интеграции различных научных подходов и методов. Существенную роль играет и создание мотивирующей атмосферы, чтобы каждый участник имел возможность раскрыть свой потенциал и внести вклад в общее дело. Следовательно, мотивация становится не только инструментом поднятия морали, но и важнейшим аспектом создания продуктивной творческой среды [11].

Она является одной из сложнейших задач управления НИ-проектами, так как связана с долгосрочной работой с высокоинтеллектуальными кадрами, которые стремятся к профессиональному росту и признанию. Для успешной мотивации важно создать среду, способствующую саморазвитию, креативности и независимости исследователей. Это можно достичь через поддержку инициативы, поощрение сотрудничества и создание позитивного климата в команде. Также важны нематериальные стимулы, такие как признание вклада каждого участника и возможность делать карьерные достижения.

Контроль в НИ-проектах приобретает специфические особенности, обусловленные необходимостью мониторинга не только сроков и бюджета, но и качества научных результатов. Контроль должен быть нацелен на выявление отклонений от плана и причин этих отклонений, что позволит своевременно кор-

ректировать курс проекта. Регулярные совещания, отчеты о проделанной работе и оценка промежуточных результатов помогают в поддержании заданной траектории исследования. Важно, чтобы контроль не превращался в чрезмерную бюрократию и микроменеджирование, поскольку это может подавить инициативу и творческий подход участников, а также отразиться на процессе реализации самого НИ-проекта (вместо концентрации на результатах фокус может смещаться на заполнение отчетов и формирование протоколов).

Координация в научных исследованиях подразумевает согласование усилий всех участников проекта, обеспечение их коммуникации и обмена информацией. Она также предполагает интеграцию научных результатов в общей рамке проекта, что особенно важно при работе с междисциплинарными командами. Координирование усилий помогает минимизировать дублирование работ и способствует эффективному использованию ресурсов. В НИ-проектах координация необходима для обеспечения связности действий разнообразных специалистов и научных направлений, задействованных в проекте. Это можно обеспечить при помощи четко налаженной коммуникации, которая позволит обмениваться информацией и решать возникающие проблемы в сотрудничестве. Таким образом, координация не только объединяет команду, но и способствует появлению синергии, которая позволяет преодолевать технические и организационные вызовы.

Таким образом, успешное управление научными проектами требует от руководителя гибкости, адаптивности и стратегического видения. Необходимо уметь быстро реагировать на изменяющиеся условия, быть готовым пересматривать первоначальные планы и подходы в зависимости от динамики научного поиска. Умение сочетать классические функции управления с особенностями научной деятельности выступает залогом успеха в этой сложной и творческой области, открывая путь к значительным научным прорывам и инновациям, способным изменить облик будущего.

КЛАССИФИКАЦИЯ НИ-ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ

Критерием, позволяющим отличить научные исследования и разработки от сопутствующих им видов деятельности, является наличие в них значительного элемента новизны, инновационной составляющей предполагаемых к развитию и последующей реализации научных и научно-технических подходов, технических и технологических решений.

Одними из основных признаков научно-исследовательских работ (далее – НИР) являются новизна получаемых результатов и возможность создания новых объектов интеллектуальной собственности (изобретений, полезных моделей и промышленных образцов), а также их творческий характер, что обязательно должно быть учтено при выполнении проекта [8].

Классификационные признаки определяют различные аспекты проектов, позволяя их систематизировать и сравнивать.

По уровню проекта выделяют проекты и программы. В самом общем виде программы представляют собой совокупность взаимосвязанных проектов и комплексов работ, направленных на достижение глобальной миссии.

В зависимости от национальных целей развития страны, проекты могут способствовать решению различных задач: демографических проблем, социально значимых вопросов, улучшению экологического благополучия, обеспечению устойчивой и динамичной экономики, достижению технологического лидерства и цифровизации.

Их предметно-содержательная область может быть научной или прикладной. НИ-проекты направлены на получение новых знаний, проверку научных гипотез, а прикладные – на практическое применение результатов исследований.

Ожидаемые результаты НИ-проектов могут включать выполненные и документально оформленные НИР, ОКР и НИОКР в совокупности [3].

По срокам реализации НИ-проекты делятся на краткосрочные (до 2 лет), среднесрочные (от 2 до 5 лет) и долгосрочные (более 5 лет).

По характеру проекта и уровню участников он может быть международным или отечественным (национальным, региональным, локальным).

Классификация по вышеописанным признакам позволяет учесть масштаб и значимость проекта, а также его влияние на различные уровни общества. Основное описание классификационных признаков можно увидеть в таблице ниже.

Классификация НИ-проектов по различным признакам

Классификационные признаки	Типы и виды НИ-проектов					
	НИ-проект			НИ-программа		
По уровню проектной деятельности						
По национальным целям развития страны	Способствующий решению демографических проблем	Способствующий решению социально значимых проблем	Способствующий экологическому благополучию	Способствующий развитию устойчивой и динамичной экономики	Способствующий технологическому лидерству	Способствующий развитию цифровизации
Предметно-содержательная область	Научно-исследовательский			Прикладной		
По ожидаемым результатам	НИР		ОКР	НИОКР		
По срокам реализации	Краткосрочный (до 2 лет)		Среднесрочный (от 2 лет до 5 лет)	Долгосрочный (от 5 лет)		
По характеру проекта / уровню участников	Международный			Отечественный (национальный, региональный, локальный)		
Виды финансирования	Коммерческое финансирование			Государственное финансирование		
Заказчик проекта	Коммерческая организация			Государственный заказчик		

Составлено авторами по материалам исследования

ПРИМЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ НИ-ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ В РФ

Следует отметить, что многие НИ-проекты и программы, разрабатываемые как в России, так и за рубежом, имеют статус секретности, что значительно усложняет поиск и освещение некоторых из них в данном исследовании. В связи с этим в качестве примеров будут рассмотрены те из них, что иллюстрируют разные типы проектов, реализуются организациями различных отраслей и сфер деятельности, не имеют статуса секретности, не затрагивают интересы третьих лиц и не представляют раскрытие государственной тайны (информация взята с официальных сайтов организаций и находится в открытом доступе).

В качестве примеров рассмотрим следующие отечественные компании, занимающиеся разработкой различных типов НИ-проектов и программ.

1. Организации, занимающейся разработкой ОКР. Акционерное общество (далее – АО) «Обуховский завод» – многопрофильное машиностроительное и радиотехническое предприятие в составе Концерна воздушно-космической обороны (далее – ВКО) «Алмаз-Антей»². На данный момент завод занимается проектированием, изготовлением, монтажом и обслуживанием систем вооружения и военной техники, а также гражданской продукцией в интересах атомной энергетики, судостроения и других отраслей промышленности. АО «Северо-Западный региональный центр Концерна ВКО «Алмаз-Антей» – Обуховский завод» ведет свою деятельность в нескольких направлениях. Среди них литейное и гальваническое производство, выпуск гражданской продукции, НИ-работа в области прикладного материаловедения и разработка ПО. Такое разнообразие деятельности позволяет компании вносить значительный вклад в различные отрасли экономики и оборонной промышленности страны.

² Акционерное общество «Научно-производственное объединение „Северо-Западный региональный центр Концерна ВКО «Алмаз-Антей» – Обуховский завод». Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.goz.ru/> (дата обращения: 25.04.2025).

2. Организации, занимающихся разработкой НИОКР.

2.1. Государственная корпорация (далее – госкорпорация) по атомной энергии «Росатом» – российский государственный холдинг, объединяющий более 400 организаций атомной отрасли³. В состав «Росатома» входят все гражданские атомные компании России, предприятия ядерного оружейного комплекса, НИ-организации, а также атомный ледокольный флот («Атомфлот» – федеральное государственное унитарное предприятие, которое обеспечивает эксплуатацию и технологическое обслуживание атомных ледоколов и судов вспомогательного флота⁴). «Росатом» ведет свою деятельность по множеству направлений. Среди них:

- энергетика (представляет комплексную систему энергетики, направленную на безопасное и эффективное производство и поставку электроэнергии с использованием различных источников);
- промышленность (создание и эксплуатация оборудования и технологий, необходимых для развития экономики и обеспечения энергетической безопасности страны);
- логистика и развитие Северного морского пути (далее – СМП), (основные направления деятельности «Росатомфлота»: проводка судов в акватории СМП, проведение НИ-экспедиций, аварийно-спасательные операции во льдах);
- прикладная наука (НИ-деятельность госкорпорации направлена на создание новых решений для энергетики и ИТ, повышающих качество жизни людей. База для осуществления НИ-деятельности – это входящие в состав «Росатома» ядерные центры и научные институты);
- ядерная медицина (строительство в Европе крупного завода по производству радиофармацевтических препаратов, а также серийное производство высокотехнологичного медицинского оборудования и создание объектов медицинской инфраструктуры);
- цифровые продукты «Росатома» (госкорпорация «Росатом» активно занимается цифровизацией, выпуская ПО и развивая ИТ-инфраструктуру для обеспечения технологического суверенитета страны, созданием катастрофоустойчивой сети центров обработки данных. АО «Атомдата-Центр» входит в контур управления АО «Концерн Росэнергоатом»⁵);
- электродвижение (развитие производства электрического транспорта, создание соответствующей инфраструктуры и формирование благоприятной регуляторной среды);
- накопители энергии (создание систем накопления энергии с использованием литий-ионных аккумуляторов различной мощности для разных областей применения);
- проекты в сфере экологии (формирование инфраструктуры для работы с отходами I и II классов и устранение объектов накопленного вреда);
- комфортная городская среда (новые бизнес-направления госкорпорации «Росатом», такие как «Умный город», «Централизация систем ресурсоснабжения» и «Чистая вода», связаны с устойчивым развитием территорий) [12];
- многофункциональные центры облучения. Ионизирующее излучение применяется для следующих целей: стерилизация медицинских изделий разового использования (перчаток, масок и т.д.), радиационная обработка пищевых продуктов и сельскохозяйственной продукции (для уничтожения патогенных микроорганизмов) и обработка полимеров;
- образование (образовательная экосистема госкорпорации «Росатом» обеспечивает обучение, подготовку и переподготовку специалистов атомной отрасли, а также способствует получению новых научных результатов мирового уровня, укреплению технологического суверенитета страны, подготовке ученых высшей квалификации, воспитанию новых научно-технологических лидеров и развитию кадрового потенциала предприятий госкорпорации «Росатом» и ключевых научных и высокотехнологичных организаций России);
- иные направления бизнеса (оценка перспективных инвестиционных возможностей, создание условий для максимального раскрытия потенциала и компетенций отраслевых организаций с целью расширения портфеля заказов на новые продукты и услуги на текущих и потенциальных рынках).

Такой широкий спектр деятельности позволяет компании вносить значительный вклад в различные отрасли экономики и социальной сферы страны.

³ Росатом. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/index.html> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

2.2. Научно-производственное объединение машиностроения (АО «Военно-промышленная корпорация „НПО машиностроения“») – одно из ведущих ракетно-космических предприятий Советского Союза и РФ⁶. Разрабатывает полный спектр ракетной и космической техники – ракетносителей, спутников, пилотируемых орбитальных станций и их модулей, военных баллистических, крылатых и прочих ракет. Научно-производственное объединение машиностроения ведет свою деятельность в различных направлениях. Среди них изготовление замков с управлением по радиоканалу – замков-невидимок, услуги типографии, услуги по сдаче площадей в аренду, изготовление комплектующих для протезно-ортопедических изделий, ИТ. Однако основными направлениями деятельности предприятия являются разработка боевых комплексов с крылатыми ракетами, стратегических ракетных комплексов и ракет-носителей, а также космических комплексов, систем и аппаратов. Такое разнообразие деятельности позволяет компании вносить значительный вклад в различные отрасли экономики и оборонной промышленности страны.

2.3. АО «Центр эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры» (далее – АО «ЦЭНКИ») – предприятие «Роскосмоса» (российская госкорпорация, управляющая космической отраслью страны), основными задачами которого являются обеспечение успешных запусков и создание стартовых и технических комплексов любой сложности для любых типов ракет-носителей⁷. АО «ЦЭНКИ» предоставляет полный спектр услуг, начиная от выполнения проектно-конструкторских работ и заканчивая производством, испытаниями, а также последующими эксплуатацией и обслуживанием созданных ракетно-космических комплексов.

3. Организации, занимающиеся разработкой НИР. Российские университеты и НИ-институты активно занимаются различными видами НИР: инициативными (по инициативе сотрудников вуза), хоздоговорными (выполняемыми по заказу сторонней организации), грантовыми (выполняемыми по заданию грантодателя).

Например, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана – национальный исследовательский вуз, крупный научный центр страны, новатор в сфере разработок авиационно-космических систем. В университете ведутся исследования, касающиеся:

- информационно-телекоммуникационных систем;
- индустрии наносистем;
- безопасности и противодействия терроризму.

В структуре учреждения работают более 60 НИ-институтов, центров и лабораторий.

Другой пример – Государственный университет управления (далее – ГУУ), который, несмотря на управленческую специализацию, имеет в своей структуре научные школы и НИ-лаборатории (в том числе студенческие), выполняет инициативные, хоздоговорные и грантовые НИР. ГУУ является ведущим вузом в России в области проектно-ориентированного образования и применения проектного подхода при реализации различного рода проектов: образовательных (внедрение проектно-исследовательской деятельности в учебные планы всех без исключения образовательных программ, форм и курсов), научно-исследовательских, профориентационных, гражданско-патриотических, спортивных, инфраструктурных (направленных на развитие кампуса ГУУ, строительство новых корпусов и благоустройство территории), эколого-просветительских (прохождение практики в организациях, реализующих экологические проекты по заказу крупных организаций), а также проекты в области развития международного сотрудничества (ГУУ входит в научно-образовательный консорциум «Евразийский сетевой университет»), технологического предпринимательства (с 2022 г. вуз реализовал 6 акселерационных программ поддержки студенческого технологического предпринимательства по таким направлениям рынков Национальной технологической инициативы, как EduNet, HealthNet, EnergyNet, AutoNet, TechNet, HomeNet. За три года обучение по данным акселерационным программам прошли свыше 5 тыс. студентов, было разработано более 900 стартап-проектов, половина из которых – технологические, направленные на достижение национальных стратегических целей развития РФ и обеспечения технологического суверенитета).

⁶ Акционерное общество «Военно-промышленная корпорация „НПО машиностроения“». Официальный сайт. Режим доступа: <https://npomash.ru/prom/ru/default.htm> (дата обращения: 25.04.2025).

⁷ Центр эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.russian.space/#video> (дата обращения: 25.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно подчеркнуть, что проведенное исследование выявило важность междисциплинарного подхода и активного сотрудничества между научными и промышленными секторами, что играет ключевую роль в успешной реализации НИОКР.

В данной статье были определены понятия «НИ-проект» и «НИ-программа», выявлены характеристики и их виды. Были подробно описаны особенности управления НИ-деятельностью и ее регулирования со стороны государства. В разделе «Примеры реализации НИ-проектов и программ в РФ» рассмотрены кейсы конкретных компаний из различных сфер экономической деятельности. В частности, такие организации, как АО «Обуховский завод» и АО «Северо-Западный региональный центр Концерна ВКО «Алмаз-Антей», демонстрируют, как интеграция различных отраслей и направлений деятельности способствует не только укреплению национальной обороноспособности, но и стимулированию экономического роста. Междисциплинарные проекты создают среду для инноваций, приводящих к значительным технологическим прорывам.

В результате можно сделать следующие выводы:

- в России, в связи с нестабильной и агрессивной макроэкономической средой, в частности в связи с введением санкций против РФ, на государственном уровне увеличилось финансирование НИОКР, так как необходимо реализовывать программу импортозамещения во всех сферах промышленности страны;
- недостаточное внимание уделяется целевому распределению и контролю средств на финансирование НИОКР и программу импортозамещения РФ.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение конкретных механизмов и стратегий, которые способствуют улучшению управления научными проектами, а также на развитие методологий для оценки их эффективности.

Важно исследовать практики, которые могут быть масштабированы в различных секторах экономики, чтобы оптимизировать процессы внедрения инноваций и повысить их влияние на общественное развитие и обеспечение технологического суверенитета РФ.

Список литературы

1. Бирюков А.П., Брикошина И.С., Аялин А.М., Рыжов И.В., Халимон Е.А. Инновационная направленность и критерии развития современных экономических знаний. Экономика и предпринимательство. 2019;6(107):814–817.
2. Тимофеев Н. (ред.) Требования IPMA к компетентности профессионалов в управлении проектами, программами и портфелями. 4-я версия. Том 1. М.: Ассоциация специалистов и организаций в области управления проектами «СОВНЕТ»; 2019. 180 с.
3. Соколов В.А. Аналитические аспекты исследования НИОКР. В кн.: Инновационный потенциал развития науки в современном мире: сборник статей по материалам I международной научно-практической конференции, том 1, Уфа, 14 октября 2017 г. Уфа: Дендра; 2017. С. 85–91.
4. Петровская А.С., Рахтай Н. Содержание и ключевые признаки проектов. Экономика и социум. 2019;5(60):1660–1663.
5. Петрухина М.Ю. Проектная деятельность как средство совершенствования профессиональных компетенций студентов СПО. Культура. Духовность. Общество. 2016;26:113–116.
6. Плетнёва А.В., Насырова Э.А., Аксёнов А.Н., Халимон Е.А. Устойчивое проектное управление как инструмент повышения экономического эффекта от технологических инноваций. Вестник университета. 2021;7:151–158. <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-7-151-158>
7. Балыкина А.М., Болотина Т.В., Данилова Т.Н., Ефременков А.Б., Каменева Е.Г., Ладгушкина Н.М. и др. Определение соответствия работ по проекту, предлагаемому для реализации в рамках государственных программ, федеральных и национальных программ и проектов в сфере образования и науки, требованиям к научно-исследовательским работам. Управление образованием: теория и практика. 2021;1(41(11):160–169. <https://doi.org/10.25726/p1040-7446-1503-z>
8. Хрусталёв Е.Ю., Ильменская Е.М. Методы оценки и стимулирования научно-исследовательских проектов и программ. Экономический анализ: теория и практика. 2014;17(369):2–12.
9. Шевченко Ю.С., Греченкова О.Ю. Нормативно-правовая основа НИОКР в современный период. В кн.: Перспективы науки – 2017: материалы VI Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ, Казань, 28 апреля 2017 г. Казань: Ракета Союз; 2017. С. 268–274.
10. Кузюзова Н.С. Сущность и правовые аспекты национального проекта. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021;1(21):96–102. <https://doi.org/10.14529/law210114>

11. Курбатова С.П. Особенности управления научно-исследовательской деятельностью предприятий высокотехнологического сектора. Экономинфо. 2012;17:54–55.
12. Смирнов Е.А., Каштанов В.Г., Денк В.В., Халимон Е.А. Тренды инновационного развития умных городов. Вестник университета. 2021;5:28–36. <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-5-28-36>

References

1. Biryukov A.P., Brikoshina I.S., Lyalin A.M., Ryzhov I.V., Halimon E.A. Innovative orientation and criteria for the development of modern economic knowledge. Journal of Economy and Entrepreneurship. 2019;6(107):814–817. (In Russian).
2. Timofeev N. (ed.) IPMA Individual Competence Baseline. 4th version. Volume 1. Moscow: Association of specialists and organisations in the field of project management “SOVNET”; 2019. 180 p. (In Russian).
3. Sokolov V.A. Analytical aspects research R&D. In: Innovative potential of science development in the modern world: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, volume 1, Ufa, October 14, 2017. Ufa: Dendra; 2017. C. 85–91. (In Russian).
4. Petrovskaya A.S., Rahtay N. The contents and key characteristics of projects. Economy and society. 2019;5(60):1660–1663.
5. Petrukina M.Yu. Project activity as a means of improving the professional competencies of secondary vocational education students. Culture. Spirituality. Society. 2016;26:113–116. (In Russian).
6. Pletnyova A.V., Nasyrova E.A., Aksenov A.N., Khalimon E.A. Sustainable project management as a tool for increasing the economic effect of technological innovations. Vestnik universiteta. 2021;7:151–158. (In Russian). <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-7-151-158>
7. Balykina A.M., Bolotina T.V., Danilova T.N., Efremkov A.B., Kameneva E.G., Ladnushkina N.M. et al. Determination of compliance of work on the project proposed for implementation within the framework of state programs, federal and national programs and projects in the field of education and science with the requirements for research work. Management of education: theory and practice. 2021;1(41(11):160–169. (In Russian). <https://doi.org/10.25726/p1040-7446-1503-z>
8. Kbrustalev E.In., Il'menskaya E.M. Methods for assessing and promoting scientific-research projects and programs. Economic Analysis: Theory and Practice. 2014;17(369):2–12. (In Russian).
9. Shevchenko Yu.S., Grechenkova O.Yu. Regulatory basis of R&D in the modern period. In: Perspectives of science – 2017: Proceedings of the VI International Correspondence Competition of Research Papers, Kazan, April 28, 2017. Kazan: Róketa Soyuz; 2017. C. 268–274. (In Russian).
10. Kutuzova N.S. Essence and legal aspects of the national project. Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2021;1(21):96–102. (In Russian). <https://doi.org/10.14529/law210114>
11. Kurbatova S.P. Features of management of research activity of the enterprises of highly technological sector. Ekonominfo. 2012;17:54–55. (In Russian).
12. Smirnov E.A., Kashtanov V.G., Denk V.V., Khalimon E.A. Trends in the innovative development of smart cities. Vestnik universiteta. 2021;5:28–36. (In Russian). <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-5-28-36>

Анализ применения искусственного интеллекта преподавателями вуза

Токарев Борис Евгеньевич

Д-р экон наук, проф. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0001-6057-8451, e-mail: tokarevboris@gmail.com

Россихин Борис Анатольевич

Ст. преп. каф. маркетинга
ORCID: 0009-0002-0459-0952, e-mail: brosin@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Приведены результаты анализа использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в работе преподавателей вузов. Рассматриваются основные задачи, стоящие перед преподавателями по разработке и сопровождению учебных курсов. В методической части обсуждаются положения научных публикаций, касающиеся использования ИИ в обучении, а также анализируются результаты исследований, описывающие возможности применения технологии учителями. Показано, что современные ИИ-модели предоставляют широкий спектр возможностей для поддержки преподавательской деятельности, начиная от автоматизации периодически выполняемых задач и заканчивая созданием уникального образовательного контента. В результате анализа источников показано, что ИИ может оказать существенную поддержку преподавателям в создании учебных материалов, оценке знаний студентов, в проверке домашних заданий, тестировании и анализе их выполнения учащимися. Авторы провели сравнение наиболее часто используемых моделей GPT (англ. generative pre-trained transformer – генеративный предобученный трансформер) на предмет того, что от них можно получить для преподавательской деятельности в вузе. Представлены результаты пилотажного опроса учителей, проведенного в конце 2024 г. Согласно полученным данным преподаватели начинают использовать нейронные сети (далее – нейросети) для выполнения своих профессиональных обязанностей. Выявлено, что большинство из них положительно оценивают использование ИИ для образовательных целей, но сталкиваются с ограничениями, включая технические и организационные барьеры. Определено, для каких видов работ чаще всего применяются нейросети. Получены пожелания преподавателей по повышению квалификации в области применения ИИ.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, нейросеть, вуз, преподаватель, студент, учебная программа, учебные задания

Для цитирования: Токарев Б.Е., Россихин Б.А. Анализ применения искусственного интеллекта преподавателями вуза // Вестник университета. 2025. № 7. С. 45–55.

Analysis of artificial intelligence use by university teachers

Boris E. Tokarev

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0001-6057-8451, e-mail: tokarevboris@gmail.com

Boris A. Rossikhin

Senior Lecturer at the Marketing Department
ORCID: 0009-0002-0459-0952, e-mail: brosin@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article presents results of usage analysis of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in the lecturers' activity in institutes and universities. The main tasks facing teachers in developing and maintaining training courses are considered. The methodological part discusses the provisions of scientific publications concerning the use of AI in teaching as well as analyses the research results describing the possibilities of applying the technology by university lecturers. It is shown that modern AI models provide a wide range of opportunities to support teaching activities, ranging from automation of periodically performed tasks to the creation of unique educational content. As a result of the analysis of the sources, it is shown that AI can provide significant support to teachers in creating educational materials, assessing students' knowledge, checking homework, testing and analysing their assignments. The authors have conducted a comparison of the most used GPT (generative pre-trained transformer) models to determine what can be obtained from them for teaching at university. The results are presented with a pilot survey of lecturers which was conducted at the end of 2024. According to the data obtained, teachers begin to use neural networks to fulfill their professional duties. It is revealed that most of them positively assess the application of AI for educational purposes, but face limitations, including technical and organisational barriers. It shows which types of work use GPT models most often. The lecturers' wishes for advanced training in the field of AI application have been determined.

Keywords

Artificial intelligence, neural network, higher educational institution, lecturer, student, curriculum, learning activity

For citation: Tokarev B.E., Rossikhin B.A. (2025) Analysis of artificial intelligence use by university teachers. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 45–55.

ВВЕДЕНИЕ

Разработчики генеративных предобученных моделей (англ. generative pretrained transformer, далее – GPT) не скупятся на описания своих достижений в превосходных тонах. Каких только возможностей не обещают разработчики искусственного интеллекта (далее – ИИ). В частности, авансы раздаются и преподавателям высшей школы. GPT подготовит учебные материалы, напишет тексты выступлений и отчетов, он будет помогать оформлять презентации, поддерживать коммуникации, проверять выполненные студентами работы и многое другое. Тем не менее, с учетом состояния текущего этапа, ожидать слишком многого преждевременно. Однако человек очень надеется на будущие возможности, стремится к ним, не всегда отдавая себе отчет в том, чего это будущее будет стоить [1].

Для анализа такого рода глобальных инновационных разработок имеется очень хороший показатель, характеризующий интерес и потенциал их применения, который определяется количеством участников разработок технологии ИИ. Чем их больше, тем выше шансы на нахождение устраивающего всех решения. В настоящее время таких разработчиков много, причем не в одной стране, а уже в ряде государств мира. В гонку за будущее включилось значительное количество игроков, в том числе отечественных – «Сбер» и «Яндекс»¹. Однако даже их нет в топ-списке 10 крупнейших инвесторов. Авторы книги «Искусство быть вторым...» убедительно показали, что вслед за первопроходцами, внедряющими новые технологии, должны прийти их последователи, которые, принимая во внимание просчеты и ошибки первых, смогут внести достойный вклад в совершенствование технологии ИИ [2]. Как показали недавние события начала 2025 г. с напумевшем анонсом китайской нейронной сети (далее – нейросеть) DeepSeek, мало того, что «последователи» затратили на порядок меньшую сумму для своей разработки, так они в общем первенствуют в заочном споре с лидером рынка ChatGPT.

Однако речь даже не про перспективу. Уже сегодня необходимо умело применять то, что есть, и извлекать из этого определенную пользу. Мы располагаем результатами опроса студентов двух московских известных учебных заведений, готовящих управленцев [3], которые свидетельствуют об активном применении студентами ИИ в образовательном процессе. Ряд вузов приняли решение о легализации использования ИИ учащимися², а другие, наоборот, принципиально запрещают его применение.

В Национальной стратегии развития ИИ в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на период до 2030 г. прямо указывается на необходимость внедрения механизма в учебный процесс³. Поэтому использование элементов технологии в различных областях общества, экономики, бизнеса, в том числе в процессе преподавания управленческих дисциплин, становится неизбежным.

В первые дни нового 2025 г. в средствах массовой информации появились сообщения о том, что Министерство науки и высшего образования (далее – Минобрнауки) с 1 сентября 2026 г. планирует изменить систему высшего образования в России, о чем одним из первых сообщило хорошо осведомленное РИА Новости⁴. Если это так, то было бы весьма полезно на законных основаниях поставить точку в споре о том, будет ли человек использовать ИИ в своей работе. Здесь имеются в виду не только преподаватели, но и студенты, а также все остальные участники образовательного процесса, включая университетский менеджмент и Минобрнауки. Вполне вероятно, что до законодательных норм дело так и не дойдет, но тогда необходимо разобраться, как ИИ можно использовать или не использовать уже сейчас. Разработка моделей нейросетей находится в активной стадии, очень много компаний прикладывают усилия в этом направлении.

Цель настоящей работы состоит в попытке определить, используют ли наши коллеги технологии ИИ в процессе преподавания управленческих дисциплин студентам вуза.

Мы стремимся подтвердить наличие данной проблемы. Мы отдаем себе отчет в том, что тема весьма дискуссионная. Поэтому, поставив вопрос, постараемся разобраться с проблемой, которая реально существует.

¹ AllSee. 15 крупнейших компаний в области ИИ в 2024 году. Режим доступа: https://allsee.team/ai_top-companies_2024 (дата обращения: 01.03.2025).

² Гормалева Н. ВШЭ будет поощрять студентов за использование ИИ при подготовке курсовых и дипломов. Режим доступа: https://rb.ru/news/vshe-ai-education/?utm_order_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

³ Национальный портал в сфере искусственного интеллекта и применения нейросетей в России. Официальный сайт. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/mediacenter/virtualnyy-uchitel-kak-ii-menyat-obrazovanie/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ РИА Новости. Вузы перейдут на обновленную систему образования в 2026 году. Режим доступа: <https://ria.ru/20250107/obrazovanie-1992703583.html> (дата обращения: 01.03.2025).

Предлагаемая статья является логическим продолжением предыдущей, в которой мы представили результаты исследования, как и для чего ИИ применяют студенты для выполнения своих учебных работ [4].

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Из научных и научно-практических публикаций на тему помощи ИИ в работе преподавателя высшей школы мы можем узнать набор неких констатаций. Чаще всего публикации посвящены использованию ИИ в преподавании в школе. На втором месте – область обучения иностранным языкам. То есть тем направлениям, где можно вполне конкретно сформулировать задание и получить объективно проверяемый ответ. Хотя, возможно, это излишне упрощенное представление.

Однако в направлении обучения управленческим дисциплинам наблюдается повышенный интерес. Опубликовано впечатляющее количество научных работ [5–8]. Изданы и распространяются в открытом формате отчеты по итогам практических исследований^{5,6}.

Что опубликованные работы констатируют, какую помощь для преподавателей обещает применение ИИ? Представляем тезисы, часто упоминаемые во множестве работ:

1) определенная выгода для преподавателя с точки зрения сокращения времени и усилий в разработке и реализации учебного курса;

2) тенденция роста перспектив использования ИИ в работе преподавателей;

3) разработка и внедрение узкотематических ИИ для определенных сфер деятельности;

4) создание учебного контента;

5) помощь в оформлении результатов, графический дизайн и создание презентаций;

6) создание видеоконтента.

В работе Д. Халилова обозначено текущее применение ИИ:

1) индивидуализация и аналитика обучения;

2) применение адаптивных систем обучения;

3) визуализация образовательных данных;

4) контроль обучения [9].

В работе П.М. Лукичева и О.П. Чекмарева показано, что в целом система высшего образования не успевает за изменениями технологий, что, безусловно, относится и к внедрению ИИ в образовательные процессы. Данные технологии имеют вспомогательный характер в этих процессах [5].

В государственной программе внедрения ИИ поставлена конкретная задача использования автоматической оценки заданий и тестов, которая «может значительно ускорить процесс проверки, уменьшить нагрузку на преподавателей и дать быструю обратную связь ученику»⁷. Также в программе рассматривается возможность создания новых интеллектуальных учебников.

Результаты дискуссий конференции «Яндекса» определили три направления применения ИИ в деятельности преподавателей: помощь (ассистент) в разработке новых учебных программ, подготовка учебного контента для разных форм занятий и оценивание выполненных студентами работ. Университеты активно разрабатывают и внедряют последние ИИ-модели онлайн-обучения⁸.

В материалах конференции «Яндекс» констатируется:

1) использование ИИ в качестве ассистента преподавателя при разработке учебных материалов и их структурировании, с логической последовательностью тем и разбивкой по часам, а также составлением разного рода аннотаций к ним;

2) составление учебных материалов для изучения студентами, а также сопровождающих занятия изложений, презентаций и видео;

3) компилирование заданий в форме кейсов, тестов, упражнений;

4) проведение оценивания различных форм работы студента.

В общем лейтмотив представленного анализа свидетельствует о том, что ИИ способен облегчить

⁵ Яков и Партнёры. Яндекс. Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы. Режим доступа: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/c5e/c8t1wrkdne5y9a4nqlclderalwny7xh4/20231218_AI_future.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

⁶ Яндекс Образование. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее. Режим доступа: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (дата обращения: 03.03.2025).

⁷ Национальный портал в сфере искусственного интеллекта и применения нейросетей в России. Виртуальный учитель: как ИИ меняет образование. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/mediacenter/virtualnyy-uchitel-kak-ii-menyet-obrazovanie/> (дата обращения: 03.03.2025).

⁸ СберУниверситет. Искусственный интеллект. Глобальные и образовательные тенденции, направления применения, 35 ИИ-сервисов. Режим доступа: <https://sberuniversity.ru/upload/iblock/9eb/8g9zq62hzajlcqvv9o4gag45ztiym/iskusstvennyjintellekt.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

нагрузку на преподавателя, снизить усилия по выполнению типичных рутинных задач. Однако в некоторых дисциплинах, например при подготовке маркетологов, в которых на полноту и точность ответа будет влиять много неформализуемых факторов, получение обоснования такого решения представляет существенные сложности. Оно будет зависеть от большого количества внутренних причин, если ищутся решения в отношении маркетинговой деятельности конкретной компании, и от внешних микро- и макрофакторов, формирующих рыночную среду⁹.

Авторы столкнулись с диаметрально противоположными оценками перспектив изучаемой технологии в высшей школе¹⁰, а также с переосмыслением учебного процесса как такового. В частности, появляются сообщения о внедрении ИИ вместо педагогов¹¹.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ

Мы постарались узнать от самих преподавателей вузов, готовы ли они к такому повороту, пытались ли уже применять ИИ на своих занятиях, как к этому относятся. Для того чтобы понять, какую помощь может оказать технология преподавателю вуза, сначала формально перечислим круг работ, которые все мы обязаны выполнять. Далее представим результаты сравнительного анализа действующих нейросетей, которые уже в настоящее время позволяют учителю что-то сделать. В заключение приведем результаты нашего опроса преподавателей вузов на предмет их знания о возможностях ИИ, а также опыта практического использования.

Участие конкретного преподавателя в разработке и реализации учебного курса начинается с рабочей программы дисциплины (далее – РПД). Каждый составляет ее под себя, но отталкиваясь от требований Минобрнауки и кафедры. На этом этапе вполне возможно использовать ресурсы ИИ для формирования РПД [8]. Далее все элементы программы необходимо наполнить содержанием. Реализация учебной программы преподавателем вуза включает следующие этапы:

- получение от кафедры расписания, в котором определены дисциплины, даты и виды работ;
- подготовка материалов для проведения лекций, практических занятий, лабораторных работ;
- проведение лекционных, семинарских, лабораторных работ;
- заполнение отчетности по посещаемости, успеваемости, активности, выполнению текущих и итоговых семестровых заданий;
- разработка раздаточных материалов;
- прием семестровых работ для допуска студентов к сдаче зачетов и экзаменов;
- составление списков вопросов для подготовки студентов к сдаче зачетов и экзаменов;
- консультирование учащихся перед экзаменами и зачетами;
- прием зачетов и экзаменов;
- анализ и корректировка учебных курсов и вопросов к экзаменам и зачетам.

Безусловно, есть еще большой пласт научно-исследовательской работы, но эту составляющую мы не затрагиваем в данном исследовании.

Ниже представлены результаты нашего сравнительного анализа возможностей и результативности различных нейросетей на текущем этапе. К сожалению, ИИ развивается столь стремительно, что вполне возможно следующее: к дате опубликования настоящей работы обзор в чем-то утратит свою актуальность.

Проведя анализ существующих моделей ИИ, мы классифицировали их на 5 групп:

- 1) для работы с текстами;
- 2) для работы с графикой;
- 3) для работы с видео;
- 4) математические модели;
- 5) помощь в обучении.

Проанализируем состав работ по каждой из представленных групп.

⁹ Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пределы доверия: естественный интеллект – об искусственном. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom> (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁰ Yura Expert. Из-за развития искусственного интеллекта навыки студентов могут устареть к моменту окончания учебы. Режим доступа: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/iz-za-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta-navyki-studentov-mogut-ustaret-k-momentu-okonchaniya-ucheby.html#pid=1> (дата обращения: 03.03.2025).

¹¹ Лебедев П. Стало известно о создании сети школ, где вместо учителей будут ИИ-петепиторы <https://skillbox.com/media/education/stalo-izvestno-o-sozdanii-seti-shkol-gde-vmesto-uchiteley-budut-ii-repetitory/> (дата обращения: 03.03.2025).

Работа с текстами. Наиболее известные модели ИИ для обработки текстов включают GPT-3 и ее последующие версии, а также аналогичные системы, такие как BERT (англ. bidirectional encoder representations from transformers – двунаправленные презентации кодировщика для трансформеров) и T5. Эти модели могут генерировать тексты, редактировать их, создавать резюме, переводить документы на различные языки, помогать в написании статей и докладов, а также отвечать на вопросы пользователей. Для преподавателя они могут стать полезными инструментами для автоматизации создания учебных материалов, проверки письменных заданий студентов и составления аннотаций.

Работа с графикой. Модели ИИ, работающие с изображениями, такие как DALL-E, MidJourney и Stable Diffusion, способны генерировать высококачественные иллюстрации, графики и диаграммы на основе текстового описания. Они могут использоваться для создания визуальных материалов к лекциям, семинарам, например презентаций, а также для генерации изображений, иллюстрирующих сложные концепции.

Работа с видео. ИИ-модели, предназначенные для работы с видео, могут автоматически создавать анимации, видеоролики и презентации. Примеры таких инструментов включают Lumen5 и InVideo. Эти модели полезны для создания обучающих видеороликов, демонстрации сложных процессов и концепций, подготовки интерактивных материалов для онлайн-курсов.

Математические модели. Некоторые ИИ-системы специализируются на решении математических задач, статистическом анализе данных и моделировании. AlphaFold и GANs могут применяться для выполнения расчетов, анализа больших массивов данных и прогнозирования результатов экспериментов. Преподаватели естественно-научных дисциплин могут использовать их для автоматизации сложных вычислений и создания симуляций.

Создание мультимедийного контента. Существуют универсальные платформы, объединяющие различные типы ИИ-инструментов для генерации комплексного мультимедийного контента. Например, Adobe Creative Cloud предлагает множество инструментов для работы с текстом, графикой, видео и звуком, позволяя преподавателям создавать профессиональные учебные материалы без необходимости глубоких технических знаний.

Полагая, что в процессе обучения маркетологов преподавателями смогут стать востребованными первые три направления, в сравнительном анализе остановимся на них. Результат представлен в таблице.

Таблица

Сравнительный анализ нейросетевых ресурсов

Кри-те-рии	ChatGPT 4.0	GigaChat	Yandex Алиса	DeepSeek
	Нейросети для работы с текстами			
Применение	Индивидуальный подход к обучению, учет потребностей каждого пользователя. Быстрое создание учебных материалов, сбор информации онлайн. Интерактивные сессии вопросов и ответов при создании учебных материалов и выборки для научных статей. Составление списков источников и их анализ, прогнозирование и заключения из предоставленных книг, монографий и статей	Индивидуальная поддержка пользователей в создании методических материалов и при подготовке к лекциям и семинарам. Анализ и разбор литературных произведений, статей и публикаций. Помощь в анализе сданных эссе и рефератов, курсовых и дипломных работ. Подготовка вопросов к экзаменам и тестам. Создание курсов	Используется в образовательных целях благодаря ее способности находить информацию и объяснять сложные концепции простым языком. Она помогает преподавателям в формировании домашних заданий для студентов, создает тесты по различным предметам и темам	Автоматизация рутинных задач. Упрощает проверку заданий, генерацию тестов и организацию учебных материалов. Интерактивные форматы обучения. Создает симуляции, виртуальные лаборатории и диалоговые тренажеры. Аналитика и прогнозирование. Выявляет тренды и подбирает аргументы для поддержки решений

Кри- те- рии	ChatGPT 4.0	GigaChat	Yandex Алиса	DeepSeek
	Нейросети для работы с текстами			
Стои- мость	Бесплатно через API	Бесплатно для личных и образовательных целей	Бесплатно, продвинутая версия платная	Бесплатно, без региональных ограничений
Нейросети для работы с графикой				
Применение	Создание мультимедийных учебных материалов. Разработка игровых элементов для образовательных приложений	Дизайн учебных пособий и презентаций. Разработка визуальной части онлайн-курсов	Выявляет тенденции. Помогает создавать учебные планы. Проводит анализ результатов экзаменов и тестирований. Автоматизирует проверку домашних заданий и контроль посещаемости	Создание учебных материалов с использованием 3D-графики и анимации. Разработка интерактивных учебных пособий и симуляций
Стои- мость	Частично бесплатно, подписка	База бесплатно, подписка	Бесплатно для личного пользования, платно для коммерции	Платно, скидки для образования
Нейросети для работы с видеоматериалами				
Применение	Создание видеоматериала для дистанционного обучения. Разработка учебных и документальных роликов	Разработка виртуальных аватаров для онлайн-обучения. Создание персонажей для образовательных игр и симуляторов		
Стои- мость	База бесплатно, подписка	Бесплатно для личного пользования		

Примечание: API – application programming interface (англ. программный интерфейс приложения); 3D – three-dimensional (англ. трехмерный)

Составлено авторами по материалам источников^{12,13,14,15,16,17,18,19,20,21}

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первой половине декабря 2024 г. мы провели опрос преподавателей вузов на предмет практики использования ИИ в процессе обучения студентов и их отношения к этому. В опросе приняли участие в основном преподаватели Государственного университета управления и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также немногочисленные учителя других высших школ, практически все представители управленческих дисциплин. В опросе участвовали 50 преподавателей. Мы отдаем себе отчет в том, что полученные данные далеки от строгих критериев

¹² Сорокина А. Что такое ChatGPT и чем отличаются его версии. Режим доступа: <https://smmplanner.com/blog/что-такое-chatgpt-i-chiem-otlichaiutsia-ieggho-viersii/> (дата обращения: 04.03.2025).

¹³ GigaChat. Официальный сайт. Режим доступа: <https://giga.chat/> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁴ Yandex Алиса. Опция ПРО. Режим доступа: <https://alice.yandex.ru/pro> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁵ DeepSeek. Official website. Режим доступа: <https://www.deepseek.com> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁶ DALL-E 3. Официальный сайт. Режим доступа: <https://dalle3.org/ru> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁷ Midjourney AI. Официальный сайт. Режим доступа: <https://midjourney.online/ru> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁸ Fusion Brain. Официальный сайт. Режим доступа: <https://fusionbrain.ai> (дата обращения: 04.03.2025).

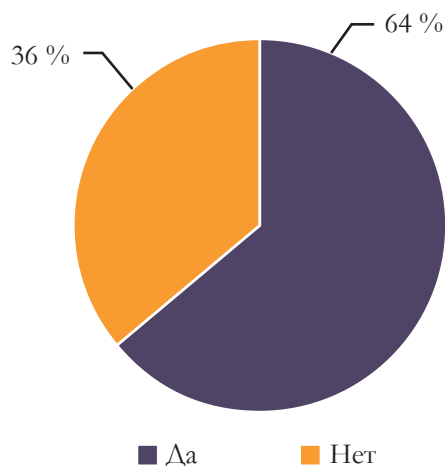
¹⁹ Gemini. Официальный сайт. Режим доступа: <https://gemini.google.com/app> (дата обращения: 04.03.2025).

²⁰ GenAPI. Нейросеть Runway Gen-3 Alpha онлайн. Режим доступа: https://gen-api.ru/model/runway-gen3?etext=2202.jL6-BZeQzxBXJsCUZl2MYG0f_plyG3TrDL7LR6Ge6qzYmhucG1ibXdseWN5dW1n.7430bea1067ade25b7f6948b92f47b3cb61a376f&yclid=10300116522372431871 (дата обращения: 04.03.2025).

²¹ Genmo. Official website. Режим доступа: <https://www.genmo.ai> (дата обращения: 06.03.2025).

репрезентативности, однако они весьма красноречиво характеризуют тенденции. По этой причине можно рассматривать полученный результат как предварительную, пилотажную оценку. Далее представим итоги нашего опроса.

Вначале мы попытались выяснить, имеется ли у преподавателей понимание, что такое ИИ. Все респонденты ответили утвердительно. Результат ответов респондентов о наличии опыта применения ИИ именно в преподавательской деятельности приведен на рис. 1. Как видно, около двух третей указало, что они использовали данную технологию.

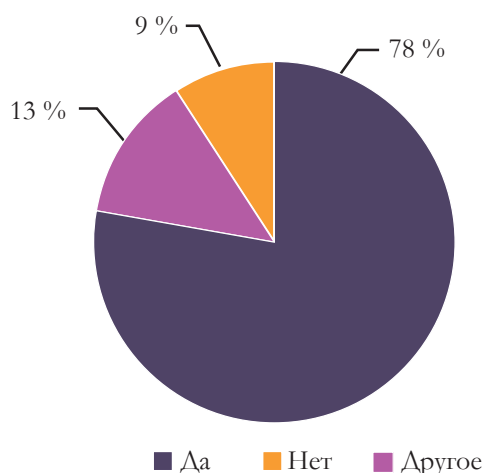

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Пробовали ли Вы использовать ИИ в процессе обучения?»

Видимо, нет особого смысла сопоставлять наши результаты с данными, опубликованными в газете «Ведомости», из которых следует, что всего 16 % преподавателей используют технологии ИИ в своей деятельности, а уровень знания составляет 33 % при отсутствии опыта его применения²². Время проведения исследования – осень-зима 2024 г. Выборка данного исследования «Яндекса» является общефедеральной, а у нас участвовали представители преподавательского штата из двух московских вузов, которые преподают дисциплины в области маркетинга и рекламы.

Из рис. 2 следует, что оценка удовлетворенности применением ИИ для образовательных, научных и личных целей в целом в нашем исследовании составила 78 %. Из вариантов ответов «Другое» следует указать на некие опасения респондентов в точности и надежности получаемых от ИИ результатов.

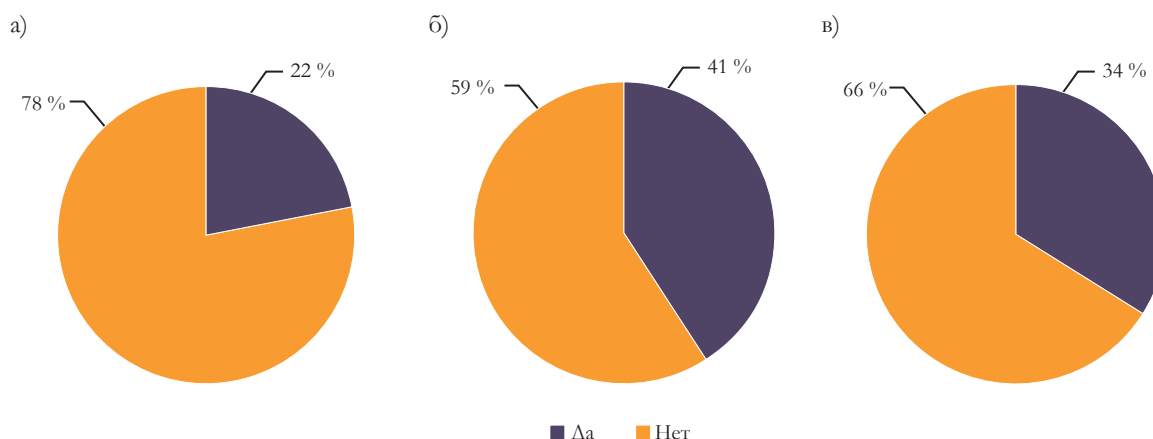

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Ответы на вопрос «Получили ли Вы ожидаемый результат после использования ИИ?»

²² Крюков В. Каждый шестой преподаватель вузов использует ИИ при подготовке к занятиям. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/07/1066835-kazhdii-shestoi-prepodavatel-vuzov-ispolzuet-ii> (дата обращения: 06.03.2025).

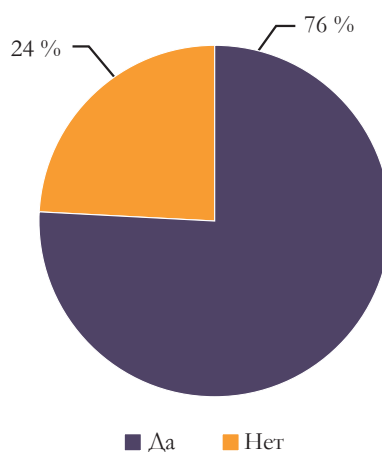
Далее мы постарались узнать о том, для каких видов работ преподаватели привлекали ИИ, разделив их на три группы: семестровые, проектные, научные. Результат представлен на рис. 3.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Распределение ответов респондентов о применении ИИ для отдельных видов работ:
а) семестровых, б) проектных, в) научных

На рис. 4 представлены результаты ответов респондентов о понимании того, что можно ожидать от ИИ, за какой помощью к этой технологии можно обращаться.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Есть ли понимание того, какие проблемы Вы сможете решить при использовании ИИ в процессе преподавания и при подготовке к занятиям?»

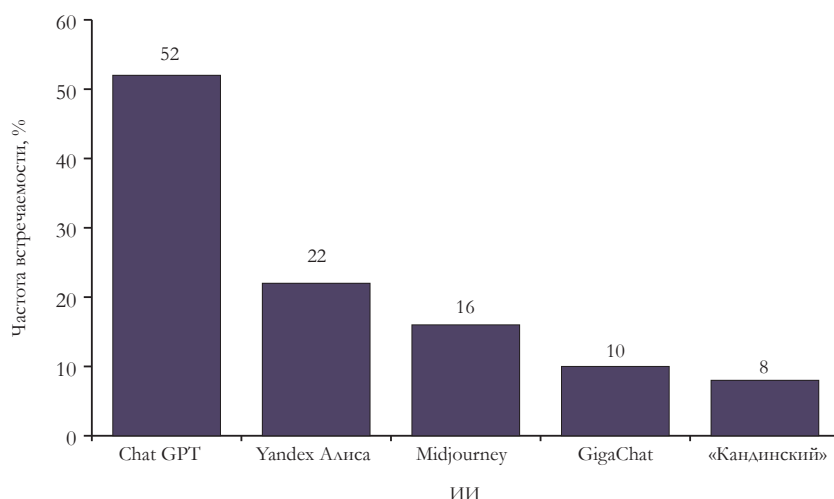
На рис. 5 показано, какие модели ИИ преподаватели предпочитают использовать. Из него следует, что в этом лидирующие позиции занимает ChatGPT. В диаграмму не включены МТС, Copilot и «Шедеврум» (по одному ответу).

На вопрос о том, что мешает преподавателю использовать ИИ в своей деятельности, были выбраны следующие варианты ответов (рис. 6).

Заметим, что варианты ответов «Страх перед новыми технологиями» и «Не знаю, как работать с ИИ» никто из респондентов не выбрал.

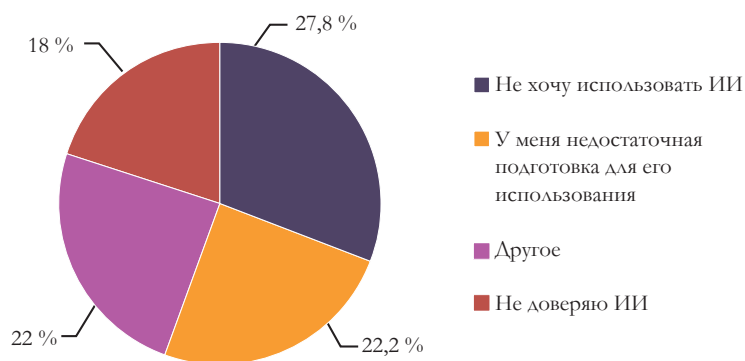
В завершение опроса мы попытались узнать, имеется ли необходимость формировать компетенции преподавателей в ИИ, и если да, то в каком виде. Результаты показаны на рис. 7.

Как следует из представленных на рис. 7 результатов, учителя нуждаются в обучении для грамотного и целенаправленного применения технологий ИИ в процессе подготовки и преподавания учебных дисциплин. Оговоримся: если это не будет запрещено в новом законе о высшем образовании.

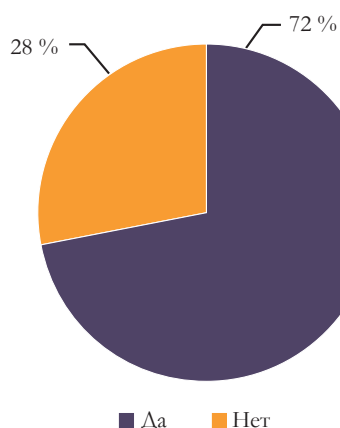
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Ответы на вопрос «Какие модели Вы предпочитаете использовать в учебных целях?»

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Если Вы не использовали ИИ, то что Вам помешало его применить?»

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 7. Ответы на вопрос «Нужны ли дополнительные занятия по ИИ для преподавателей?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ограниченном объеме наши коллеги-преподаватели вузов уже начали применять технологии ИИ в своей деятельности. Примерно две трети пользуются возможностями ИИ, причем около 80 % из них выражают удовлетворенность получаемыми результатами. Менее трети опрошенных преподавателей не желают пользоваться технологией, а 22 % не имеют практических навыков.

Мы полагаем, что нацеленность преподавателей и студентов на применение ИИ в учебном процессе можно только приветствовать. Более того, устранение очевидных разрывов как в подготовке, так и в определении целей осознанного использования ИИ обеими сторонами учебного процесса позволит существенно повысить эффективность подготовки студентов-управленцев, разработать новые методики и приемы для обучения квалифицированных специалистов. Если всем стейкхолдерам учебного процесса будет понятно, что новые технологии обладают пользой для преподавателей вузов, нужно выбрать точку зрения, которую необходимо продвигать и защищать на всех уровнях управления высшим образованием, включая целенаправленную подготовку учителей.

Для общего представления возможной конструкции взаимодействия «преподаватель – студент» с использованием ИИ авторы планируют продолжить исследования. Мы надеемся найти легальные способы применения технологии нейросетей для практического использования в учебном процессе. Возможно, что такой углубленный анализ позволит сформулировать рекомендации, которые помогут растить грамотных и технически продвинутых управленцев.

Список литературы

1. *Taulli T.* Artificial intelligence basics. A non-technical introduction. New York: Apress; 2019. 195 p.
2. *Героски П.А., Маркидес К.К.* Искусство быть вторым. Почему «открыватели рынков» не становятся безусловными лидерами. Пер. с англ. С.Б. Ильина. М.: Вершина; 2006. 240 с.
3. *Токарев Б.Е.* Анализ перспектив применения технологий искусственного интеллекта для подготовки маркетологов. *Маркетинг в России и за рубежом.* 2004;3(161):95–103.
4. *Токарев Б.Е., Росихин Б.А.* Путь потребителя образовательной услуги высшей школы: легитимизация искусственного интеллекта в подготовке маркетологов. *Вестник университета.* 2025;5:28–37. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-28-37>
5. *Лукичев П.М., Чекмарев О.П.* Риски применения искусственного интеллекта в краткосрочном периоде. *Вопросы инновационной экономики.* 2023;4(13):2443–2460. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.119359>
6. *Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е.* Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза. *Мир науки, культуры, образования.* 2023;2(99):5–7. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-5-7>
7. *Ersözlu Z., Taberi S., Koch I.* A review of machine learning methods used for educational data. *Education and Information Technologies.* 2024;29:22125–22145. <http://dx.doi.org/10.1007/s10639-024-12704-0>
8. *Токтарова В.И., Попова О.Г., Сагдуллина И.И., Белянин В.А.* Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования. *Вестник Марийского государственного университета.* 2023;2(50(17)):210–220. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220>
9. *Халилов Д.* ChatGPT на каждый день. 333 промта для бизнеса и маркетинга. М.: Альпина Паблишер; 2024. 140 с.

References

1. *Taulli T.* Artificial intelligence basics. A non-technical introduction. New York: Apress; 2019. 195 p.
2. *Markides C.C., Geroski P.A.* Fast second. How smart companies bypass radical innovation to enter and dominate new markets. Trans. from Eng. S.B. Ilyin. Moscow: Vershina; 2006. 240 p. (In Russian).
3. *Tokarev B.E.* Analysis of prospects for the use of artificial intelligence technologies for the training of marketers. *Journal of Marketing in Russia and Abroad.* 2004;3(161):95–103. (In Russian).
4. *Tokarev B.E., Rossikhin B.A.* Consumer journey of higher education services: legitimisation of artificial intelligence for training marketers. *Vestnik universiteta.* 2025;5:28–37. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-28-37>
5. *Lukichyov P.M., Chekmarev O.P.* Risks of the artificial intelligence application in the short term. *Russian Journal of Innovation Economics.* 2023;4(13):2443–2460. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.119359>
6. *Agaltsova D.V., Valkova Yu.E.* Artificial intelligence technologies for the higher education teachers. *The world of science, culture and education.* 2023;2(99):5–7. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-5-7>
7. *Ersözlu Z., Taberi S., Koch I.* A review of machine learning methods used for educational data. *Education and Information Technologies.* 2024;29:22125–22145. <http://dx.doi.org/10.1007/s10639-024-12704-0>
8. *Toktarova V.I., Popova O.G., Sagdullina I.I., Behtanin V.A.* Artificial intelligence technologies in modern higher education. *Vestnik of the Mari State University.* 2023;2(50(17)):210–220. (In Russian). <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220>
9. *Khalilov D.* ChatGPT for every day. 333 prompts for business and marketing. Moscow: Alpina Publisher; 140 p. (In Russian).

Геобрендинг покинутого малого города: анализ проблем и возможностей с позиций теории систем

Александрова Ирина Юрьевна

Канд. психол. наук, доц. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Исследуется проблема покинутых и покидаемых малых городов Российской Федерации в контексте решения задач устойчивого развития территорий. Цели исследования – выявление и анализ проблем и возможностей геобрендинга покинутого города с позиций теории систем. Достижение целей предполагало решение следующих задач: анализ особенностей функционирования и развития малого города с позиций теории систем; выявление и рассмотрение объективных детерминант гибели малого города как социально-экономической геосистемы; анализ возможностей решения задачи возрождения покинутого малого города инструментами геобрендинга. В результате проведенного исследования доказано, что с позиций теории систем в основе деградации и гибели малого города лежат как объективные внутрисистемные регрессивные процессы, так и объективные процессы развития его надсистем, в качестве которых выступают прежде всего социально-экономические геосистемы более высокого порядка; выявлены и систематизированы основные дестабилизирующие факторы процесса развития малого города, а также соответствующие им системные нарушения; предложен механизм возрождения покинутого малого города посредством геобрендингового инструментария, использование которого предполагает репозиционирование города как геокультурного объекта; представлены различные бренд-концепции геобрендинговой стратегии репозиционирования покинутого малого города, выбор которых на уровне практической реализации зависит от содержательных особенностей города, его культурной, исторической, природной, архитектурной специфики.

Ключевые слова

Малый город, покинутый город, мертвый город, город-призрак, репозиционирование покинутого города, возрождение малого города, управление территориальным развитием, брендинг территорий, геобрендинг, геокультурный брендинг

Для цитирования: Александрова И.Ю. Геобрендинг покинутого малого города: анализ проблем и возможностей с позиций теории систем // Вестник университета. 2025. № 7. С. 56–68.

Geobranding of an abandoned small town: analysing problems and opportunities from the perspective of systems theory

Irina Yu. Aleksandrova

Cand. Sci. (Psy.) Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article investigates the problem of small towns in the Russian Federation that are already abandoned or being abandoned in the context of solving tasks of sustainable development of territories. The aims of the study are to identify and analyse problems and opportunities of geobranding of the abandoned city from the perspective of systems theory. Achieving the aims implied solving the following tasks: analysing peculiarities of functioning and development of a small city from the perspective of the systems theory; identifying and considering objective determinants of the city's demise as a socio-economic geosystem; analysing possibilities of solving the problem of revival of the abandoned small city by means of geobranding. As a result of the study it is proved that from the point of view of the systems theory, degradation and death of a small town are based on both objective intrasystem regressive processes and objective processes of development of its supersystems, which are, first of all, socio-economic geosystems of a higher order; the main destabilising factors of the process of small town development as well as systemic violations corresponding to them have been identified and systematised; the mechanism of revival of the abandoned small town through geobranding tools is proposed, the use of which implies repositioning of the town as a geocultural object; different brand concepts of geobranding strategy of repositioning the abandoned small town are presented, the choice of which at the level of practical implementation depends on content features of the town, its cultural, historical, natural, architectural specifics.

Keywords

Small town, abandoned town, dead town, ghost town, abandoned town repositioning, small town revival, territorial development management, territory branding, geobranding, geocultural branding

For citation: Aleksandrova I.Yu. (2025) Geobranding of an abandoned small town: analysing problems and opportunities from the perspective of systems theory. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 56–68.

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. Правительством Российской Федерации (далее – РФ, Россия) была утверждена Стратегия пространственного развития РФ (далее – Стратегия), направленная на оптимизацию системы территориальной организации страны в целях максимального сокращения социально-экономического дисбаланса в совершенствовании ее составляющих, повышения устойчивости территориальной системы, ускорения экономического, технологического, инновационного развития¹. Стратегия с необходимостью поставила перед российским менеджментом территорий задачу тщательного, глубокого и всестороннего анализа структуры и динамических процессов территориальных подсистем и объектов, а также перспектив развития как крупных населенных пунктов и их агломераций, так и локальных, незначительных по численности городских поселений – малых городов и поселков городского типа. В результате такой аналитической работы одной из особо дискуссионных оказалась проблема малых российских городов, находящихся в депрессивном состоянии или кризисе, то есть представляющих собой покидаемые или покинутые города.

Несмотря на широкомасштабные научные исследования, направленные на поиск оптимальных механизмов формирования и усиления жизнеспособности этих кризисных территорий, вопрос возможности их прогрессивного развития остается сложным и дискуссионным [1–3]. С одной стороны, бесперспективность дальнейшего существования депрессивных малых городов с течением времени становится все более очевидной и аргументированной [4], с другой – по мнению ряда российских экспертов, в частности экспертов Института экономики роста, Центра региональной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Центра экономической географии и регионалистики Президентской академии, у покинутых, покидаемых и стагнируемых (так называемых спящих малых городов) есть шансы на возрождение и устойчивое развитие^{2,3,4}. Вопрос о том, насколько реальна и целесообразна с точки зрения управления территориальным развитием России реализация этих гипотетических планов, в настоящее время остается открытым. Его решение с необходимостью требует знания и понимания объективных закономерностей функционирования и развития сложных диссипативных систем, частным случаем которых является система малого города. Наряду со стратегически обоснованным решением данного вопроса, систематизации, конкретизации и аргументации требует практический инструментарий возрождения кризисных малых городов России. В частности, необходимо четкое понимание того, насколько целесообразным и эффективным в нем являются инструменты геобрендинга.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели исследования – выявление и анализ проблем и возможностей геобрендинга покинутого города с позиций теории систем.

Задачи исследования:

- 1) анализ особенностей функционирования и развития малого города с позиций теории систем;
- 2) выявление и рассмотрение объективных детерминант гибели малого города как социально-экономической геосистемы;
- 3) анализ возможностей решения задачи возрождения покинутого малого города инструментами геобрендинга.

Гипотезы исследования:

- 1) в основе процесса деградации и гибели малого города как социально-экономической геосистемы, подчиняющейся закономерностям генезиса сложных диссипативных систем, лежат как объективные внутрисистемные регрессивные процессы, так и объективные процессы развития его надсистем, в качестве которых выступают прежде всего социально-экономические геосистемы более высокого порядка;

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 02.04.2025).

² Тезисы выступления Министра Э.С. Набиуллиной на пленарном заседании Московского урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов». Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160312122200/http://economy.gov.ru/minrec/press/news/doc20111208_004 (дата обращения: 02.04.2025).

³ Гальчева А. Экономисты предложили пути решения проблем «спящих» городов России. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/671618329a79470fb780880c?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzien.ru%2Fnews%2Fstory%2F89754d97-dfec-52d4-b4af-75f2d76c03a7 (дата обращения: 11.04.2025).

⁴ Институт экономики роста имени П.А. Столыпина Типологизация малых городов: проблемы и решения. Режим доступа: <https://stolypin.institute/research/our/tipologizaciya-malyh-gorodov> (дата обращения: 11.04.2025).

2) в том случае, если гибель малого города определена объективными закономерностями функционирования и развития сложных диссипативных систем, то его возрождение возможно посредством геобрендинговых инструментов репозиционирования города в геокультурный объект определенной тематической направленности.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, систематизация, анализ документов.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАЛОГО ГОРОДА С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Теория систем и ее методологический инструментарий – системный анализ – позволяют выявить объективные причины деградации и наступления тотального кризиса в процессе развития малого города [5], определить особенности и динамику влияния этого состояния на внешнюю среду, в частности на мезо- и макрогеосистему, структурной составляющей которой является город, оценить явный и/или латентный потенциал функций саморегуляции и саморазвития кризисной системы малого города и таким образом принять оптимальное, научно обоснованное и стратегически верное управленческое решение относительно его дальнейшего существования, которое не противоречило бы объективным закономерностям системного развития территорий и социумов.

С точки зрения системного подхода малый город представляет собой социально-экономическую, территориально обусловленную систему (далее – социально-экономическая геосистема), находящуюся в составе более крупных систем – так называемых надсистем, а также тесно связанную с абнотической и биотической системами планеты. Исходя из своей специфики система малый город относится к сложным диссипативным системам и, следовательно, она обладает такими характеристиками, как открытость, неравновесность, нелинейность, самоорганизация. Рассмотрим их проявления подробнее.

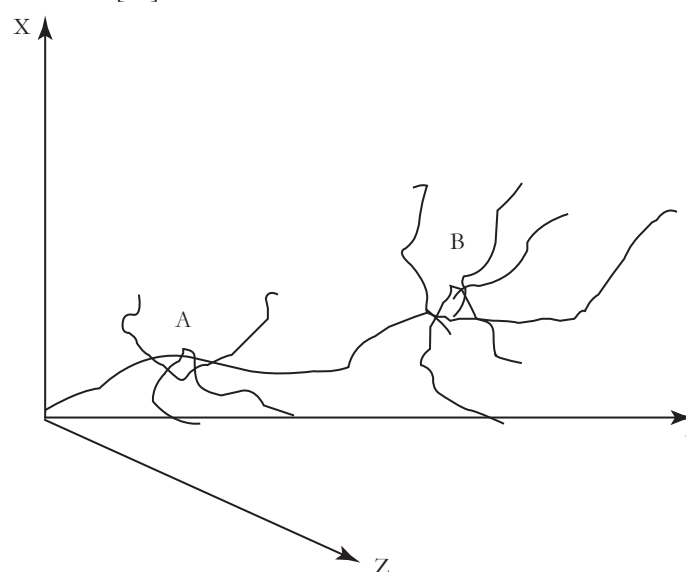
Состояние открытости для малого города является жизненно необходимым. Оно характеризуется высоким уровнем метаболизма, предполагающим активное взаимодействие городской социально-экономической геосистемы с внешней средой, создание устойчивых связей, межсистемный обмен с поддержанием баланса «вход – выход». В целях сохранения относительного равновесия система малого города должна постоянно подпитывать себя ресурсами извне, что дает ей возможность, с одной стороны, сохранять структурную упорядоченность, с другой – прогрессивно развиваться за счет внутренней дифференциации, сопровождающейся усовершенствованием интегративных процессов и усложнением структурной организации.

Говоря о системном метаболизме, стоит отметить, что во второй половине XX в. в научных работах, посвященных исследованиям проблем урбанизированных территорий, вопросы взаимодействия города с внешней средой, а также переработки и потребления городской системой различного рода ресурсов становятся настолько актуальными, что в рамках их изучения начинает использоваться специализированное понятие «городской метаболизм», которое, несмотря на многообразие конкретно-содержательных трактовок, обладает вполне универсальным смыслом, обозначая процессы внутрисистемного и межсистемного ресурсного обмена, необходимые для нормального функционирования и развития города. Вместе с тем конкретные исследования городского метаболизма, упоминаемые в обзорных научных работах, часто фактически сводятся к фиксации динамики/схем (или актуальных показателей) потребления городом тех или иных видов материальных и энергетических ресурсов, а также к анализу экологических нарушений, связанных с интенсивностью городского ресурсного поглощения и роста отходов [6; 7]. Отметим следующий факт: межсистемные проблемы, в частности проблемы достижения баланса «вход – выход», гипо- и гиперпотребления городом внешних ресурсов нередко полностью остаются вне фокуса внимания исследователей, хотя они, как будет показано ниже, оказывают существенное влияние на особенности развития социально-экономической геосистемы.

Для открытой системы малого города характерно и неизбежно периодическое усиление неравновесности (неустойчивости), которая обусловлена необходимостью постоянной адаптации к динамичной внешней среде, а также внутренними новациями, возникающими в ходе развития системы и нарушающими ее порядок. Критическое усиление неравновесности, создающее в ней хаос и требующее кардинального трансформирования системных макропараметров, представляет собой бифуркационный кризис. Причины этого кризиса связаны прежде всего с прогрессирующим ослаблением адаптационных механизмов системы и нарастанием внутрисистемных противоречий. Бифуркационная зона процесса

развития сложной диссипативной системы обладает такими свойствами, как полная неопределенность, многовариантность, противоречивость, скачкообразность и необратимость развития, именно поэтому исследователи различных теоретических направлений называют ее критической зоной/точкой, коллапсом, хаосом, катастрофой, подчеркивая тем самым масштабы, силу и степень опасности этого кризисного состояния, суть которого – максимум кумуляции беспорядка, способного стать конечной точкой в развитии системы [8–11].

Зона бифуркации в динамике малого города характеризуется не только значительным нарушением системного равновесия, но и нелинейностью развития. Критическая точка бифуркационной «вилки» предполагает абсолютную неопределенность дальнейшей эволюции системы, так как любой из потенциально возможных и в то же время альтернативных паттернов ее развития (так называемых фракталов) в данной ситуации может быть актуализирован с одинаковой вероятностью (см. рисунок). В процессе бифуркационного выбора в структуре системы резко усиливается гетерогенность, максимально ослабляются интегративные связи, катастрофически повышается конфликтность элементов, возникает угроза распада. Для ситуационных реакций системы в зоне бифуркации характерны непредсказуемость, парадоксальность, алогичность [12].

Примечание: X, Z – параметры системы, t – время, A и B – точки бифуркации

Составлено автором по материалам источника [8]

Рисунок. Бифуркационный характер эволюции системы

Из вышесказанного следует, что на протяжении длительного эволюционного развития малый город как сложная диссипативная система неизбежно сталкивается с бифуркационными зонами, которые, с одной стороны, могут привести его к полной деградации и гибели, с другой – определить резкий, быстрый, скачкообразный переход к качественно новому, более совершенному уровню развития. За позитивный выход системы из бифуркационной зоны отвечает механизм самоорганизации, основным признаком которого является спонтанное возникновение системного макропорядка при микронеупорядоченности [13]. В момент бифуркационного скачка (сальтации) пребывающие в хаосе элементы системы начинают действовать когерентно, синергично, без каких-либо внешних воздействий на них, организуя новую структуру [12]. В этом «спонтанном» переходе хаоса в порядок и состоит уникальность феномена самоорганизации. В результате система из максимально неустойчивого состояния переходит в относительно устойчивое, при этом социальный паттерн, актуализированный в итоге бифуркационного отбора фракталов, – так называемый аттрактор – объективно обладает наиболее сильным адаптационным потенциалом по отношению к внешней среде и оптимальным потенциалом эволюционного развития (аттрактор (притягатель) – термин теории катастроф [10]). По своей сути аттрактор – это устойчивое динамическое состояние системы, состояние порядка, в котором она пребывает до наступления следующей зоны бифуркации, – состояния хаоса [8].

Итак, резюмируем вышесказанное. Социально-экономическая геосистема малого города не является самодостаточной, ее нормальный метаболизм и развитие во многом зависят от различных надсистем, составляющими которых она выступает. Вследствие ослабления механизмов адаптации во внешней среде и усиления неустойчивости структурных элементов и связей система малого города сталкивается с кризисами развития (зонами бифуркации), любой из которых может стать для нее непреодолимым, несмотря на потенциальную возможность самоорганизации и саморегуляции, а также изменения системных макропараметров. В соответствии с объективными закономерностями развития сложных диссипативных систем возникновение зон бифуркации в длительном процессе эволюции малого города необходимо и неизбежно, так как механизм вынужденного выбора аттрактора в критической ситуации дает системе возможность перейти на качественно новый, более совершенный уровень развития. Однако каждая такая зона может стать конечной фазой жизненного цикла города и привести его к гибели.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГИБЕЛИ МАЛОГО ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОСИСТЕМЫ

Анализ закономерностей функционирования и развития сложных диссипативных систем, а также проведенные автором исследования генезиса различных покинутых и покидаемых малых городов РФ дали возможность выявить и упорядочить основные факторы, определяющие высокую вероятность гибели системы малого города, находящейся в зоне бифуркации. Рассмотрим их содержательную специфику.

1. Низкий уровень автономности системы малого города. Согласно теории систем длительность жизни системы находится в прямой зависимости от степени ее обширности и сложности [5; 14]. Скорость прохождения жизненного цикла крупной системой существенно замедляется. Вместе с тем чем более сложной является система, тем более она самодостаточна и, следовательно, менее зависимая от включающих ее надсистем. Высокий уровень автономности системы определяет потенциальную возможность ее выживания в случае блокирования или значительного снижения ресурсного донорства со стороны внешней среды. Малый город, в силу своей специфики, не может являться высокоавтономной подсистемой территориальной системы страны, так как его структура не обладает необходимым для этого уровнем сложности, который бы позволил в критической ситуации функционировать и развиваться преимущественно за счет внутренних ресурсов. Таким образом, малые города изначально относятся к группе риска, так как, во-первых, они гораздо быстрее крупных городов проходят все закономерные этапы цикла своего существования; во-вторых, в процессе развития им гораздо тяжелее выходить из очередной бифуркационной зоны, чем средним и крупным населенным пунктам.

2. Нарушение межсистемных процессов метаболизма малого города. Несмотря на безусловную необходимость межсистемного ресурсного обмена для сложной диссипативной системы, его крайние проявления оказывают деструктивное воздействие на нее [13]. Находясь в нормальном процессе функционирования, система малого города постоянно поддерживает баланс входа – выхода. С одной стороны, она активно подпитывает себя ресурсами извне, с другой – постоянно отдает надсистемам ту или иную часть произведенных ресурсов, а также избавляется от всевозможных отходов, направляя их во внешнюю среду. Если эти процессы метаболизма отклоняются от нормы, нарушая баланс «вход – выход», то в функционировании социально-экономической геосистемы возникают нарушения. Как показывает мировая практика, некоторые категории успешно развивающихся городов в определенный момент времени перестают справляться с усвоением/переработкой гиперактивных входных потоков и в целях восстановления системного равновесия вынужденно повышают барьеры ресурсного входа (например, Венеция [15; 16]). В то же время другие категории малых городов страдают от ресурсного гипероттока, при котором город отдает внешней среде гораздо больше ресурсов, чем получает, что приводит его к хроническому ресурсному голоду и, как следствие, к нивелированию внутреннего потенциала развития.

Гипердинамика входных процессов городского метаболизма наиболее часто проявляется в формах социальных, культурных, топливно-энергетических и товарных сверхактивных внешних ресурсных потоков, порождающих следующие проблемы: наплыв мигрантов (в частности, маятниковых мигрантов), часто выступающих в роли девиантов, усугубляющих криминогенную обстановку в городе; критическое увеличение туристических потоков, с регуляцией и обслуживанием которых город не справляется, в результате чего происходит фактическое ущемление прав и свобод местных жителей, нарушение их комфортной жизнедеятельности; опасная перегрузка городской инфраструктуры; ускоренный износ

городских архитектурных и рекреационных объектов и, как следствие, отток местных жителей; культурное «всеядство» малого города, которое приводит к потере им собственной культурно-исторической специфики, размыванию городской субкультуры и, как следствие, к низкому уровню культурной самоидентификации горожан и их духовной приверженности городу, отсутствию патриотизма по отношению к малой родине, к легкости принятия решения о переселении в другие населенные пункты; существенное ухудшение экологической обстановки в городе – загазованность, тепловое и шумовое загрязнение, замусоривание территорий, в том числе внутригородских природных объектов (рек, бухт, лесопарковых зон и т.п.), а также критическое обострение проблемы утилизации городских отходов – как следствие, повышение заболеваемости горожан, снижение общей привлекательности населенного пункта для реальных и потенциальных местных жителей, отрицательная динамика прироста населения.

В отличие от рассмотренных проблем гипердинамики внешних ресурсов, гиподинамика входных процессов системы малого города характеризуется замедлением и количественным уменьшением поступающих в город ресурсных потоков, их перманентной недостаточностью. Финансовых, трудовых, топливно-энергетических, товарных (в частности, продовольственных) и других ресурсов не хватает даже для нормального функционирования, не говоря уже о прогрессивном развитии, предполагающем усложнение структуры и внешних связей социально-экономической геосистемы. Как следствие, город впадает в стагнацию («засыпает»). Дисбаланс входа – выхода системы в данном случае наиболее ярко проявляется в открытой эксплуатации малого города со стороны надсистем, «выкачивании» из него максимума ресурсов при минимуме входных потоков и внутреннего ресурсного потенциала, необходимых для прогрессивного развития, роста и усложнения.

В целом нарушение межсистемных процессов метаболизма приводит к расплыванию структуры системы малого города, усилению хаотичности внутренних динамических процессов, к нарастанию системного беспорядка.

3. Потеря малым городом системообразующих факторов. Наряду с высокой степенью автономности системы и ее сбалансированным метаболизмом важнейшей детерминантой преодоления бифуркационного кризиса является нормальное состояние системообразующих факторов. Такие факторы, с одной стороны, лежат в основе формирования системы, с другой – обеспечивают ее интеграцию, поддерживают неустойчивое равновесие, дающее ей возможность эффективно функционировать и развиваться. Единства мнений относительно того, можно ли выделить универсальные системообразующие факторы, характерные для любой системы, не существует [14]. Этот вопрос усложняется тем, что они могут быть первичными и вторичными, внешними и внутренними, явными и латентными и т.д., поэтому в случае анализа конкретного малого города их необходимо выявлять, изучать, ранжировать.

Для различных систем жизнедеятельности общества базовым системообразующим фактором являются социальные связи между людьми, тем не менее, в зависимости от содержательной специфики конкретной социальной системы, он может конкретизироваться и дополняться. В типичной ситуации для малых городов, наряду с местными жителями, формирующими соответствующую социальную структуру, важнейшим системообразующим фактором экономической направленности является градообразующее предприятие. Роль экономического интегратора городской системы могут выполнять и другие виды деловой активности – так, например, древние, ныне покинутые города часто выступали в роли перевалочных пунктов на крупных торговых путях, они богатели и развивались лишь благодаря выполнению этой функции (например, покинутый город Чаронда) [15; 16]. Кроме социальных связей, общности территории и экономической деятельности, основой внутренних системообразующих факторов малого города (обычно вторичных и/или латентных) могут выступать такие параметры, как этническая, субкультурная, религиозная принадлежность его жителей.

Лишаясь основного экономического интегратора, система малого города начинает деградировать (что особенно типично для моногородов) – безработица запускает миграционный отток местных жителей, который неуклонно растет. Таким образом, разрушаются оба базовых фактора образования и поддержания системной интеграции. Эскалирующая депопуляция в конце концов приводит все подсистемы города к максимально критическому состоянию – он входит в зону катастрофы. Сохранение такой системы теоретически возможно, если она находит новый системообразующий фактор (или, возможно, усиливает уже имеющийся вторичный/латентный), вокруг которого начинают интегрироваться ее распадающиеся элементы. Однако такая гибкость характерна для крупных систем, обладающих большим количеством

элементов и сложных связей, поэтому, как было сказано выше, чем меньше и проще система, тем менее вероятно, что она выживет в период кризиса. Эта системная закономерность активно проявляется в процессе кризисов городов – малые города объективно имеют мало шансов на выживание за счет переструктурирования системы вследствие возникновения/активизации новых системообразующих факторов.

В этом контексте хотелось бы отметить еще один существенный момент – системообразующие факторы могут быть внешними, которые, в отличие от внутренних, находятся вне системы, определены надсистемой и подчинены ее целям. Типичными примерами малых городов с внешним системообразующим фактором, а именно так называемым целевым городам, являются военные городки, которые возникают и уходят в небытие не в ходе естественного эволюционного процесса градообразования, а в результате определенных внешних целевых решений, соответствующих тем или иным актуальным потребностям надсистем (например, покинутый камчатский Финвал). Сильные внутренние факторы интеграции у таких социально-территориальных систем фактически отсутствуют.

4. Потеря системой малого города функционально-дисфункционального баланса. Как отмечалось выше, важнейшая особенность системного подхода к исследованию сложного социального объекта заключается не только в его анализе как системы, но и в рассмотрении как подсистемы более крупной системы. Один из наиболее ярких представителей структурно-функционального анализа в социологии – Р. Мертон – считал, что сутью данного аналитического инструмента теории систем являются прежде всего выявление и рассмотрение функций социальной системы, которые она выполняет по отношению к надсистеме. Критикуя постулаты традиционного структурного функционализма, Р. Мертон утверждал, что в обществе могут существовать и существуют социальные объекты, дисфункциональные по отношению к системам и надсистемам, однако им часто приписываются мнимые функции (например, функцию сохранения традиции), чтобы оправдать классический постулат универсального функционализма. В контексте решения проблем малых городов безоговорочное следование этому постулату приводит к прожектерским идеям возрождения фактически полностью дисфункциональных, инертных, покидаемых и покинутых городов под абстрактным девизом сохранения традиционной культуры, причем вне зависимости от объективных оценок их внутреннего ресурсного потенциала и потребностей в этих системах со стороны надсистем.

В своей работе «Социальная теория и социальная структура» Р. Мертон формулирует главную теорему функционального анализа, которая доказывает возможность выполнения той или иной функции различными компонентами системы. Таким образом, если деградирующий малый город перестает выполнять функции, необходимые надсистеме, то эта ситуация не является критичной. Вместо энергозатратного спасения слабого, разрушающегося, деструктивного, изжившего себя компонента система включает компенсаторный режим функциональной альтернативности (эквивалентности), суть которого – перераспределение внутрисистемной функциональной нагрузки между сильными, «здоровыми», тактически и стратегически полезными подсистемами. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что, если следовать концепции Р. Мертона, некоторые элементы социальной системы могут быть для нее по своей сути нефункциональны (то есть бесполезны на актуальном этапе эволюции), и значит, их гибель фактически не затрагивает интересы системы, не отражается на динамике и направленности ее развития. В то же время, по мнению теоретика, у любой реальной социальной системы, наряду с функциями, обязательно существуют и дисфункции, ослабляющие ее саморегуляцию и адаптационные механизмы. Именно поэтому бифуркационные зоны на эволюционном пути системы являются неизбежными. Следовательно, для нормального, устойчивого развития малого города становится крайне важным сохранение функционально-дисфункционального баланса (так называемого чистого баланса), так как в случае превалирования дисфункций по отношению к надсистеме город начинает деградировать. Отметим, что функциональный анализ, направленный на выявление функций и дисфункций, должен быть многоуровневым, предполагающим оценку пользы/вреда функционирования системы со стороны различных структурных компонентов и надсистем [17; 18].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод. С точки зрения теории систем и структурно-функционального анализа малые города являются компонентами социально-экономической геосистемы страны, которая находится в постоянном развитии. Ее структура не может быть константной – динамика сложной системы предполагает как возникновение новых структурных элементов (населенных пунктов), так и уход в небытие старых, отживших, ставших нон- или дисфункциональными относительно целей и потребностей системы, потерявших свои системообразующие факторы и системные связи. В качестве таких территориальных объектов с большей вероятностью могут выступать поселения

с наименее сложной структурной организацией и относительно небольшой численностью жителей, имеющие низкий потенциал автономности, саморегуляции и адаптации к изменениям внешней среды. Именно к этой категории социально-экономических геосистем относятся многие кризисные покинутые и покидаемые малые города России.

Результаты проведенного выше анализа основных детерминант гибели малого города как социально-экономической геосистемы в краткой, систематизированной форме представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные детерминанты гибели малого города как социально-экономической геосистемы

Дестабилизирующий фактор	Следствия (системные нарушения)
Низкий уровень автономности системы малого города	Невозможность выживания системы малого города в случае блокирования или существенного снижения ресурсного донорства со стороны системы более высокого уровня
Нарушение межсистемных процессов метаболизма малого города	Распатывание структуры системы малого города, усиление хаотичности внутренних динамических процессов, нарастание системного беспорядка
Потеря системой малого города системообразующих факторов	Разрушение структуры системы малого города, ее упрощение, дезинтеграция, деградация, распад
Потеря системой малого города функционально-дисфункционального баланса	Ослабление саморегуляции и адаптационных механизмов системы, потеря ее значения для надсистемы, перераспределение в последней внутрисистемной функциональной нагрузки

Составлено автором по материалам исследования

ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОКИНУТОГО МАЛОГО ГОРОДА ИНСТРУМЕНТАМИ ГЕОБРЕНДИНГА

Успешное прохождение малым городом зоны бифуркации возможно, если он сможет повысить уровень своей автономности; нормализует процессы городского метаболизма; найдет внутренний ресурсный потенциал для формирования новых или усиления латентных системообразующих факторов; получит значительную ресурсную поддержку со стороны надсистемы вследствие ее заинтересованности в уникальных функциях, которые выполняет система малого города и которые невозможно/затруднительно делегировать иным структурным компонентам надсистемы. В противном случае система малого города прекращает свое существование, превратившись в «пустую» систему и получив статус покинутого города, который в зарубежной литературе часто метафорично именуют мертвым городом, или городом-призраком.

Анализ мирового опыта решения проблемы покинутых городов показывает, что эту изжившую себя систему, полностью потерявшую свое социально-экономическое значение, возможно репозиционировать и возродить в качестве специфического структурного компонента социокультурной системы страны и мира посредством геобрендингового инструментария. Как таковым городом (в строго формальном смысле) эта подсистема является не будет, так как в типичной ситуации она не предполагает наличия устойчивой социальной структуры, формируемой постоянными жителями. Поэтому такой псевдогород логичнее определять через категорию геокультурного объекта, выполняющего вполне определенные функции по отношению к надсистеме и имеющего востребованность со стороны различных целевых групп.

Таким образом, в случае гибели малого города в результате объективного процесса эволюционного развития, в целях его возрождения оптимально использовать стратегию репозиционирования, предполагающую превращение города в геокультурный объект посредством инструментов территориального брендинга. В качестве теоретико-методологической основы этой стратегии выступает геокультурный брендинг, представляющий собой одно из ведущих направлений современного территориального брендинга и предполагающий разработку геобренда посредством акцентирования внимания на культурных объектах, явлениях и достижениях территории, выступающих в качестве семантического ядра геобренда, определяющих его уникальное ценностное предложение и особую привлекательность для потребителей. Это направление наиболее эффективно реализуется в рамках туристической геобрендинговой

концепции города. Отметим, что существуют и другие интерпретации понятий «геокультура» и «геокультурный брендинг», используемые специалистами иных научных направлений [19–22].

Понятие «геокультурный объект» как результат геобрендингового репозиционирования покинутого города определяется нами как совокупность материальных и/или нематериальных компонентов культуры (артефактов), а также природных и/или природно-антропогенных компонентов ландшафта, непосредственно связанных с конкретной территорией, являющихся продуктами ее функционирования и развития, интерес к которым со стороны целевых потребителей территории связан с удовлетворением познавательных, эстетических, социальных (а также этических) потребностей, потребностей в творческой самореализации. Из данного определения следует, что в качестве основных целевых групп таких псевдогородов, наряду с традиционными туристами, могут выступать ученые, школьники и студенты, художники, представители массовой культуры и средств массовой информации.

Важно отметить, что, несмотря на ярко выраженную духовно-культурную ориентацию, репозиционированный покинутый город вполне может стать одним из источников дохода территории, к которой он относится. Хорошим примером возникновения и роста финансовой отдачи геокультурного объекта служит намибийский покинутый город Колманскоп, расположенный в африканской пустыне. Этот процветающий в начале XX в. шахтерский городок, жители которого занимались преимущественно добычей алмазов, к середине века фактически прекратил свое существование по причине исчерпания алмазного месторождения. Он стал медленно разрушаться, исчезая в песках пустыни. Начиная с 1980 г., благодаря усилиям компании De Beers, Колманскоп был частично восстановлен, отреставрирован и теперь позиционируется как город-музей. В начале XXI в. он получил официальный статус туристического объекта. Намибийская компания Ghost Town Tours взяла на себя контроль за ним и его продвижение. В результате в настоящее время Колманскоп пользуется большим спросом среди туристов разных стран мира, а также у представителей фото- и киноиндустрии^{5,6}.

Содержательная специфика геокультурных объектов обычно определена объективными характеристиками покинутого города, поэтому разработка проекта его репозиционирования включает в себя их тщательный анализ, в результате которого осуществляется выбор оптимальной бренд-концепции и соответствующего ей вида геокультурного объекта (табл. 2).

Таблица 2

**Геобрендинговая стратегия репозиционирования покинутого малого города
как геокультурного объекта**

Бренд-концепция	Основное требование к реализации	Основные виды геокультурных объектов
Город-музей	В покинутом городе должны быть те или иные культурные артефакты, которые можно представить в качестве музейных экспонатов, вызывающих интерес у целевых групп потенциальных потребителей	Город-музей древних архитектурных и скульптурных объектов. Город-музей архитектурных и скульптурных объектов периода Советского Союза и начала постсоветской эпохи. Город-музей заброшенных промышленных и военных объектов. Город-музей архитектурного объекта, в котором проживала известная личность. Город-музей заброшенных технических объектов. Город-музей специфического объекта антропогенного или загадочного происхождения

⁵ Достопримечательности мира. Колманскоп – жертва алмазной лихорадки. Намибия. Режим доступа: <https://cattur.ru/africa/namibia/kolmanskop.html> (дата обращения: 14.04.2025).

⁶ Тонкости туризма. Колманскоп. Режим доступа: https://tonkosti.ru/Колманскоп?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 14.04.2025).

Бренд-концепция	Основное требование к реализации	Основные виды геокультурных объектов
Город-легенда	Покинутый город должен иметь особую, нетипичную историю, которая может быть представлена в формате содержательно насыщенной, эмоционально окрашенной легенды, вызывающей интерес у целевых групп потенциальных потребителей	Город легенды-события. Город легенды-развития. Город легенды-личности. Город легенды-катастрофы
Город-пейзаж	Покинутый город должен иметь оригинальные, уникальные, художественно выразительные визуализации, вызывающие интерес и соответствующих эмоциональный отклик у целевых групп потенциальных потребителей	Город эстетичного пейзажа. Город природного пейзажа окрестностей. Город сюрреалистического пейзажа. Город трагичного пейзажа
Город-ивент	Покинутый город должен иметь относительно комфортные, безопасные площадки для проведения различных массовых мероприятий	Город культурно-развлекательных мероприятий. Город социально-этических мероприятий

Составлено автором по материалам источника [15]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в работе исследование проблем и возможностей геобрендинга покинутого города с позиций теории систем позволяет сделать следующие выводы.

1. В основе деградации и гибели малого города как социально-экономической геосистемы, подчиняющейся закономерностям генезиса сложных диссипативных систем, лежат как объективные внутрисистемные регрессивные процессы, так и объективные процессы развития его надсистем, в качестве которых выступают прежде всего социально-экономические геосистемы более высокого порядка.

2. Основными детерминантами гибели малого города как социально-экономической геосистемы являются следующие дестабилизирующие факторы:

- низкий уровень автономности системы малого города;
- нарушение межсистемных процессов метаболизма малого города;
- потеря системой малого города системообразующих факторов;
- потеря системой малого города функционально-дисфункционального баланса.

3. В том случае, если гибель малого города определена объективными закономерностями функционирования и развития сложных диссипативных систем, его возрождение возможно посредством геобрендинговых инструментов репозиционирования города в геокультурный объект определенной тематической направленности.

4. Базовыми, практически значимыми бренд-концепциями геобрендинговой стратегии репозиционирования покинутого малого города как геокультурного объекта являются следующие: город-музей, город-легенда, город-пейзаж, город-ивент. Основными детерминантами выбора оптимальной бренд-концепции репозиционирования выступают, с одной стороны, специфические характеристики, которыми фактически обладает покинутый малый город, с другой – запрос на конкретный формат геокультурного объекта со стороны целевых групп потенциальных потребителей.

Список литературы

1. Маркин В.В., Черныш М.Ф. (ред.) Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; 2021. 598 с.
2. Маркин В.В., Черныш М.Ф. (ред.) Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: монография. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; 2020. 523 с.
3. Тамбовцев В.А., Шершова М.Ю. (ред.) Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов: монография. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2018. 443 с.
4. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации. М.: Институт экономики Российской академии наук; 2019. 44 с.

5. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ: учебник. М.: Юрайт; 2024. 562 с.
6. Федюхин А.В., Гаши Е.Г. Методические подходы к анализу энергоэкологического метаболизма городов. Глобальная энергия. 2024;1(30):91–107. <https://doi.org/10.18721/JEST.30105>
7. Ермолаева П.О. Социально-экологический метаболизм городов: концептуализация, научные школы, современные зарубежные исследования. Социологическая наука и социальная практика. 2015;3(11):34–50.
8. Михайлов Л.А. (ред.) Концепции современного естествознания: учебник. СПб.: Питер; 2012. 335 с.
9. Николис Г., Пригожин И. П. Познание сложного. Пер. с англ. В.Ф. Пастушенко М.: URSS; 2021. 352 с.
10. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: URSS; 2022. 136 с.
11. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. (Синергетика исторического процесса). М.: Наследие, 1996. 183 с.
12. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики. Вопросы философии. 2000;4:112–129.
13. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань; 1999. 480 с.
14. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев: Межрегиональная академия управления персоналом; 2003. 368 с.
15. Аleshникова В.П., Александрова И.Ю. Маркетинговые модели и инструменты устойчивого развития малых городов России. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2024. 147 с.
16. Александрова И.Ю. Роль и специфика геобрендингового инструментария в стратегии возрождения и устойчивого развития покинутого города. Маркетинг и маркетинговые исследования. 2023;3:196–209. <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2023-3-3-196-209>
17. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой, В.Т. Николаева, Е.Р. Черемисиновой. М.: АСТ; 2006. 873 с.
18. Ритцер Дж. Современные социологические теории. Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицыной. 5^е изд. СПб.: Питер; 2002. 688 с.
19. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: сборник статей. Пер. с англ. Б. Кагарлицкого. М.: Ленанд; 2024. 400 с.
20. Замятин А.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: монография СПб.: Алетейя; 2020. 668 с.
21. Цымбурский В.А. Возвращение на Остров Россия: сборник трудов. М.: Родина; 2024. 208 с.
22. Шмаков В.С. Локальные сообщества Евразии: геокультурный аспект. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022;2(13).

References

1. Markin V.V., Chernysh M.F. (eds.) Small towns of Russia: new challenges, social problems and prospects: monograph. Moscow: Federal Research Sociological Centre of the Russian Academy of Sciences; 2021. 598 p. (In Russian).
2. Markin V.V., Chernysh M.F. (eds.) Spatial development of small towns: social strategies and practices: monograph. Moscow: Federal Research Sociological Centre of the Russian Academy of Sciences; 2020. 523 p. (In Russian).
3. Tambortsev V.L., Sheresheva M.Yu. (eds.) Sustainable development of territories based on network interaction of small cities: monograph. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2018. 443 p. (In Russian).
4. Buchwald E.M., Kolchugina A.V. Small and monocorporate towns in the spatial development strategy of the Russian Federation. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Science; 2019. 44 p. (In Russian).
5. Volkova V.N., Denisov A.A. Systems theory and system analysis: textbook. Moscow: Urait; 2024. 562 p. (In Russian).
6. Fedukhin A.V., Gashe E.G. Methodical approaches to the analysis of energy-ecological metabolism of cities. Global Energy. 2024;1(30):91–107. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JEST.30105>
7. Ermolaeva P.O. Socio-ecological metabolism of cities: conceptualization, research schools, modern foreign studies. Sociological Science and Social Practice. 2015;3(11):34–50. (In Russian).
8. Mikhailov L.A. (ed.) Concepts of modern natural science: textbook. St. Petersburg: Piter; 2012. 335 p. (In Russian).
9. Nicolis G., Prigogine I. Exploring complexity. Trans. from Eng. V. F. Pastushenko. Moscow: URSS; 2021. 352 p. (In Russian).
10. Arnold V.I. Catastrophe theory. Moscow: URSS; 2022. 136 p. (In Russian).
11. Nazaretyan A.P. Aggression, morality and crises in the development of the world culture. (Synergetics of the historical process). Moscow: Nasledie; 1996. 183 p. (In Russian).
12. Branskii V.P. Theoretical foundations of social synergetics. Problems of Philosophy. 2000;4:112–129. (In Russian).
13. Vasilkova V.V. Order and chaos in the development of social systems. St. Petersburg: Lan; 1999. 480 p. (In Russian).
14. Surmin Yu.P. Theory of systems and system analysis: textbook. Kiev: Interregional Academy of Personnel Management; 2003. 368 p. (In Russian).

15. *Alesbnikova V.I., Aleksandrova I.Yu.* Marketing models and tools for sustainable development of small towns in Russia. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2024. 147 p. (In Russian).
16. *Aleksandrova I.Yu.* Role and specificity of geobranding tools in the strategy of revival and sustainable development of an abandoned city. *Marketing and Marketing Research*. 2023;3:196–209. (In Russian). <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2023-3-3-196-209>
17. *Merton R.* Social theory and social structure. Trans. from Eng. E.N. Egorova, Z.V. Kaganova, V.T. Nikolaeva, E.R. Cheremissinova. Moscow: AST; 2006. 873 p. (In Russian).
18. *Ritzer J.* Modern sociological theory. Trans. from Eng. A. Boykov, A. Lisitsina. 5th ed. St. Petersburg: Piter; 2002. 688 p. (In Russian).
19. *Wallerstein I.* World-systems analysis: collection of articles. Trans. from Eng. B. Kagarlitsky. Moscow: Lenand; 2024. 400 p. (In Russian).
20. *Zamyatin D.N.* Geocultural branding of cities and territories: monograph. St. Petersburg: Aletheia; 2020. 668 p. (In Russian).
21. *Tymbursky V.L.* Return to the Island of Russia: collection of works. Moscow: Rodina; 2024. 208 p. (In Russian).
22. *Shmakov V.S.* Local communities of Eurasia: geocultural aspect. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022;2(13).

Экономико-статистический анализ состояния и динамики развития туристической отрасли Российской Федерации

Георгий Романович Аргун

Аспирант

ORCID: 0009-0008-3179-9421, e-mail: georgiy-argun@yandex.ru

Российский государственный университет социальных технологий, г. Москва, Россия

Аннотация

Анализируются состояние и динамика туристической отрасли (далее – туротрасль) Российской Федерации за последнее десятилетие. Отмечается, что развитие туристического сектора можно условно разделить на четыре основных периода, в каждый из которых постепенно происходила смена фокуса отраслевого развития. Первый характеризуется быстрым ростом спроса на зарубежные туры, объясняющимся быстрым ростом уровня жизни и отсутствием адекватного объема и качества туристических услуг, что, в свою очередь, привело к большему турпотоку за рубежом, чем внутри страны. В этот период отрасль получила значительный импульс в развитии сети туристических фирм. Во втором периоде, который относится к 2014–2019 гг., наблюдается ускоренный относительно предыдущего периода рост спроса на внутрироссийские направления, обусловленный менее привлекательным курсом валют, а также политической нестабильностью в странах традиционного пребывания российских туристов. 2014 г. стал поворотным моментом в ускорении развития внутрироссийской гостевой инфраструктуры. В 2014 г. был зафиксирован рекордный прирост номерного фонда – 11,7 %. В 2015 г. он был еще больше – 14,8 %. Третий период – пандемия COVID-19, серьезно подорвавшая положительный тренд развития туротрасли. Четвертый период начался с 2022 г. и продолжается до настоящего времени. Его можно охарактеризовать как бурный этап развития внутрироссийского туризма на фоне сокращения выездов за рубеж. Среди регионов ключевая роль принадлежит Москве как основному центру притяжения туристических потоков.

Ключевые слова

Внешний туризм, внутренний туризм, динамика развития, регионы, средства размещения, структура стоимости, туристическая отрасль, турпоток

Для цитирования: Георгий Р.А. Экономико-статистический анализ состояния и динамики развития туристической отрасли Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 69–81.

Economic and statistical analysis of the state and dynamics of development of the tourism industry in the Russian Federation

Georgiy R. Argun

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0008-3179-9421, e-mail: georgiy-argun@yandex.ru

Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia

Abstract

The article analyses the state and dynamics of the tourism industry in the Russian Federation over the past decade. It is noted that the development of the tourism sector can be conditionally divided into four main periods, each of which gradually saw a change in the focus of industry development. The first one is characterised by a rapid increase in demand for foreign tours due to the rapid growth in the standard of living and lack of adequate volume and quality of tourism services, which, in turn, led to a greater tourist flow abroad than within the country. During this period, the industry received a significant boost in the development of the network of travel agencies. In the second period, which refers to 2014-2019, there is an accelerated growth in demand for domestic destinations relative to the previous period, due to a less attractive exchange rate as well as political instability in the countries of traditional residence of Russian tourists. 2014 became a turning point in accelerating the development of domestic guest infrastructure. In 2014, a record increase in the number of rooms was recorded – 11.7%. In 2015, it was even greater – 14.8%. The third period is the COVID-19 pandemic, which seriously undermined the positive trend in the development of the tourism industry. The fourth period has begun in 2022 and continues to the present day. It can be characterised as a rapid stage in the development of domestic tourism against the backdrop of a reduction in trips abroad. Among the regions, the key role belongs to Moscow as the main centre of attraction for tourist flows.

Keywords

External tourism, internal tourism, development dynamics, regions, accommodation facilities, structure of cost, tourism industry, tourist flow

For citation: Argun G.R. (2025) Economic and statistical analysis of the state and dynamics of development of the tourism industry in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 69–81.

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечает Н.Н. Тушемилова, российская туристическая отрасль (далее – туротрасль) в последние десятилетия в основном развивалась за счет динамичного роста потока отдыхающих граждан за рубеж [1]. Повышение уровня жизни в 2000-х гг., относительно стабильный и благоприятный валютный курс, более теплый климат, а также более высокое качество и относительная дешевизна предложения туристических услуг в странах Юго-Западной Азии и Северной Африки делали эти направления более привлекательными по сравнению с еще недостаточно развитой инфраструктурой предложения в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). В силу перечисленных факторов абсолютные и финансовые показатели туристических фирм (далее – турфирмы) имели положительный тренд развития преимущественно благодаря росту выездного туризма: с 2000 г. по 2014 г. он увеличился в 10 раз, а стоимость реализованных путевок – в 42 раза. Эти полтора десятилетия заложили основу российской отрасли предложения туристических услуг в том виде, в каком она существует сейчас. Количество турфирм увеличилось за указанный период более чем втрое, и с тех пор оно практически неизменно.

Однако уже с 2014 г., в связи с нарастающими санкционными ограничениями (тогда еще относительно незначительными), а также по причине нестабильности политической обстановки, в ряде популярных зарубежных туристических направлений [2] началось постепенное движение в сторону роста популярности внутрироссийского отдыха [3]. По мнению ряда авторов, социально-политические события в арабском регионе, получившие собирательное название Арабской весны [4], в целом крайне негативно повлияли на имидж стран, ранее считавшихся одними из самых привлекательных в туристическом плане [5; 6]. Это во многом предопределило разворот российского туристического потока с зарубежных направлений на внутрироссийские, по крайней мере, в значительной его части. Эпоха активного привлечения иностранных капиталов в страну [7], глобализационный тренд и свобода трансграничных перемещений стали постепенно уступать место внутренним направлениям, хотя, конечно, в 2014–2015 гг. этот процесс был в начальной стадии зарождения интереса к внутрироссийскому активному отдыху.

Конечно, существенным фактором в этом процессе была и финансовая сторона: внутренний туризм все больше начал выигрывать экономическую конкуренцию с наиболее востребованными зарубежными странами Северной Африки и Западной Азии. Как мы уже упомянули выше, это стало следствием нестабильности валютного курса и снижения доступности зарубежных направлений. Конечно, это в значительной степени ударило по туристической индустрии в целом, поскольку основная часть доходов поступала от продаж зарубежных туристических пакетов (далее – турпакет): в отдельные годы доля поступлений составляла до 90 % доходов. Даже переориентация части поездок на внутренний рынок при численном паритете продаж в денежном выражении приводила к существенным потерям. Так, если в 2014 г. сумма проданных туров для всех направлений составляла 240 млрд руб., то к 2016 г. она сократилась до 187 млрд руб. Тем не менее первая фаза переориентации потока отдыхающих на внутренний рынок началась именно в 2014–2015 гг. [8]. Несмотря на окончание первой фазы развития туротрасли России за счет зарубежного туризма и падение финансовых показателей, количество турфирм продолжило свой рост, что свидетельствовало об интересе бизнеса к этому направлению развития.

Колоссальное отрицательное влияние на отрасль оказала пандемия COVID-19, когда в 2020–2021 гг. зарубежный туризм фактически оказался под запретом: стоимость продаж зарубежных туров сократилась сразу втрое, до показателей 2008–2009 гг. в денежном выражении. Численность выехавших туристов снизилась до уровня 2010 г. Конечно, и отечественные направления в данной ситуации по причине транспортных и иных ограничений стали менее доступны. Однако по сумме факторов это все-таки послужило дополнительным стимулом развития внутренних направлений в относительном выражении [9]. Если глобальный туризм в целом понес невосполнимые потери [10], то для РФ 2021 г. стал рекордным по количеству и стоимости проданных турпакетов внутри страны. Впрочем, и 2020 г. по уровню был практически равен доковидному 2019 г., несмотря на многочисленные ограничения на перемещения и посещения общественных мест.

Ковидный кризис привел к закрытию ряда организаций отрасли, хотя к 2022 г. количество турфирм восстановилось до предыдущего максимума, наблюдавшегося в 2018 г. Объемы продаж зарубежных турпакетов в 2022 г. превысили показатели 2019 г. – отрасль начала возвращаться к прежней тенденции превосходства зарубежного туризма. Хотя, конечно, отечественные направления также пользуются все большей популярностью у отдыхающих.

В 2022 г. восстановление туристического сектора было поставлено в условия новой внешнеполитической реальности быстрорастущего объема антироссийских санкций [11]. Недавно начавшие процесс восстановления европейские туристические маршруты фактически снова стали недоступными, а авиа-сообщение даже с нейтральными и дружественными странами оказалось затруднено, что, конечно, привело к сокращению численности поездок иностранных граждан в Россию с туристическими целями. В результате как въездной, так и выездной зарубежный туризм остается далек от доковидных показателей в плане численности туристов. Однако в денежном выражении цена, заплаченная российскими туристами за выездные туры, в 2023 г. превысила 0,5 трлн руб., что стало историческим рекордом и почти вдвое превзошло аналогичный показатель 2022 г. Это свидетельствует о неснижающемся интересе россиян к отдыху за рубежом, хотя в настоящее время он доступен примерно вдвое меньшему их числу.

В целом нестабильность политической обстановки и антироссийская риторика ранее популярных в плане посещения государств не позволяют рассчитывать на возобновление международных туристических связей в ближайшее время. Исходя из этого, большинство авторов склоняются к росту популярности внутреннего туризма в ближайшем будущем, а также поездок в страны ближнего дружественного зарубежья. Среди работ подобного плана стоит отметить статьи Г.Р. Аргуна [12], Н.В. Парушиной [13], В.М. Тиунова [14]. И.К. Ткаченко характеризует ситуацию с увеличением притока туристов в некоторых регионах даже как «ажитажный спрос» [15, с. 75].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Гипотеза исследования заключается в том, что подробный анализ развития отечественной туротрасли позволит понять основные причины и факторы, влияющие на рост туристического сектора, что является актуальной задачей в свете поставленных стратегических задач диверсификации экономики и снижения доли сырьевой ренты в экономике страны. Разработка инструментария государственной поддержки отрасли должна строиться с учетом понимания неоднородности факторов развития российского турсектора в различные временные периоды.

Исходя из неоднородности политико-экономического поля развития отечественной туротрасли, предмет исследования, обозначенный выше, необходимо выбирать с учетом следующих соображений: будет целесообразно построить работу на базе разбития процесса ее становления на отдельные временные периоды и остановиться на анализе основных влияющих факторов каждого из периодов. Как будет показано, условия развития постоянно менялись, и можно с достаточно высокой степенью точности разделить прогресс отечественного туризма на определенные этапы, каждый со своими особенностями, сильными и слабыми сторонами. Поэтому целями исследования являются подробный хронологический анализ статистических показателей и выявление основных факторов влияния на развитие отрасли.

Опираясь на работы указанных выше авторов, мы значительно расширим направление исследования туристического сектора региональными показателями, которые будут дополнены авторскими расчетами таких индикаторов, как доля валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) туризма в валовой региональный продукт (далее – ВРП) субъектов России, а также ВДС отрасли на одного жителя каждого субъекта федерации. Данные величины представляются для нас наиболее важными с точки зрения оценки вклада туристического сектора в экономику регионов страны. Картографический метод наглядно демонстрирует результаты нашего исследования. Наряду с ним в работе использовались такие методы общенаучного познания, как анализ и синтез.

Основным источником информации являлись разделы Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) – «Туризм»¹; «Регионы России»².

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа структурирована следующим образом. В начале исследования дается общая характеристика развития туризма в РФ, показаны его относительная роль в экономике страны, региональная структура распределения ВДС турсектора. Эти данные представлены Росстатом в основных ценах – временной ряд охватывает период с 2019 г. по 2022 г., и в текущем исследовании они будут отражены далее.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Туризм. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 11.04.2025).

² Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

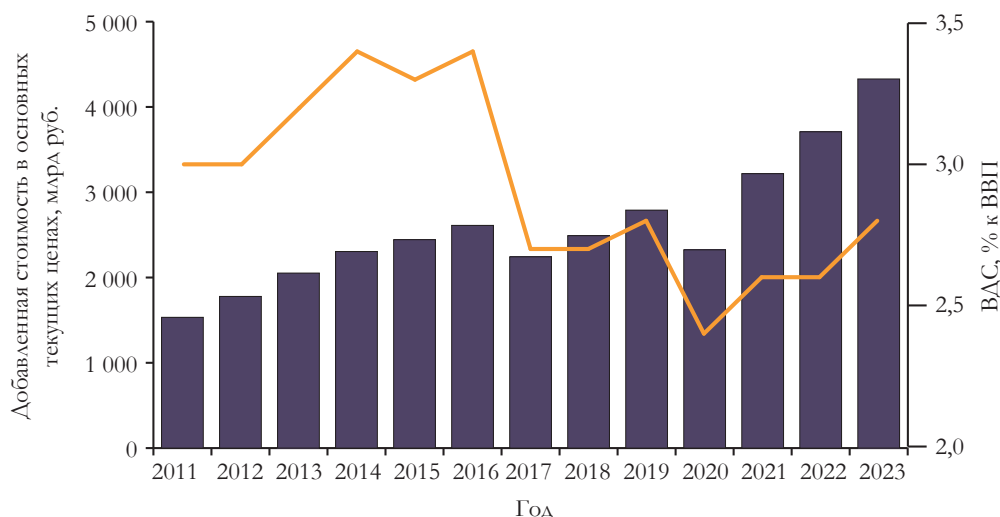
Авторский показатель ВДС туротрасли на одного жителя в разрезе регионов страны является арифметическим результатом деления известного значения ВДС туротрасли по субъектам на численность жителей регионов на 1 января 2023 г.

Второй раздел исследования посвящен анализу ключевого инфраструктурного показателя туротрасли – коллективным средствам размещения: отелям, гостиницам, гостевым домам, хостелам, туристическим базам, санаториям, курортам, кемпингам и т.д. Возможности размещения определяют способность отрасли принять и обслужить отдыхающих, что является ключевой задачей турсектора. Поэтому данный показатель является важнейшим с точки зрения определения не самого туристического потенциала, а фактической возможности приема туристов в данный момент. Приведена статистика по федеральным округам, также выделены наиболее развитые в плане наличия коллективных средств размещения регионы страны.

Заключительная часть статьи посвящена анализу статистико-экономических показателей деятельности турфирм, формирующих основную часть ВДС туротрасли. Показаны динамика въезда/выезда туристов, демография турфирм, а также реализация турпакетов в абсолютном и в стоимостном выражении.

РОЛЬ ТУРИЗМА В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ И ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

В экономике страны туристическая деятельность занимает достаточно стабильную долю – около 3 %. Смена Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД) в 2017 г. на ОКВЭД2 привела к видимому сокращению удельного веса туризма в общероссийском валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) с 3–3,4 до 2,5–2,8 % ежегодно (рис. 1).

Составлено автором по материалам источника³

Рис. 1. ВДС туристской индустрии в 2011–2023 гг.

Как видно из рис. 1, до 2014 г. в целом роль туротрасли в общем ВВП постепенно увеличивалась. Затем в 2015–2016 г. удельный вес туризма в формировании российского ВВП оставался стабильным. Перерасчет 2017 г. убавил сразу 0,7 % – с 3,4 % до 2,7 %. В последующие годы доля турсектора в ВВП сохранялась достаточно стабильной на уровне 2,6–2,8 % (за исключением ковидного 2020 г., когда она упала до 2,4 %).

Таким образом, судя по рис. 1, темпы развития туротрасли в целом соответствуют общему росту общенационального ВВП, и российский туризм не имеет ярко выраженной тенденции к опережающему росту. В последние годы заметно выделяются 2017 г. (смена классификатора) и 2020 г. (пандемия COVID-19).

В региональном разрезе ВДС турсектора сконцентрирован преимущественно в нескольких субъектах федерации: столичных регионах, Краснодарском и Красноярском краях, Тюменской, Свердловской и Ростовской областях, а также в Татарстане и Дагестане. На десятку субъектов приходится более 61 % добавленной стоимости. Примечательно, что в топ-10 не попал ряд регионов Северного Кавказа – традиционных туристических направлений России.

³ Федеральная служба государственной статистики. Туризм. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 11.04.2025).

ВДС туристического сектора в разрезе регионов РФ (топ-10 субъектов)

Регион	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г., %	2022 г. к 2019 г., %
РФ	2 862 755	2 416 353	3 223 143	3 727 702	100	130
Москва	720 571	600 707	944 653	1 084 223	29,1	150
Санкт-Петербург	225 217	158 357	244 376	274 482	7,4	122
Краснодарский край	183 642	158 578	199 781	231 926	6,2	126
Московская область	192 726	162 446	182 908	197 562	5,3	103
Тюменская область	200 548	96 733	110 763	131 592	3,5	66
Свердловская область	81 976	56 100	80 008	96 325	2,6	118
Татарстан	63 435	60 608	60 976	78 005	2,1	123
Красноярский край	55 137	40 032	55 474	67 980	1,8	123
Дагестан	50 010	44 191	47 420	63 261	1,7	126
Ростовская область	46 196	41 024	47 901	57 086	1,5	124
Итого топ-10	1 819 458	1 418 776	1 974 261	2 282 442	61,2	125

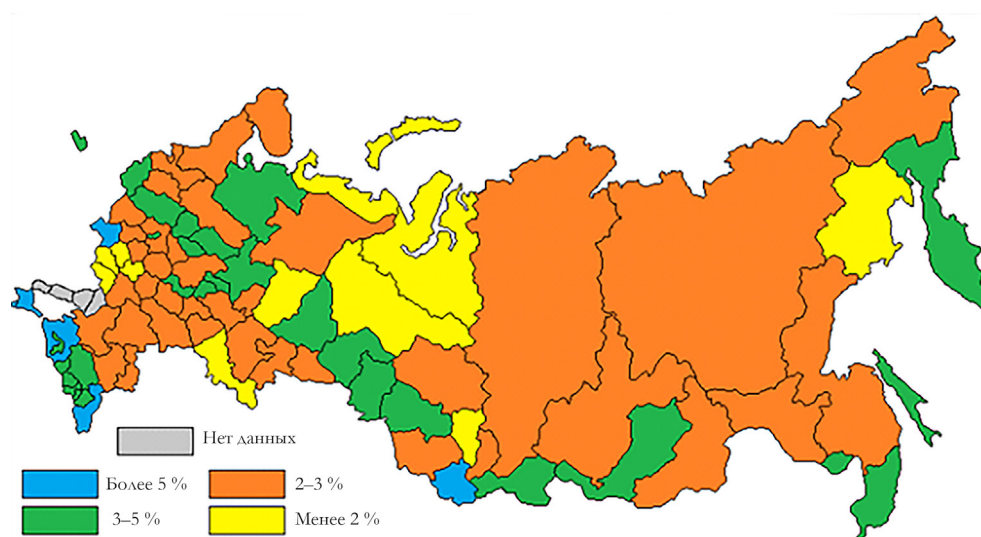
Примечание: данные представлены в основных ценах в 2019–2022 гг., млн. руб.

Составлено автором по материалам источника⁴

В табл. 1 хорошо заметна определяющая роль Москвы в работе российского турсектора – на нее приходится почти треть ВДС услуг, а темпы прироста значительно опережают не только среднероссийские показатели, но и показатели практически всех остальных регионов (включая топ-10). Так, с 2019 г. по 2022 г. ВДС туризма в Москве увеличился в 1,5 раза, тогда как в среднем по России – в 1,3 раза. Конечно, особенности подсчета ВДС собирательной классификационной группировки могут вносить искажения в реальную картину распределения туристического потенциала и статистику экономики отрасли между регионами. Так, например, здесь учтены услуги такси, пассажирского транспорта, ряда направлений торговли, страхования. Однако нет возможности выделить их отдельно или оценить их влияние в масштабах отдельных субъектов федерации.

Стоит отметить, что Тюменская и Архангельская области – единственные субъекты федерации, где ВДС турсектора в текущих ценах в 2022 г. была меньше, чем в доковидном 2019 г. Очевидно, пандемия нанесла туризму данных регионов наибольший ущерб.

Рассмотрим вклад туристической сферы в ВРП регионов в целом (рис. 2).

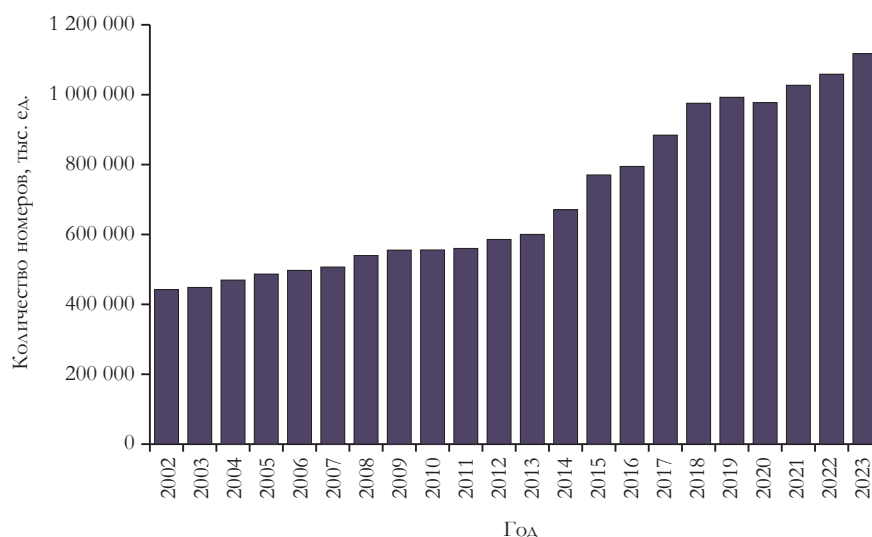

Составлено автором по материалам источника⁵

Рис. 2. Доля ВДС туристской индустрии в ВРП регионов в 2022 г.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

⁵ Там же

Составлено автором по материалам источника⁷

Рис. 4. Количество номеров в коллективных средствах размещения в России за 2002–2023 гг.

Судя по рис. 4, действительно, трудно переоценить масштаб изменений в туристической сфере за последние 10 лет. Если до 2013 г. номерной фонд российских гостиниц и курортов увеличивался достаточно медленно и за период с 2002 г. по 2013 г. прирост составил 35 % (158 тыс. номеров), то уже в 2014 г. его темпы резко ускорились. С 2013 г. по 2019 г. увеличение составило 65 % (392 тыс. номеров). То есть среднегодовой темп прироста повысился с 3 до почти 11 %. Лишь пандемия COVID-19 замедлила процесс роста внутреннего предложения услуг организованного размещения. С 2021 г. данный индикатор возобновил рост.

Четкое разделение периодов 2002–2014 гг. и 2015–2019 гг. в динамике номерного фонда на рис. 4 не допускает двойственности трактовки факторов влияния в данный период: однозначно снижение экономической и физической доступности ранее популярных направлений резко повысило привлекательность внутрироссийского туризма и влияние прочих факторов, в том числе относительной непрозрачности предприятий малого масштаба, представляется незначительным, поскольку резкий переход 2014–2015 гг. на графике очевиден.

Стоит отметить, что существовавшая на тот момент программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» предусматривала в период действия плавное увеличение показателей развития отрасли, в том числе номерного фонда, порядка 1–2 % ежегодно. Рис. 4 демонстрирует явно иную динамику и резкое увеличение темпов прироста с 2014 г., что свидетельствует о первичности влияния изменения политико-экономической ситуации на рубеже 2014–2015 гг. и о незначительности фактора государственного управления в тот период.

В разрезе федеральных округов и регионов-лидеров ситуация выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Число номеров в коллективных средствах размещения за 2002–2023 гг.
по федеральным округам**

Регион	2002 г.	2010 г.	2013 г.	2019 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г., %	2023 г. к 2002 г., %	2023 г. к 2013 г., %
Россия	442	556	600	993	977	1 059	1 117	100	253	186
Центральный федеральный округ	118	126	138	224	212	237	259	23,2	220	187
Московская область	30	32	33	46	48	58	62	5,6	204	188

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

Окончание табл. 2

Регион	2002 г.	2010 г.	2013 г.	2019 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г., %	2023 г. к 2002 г., %	2023 г. к 2013 г., %
Москва	35	38	42	90	77	87	102	9,1	294	245
Северо-Западный федеральный округ	47	69	65	97	96	108	117	10,5	249	181
Санкт-Петербург	19	24	24	44	43	49	55	4,9	291	226
ЮФО	72	110	118	307	303	323	337	30,2	466	286
Крым	–	–	–	69	73	74	75	6,7	–	–
Краснодарский край	56	89	95	197	191	206	218	19,5	390	230
Северо-Кавказский федеральный округ	23	30	33	42	44	48	51	4,5	223	155
Ставропольский край	15	20	21	24	25	26	27	2,4	176	127
Приволжский федеральный округ	81	92	99	136	134	142	142	12,7	175	143
Уральский федеральный округ	34	42	45	58	59	62	64	5,7	187	142
Сибирский федеральный округ	41	53	66	78	78	85	88	7,9	213	133
Дальневосточный федеральный округ	26	34	36	51	52	54	60	5,4	233	167

Примечание: данные представлены в тыс. ед.; ЮФО – Южный федеральный округ

Составлено автором по материалам источника⁸

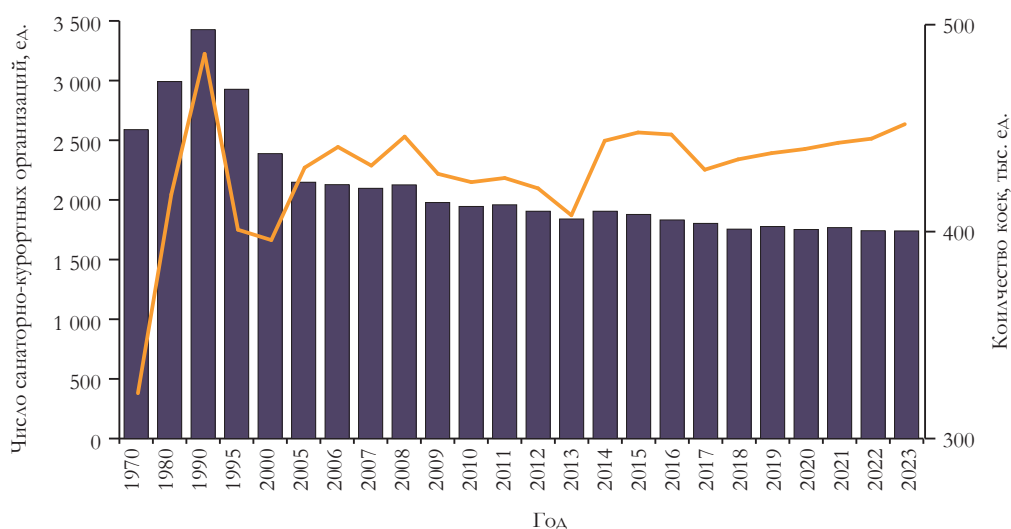
Как видно из табл. 2, ключевыми регионами в плане развития индустрии гостевого бизнеса являются Краснодарский край (почти одна пятая всего российского предложения номеров), Москва и Московская область (15 % в сумме), Крым (почти 7 %) и Санкт-Петербург (5 %). Все лидеры существенно более быстрыми темпами, чем в среднем по России, увеличивают емкость номерного фонда. Конечно, наиболее значительно здесь выделяется ЮФО и, в частности, Краснодарский край как главный регион, который в основном и задает темп развития отрасли. В целом же на топ-5 приходится почти 46 % номеров в коллективных средствах размещения в России.

Стоит отметить, что и остальные федеральные округа также демонстрируют улучшение показателей развития индустрии организованного отдыха, хотя и не столь быстрыми темпами. Все-таки основными туристическими центрами остаются и, судя по тенденции, будут оставаться в ближайшем будущем Краснодарский край и Москва.

Отметим, что основной фокус развития номерного фонда происходит в секторе гостиничного бизнеса, тогда как санаторно-курортное направление остается аутсайдером туристической индустрии (рис. 5).

Как мы видим из рис. 5, около половины существовавших в годы Советского Союза санаторно-курортных организаций к настоящему времени прекратили существование или были перепрофилированы. Хотя количество мест в них снизилось не так значительно. Это свидетельствует о снижении внимания к такому ранее распространенному виду отдыха в крупных профильных организациях в пользу отелей, гостиниц, хостелов. Самостоятельный отдых и бронирование, формирование туристической программы с помощью туроператора, динамичный отдых с посещением сразу ряда городов и достопримечательностей гораздо более популярны, чем менее активный санаторно-курортный, который тем не менее, конечно, еще находит своего потребителя и в современных условиях.

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.04.2025).

Составлено автором по материалам источника⁹

Рис. 5. Показатели деятельности санаторно-курортных организаций в России за 1970–2023 гг.

В целом отметим, что номерной фонд средств коллективного размещения в российской туристической сфере быстро растет благодаря переносу потока туристов за рубеж на внутрироссийские направления. Особенно резко он начал увеличиваться с 2014 г., хотя стоит заметить: на этапе 2013–2014 гг. определенное влияние на показатель оказало присоединение Крыма, что арифметически привело к увеличению общероссийской величины на величину мест коллективного размещения в республике. Однако рис. 4 однозначно свидетельствует о том, что это не было определяющей тенденцией. Фактически тренд на рост количества мест коллективного размещения за последнее десятилетие характерен для всей страны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРФИРМ. ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ В РОССИИ

Рассмотрим деятельность турфирм РФ более подробно (табл. 3).

Таблица 3

Въезд и выезд туристов из России, деятельность турфирм за 1993–2023 гг.

Наименование	1993 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2019 г.	2020 г.	2023 г.
Въезд туристов в Россию, тыс. поездок	1 543	1 787	2 215	2 251	2 025	25 438	24 419	6 359	8 210
Выезд граждан за рубеж с туристическими целями, тыс. поездок	1 577	2 555	4 252	6 405	12 231	42 921	45 330	12 361	25 335
Количество турфирм, ед.	Н.д.	Н.д.	2 966	5 079	9 133	11 614	12 690	12 463	14 102
Реализованные турпакеты, тыс. ед.									
По России	Н.д.	Н.д.	767	1 378	872	992	2 111	2 094	3 333
За рубеж	Н.д.	Н.д.	477	2 478	3 367	3 253	2 911	1 013	3 009
Реализованные турпакеты, млн руб.									
По России	Н.д.	Н.д.	4 006	13 757	18 343	25 444	69 560	70 964	164 737
За рубеж	Н.д.	Н.д.	5 023	52 727	148 148	214 308	301 328	98 010	545 083

Примечание: н.д. – нет данных

Составлено автором по материалам источника¹⁰

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Туризм. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁰ Там же.

Как мы видим из табл. 3, выезд российских граждан за рубеж увеличивался до 2014 г. С 2014 г. по 2019 г. рост зарубежных поездок прекратился. Это же касается и показателей въездного туризма в РФ. При этом реализация туристических пакетов за рубеж увеличивалась до 2014 г. на фоне стагнации внутрироссийского предложения аналогичных услуг. Однако временной отрезок 2014–2019 гг. был действительно бумом роста продаж турпакетов по России. Даже ковидный 2020 г. незначительно повлиял на эту тенденцию. 2023 г. стал историческим рекордом продаж. С 2020 г. продажи турпакетов внутри страны устойчиво в численном выражении опережают продажи подобных услуг для выезда за рубеж. Хотя в ценовом выражении зарубежные турпакеты, конечно, значительно опережают отечественные. На этом моменте стоит остановиться подробнее, поскольку финансовая сторона в рыночной экономике имеет решающее значение в любой отрасли хозяйства.

В структуре стоимости реализации турпакетов в 2000 г. отечественные и зарубежные направления распределялись примерно поровну: 55,6 % приходилось на реализованные турпакеты по зарубежным странам, а 44,4 % – внутри страны. К 2010 г. ситуация изменилась в сторону трансграничного туризма: 89 % средств были направлены на организованный отдых за границей. В 2014 г. ситуация сохранилась в той же пропорции (11 % внутри России, 89 % – за рубеж). Несмотря на санкции и охлаждение интереса к отдыху российских туристов в Северной Африке и Юго-Западной Азии, стоимостная доля зарубежных туров к 2016 г. не опустилась ниже 73 %, а к 2019 г. она увеличилась до 81 %.

В 2020 г. мы увидели повторение ситуации 2000 г. в структурном выражении: 58 % средств граждан были потрачены на отдых за рубежом, что почти сравнялось с показателем 20-летней давности. В 2021 г. ситуация начала выправляться: доля отечественных направлений сократилась до 31 %, а к 2023 г. – до 23 %. Хотя это, конечно, связано с опережающим ростом зарубежных туров, а никак не со снижением внимания ко внутрироссийским турам. Мы здесь говорим лишь о структуре стоимости реализованных турпакетов. В количественном же выражении внутрироссийские туры, как мы уже говорили, устойчиво опережают зарубежные, хотя и ненамного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономико-статистический анализ состояния и динамики развития туротрасли РФ позволил сделать несколько важных наблюдений.

Во-первых, как отмечает ряд авторов, подтвердилось этапное развитие туристической сферы под влиянием политических, экономических и эпидемиологических факторов. Каждый из них в своей мере повлиял на выбор потребителей в пользу отдыха внутри России, хотя зарубежные направления, конечно, продолжают пользоваться спросом и в денежном выражении значительно опережают продажи турпакетов по России. Тем не менее с 2014 г. наблюдается устойчивый рост внутрироссийского туризма на фоне нестабильного спроса на зарубежные поездки.

Вторым важным наблюдением нашей работы стоит назвать то, что Москва является ключевым объектом туристического интереса и основным драйвером роста туротрасли в масштабах России. Она формирует почти треть добавленной стоимости отрасли, задавая темп развития российского туризма. Хотя при этом лидером по объему номерного фонда остается Краснодарский край (пятая часть номеров гостиничного сектора РФ). Это свидетельствует о том, что наиболее дорогой отдых и туристические посещения – в Москве, тогда как самый массовый отдых – это по-прежнему Черноморское побережье Краснодарского края.

Текущая динамика демонстрирует высокий потенциал Москвы и Сочи и то, что в будущем они так и будут оставаться ключевыми центрами российского туризма, и остальные регионы не смогут конкурировать с лидерами по абсолютным показателям.

В относительном выражении среди регионов по развитию и роли туризма в экономике выделяются Алтай, Санкт-Петербург, Брянская область и ряд субъектов севера России. Северные регионы обязаны заметному развитию туристического сектора в денежном выражении высоким показателям собственного экономического развития. Так, наибольшие значения ВДС туротрасли наблюдаются в регионах с самыми значительными показателями ВРП на душу населения. Это свидетельствует о том, что отечественная индустрия продолжает ориентироваться преимущественно на отдых внутри субъекта. Например, сельский и аграрный туризм и туры выходного дня из областного центра, обратные направления экскурсионного, праздничного туризма или тех же туров на выходные с периферии региона в центр.

Особняком здесь стоят лишь Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург и Алтай, которые притягивают к себе туристов со всей России.

Список литературы

1. Тушемилова Н.Н. Тенденции и перспективы развития туризма в Российской Федерации. Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022;3(23)90–96. <http://doi.org/10.31443/2541-8874-2022-3-23-90-96>
2. Saeid A.G., Arifin M.Z., Hasim M.S. The challenges of tourism in the countries of the Arab spring revolutions. *Advances in Natural and Applied Sciences*. 2012;7(6):1162–1171.
3. Александрова А.Ю. География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы. Наука. Инновации. Технологии. 2017;1:95–108.
4. Abushouk A. Arab spring. In: *Oxford Research Encyclopedias*. Oxford: Oxford University Press; 2024.
5. Mansfeld Ya., Winckler O. Can this be spring? Assessing the impact of the “Arab spring” on the Arab tourism industry. *Tourism*. 2015;2(63):205–223.
6. Noureddine S., Almubrizi H., Alriyami H., Scott N. Tunisian tourism: at the eye of an Arab spring storm. In: *Tourism in the Arab world. An industry perspective*. Bristol: Channel View Publications; 2017. Pp. 145–160.
7. Цыпин А.П., Овсянников В.А. Оценка доли иностранного капитала в промышленности России. Молодой ученый. 2014;12(71):195–198.
8. Николенко П.Г., Терехов А.М. Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития. Статистика и экономика. 2022;4(19):57–70. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70>
9. Бочков П.В., Блинова Е.А. Актуализация развития российского туризма в период пандемии. Теория права и межгосударственных отношений. 2021;7(19(2)):403–406.
10. Chihwai P. Exploring the impact of COVID-19 on tourism in East African countries. In: *COVID-19 impact on tourism performance in Africa*. Singapore: Springer; 2024. Pp. 39–54.
11. Воронкова А.П. Стратегии развития российского туризма в условиях пандемии COVID-19 и западных санкций. Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022;4:12–26. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2022-42-4-12-26>
12. Аргун Г.Р. Рост внутреннего туризма в России за последние 20 лет. В кн.: *Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы XIII Международной научно-практической конференции, 22 февраля 2024 г.* Самара: Самарский государственный экономический университет; 2024. С. 3–6.
13. Парушина Н.В., Лытнева Н.А., Боброва Е.А. Анализ развития аграрного туризма для обеспечения устойчивости региональной экономики и решения проблем трудовой занятости. Экономическая среда. 2021;1(35):4–12. <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2021-1-35/4-12>
14. Тиунов В.М. Перспективы развития внутреннего туризма в Российской Федерации в современных реалиях. Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2023;1(8):107–110. <https://doi.org/10.47475/2500-0365-2023-18217>
15. Ткаченко И.К. Туризм как фактор экономического развития Российской Федерации. Экономика и предпринимательство. 2024;1(162):75–77. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.162.1.010>

References

1. Tushemilova N.N. Tendencies and perspectives of tourism development in Russia. *Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture*. 2022;3(23)90–96. (In Russian). <http://doi.org/10.31443/2541-8874-2022-3-23-90-96>
2. Saeid A.G., Arifin M.Z., Hasim M.S. The challenges of tourism in the countries of the Arab spring revolutions. *Advances in Natural and Applied Sciences*. 2012;7(6):1162–1171.
3. Aleksandrova A.Yu. Geography of tourist flows in the Russian Federation: statistics, trends, challenges. *Science. Innovations. Technologies*. 2017;1:95–108. (In Russian).
4. Abushouk A. Arab spring. In: *Oxford Research Encyclopedias*. Oxford: Oxford University Press; 2024.
5. Mansfeld Ya., Winckler O. Can this be spring? Assessing the impact of the “Arab spring” on the Arab tourism industry. *Tourism*. 2015;2(63):205–223.
6. Noureddine S., Almubrizi H., Alriyami H., Scott N. Tunisian tourism: at the eye of an Arab spring storm. In: *Tourism in the Arab world. An industry perspective*. Bristol: Channel View Publications; 2017. Pp. 145–160.
7. Tyypin A.P., Ovsyannikov V.A. Assessment of the share of foreign capital in Russian industry. *Young scientist*. 2014;12(71):195–198. (In Russian).

8. *Nikolenko P.G., Terekhov A.M.* Analysis of the state of the tourism industry in Russia and the directions of its development. *Statistics and Economics*. 2022;4(19):57–70. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70>
9. *Bochkov P.V., Blinova E.A.* Actualization of the development of Russian tourism during the pandemic. *Theory of law and interstate relations*. 2021;7(19(2):403–406. (In Russian).
10. *Chihwai P.* Exploring the impact of COVID-19 on tourism in East African countries. In: *COVID-19 impact on tourism performance in Africa*. Singapore: Springer; 2024. Pp. 39–54.
11. *Voronkova L.P.* Strategies for the development of Russian tourism in the context of the COVID-19 pandemic and Western sanctions. *Journal Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics*. 2022;4:12–26. (In Russian). <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2022-42-4-12-26>
12. *Argun G.R.* Growth of domestic tourism in Russia over the last 20 years. In: *Science of the XXI century: current directions of development: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference, February 22, 2024*. Samara: Samara State University of Economics; 2024. Pp. 3–6. (In Russian).
13. *Parushina N.V., Lytneva N.A., Bobrova E.A.* Analysis of the development of agricultural tourism to ensure the sustainability of the regional economy and solve employment problems. *Economic Environment*. 2021;1(35):4–12. (In Russian). <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2021-1-35/4-12>
14. *Tinnov V.M.* Prospects for the development of domestic tourism in the Russian Federation in modern realities. *Physical Culture. Sports. Tourism. Motor Recreation*. 2023;1(8):107–110. (In Russian). <https://doi.org/10.47475/2500-0365-2023-18217>
15. *Tkachenko I.K.* Tourism as a factor of economic development of the Russian Federation. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2024;1(162):75–77. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.162.1.010>

Образовательный туризм и привлекательность его развития в государствах-членах Евразийского экономического союза

Жданович Ольга Владимировна

Ст. преп. каф. евразийских исследований, аспирант
ORCID: 0009-0000-2163-8095, e-mail: Olga9920@gmail.com

Тарарышкина Любовь Ивановна

Канд. экон. наук, зав. каф. евразийских исследований
ORCID: 0000-0002-5879-7185, e-mail: tararyshkina@rambler.ru

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация

В международной практике образовательный туризм можно классифицировать по нескольким направлениям: от языковых программ до краткосрочных образовательных обменов продолжительностью не более года. Проводится анализ состояния и перспектив развития образовательного туризма в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Выделены ключевые факторы развития с учетом глобализации образования, экономического воздействия, укрепления международных связей, технологический прогресс и цифровизация образования, междисциплинарный подход. По мнению авторов исследования, эти факторы в совокупности подчеркивают важность развития такого направления, как образовательный туризм, что способствует укреплению интеграции, повышению качества образовательных услуг, а также формированию новых экономических возможностей региона. Однако недостаточная координация интеграционных процессов, а также существенные различия в национальных образовательных стандартах в государствах-членах приводят к замедлению развития. В своем исследовании авторы анализируют динамику экспорта образовательных и туристических услуг Республики Беларусь и их долю в общем объеме услуг, экспортируемых в государства-члены ЕАЭС. В заключении даются рекомендации по совершенствованию изучаемого вида туризма для эффективного развития гуманитарной сферы в странах ЕАЭС.

Ключевые слова

Образовательный туризм, Евразийский экономический союз, цифровизация, туристические услуги, образовательные услуги, интеграция, экспорт услуг, трансграничное сотрудничество

Для цитирования: Жданович О.В., Тарарышкина Л.И. Образовательный туризм и привлекательность его развития в государствах-членах Евразийского экономического союза // Вестник университета. 2025. № 7. С. 82–92.

Educational tourism and attractiveness of its development in the member states of the Eurasian Economic Union

Olga V. Zhdanovich

Senior Lecturer at the Eurasian Studies Department, Postgraduate Student
ORCID: 0009-0000-2163-8095, e-mail: Olga9920@gmail.com

Lyubov I. Tararyshkina

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Eurasian Studies Department
ORCID: 0000-0002-5879-7185, e-mail: tararyshkina@rambler.ru

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In international practice, educational tourism can be classified in several areas: from language programmes to short-term educational exchanges lasting no more than one year. The article analyses the state and prospects of educational tourism development in member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as EAEU). The key factors of the development are highlighted (considering globalisation of education, economic impact, strengthening of international relations) as well as technological progress and digitalisation of education, interdisciplinary approach. According to the authors of the study, these factors together emphasise the importance of developing the educational tourism, which contributes to strengthening integration, improving the quality of educational services, and creating new economic opportunities in the region. However, insufficient coordination of integration processes as well as significant differences in national educational standards in the member states lead to slowdown in the development. The article examines the dynamics of exports of educational and tourism services of the Republic of Belarus and their share in the total volume of services exported to the member states of the EAEU. In conclusion, recommendations are given for improving the type of tourism under study for the effective development of the humanitarian sphere in the EAEU countries.

Keywords

Educational tourism, Eurasian Economic Union, digitalisation, tourism services, educational services, integration, export of services, cross-border cooperation

For citation: Zhdanovich O.V., Tararyshkina L.I. (2025) Educational tourism and attractiveness of its development in the member states of the Eurasian Economic Union. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 82–92.

ВВЕДЕНИЕ

Образовательный туризм представляет собой инновационное направление, объединяющее образовательные и туристические аспекты с целью совершенствования уровня знаний, культурного обмена и укрепления международного сотрудничества. В современном мире он приобретает все большее значение, являясь не только источником образовательных возможностей, но и инструментом экономического развития региона. Одними из ключевых факторов, который определяет вектор развития исследуемого вида туризма, являются технологический прогресс, а также стремительное внедрение цифровых технологий и глобальная доступность сети интернет. Быстрый рост рынка образовательного туризма во многом обусловлен спросом на международное образование, вызванным глобализацией, цифровыми технологиями и интересом потребителей к культурному обмену. Ожидается, что по мере развития отрасли данный вид станет важным сегментом мирового туристического рынка и поменяет способы обучения людей.

Целью исследования является анализ состояния и перспектив развития образовательного туризма в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с учетом экономических, социальных и технологических факторов.

Для достижения поставленной цели применены метод анализа, охватывающий использование статистических данных, экономических показателей, сравнительный и стейкхолдерский анализ, а также методы дедукции; были изучены нормативно правовые акты и научные публикации.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что развитие образовательного туризма в государствах-членах ЕАЭС способствует укреплению интеграции и приводит к увеличению экспорта туристических и образовательных услуг.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Сегодня индустрия туризма является одной из важнейших и крупнейших отраслей экономики после нефтяной и автомобильной промышленности. В этом секторе по всему миру занято более 100 млн чел. Путешественники проявляют растущий интерес к такому виду туризма, как образовательный, который предоставляет иммерсивные возможности обучения на основе приобретенного опыта. Это включает в себя широкий спектр образовательных мероприятий, таких как программы языкового обучения, инициативы по культурному обмену и стажировки, позволяющие участникам погрузиться в местную культуру и быт, а также получить практические навыки во время путешествий.

Вопросы развития туризма как одного из важных направлений социально-экономического сотрудничества отражены в стратегических направлениях развития ЕАЭС до 2025 г.¹

Согласно Международным рекомендациям по статистике туризма, разработанным Всемирной туристской организацией, и приведенной классификации туристских поездок по их основной цели, к категории «образование и профессиональная подготовка» относятся «посещение краткосрочных курсов, оплачиваемых либо работодателями (включая профессиональную подготовку без отрыва от производства, классифицируемую по категории „деловые и профессиональные цели“), либо иными организациями/лицами, которые должны учитываться отдельно, где это обосновано; прохождение конкретных программ обучения (формальных или неформальных) или приобретение конкретных навыков с помощью формальных курсов, включая платное обучение, изучение языков, профессиональные или другие специальные курсы, научные отпуска и т.д.»².

При этом сам термин «туризм» интерпретируется как «туристическое путешествие, а также деятельность по его организации», а туристом признается физическое лицо, которое совершает туристическое путешествие на период от 24 ч до одного года или осуществляет не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания, который преследует следующие цели: познавательные; образовательные; паломнические; деловые; физкультурно-спортивные; иные. Целями также могут являться отдых, оздоровление³.

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/?ysclid=md4mk0dsua497840452> (дата обращения: 01.05.2025).

² Организация Объединенных Наций. Международные рекомендации по статистике туризма, 2008 год. Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_83rev1r.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

³ Закон Республики Беларусь от 11.11.2021 г. № 129-3 «О туризме». Режим доступа: https://kostukovich.gov.by/downloads/guests/tour/docs/20211111_129-z.pdf?ysclid=md4mp1aa7f270800304 (дата обращения: 02.05.2025).

Поскольку в нормативно-правовых актах государств-членов ЕАЭС отсутствует единый базовый термин образовательного туризма, различные авторы предлагают разнообразные трактовки рассматриваемого понятия. Доктор исторических наук О.В. Шульгина в своих научных трудах отмечает, что это особый вид туризма, содержащий в программе тура обучающий элемент: обучение (на разных уровнях), дополнительное образование, повышение квалификации [1].

По мнению руководителя Центра социокультурных и туристских программ Института наследия, доктора исторических наук Ю.С. Пурика, «образовательный туризм – это феномен интеграции обучения и туризма через организацию образовательной деятельности для достижения целей и задач, определяемых учебными программами и направленными на становление личностно значимых качеств, которые проявляются при формировании универсальной, общепрофессиональной и профильно-специализированной компетентностей» [2, с. 9].

Можно выделить следующие виды образовательного туризма, исходя из основной цели поездки:

- изучение общеобразовательных или специальных предметов (краткосрочное обучение в учебных заведениях);
- изучение иностранных языков в процессе коммуникации с носителями языка и проживание в соответствующей языковой среде;
- участие в конференциях, симпозиумах, форумах, конгрессах, целями которых являются обмен опытом и получение новых профессионально важных знаний, умений, информации.

В условиях евразийской экономической интеграции образовательный туризм как перспективный вид туризма представляет собой туристический рынок услуг, дающий возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов данной отрасли на рынки друг друга [3].

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

Стремительное развитие таких отраслей, как образование и туризм, привело к формированию отдельного сегмента – образовательного туризма. Австралийский математик, специалист в области вычислительной техники, заслуженный профессор Австралийского национального университета Р. Брент в своих научных трудах рассматривает данный термин как путешествие с целью обучения, где основным мотивом является образование или обучение, а туристический опыт второстепенен. Рассмотрим интеграцию этих двух сегментов под воздействием цифровизации и представим на рис. 1.

Примечание: на рисунке представлена авторская модель на базе модели Р. Брента
Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 1. Модель образовательного туризма с учетом развития цифровизации

Grand View Research, в 2022 г. образовательные поездки совершали в основном молодые люди в возрасте 16–25 лет (студенческие годы), доля которых составила около 40 %. Поскольку образовательный туризм популярен в основном у молодых людей, важно внедрять передовые технологии, например простое

Представленная модель демонстрирует взаимосвязь и интеграцию несмежных областей, образования и туризма, а также их неотделимость от цифровизации, которая отражается в изменении ландшафта поставщиков: от онлайн-турагентств до цифровых гидов и виртуальных туров. Сегментация рынка образовательного туризма по роду занятий включает студентов, преподавателей, государственных служащих, руководителей организаций и предприятий, специалистов и других участников данного процесса.

В 2023 г. на мировом рынке доминировал студенческий сегмент. Прогнозируется, что до 2032 г. мировой рынок образовательного туризма будет расти в среднем на 13,50 % и достигнет 1 155,0 млрд долл. США⁴. Согласно данным исследовательской компании

⁴ Grand View Research. Educational Tourism market size, share & trends analysis report by age group (less than 15 years, 16–25 years), by education (primary, secondary), by occupation (students, teachers, government officials), by purpose, by region, and segment forecasts, 2025–2030. Режим доступа: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/educational-tourism-market-report> (дата обращения: 02.05.2025).

и быстрое бронирование через мобильные платформы, алгоритмы персонализированных рекомендаций для индивидуальных предложений, чат-боты, развитие социальных сетей учреждений образования. Индустрия образования и туризма использует все больше технологий, включая дополненную реальность, виртуальную реальность и искусственный интеллект (далее – ИИ): от бесконтактной регистрации и цифровых способов оплаты до виртуальных туров и предложений путешествий на основе ИИ.

Немаловажным фактором при пересечении границы другого государства является наличие доступной мобильной связи. Для создания максимально благоприятных условий для взаимных поездок граждан в рамках ЕАЭС ведутся переговоры об отмене роуминга. Например, 1 марта 2025 г. официально отменен роуминг между Беларусью и Российской Федерации (далее – РФ, Россия). С широким использованием технологий, подключенных к интернету, в повседневной жизни меняются как туризм, так и образовательный опыт [5]. Соответственно, с развитием таких видов деятельности, как дистанционное образование, электронное обучение, видео- и аудиоконференции, а также с облегчением доступа к информации прогнозируется, что на международные образовательные программы будут влиять поездки в университеты, колледжи и языковые школы, а также желание людей путешествовать, видеть и учиться, удовлетворять свое любопытство.

На основании проанализированных источников сформулируем авторское определение образовательного туризма в контексте цифровизации: это интегрированный вид туризма, объединяющий путешествия и обучение, дополняющийся цифровыми технологиями, которые позволяют получить знания и навыки в гибридной (смешанной) форме для развития профессиональных и личностных компетенций.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

В ЕАЭС создана Общественная палата по развитию образовательного туризма, которая реализует ключевые проекты, включающие разработку евразийских трансграничных туристических маршрутов, а также сотрудничество в сфере образования и подготовки специалистов для индустрии туризма и гостеприимства; создание дискуссионной площадки экспертов; прочую научно-исследовательскую и просветительскую деятельность по рассматриваемому направлению⁵.

При формировании евразийского туристического рынка основными целями являются повышение доступности и качества услуг путем внедрения инновационных решений для заинтересованных сторон; усиление конкурентных преимуществ туристических продуктов.

Выделим сильные стороны туристической отрасли государств-членов ЕАЭС (табл. 1).

Таблица 1

Сильные стороны туристической области членов ЕАЭС

Государство	Характеристика
Армения	Богатейшее историко-культурное наследие, сохранение быта и традиций; разнообразный природный ландшафт; широкие возможности для образовательного туризма
Беларусь	Выгодное географическое положение страны; взаимная заинтересованность в развитии сотрудничества не только между государствами-членами ЕАЭС, но и между их ближайшими соседями; самобытная культура и разнообразный природный ландшафт; санаторно-курортное лечение
Казахстан	Высокий потенциал для развития туризма: обширная территория с разнообразным ландшафтом, историко-культурное наследие, архитектура на стыке национальной идентичности и современности
Кыргызстан	Уникальность природного богатства и экологически чистые продукты; доброжелательность, отзывчивость и гостеприимство; уникальный природный ландшафт – гористая местность

⁵ Общественная палата стран Евразийского экономического союза. Комитет по евразийской турбезопасности ОП ЕАЭС. Режим доступа: https://eurasiaun.org/eurasia_tourism (дата обращения: 03.05.2025).

Государство	Характеристика
Россия	Комфортная и безопасная среда для туристов; синтез уникального географического положения, разнообразия регионов, обилия объектов культурно-исторического наследия и современных инновационных объектов показа; развитая в соответствии с принятыми нормами; индустрия гостеприимства; отсутствие визового режима для государств-членов ЕАЭС; широкий спектр климатических зон и соответствующих видов отдыха

Составлено авторами по материалам источника⁶

Одним из основных преимуществ образовательного туризма является то, что он может стимулировать развитие различных навыков, таких как креативность, критическое мышление, способность практически и эффективно реализовывать творческие идеи, разрабатывать и запускать новые продукты с учетом приобретенного опыта. Он может способствовать инновациям, предоставляя людям возможность применять свои знания и навыки в реальных секторах экономики, требующих адаптации и совершенствования. Например, студент, участвующий в программе образовательного туризма в странах Азии, может узнать о решениях проблемы нехватки воды. Это способно мотивировать студента разрабатывать и тестировать свои собственные инновационные методы или устройства для сбора, хранения или очистки воды. Однако образовательный туризм не гарантирует автоматическое развитие этих навыков [6]. Существует несколько факторов, которые могут повлиять на объем и качество обучения во время образовательного туризма, такие как:

- разработка программы образовательного туризма, которая должна включать четкие и актуальные цели обучения, мероприятия и оценки, соответствующие желаемым навыкам и результатам;
- содействие программе, в которой должны участвовать квалифицированные и опытные преподаватели, гиды или наставники, способные обеспечить руководство, обратную связь и поддержку участникам на протяжении всего процесса обучения;
- вовлеченность в программу образовательного туризма активных и целеустремленных учащихся, готовых и способных рисковать, исследовать, экспериментировать, размышлять и делиться своим опытом и знаниями с другими;
- контекст программы, обеспечивающий безопасную, поддерживающую и стимулирующую среду, которая поощряет обучение и взаимодействие между участниками и местным сообществом, благоприятствует им.

Разработка совместных маршрутов в рамках интеграции и создание единого туристического пространства – одни из ключевых направлений для развития туризма не только между государствами-членами, но и между государствами-наблюдателями для привлечения туристов: Узбекистаном, Кубой и др. Примеры уже есть – это межгосударственный туристический горный маршрут «Роза Хутор – Чимбулак – Амирсой» (РФ – Казахстан – Узбекистан), он сейчас в активной фазе разработки. В разрабатываемый тур необходимо включить посещение учебных заведений с целью популяризации образования стран-членов ЕАЭС. Имеются интеграционные туристические маршруты «Марий Эл – Беларусь», «Российская Федерация (Санкт-Петербург) – Республика Беларусь (Брест – Брестская крепость – Беловежская пуца – Мир – Несвиж – Дудutki – Минск)» и многие другие. Поскольку государства-наблюдатели, а также Монголия подтверждают свое стремление и заинтересованность расширять свое участие в механизмах союза для достижения более глубокой интеграции, необходима проработка вопроса для привлечения туристов из этих стран с дальнейшей перспективой оказания образовательных услуг. В Индии реализуется ряд инициатив, например «Дехо Апна Деш», в которой поощряется внутренний туризм, способствующий исследованию разнообразных ландшафтов и культурного наследия. Инициатива «Эк Бхарат Шрепта Бхарат» способствует культурной интеграции через государственное объединение, единство и разнообразию, а также поощряет обмен и сотрудничество⁷.

В Республике Беларусь, совместно с Министерством спорта и туризма и Министерством образования, Национальным агентством по туризму, с управлениями спорта и туризма областных исполнительных

⁶ Доклад Евразийской экономической комиссии о результатах проведения мониторинга исполнения с 1 мая 2021 г. по 30 июня 2022 г. мероприятий, предусмотренных планами либерализации, утвержденными Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 23, и контроля за их исполнением. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/232/REPORT5.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).

⁷ Drishti IAS. Revamping India's tourism sector. Режим доступа: <https://www.drishtias.com/hindi/daily-updates/daily-news-editorials/revamping-india-s-tourism-sector> (дата обращения: 03.05.2025).

комитетов и Минского городского исполнительного комитета составлен перечень наиболее значимых и популярных экскурсий по Беларуси и туристско-экскурсионных объектов, рекомендуемых для посещения учащимися. Запущены следующие инициативы: «Образовательные маршруты по областям», «Образовательные маршруты по районам», «Образовательные маршруты по малой родине»⁸.

Одними из самых популярных мест для получения образования являются такие страны, как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада и Ирландия. Образовательные учреждения предъявляют более высокие академические требования, придерживаются строгих процедур для поддержания качества и хорошо финансируются, чтобы обеспечить своим студентам первоклассное образование. Согласно последнему мировому рейтингу QS–2023, 27 из 100 лучших колледжей мира являются американскими. На евразийском пространстве в топ-100 входит только один российский вуз – это Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (далее – МГУ), всего в рейтинг попали 70 вузов из 1 422⁹.

Анализируя привлекательность образовательных услуг в государствах-членах ЕАЭС, следует рассмотреть комбинированный индекс уровня образования (табл. 2).

Таблица 2

Индекс уровня образования в государствах-членах ЕАЭС

Страна	Место в рейтинге	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	Средняя продолжительность обучения (в годах)
Армения	78-е	13,1	11,3
Беларусь	47-е	15,2	12,1
Казахстан	36-е	15,8	12,3
Кыргызстан	76-е	13,2	11,4
Россия	29-е	15,8	12,8

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

В 2022 г. в рейтинге участвовала 191 страна. Анализируя данные в табл. 2, следует отметить, что государства-члены ЕАЭС занимают высокие позиции. Из представленных в отчете данных следует, что рейтинг возглавляет РФ – 29-е место, за ней следуют Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Армения. В 2023 г. студенческий сегмент доминировал на мировом рынке. Прогнозируется, что к 2032 г. мировой рынок образовательного туризма вырастет в среднем на 13,50 % и достигнет 1 155,0 млрд долл. США. Ожидается, что на евразийском рынке образовательного туризма также будет наблюдаться значительный рост. Это связано с непосредственной близостью стран евразийской интеграции и их доступностью для путешествий.

Государства-члены ЕАЭС обладают богатым историческим наследием и уникальной природой, являются также центром передовых научных исследований. Сфера образовательного туризма предлагает невероятные возможности для погружения в мир образования и науки. Университеты являются центрами знаний и инноваций, сочетая в себе глубокие традиции обучения и современные подходы к научным исследованиям. Можно посетить учебные заведения с вековой историей, например Казахстанский национальный университет имени аль-Фараби, МГУ, Белорусский государственный университет, Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (Армения). Рассматривая предложения туристических операторов, отметим, что перечень образовательных экскурсий большой, однако в Кыргызстане данный вид туризма не особо развит.

ДИНАМИКА ДОЛИ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА ТУРИСТИЧЕСКИХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

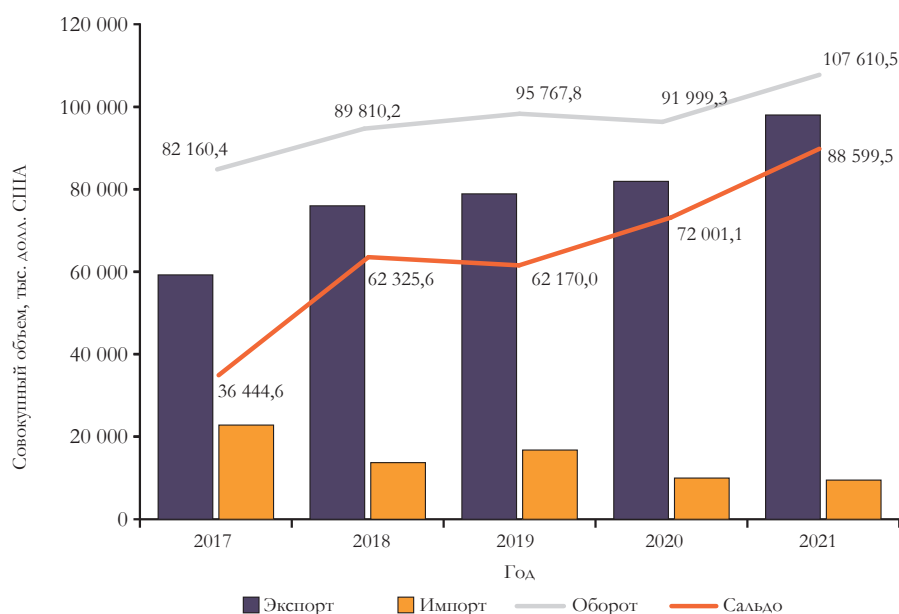
Образование, знания и особенно профессиональная подготовка, международный опыт рассматриваются как двигатель экономического роста, инноваций, конкурентоспособности и социальной стабильности.

⁸ Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. Туризм. Режим доступа: <https://mst.gov.by/ru/turizm.html> (дата обращения: 03.05.2025).

⁹ QS TopUniversities. QS World University Rankings 2023: top global universities. Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2023> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁰ Гуманитарный портал. Рейтинг стран мира по индексу уровня образования. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 04.05.2025).

В глобализованном мире, который все больше основывается на знаниях, экспорт туристических и образовательных услуг представляет собой высокودинамичный развивающийся рынок [7]. На рис. 2 представим данные по экспорту и импорту образовательных услуг Республики Беларусь за 2017–2021 гг.

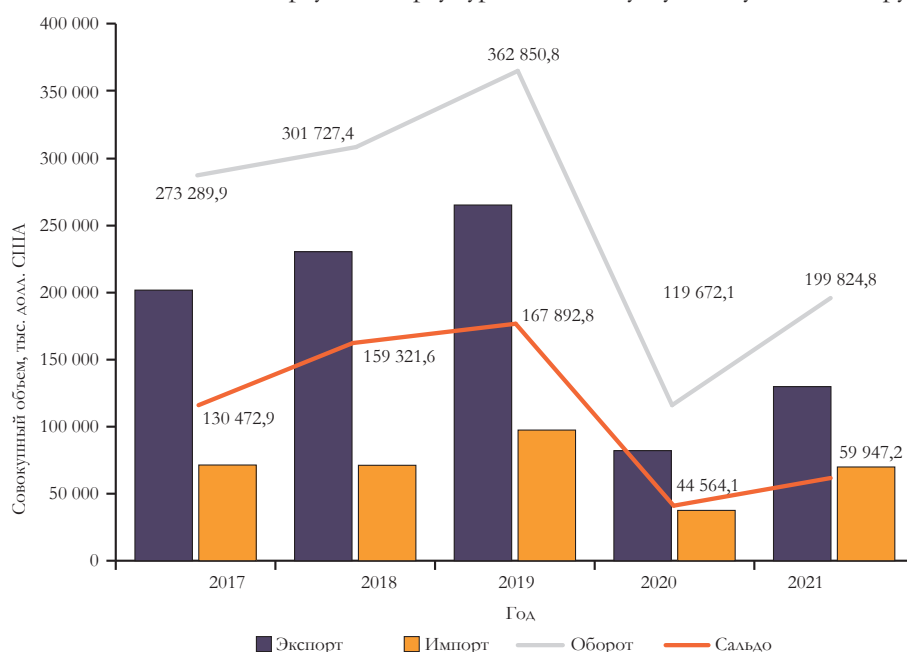

Составлено авторами по материалам источника¹¹

Рис. 2. Экспорт и импорт образовательных услуг Беларуси за 2017–2021 гг.

Представленный на рис. 2 совокупный объем экспорта и импорта образовательных услуг за 2017–2021 гг. продемонстрировал умеренный, стабильный рост и в 2021 г. составил 107 610,5 тыс. долл. США. Что касается экспорта, то за рассматриваемый период наблюдался стремительный рост с 59 302,5 тыс. долл. США в 2017 г. до 78 968,9 тыс. долл. США в 2019 г. Это во многом объясняется тем, что привлекательность белорусского образования пользуется спросом на международном рынке, а также тем, что в образовательный процесс активно внедряются онлайн-форматы обучения. Сальдо в течение рассматриваемого периода осталось положительным.

На рис. 3 представим данные по экспорту и импорту туристических услуг Республики Беларусь за 2017–2021 гг.

Составлено авторами по материалам источника¹²

Рис. 3. Экспорт и импорт туристических услуг Беларуси

¹¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Экономическая статистика. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/> (дата обращения: 04.05.2025).

¹² Там же.

Совокупный объем экспорта и импорта туристических услуг в 2017 г., представленный на рис. 3, составил 273 289,9 тыс. долл. США, продемонстрировав стабильный рост до 2019 г. – 362 850,8 тыс. долл. США. В 2020 г. наблюдался спад в туристической отрасли – 119 672,1 тыс. долл. США, в основном из-за пандемии, в 2021 г. произошел восстановительный рост – 199 824,8 тыс. долл. США. Сальдо в течение рассматриваемого периода было положительным.

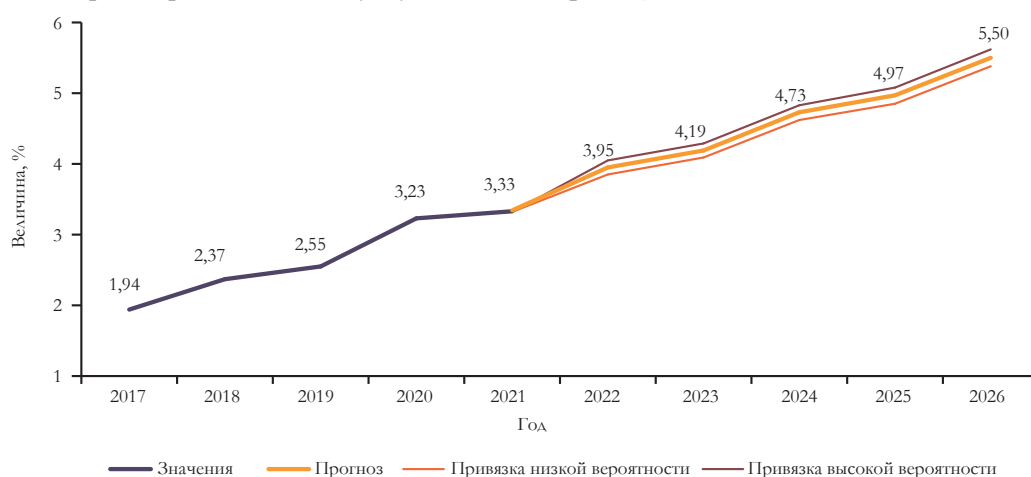
Далее проанализируем доли экспорта туристических и образовательных услуг Республики Беларусь в общем объеме услуг, экспортируемых в государства-члены ЕАЭС (рис. 4).

Составлено авторами по материалам источника¹³

Рис. 4. Доли экспорта туристических и образовательных услуг Беларуси в общем объеме услуг, экспортируемых в страны ЕАЭС, за 2017–2021 гг.

Белорусский сектор туристических услуг сталкивается с рядом трудностей. В 2019 г. отметка достигла максимума и составила 8,57 %. Доля экспорта образовательных услуг в общем объеме услуг Беларуси, экспортируемых в государства-члены ЕАЭС, демонстрирует ежегодный рост с 1,94 % в 2017 г. до 3,33 % в 2021 г. Внедрение новых программ образовательного туризма может стать эффективным инструментом для развития туристической отрасли, что приведет к увеличению доли экспорта. Построим прогноз роста экспорта образовательных услуг до 2026 г. (рис. 5).

Составлено авторами по материалам источника¹⁴

Рис. 5. Прогноз доли экспорта образовательных услуг до 2026 г.

¹³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Экономическая статистика. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sektor-ekonomiki/> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁴ Там же.

По прогнозным данным, представленным на рис. 5, можно сделать вывод, что до 2026 г. в Беларуси доля экспорта образовательных услуг будет демонстрировать умеренный рост и составит 5,50 %.

Международные поездки способствуют трансграничному экономическому сотрудничеству, глобальному взаимопониманию и культурному обмену. Это часто включает в себя более сложную логистику, соблюдение паспортных и визовых требований, обмен валюты и соблюдение международных законов о поездках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЕАЭС показал свою эффективность функционирования перед лицом новых вызовов, в том числе связанных с проводимой некоторыми странами политикой санкций и демонтажа многих базовых устоев международной торговли. Наблюдается динамичное углубление интеграции в области образования в ЕАЭС, что может благоприятно сказаться на увеличении потоков туристов внутри союза и за его пределами.

В ходе исследования выявлено, что развитие образовательного туризма в государствах-членах ЕАЭС оказывает влияние на стабильный рост экспорта образовательных и туристических услуг, способствуя экономическому развитию региона. Например, реализация программ двойных (тройных) дипломов и академическая мобильность будут способствовать росту экспорта услуг за счет повышения спроса на ИТ- (информационные технологии) и транспортно-логистические услуги гостиничного и ресторанного бизнеса. Дано авторское определение образовательного туризма с учетом цифровизации туристических услуг.

Для дальнейшего совершенствования и развития образовательного туризма необходимо:

- 1) активно провести процесс его цифровизации в государствах-членах ЕАЭС;
- 2) интегрировать образование с высокотехнологичными секторами;
- 3) создать цифровую экосистему для конвергенции виртуальных экскурсий по кампусу и онлайн-образовательные модули, что будет способствовать трансграничному сотрудничеству между заинтересованными сторонами.

Возможные положительные экономические эффекты включают в себя валютный эффект, эффект занятости, эффект мультипликатора, расширение цифровой инфраструктуры, импульсы регионального развития и, соответственно, сокращение различий между специфическими регионами.

Список литературы

1. Шульгина О.В. Образовательный туризм как одно из перспективных направлений развития внутреннего туризма в России. Экономические и социальные проблемы России. 2023;4(56):207–219. <https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.15>
2. Житенёв С.Ю. (ред.). Образовательный туризм в России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт; 2021. 170 с.
3. Дедок В.М. Опыт сотрудничества кафедры международного туризма Белорусского государственного университета с предприятиями индустрии гостеприимства (2014–2020 гг.). В кн.: Беларусь в современном мире: материалы XXII Международной научной конференции, посвященной 102-й годовщине образования Белорусского государственного университета, 26 октября 2023 г. Минск: Белорусский государственный университет; 2023. С. 779–784.
4. Авагян А.А. Образовательный туризм в России: современное состояние и перспективы развития. Сервис plus. 2019;3(13):21–30. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10303>
5. Zhdanovich O.V. The development of higher education as a factor in increasing the competitiveness of the EAEU member states in the era of digitalization of the economy. В кн.: Социально-экономические системы в условиях глобальных трансформаций: проблемы и перспективы развития: материалы III Международной научно-практической конференции в рамках V юбилейного Московского академического экономического форума МАЭФ-2023 «Мировые тренды экономического развития: роль и место России», Нальчик, 29–30 мая 2023 г. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова; 2023. С. 22–26.
6. Гайдукевич Л.М. Какие кадры нам сегодня нужны для сферы туризма и гостеприимства? В кн.: Беларусь в современном мире: материалы XXI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, 27 октября 2022 г. Минск: Белорусский государственный университет; 2022. С. 330–334.
7. Юрова Н.В. Человеческое измерение международных экономических отношений. Минск: Белорусский государственный университет; 2023. 207 с.

References

1. Shulgina O.V. Educational tourism as one of the promising directions of domestic tourism development in modern Russia. Economic and social problems of Russia. 2023;4(56):207–219. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.15>

2. *Zhitenyov S.Yu. (ed.)* Educational tourism in Russia: textbook for universities. Moscow: Urait; 2021. 170 p. (In Russian).
3. *Dedok V.M.* Experience of cooperation of the Department International Tourism of Belarusian State University with enterprises of the hospitality industry (2014–2020). In: Belarus in the modern world: Proceedings of the XXII International Scientific Conference dedicated to the 102nd Anniversary of the Belarusian State University, October 26, 2023. Minsk: Belarusian State University; 2023. Pp. 779–784. (In Russian).
4. *Aragyan A.A.* Educational tourism in Russia: current state and development prospects. Service plus. 2019;3(13):21–30. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10303>
5. *Zhdanovich O.V.* The development of higher education as a factor in increasing the competitiveness of the EAEU member states in the era of digitalization of the economy. In: Socio-economic systems in global transformations: problems and development prospects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference within the framework of the V Anniversary Moscow Academic Economic Forum MAEF-2023 “Global trends in economic development: the role and place of Russia”, Nalchik, May 29–30, 2023. Nalchik: Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov; 2023. Pp. 22–26. (In Russian).
6. *Gaidukevich L.M.* What personnel do we need today for tourism and hospitality today? In: Belarus in the modern world: Proceedings of the XXI International Scientific Conference dedicated to the 101st Anniversary of the Belarusian State University, Minsk, October 26, 2022. Minsk: Belarusian State University; 2022. Pp. 330–334. (In Russian).
7. *Yurova N.V.* Human dimension of international economic relations. Minsk: Belarusian State University; 2023. 207 p. (In Russian).

Современные возможности обновления машинно-тракторного парка сельскохозяйственных организаций с помощью лизинга

Кирица Алексей Александрович¹

Канд. экон. наук, экономист-финансист
ORCID: 0000-0002-0925-6171, e-mail: kiritsa95@yandex.ru

Чутчева Юлия Васильевна²

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики
ORCID: 0000-0002-7450-5664, e-mail: yuv.chutcheva@yandex.ru

Кораблин Михаил Николаевич³

Аспирант
ORCID: 0009-0003-9204-2565, e-mail: Morland89@yandex.ru

¹Общество с ограниченной ответственностью «Инженерная компания СитиЭнерго», г. Москва, Россия

²Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия

³Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

На современном этапе аграрный сектор Российской Федерации (далее – РФ, Россия) функционирует в весьма сложных и неоднозначных социально-экономических условиях. С одной стороны, международные санкции стали двигателем и стимулом производства отечественной продукции, но в то же время санкционные и контрсанкционные действия затруднили решение комплекса внутренних проблем, складывавшихся в сельском хозяйстве России на протяжении последних десятилетий. Рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема развития сегмента агролизинга как наиболее эффективного инвестиционного механизма технического перевооружения и обновления машинно-тракторного парка (далее – МТП) аграрного сектора страны. Анализируются основные аспекты трансформации лизингового рынка РФ в сфере агропромышленного комплекса и ключевые тренды развития аграрного лизинга на текущем этапе. На основе проведенного анализа обосновывается необходимость формирования комплексной экосистемы агролизинга, включая расширение областей его применения, поиск, развитие наиболее оптимальных форматов и механизмов интеграции и сотрудничества между участниками рынка с учетом использования лизинговых механизмов. Подчеркивается важность системной государственной поддержки для сохранения темпов обновления МТП. В заключительной части выделяются наиболее перспективные направления развития агролизинга на современном этапе. В работе использованы общенаучные методы (анализ и синтез, экономико-статистические, графические методы и др.).

Ключевые слова

Аграрный лизинг, возвратный лизинг, машинно-тракторный парк, аграрный сектор, агропромышленный комплекс, экосистема агролизинга, сельскохозяйственные товаропроизводители, сельское хозяйство, трейд-ин

Для цитирования: Кирица А.А., Чутчева Ю.В., Кораблин М.Н. Современные возможности обновления машинно-тракторного парка сельскохозяйственных организаций с помощью лизинга // Вестник университета. 2025. № 7. С. 93–102.

© Кирица А.А., Чутчева Ю.В., Кораблин М.Н., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Modern possibilities of upgrading the machine and tractor fleet of agricultural organisations with the help of leasing

Aleksei A. Kiritsa¹

Cand. Sci. (Econ.), Economist-financier
ORCID: 0000-0002-0925-6171, e-mail: kiritsa95@yandex.ru

Yuliya V. Chutcheva²

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics Department
ORCID: 0000-0002-7450-5664, e-mail: yuv.chutcheva@yandex.ru

Mikhail N. Korablin³

Postgraduate Student
ORCID: 0009-0003-9204-2565, e-mail: Morland89@yandex.ru

¹Limited Liability Company “Engineering Company CityEnergo”, Moscow, Russia

²Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

³Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Abstract

At the present stage, the agricultural sector of the Russian Federation operates in very complex and ambiguous socio-economic conditions. On the one hand, international sanctions have become the driving force and incentive for the domestic production, but at the same time, sanctions and counter-sanctions have made it difficult to solve a set of internal problems that have formed in the Russian agriculture over the past decades. The article examines the current problem of developing the agroleasing segment as the most effective investment mechanism for the technical re-equipment and renovation of the country's machine and tractor fleet (hereinafter referred to as MTP) of the agricultural sector. The main aspects of the transformation of the Russian leasing market in the agro-industrial complex and the key trends in the agroleasing development at the current stage are analysed. Based on the analysis, the need to form a comprehensive ecosystem of the agroleasing is substantiated, including expanding the scope of its application, searching, developing the most optimal formats and mechanisms for integration and cooperation between market participants, taking into account the use of leasing mechanisms. The importance of systemic government support for maintaining the pace of renewal of the MTF is emphasised. The final part highlights the most promising directions for the agroleasing development at the present stage. The work uses general scientific methods (analysis and synthesis, economic and statistical, graphical methods, etc.).

Keywords

Agricultural leasing, leaseback, machine and tractor fleet, agricultural sector, agro-industrial complex, agroleasing ecosystem, agricultural producers, agriculture, trade-in

For citation: Kiritsa A.A., Chutcheva Yu.V., Korablin M.N. (2025) Modern possibilities of upgrading the machine and tractor fleet of agricultural organisations with the help of leasing. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 93–102.

ВВЕДЕНИЕ

Последние 10 лет развитие аграрного сектора Российской Федерации (далее – РФ, Россия) основывается на программно-целевом подходе. Этот подход предусматривает принятие на государственном уровне долгосрочных программ и стратегических концепций, которые обеспечивают адресное финансирование сельского хозяйства как из федерального, так и из региональных бюджетов. Важнейшим стратегическим направлением государственной политики в сфере сельского хозяйства вплоть до последнего времени было обеспечение продовольственной безопасности страны, то есть рост производства продукции для удовлетворения потребности населения страны в продовольствии. К настоящему времени по производству большинства продуктов, определенных в Доктрине продовольственной безопасности¹, были достигнуты опережающие показатели, в связи с чем на текущем этапе основным стратегическим направлением государственной поддержки становятся поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей (далее – сельхозтоваропроизводители) и развитие экспорта сельскохозяйственной продукции (далее – сельхозпродукция).

Основной проблемой аграрного сектора России остается дисбаланс между ценами на сельхозпродукцию и затратами на средства производства, что усугубляется низкой рентабельностью отрасли. Специфические особенности агробизнеса создают значительные риски для инвесторов, замедляют оборот капитала, а также снижают эффективность использования ресурсов и рентабельность производства. В условиях сложной рыночной конъюнктуры, падения цен на сельхозпродукцию и опережающего роста стоимости сельскохозяйственной техники (далее – сельхозтехника) российским аграриям необходимы системная поддержка для сохранения темпов обновления машинно-тракторного парка (далее – МТП), поиск новых решений для дальнейшего прогресса.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ АГРОЛИЗИНГА В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В соответствии со стратегическими документами развития агропромышленного комплекса (далее – АПК) России, к 2030 г. объем производства отечественной продукции АПК должен увеличиться минимум на 25 %, а ее экспорт должен вырасти не менее чем в 1,5 раза по сравнению с показателями 2021 г.² Поскольку расширение объемов производства сельхозпродукции напрямую зависит от состояния материально-технической базы хозяйств и воспроизводственной политики, обновление и модернизация МТП всегда были одним из самых актуальных вопросов для отрасли сельского хозяйства.

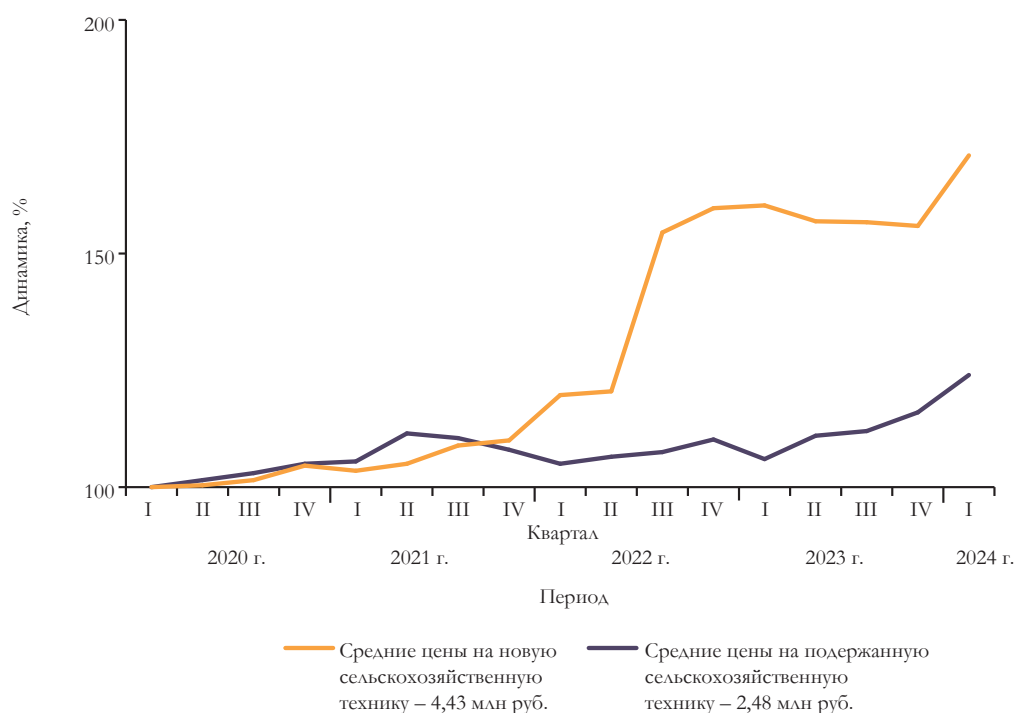
В настоящее время государство применяет различные механизмы поддержки, направленные на повышение доходности и финансовой устойчивости агропромышленного сектора. Это прямые субсидии производителям, льготное кредитование, поддержка экспортных операций, льготное налогообложение сельхозтоваропроизводителей и т.д. Однако задача получения наибольшей отдачи от государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей еще достаточно далека от своего окончательного решения. Изменившиеся внешнеполитические и экономические условия скорректировали как ее объемы, так и основные направления.

В 2023 г. российские сельхозтоваропроизводители столкнулись с серьезными вызовами, включая резкое удорожание сельхозтехники и практически полное прекращение ее поставок из стран Европейского союза и Соединенных Штатов Америки из-за санкций. Аналогичные трудности из-за нехватки поставок из-за рубежа комплектующих и запасных частей для производства и ремонта сельхозтехники испытывали отечественные сельскохозяйственные машиностроители. Рост цен на сельхозтехнику в 2022–2023 гг. составил от 30 до 50 % (в зависимости от ее вида), при этом значительно увеличились сроки поставки: если в 2021 г. средний срок поставки составлял 30 дней, то в 2022–2023 гг. – уже около 130 дней. По данным маркетингового агентства, Национального агентства промышленной информации, в первом квартале 2024 г. средние цены на новую сельхозтехнику выросли на 9,1 % по сравнению с первым кварталом прошлого года и составили 4,43 млн руб. Средние цены на поддержанную сельхозтехнику за год выросли на 17,3 % и достигли 2,5 млн руб.³ (см. рисунок).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 20.04.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 20.04.2025).

³ Национальное агентство промышленной информации. Подержанная сельхозтехника дорожает быстрее новой. Режим доступа: <https://narpinfo.ru/infographics/poderzhannaya-selhoztehnika-dorozhaet-bystrye-novoy/> (дата обращения: 20.04.2025).

Составлено авторами по материалам источника⁴

Рисунок. Динамика темпов роста цен на новую и подержанную сельхозтехнику в РФ, 2020–2023 гг.

Высокие урожаи 2022–2023 гг. привели к падению цен на зерно как в России, так и в мире; помимо этого, санкционная война обострила проблемы с экспортом на внешние рынки. По оценкам Института конъюнктуры аграрного рынка, в 2023 г. для получения комфортного уровня прибыли российским сельхозтоваропроизводителям необходимо было экспортировать 65 млн т зерна, включая 51 млн т пшеницы, что в текущих условиях являлось практически недостижимым результатом. К концу сезона 2023 г. из страны было отгружено около 44 млн т пшеницы и 53,5 млн т всего зерна, в результате чего в РФ значительно увеличились переходящие запасы (около 17,7 млн т по пшенице и 25,5 млн т по всему зерну)⁵. С учетом того, что посевные 2022–2023 гг. обошлись значительно дороже, поскольку подорожали все элементы затрат, входящие в структуру производственной себестоимости зерна, многие отечественные сельхозтоваропроизводители столкнулись с проблемой возврата вложенных затрат в связи с падением прибыли [1].

В условиях ужесточения денежно-кредитной политики, несмотря на наличие льготных механизмов поддержки, доступность кредитов и ссуд для АПК РФ значительно снижается, что негативно отражается на инвестиционной активности в отечественном секторе АПК. Объем кредитов, предоставленных в сфере растениеводства, животноводства и охоты, в 2023 г. увеличился всего на 0,6 % по сравнению с предыдущим годом, при этом в производстве пищевых продуктов отмечено снижение на 9,3 %, в производстве напитков – падение на 17,5 %. При этом объемы кредитования АПК относительно небольшие: на сельское хозяйство, производство продуктов питания и напитков приходится не более 5 % всех кредитов, выданных бизнесу.

Резкий рост ключевой ставки и современные условия деятельности отечественного агробизнеса, с учетом того, что внутренний спрос насыщен, а развитие внешних рынков (особенно если принимать во внимание санкции) затруднено, приводят к снижению рентабельности деятельности сельхозтоваропроизводителей. В 2023 г. объем льготного кредитования снизился на фоне роста ключевой ставки Центрального банка РФ (далее – ЦБ РФ, Банк России), поскольку существенный объем выделенных бюджетных средств был перенаправлен на поддержку ранее взятых кредитных обязательств. Резкое повышение ключевой ставки ЦБ РФ привело на какое-то время даже к частичной приостановке выдачи льготных кредитов в аграрном секторе. Кроме того, Министерство сельского хозяйства (далее – Минсельхоз) предполагает уже в ближайшем будущем повысить максимальную ставку по льготным кредитам и займам (с 5 до 7 %), хотя этот вопрос еще находится в стадии обсуждения.

⁴ Национальное агентство промышленной информации. Цены на новую сельскохозяйственную технику. Режим доступа: <https://napinfo.ru/services/spetsialnaya-tehnika/tseny-na-novuyu-selskohozyajstvennuyu/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁵ Ганенко И. Зерновой рынок становится все депрессивнее. Итоги первой половины сезона 2022/23. Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/39543-zernovoy-rynok-stanovitsya-vse-depressivnee-itogi-pervoy-pолоviny-sezona-2022-23/> (дата обращения: 20.04.2025).

Таким образом, в условиях жестких инвестиционных ограничений наиболее значимым финансово-инвестиционным механизмом, позволяющим использовать инвестиционные ресурсы для обновления МТП, повышения его инновационной составляющей в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран, становится лизинг [2].

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЛИЗИНГА В АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

На современном этапе ключевыми механизмами государственной поддержки обновления МТП в аграрной сфере выступает программа льготного лизинга сельхозтехники. Начиная с 2020 г. она включена в проект «Техническая модернизация АПК» в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия (подпрограмма «Развитие отраслей агропромышленного комплекса»). Дополнительно предоставляются субсидии, предусмотренные постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 14326.

В 2023 г. Правительство расширило действие программы льготного лизинга на новые регионы, в число которых вошли Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области⁷. Помимо этого, были расширены параметры льготного лизинга для АПК. Теперь в перечень сельхозтехники, передаваемой по договорам льготного лизинга, включены автотранспортные средства, прицепы, полуприцепы и железнодорожные вагоны. Эти изменения позволили аграрным производителям, ранее заключившим данные договоры, провести реструктуризацию платежей, существенно снизив финансовую нагрузку.

Расширение государственной поддержки льготного аграрного лизинга, развитие нормативно-правовой базы и изменения в работе лизинговых компаний значительно повлияли на структуру финансовых источников воспроизводства МТП у сельхозтоваропроизводителей РФ. Статистические данные подтверждают быстрое развитие лизингового рынка в стране и все более широкое применение лизинга в сфере АПК (табл. 1).

Таблица 1

Динамика развития рынка лизинговых услуг в секторе АПК России, 2018–2023 гг.

Показатель	Год						Темп прироста, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 г. / 2022 г.	2023 г. / 2018 г.
Общий объем рынка лизинга, млрд руб.	4 300	4 900	5 170	6 450	6 750	9 920	147,0	230,7
Объем НБ всего, млрд руб.	1 240	1 500	1 410	2 280	1 980	3 590	181,3	289,5
Доля НБ в общем объеме лизинга, %	28,8	30,6	27,3	35,3	29,3	36,2	123,4	125,5
Общий объем лизингового портфеля сектора АПК (сельхозтехника, скот), млн руб.	61 490	79 053	136 428	185 776	227 334	327 538	144,1	532,7
Объем НБ в секторе АПК, млн руб.	30 303	35 942	70 096	90 601	98 714	114 340	115,8	377,3
Доля сектора АПК в общем объеме лизинга, %	1,4	1,6	2,6	2,9	3,4	3,3	98,0	230,9
Доля НБ в секторе АПК, %	2,4	2,4	5,0	4,0	5,0	3,2	63,9	130,3
Общий объем портфеля АО «Росагролизинг», млн руб.	48 999	56 553	83 198	110 348	167 331	263 856	157,7	538,5
Объем НБ АО «Росагролизинг», млн руб.	15 710	18 657	30 774	32 898	67 359	85 584	127,1	544,8

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 г. № 1432 «Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники» (редакция от 04.11.2023 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140130/ (дата обращения: 20.04.2025).

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.08.2023 г. № 1319 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2050». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308110023> (дата обращения: 20.04.2025).

Показатель	Год						Темп прироста, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 г. / 2022 г.	2023 г. / 2018 г.
Доля АО «Росагролизинг» в секторе АПК, %	79,7	71,5	61,0	59,4	73,6	80,6	109,4	101,1
Доля НБ АО «Росагролизинг» в общем объеме НБ сектора АПК, %	51,8	51,9	43,9	36,3	68,2	74,9	109,7	144,4

Примечание: НБ – новый бизнес (стоимость лизингового имущества без налога на добавленную стоимость); АО – акционерное общество

Составлено авторами по материалам источника⁸

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что, несмотря на опасения аналитиков о стагнации (или даже падении) отечественного лизингового рынка как в силу известных внешнеполитических причин, так и в силу внутренних проблем, в 2023 г. наблюдался его значительный рост, что обусловлено совокупным влиянием нескольких факторов: ростом цен, реализацией отложенного спроса, адаптацией российской экономики к санкционным ограничениям 2022–2023 гг., а также государственной поддержкой лизинговой отрасли, в частности, и в секторе АПК.

Общий портфель лизинговых сделок в отрасли сельского хозяйства в 2023 г. увеличился почти в 1,5 раза по сравнению с 2022 г., при этом объем НБ (стоимость лизингового имущества без налога на добавленную стоимость) на лизинговом рынке в секторе АПК (сельхозтехника, скот) увеличился за это время в 1,16 раза по сравнению с предыдущим годом. Начиная с 2018 г. объем лизингового портфеля в сфере АПК вырос более чем в 5 раз, а объем НБ в этой области увеличился более чем в 3 раза. Тем не менее, несмотря на быстрое развитие отечественного рынка лизинговых услуг в последние годы, доля исследуемого сектора в общем объеме лизинга составляет не более 3,3–3,4 %, а доля НБ за весь рассматриваемый период не превысила 5 %. Это свидетельствует о недостаточном уровне развития лизинга в сфере АПК.

Изменилась также структура финансирования лизинговых компаний. Так, в 2023 г. финансирование лизинговых компаний за счет банковского кредитования составило 69 %, что на 5 % больше, чем в 2021 г., и на 2 % больше, чем в 2022 г. Финансирование за счет их собственных средств составило в 2023 г. 8 %, за счет авансов за переданные предметы лизинга – 12 %, за счет выпуска облигаций – 6 %⁹. Такая диспропорция объясняется несколькими причинами. Во-первых, банковское финансирование в 2023 г. было самым оперативным каналом финансирования лизинговых сделок, особенно в условиях массового ухода иностранных компаний (с учетом смены собственника на российских представителей) и роста ключевой ставки Банка России во второй половине 2023 г. Это привело к замедлению привлечения инвестиционных средств на фондовом рынке. Во-вторых, крупные банковские лизинговые компании (дочерние предприятия российских банков) практически не пользуются фондовыми инструментами для финансирования собственных операций, так как имеют возможность кредитоваться в своих «материнских» банках. При этом их доля в объемах НБ лизингодателей в 2023 г. составляла 64 % (в 2022 г. – 61 %). Таким образом, на текущий момент лизинговые компании практически не используют возможности фондового рынка для привлечения инвестиционных ресурсов.

Флагманом в аграрном сегменте отечественного лизингового рынка является АО «Росагролизинг»¹⁰, чья доля в сфере аграрного лизинга в 2023 г. составила более 80 %. Такое значимое увеличение веса АО «Росагролизинг» на рынке лизинговых услуг в сфере АПК произошло, в частности, вследствие концентрации на топ-10 отечественных лизинговых компаний из-за активного роста федеральных компаний и ухода иностранных игроков в 2022–2023 гг. Однако при этом следует заметить, что, несмотря на рост концентрации, в последнее время сектор АПК привлекает все больше лизинговых операторов, готовых работать с рисками, присущими отрасли сельского хозяйства. Этому значительно способствовали как развитие нормативно-правовой базы в области лизинга, так и усилия самих сельхозтоваропроизводителей по улучшению финансового состояния своих предприятий с учетом требований потенциальных инвесторов, что сделало их значительно более привлекательными заемщиками для лизинговых компаний.

⁸ Эксперт РА. Рэнкинги лизинговых компаний. Режим доступа: <https://www.raexpert.ru/rankings/leasing/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁹ Усов И. Доля финансирования банками лизингового бизнеса в 2023 году достигла максимума. Режим доступа: <https://frankmedia.ru/157574> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁰ Росагролизинг. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.rosagroleasing.ru> (дата обращения: 20.04.2025).

Динамика объемов НБ АО «Росагролизинг» за последние 5 лет в разрезе клиентов приведена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика объемов НБ АО «Росагролизинг» в разрезе клиентов, 2019–2023 гг.

Показатель	Год					Темп роста, %	
	2019	2020	2021	2022	2023	2023 г. / 2022 г.	2023 г. / 2018 г.
Малый бизнес (до 800 млн руб.)	12 046	29 436	29 732	41 062	45 447	110,7	377,3
Средний бизнес (800–2 000 млн руб.)	3 676	1 122	2 222	10 874	0	0,0	0,0
Крупный бизнес (более 2 000 млн руб.)	5 258	2 409	7 522	14 711	40 137	272,8	763,4
Государственные учреждения (ФГУП, МУП, органы власти и т.д.)	676	373	283	712	0	0,0	0,0
Физические лица (но не индивидуальные предприниматели)	28	0	0	0	0	–	0,0

Примечание: ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие; МУП – муниципальное унитарное предприятие; данные представлены в млн руб.

Составлено авторами по материалам источника¹¹

Данные, представленные в табл. 2, показывают, что в 2023 г. основными потребителями лизинговых услуг были представители малого (до 800 млн руб. годового дохода) и крупного (свыше 2 млрд руб. годового дохода) бизнеса. При этом на протяжении последних 5 лет (2019–2023 гг.) наиболее значительную динамику использования лизинговых услуг показывал именно малый бизнес, в то время как средний и крупный бизнес в основном применял другие финансово-инвестиционные инструменты для воспроизводства МТП (кредиты, займы, покупки на вторичном рынке, арендные отношения). Однако экономические шоки последних лет, жесткие ограничения инвестиционных ресурсов в современных условиях заставляют искать новые пути интенсификации воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве.

Текущая ситуация вынуждает лизинговые компании как можно лучше подстраиваться под нужды покупателей: с целью компенсации роста цен на рынке предлагаются различные условия предоставления лизинга (например, сезонные графики выплат, возможность оплаты производимой продукцией и т.п.), используется множество вариантов привлечения клиентов (от скидок до гибких графиков сроков платежей). Помимо этого, расширяется рынок льготного лизинга. Так, например, АО «Росагролизинг» с 2023 г. разрабатывает новые лизинговые проекты, включающие в программу льготного агролизинга строительство и лизинг комплексов по хранению и переработке сельхозпродукции (зерна), лизинг железнодорожных вагонов, рефконтейнеров, зерновозов, приобретение пищевого оборудования и т.д.¹² В 2025 г. АО «Росагролизинг» отгрузило первую партию вагонов-зерновозов в Новосибирскую область¹³. Главной задачей при этом становится выстраивание новых логистических и производственных цепочек, объединяющих производителей, поставщиков и потребителей.

Отмечается также рост спроса на возвратный лизинг для юридических лиц. Его смысл заключается в том, что заемщиком и поставщиком объекта лизинговой сделки является одно и то же лицо, то есть организация продает свою сельхозтехнику лизинговой компании, после чего заключает с этой же компанией договор возвратного лизинга, становясь лизингополучателем [3]. Преимуществом сделки является то, что она реализуется исключительно в финансовой области, не затрагивая сложности передачи материальных ценностей (физических объектов). С другой стороны, при возвратном лизинге в законодательном плане сельхозтехника становится собственностью лизинговой компании, поэтому возрастают риски утраты собственности

¹¹ Эксперт РА. Рэнкинги лизинговых компаний. Режим доступа: <https://www.raexpert.ru/rankings/leasing/> (дата обращения: 20.04.2025).

¹² Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 16.10.2023 г. № 798 «Об утверждении перечня (наименований) сельскохозяйственной техники, машин, оборудования, используемых в агропромышленном комплексе автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов к ним, крытых грузовых вагонов, вагонов-цистерн, вагонов-хопперов, вагонов-рефрижераторов и контейнеров-рефрижераторов, приобретаемых акционерным обществом «Росагролизинг», г. Москва, для передачи по договорам финансовой аренды (лизинга), заключаемым на льготных (специальных) условиях» (редакция от 02.07.2024 г.), (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 24.11.2023 г. № 76092). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462815/ (дата обращения: 20.04.2025).

¹³ Росагролизинг. Росагролизинг отгрузил первую партию вагонов в 2025 году. Режим доступа <https://www.rosagroleasing.ru/company/smi/news/4723/> (дата обращения: 20.04.2025).

в случае неуплаты лизинговых взносов. Именно поэтому возвратный лизинг раньше был весьма интересным инструментом лишь для крупных компаний, так как позволял им сохранять большие корпоративные скидки и льготы при покупке техники. При этом для малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) он был в данном отношении неинтересен. Однако в текущих условиях на фоне труднодоступности инвестиционных средств, а также в силу льготного налогообложения и скорости заключения и исполнения сделки этот вид лизинга стал очень популярным и в сегменте МСБ, став достаточно важным альтернативным способом пополнения оборотных средств компании.

Проблема модернизации МТП сельского хозяйства – многогранная и многоуровневая задача, требующая комплексного подхода. Значительное влияние здесь оказывают как институционально-правовые аспекты, так и экономические и социальные факторы, пересечение интересов различных стейкхолдеров и разница в подходах к постановке и решению отдельных вопросов, напрямую и косвенно связанных с указанной проблематикой. Лизинг в этом процессе играет важную роль, объединяя интересы всех участников рынка. Этот инструмент позволяет расширить доступ к современной технике и стимулирует обновление МТП, способствуя устойчивому развитию аграрной отрасли. Его задача – значительно расширить возможности приобретения современной техники и обновления МТП сельхозтоваропроизводителей [4].

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОЛИЗИНГА КАК КЛЮЧЕВОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО МЕХАНИЗМА

Гибкость и адаптивность лизинговых инструментов позволяют использовать их во многих сферах, но они становятся особенно важны при трансформации моделей аграрного бизнеса от традиционного сельского хозяйства к цифровому и экосистемному. Цифровизация на современном этапе является ключевым фактором влияния на воспроизводственные процессы МТП, представляя собой глобальный технологический тренд, под воздействием которого изменяются современные экономические процессы. Применение цифровых технологий в сельском хозяйстве реализуется через интеграцию различных систем, которые помогают оптимизировать процессы производства, сокращать трудозатраты, повышать эффективность и улучшать качество продукции.

Так, в июле 2023 г. «Россельхозбанк Лизинг» совместно с компанией Skymec «Небесная механика» (дилер ХАГ) запустил программу льготного лизинга, в рамках которой аграрии получили возможность приобретать модели двух дронов – квадрокоптеры P40 и складные бикоптеры V40^{14,15}. Эти устройства используются для видеомониторинга посевов и внесения средств защиты растений от болезней, вредителей, сорняков. В 2024 г. «Росагролизинг» совместно с Минсельхозом включил беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) в перечень техники, доступной на условиях льготного лизинга¹⁶. Первые сделки были одобрены и заключены практически сразу, что демонстрирует высокий спрос на такие инновации¹⁷. Например, сейчас на основе агролизинга начинают внедряться отдельные элементы цифровых технологий – БПЛА, дроны и т.п. Это направление становится все более востребованным в рамках развития цифрового сельского хозяйства [5].

Агролизинг позволяет углублять и расширять вертикальную интеграцию между сферами АПК (первая сфера – производство средств производства, вторая – собственно сельское хозяйство, третья – заготовка, переработка сельхозпродукции и доведение ее до потребителя). Так, в первом квартале 2024 г. в сегменте оборудования для пищевой промышленности наблюдался рост лизинговых сделок почти в два раза (темпы прироста +184,5 %) ¹⁸. Развитие экосистемы агролизинга включает в себя также формирование и укрепление связей между научными организациями, производством и потребителями в секторе АПК в целом и в сельском хозяйстве в частности, поскольку именно лизинговые организации могут служить одним из важнейших звеньев формирования системы переноса результатов научных работ в сельскохозяйственное производство, обеспечивая информационно-консультационное сопровождение внедрения инноваций в сельском хозяйстве.

¹⁴ РСХБ Лизинг. Пресс-релиз, июль 2023. Skymec и Россельхозбанк запускают лизинговую программу для приобретения аграрных дронов ХАГ. Режим доступа: https://leasing.rshb.ru/upload/Press-reliz-Skymec_RSHBL.pdf (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁵ Skymec. Сельское хозяйство. Режим доступа: <https://skymec.ru/blog/drone-use-cases/agricultural-drones-use/> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁶ ТАСС. Эксперт: беспилотные технологии в АПК помогают сохранить до 4 % урожая. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/21620289> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁷ Хакимова Э. Российские аграрии начали приобретать беспилотники на условиях лизинга. Режим доступа: <https://suzory.ru/news/cifrovizaciya/2024-07-26/rossiyskie-agrarii-nachali-priobretat-bespilotniki-na-usloviyah-lizinga-3859899> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁸ Национальное агентство промышленной информации. Феноменальный рост лизинга оборудования для пищевой промышленности. Режим доступа: <https://napinfo.ru/infographics/fenomenalnyj-rost-lizinga-oborudovaniya-dlya-pishhevoj-promyshlennosti/> (дата обращения: 20.04.2025).

Перспективно также использование агролизинга не только на рынке новой техники, но и на вторичном рынке – например, в сочетании с программами trade-in, получившими достаточно широкое распространение в зарубежных странах [4]. Схема лизинга по программе trade-in подразумевает, что организация может заключить договор на новую необходимую технику, покрыв часть авансового платежа по лизингу за счет собственной устаревшей техники. Внедрение таких программ в сфере АПК в сочетании с механизмами утилизации последней создает экологические и экономические преимущества, снижая загрязнение и повышая эффективность переработки ресурсов. Помимо этого, применение таких схем позволяет создавать и развивать новые направления предпринимательской деятельности, расширять использование рециклинговых схем, стимулировать улучшение логистических и производственных цепочек.

Финансовые инструменты устойчивого развития, такие как зеленые облигации и ESG-кредиты (англ. environmental, social, governance – экологическое, социальное и корпоративное управление), также могут стать источником инвестиций для обновления технической базы в аграрной сфере. Такие проекты дают возможность привлекать средства для модернизации хозяйств с использованием механизмов лизинга [6]. В настоящее время эта сфера лишь начинает развиваться в РФ, тем не менее уже сейчас она дает возможность отечественным сельхозтоваропроизводителям найти новые дополнительные финансовые ресурсы в условиях сокращения объемов государственных субсидий и льготных кредитов. Дальнейшее совершенствование финансово-инвестиционных инструментов в этой области может дать также толчок к развитию российского фондового рынка благодаря выходу на него сначала крупных, а затем и средних агрокомпаний.

В условиях нехватки инвестиционных ресурсов одним из важных направлений адаптации лизингового рынка к потребностям отечественных сельхозтоваропроизводителей может также стать увеличение максимальных сроков лизинговых договоров [7]. В настоящее время максимальный срок договора лизинга – 3–5 лет, после чего объект лизинга полностью переходит в собственность лизингополучателя. Его увеличение до 8–10 лет будет способствовать снижению финансовой нагрузки, стимулировать российских потребителей к обновлению МТП.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жесткие инвестиционные ограничения современного периода, резкий рост ключевой ставки и текущие условия деятельности отечественного агробизнеса, с учетом того, что внутренний спрос насыщен, а развитие внешних рынков (особенно ввиду санкций) затруднено, приводят к снижению рентабельности деятельности сельхозтоваропроизводителей. В связи с этим в настоящее время наиболее значимым финансово-инвестиционным механизмом, позволяющим использовать инвестиционные ресурсы для обновления МТП, повышения его инновационной составляющей, становится лизинг.

В современных условиях использование агролизинга особенно важно и значимо для системного развития различных отраслей и подсистем сельского хозяйства, усиления кооперации сельхозтоваропроизводителей, формирования новых направлений бизнеса. К наиболее перспективным направлениям можно отнести следующие:

- продолжение формирования комплексной экосистемы агролизинга, включая расширение областей его применения, развитие наиболее оптимальных форматов и механизмов интеграции и сотрудничества между участниками рынка (например, современных форм совместного машиноиспользования), в частности, на основе цифровизации и взаимодействия с государственными цифровыми сервисами;
- развитие шеринговой модели лизинга (его использование не только на первичном, но и на вторичном рынке, например, в рамках программ trade-in) с учетом экологического тренда (внедрение и поддержка ESG-проектов);
- гибкий подход к финансовым условиям заключения лизинговых сделок (например, увеличение максимальных сроков лизинга сельхозтехники с 5 до 8 лет, что делает для сельхозтоваропроизводителей экономически целесообразной закупку новой высокомоощной техники, чтобы они не прибегали в целях экономии к заказу сезонных услуг).

Предложенные направления позволят системно развивать организационно-экономический механизм технического переоснащения аграрного сектора РФ.

Список литературы

1. Шпигев Ю.С. Проблемы инвестирования в современное сельское хозяйство России. Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022;9(252):20–32. <http://doi.org/10.24412/2072-4098-2022-9252-20-32>

2. *Спахов С.В., Федотова О.А., Плужников П.М.* Лизинг как источник финансирования сельскохозяйственных организаций. В кн.: Политэкономические проблемы развития современных агроэкономических систем: материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 29 мая 2024 г. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет имени Петра I; 2024. С. 248–254.
3. *Улыбина А.К., Лукашов В.С.* Совершенствование механизма агролизинга в условиях модернизации аграрного рынка страны. В кн.: Оптимизация сельскохозяйственного землепользования и усиление экспортного потенциала АПК РФ на основе конвергентных технологий: материалы Международной научно-практической конференции, проведенной в рамках Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой отечественной войне 1941–1945 гг., том 5, Волгоград, 29–31 января 2020 г. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет; 2020. С. 52–59.
4. *Кирица А.А.* Лизинг в аграрной экономике Российской Федерации: современный этап развития. Управление. 2024;1(12):36–48. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-36-48>
5. *Шкарупа Е.А., Аржанова А.П.* Современное состояние и потенциал развития российского агролизинга. ФГУ Наука. 2022;3(27):125–128. <https://doi.org/10.36684/37-2022-27-3-125-128>
6. *Chutcheva Yu.V., Korotkikh Yu.S., Ryabchikova V.G.* Machine park development through agroleasing. International Scientific Journal. 2020;3:36–41. <https://doi.org/10.34286/1995-4638-2020-72-3-36-41>
7. *Меликов А.В.* Агролизинг: правовой аспект и перспективы развития. Право и государство: теория и практика. 2023;12(228):21–24.

References

1. *Shpinev Yu.S.* Problems of investing in modern agriculture in Russia. Property relations in the Russian Federation. 2022;9(252):20–32. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2072-4098-2022-9252-20-32>
2. *Spakhov S.V., Fedotova O.A., Pluzhnikov P.M.* Leasing as a source of financing agricultural organisations. In: Political and economic problems of development of modern agroeconomic systems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 29, 2024. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great; 2024. Pp. 248–254. (In Russian).
3. *Ulybina L.K., Lukashov V.S.* Improving the mechanism of agroleasing in the context of modernisation of the country's agricultural market. In: Optimisation of agricultural land use and strengthening the export potential of the Russian agro-industrial complex based on convergent technologies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference held within the framework of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945, volume 5, Volgograd, January 29–31, 2020. Volgograd: Volgograd State Agricultural University; 2020. Pp. 52–59. (In Russian).
4. *Kiritsa A.A.* Leasing in Russian agricultural economy: current stage of development. Management. 2024;1(12):36–48. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-36-48>
5. *Shkarupa E.A., Arzhanova A.P.* Current state and development potential of Russian agroleasing. FGU Science. 2022;3(27):125–128. (In Russian). <https://doi.org/10.36684/37-2022-27-3-125-128>
6. *Chutcheva Yu.V., Korotkikh Yu.S., Ryabchikova V.G.* Machine park development through agroleasing. International Scientific Journal. 2020;3:36–41. <https://doi.org/10.34286/1995-4638-2020-72-3-36-41>
7. *Melikov A.V.* Agroleasing: legal aspect and development prospects. Law and State: Theory and Practice. 2023;12(228):21–24. (In Russian).

Проблемы применения стоимостного инжиниринга в Российской Федерации

Алабина Татьяна Анатольевна

Магистрант

ORCID: 0009-0001-0241-2338, e-mail: t.alabina@yandex.ru

Шемякина Татьяна Юрьевна

Канд. экон. наук, проф. каф. экономики и управления в строительстве

ORCID: 0000-0002-0136-8021, e-mail: ty_shemyakina@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Работа посвящена анализу актуальных проблем, которые препятствуют широкому распространению стоимостного инжиниринга (далее – СИ) в Российской Федерации (далее – РФ). Несмотря на растущий интерес к СИ как инструменту оптимизации затрат и повышения эффективности проектов, его практическое применение сталкивается с рядом барьеров. Цели – сформулировать основные проблемы применения СИ в РФ и спрогнозировать его перспективы. В ходе исследования в рамках общеметодологического системно-информационного подхода использованы методы системного анализа, структурного и логического анализа. Дана краткая характеристика СИ. Исследуются причины, ограничивающие эффективность внедрения СИ, такие как отсутствие единых стандартов и методологий, недостаток квалифицированных специалистов в этой области. Рассматриваются проблемы, связанные с культурной составляющей организации, ее финансовыми ограничениями, отсутствием государственной поддержки, с поверхностным анализом ценности самого товара или услуги, недостатком образовательных программ и слабой мотивацией специалистов. Неготовность к изменениям, отсутствие доверия к СИ и недостаточное финансирование препятствуют его широкому внедрению. Рассмотрены перспективы применения СИ, упомянуты российские компании, которые уже внедрили его в свою практику. В заключение предлагаются рекомендации по решению существующих проблем, которые помогут повысить эффективность процессов в компании и снизить издержки, такие как формирование законодательной и нормативной базы, развитие компетенций специалистов, изменение деловой культуры организаций, обеспечение финансовой поддержки. Работа будет интересна специалистам в области проектного управления, строительства, инжиниринга, а также руководителям организаций, заинтересованных в оптимизации затрат и повышении эффективности своей деятельности.

Ключевые слова

Стоимостной инжиниринг, девелоперская компания, затраты компании, инвестиционно-строительный проект, эффективность проекта, планирование бюджета, стоимость проекта, жизненный цикл, оптимизация затрат, квалифицированные специалисты

Для цитирования: Алабина Т.А., Шемякина Т.Ю. Проблемы применения стоимостного инжиниринга в Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 103–110.

Problems of cost engineering application in the Russian Federation

Tatiana A. Alabina

Graduate Student

ORCID: 0009-0001-0241-2338, e-mail: t.alabina@yandex.ru

Tatiana Yu. Shemyakina

Cand. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Management in Construction Department

ORCID: 0000-0002-0136-8021, e-mail: ty_shemyakina@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of current problems that prevent the widespread use of cost engineering (hereinafter referred to as SI) in the Russian Federation (hereinafter referred to as RF). Despite the growing interest in SI as a tool for optimising costs and improving project efficiency, its practical application faces a number of barriers. The purpose of the article is to formulate the main problems of the application of cost engineering in the RF and to predict its prospects. In the course of the research, methods of system analysis, structural and logical analysis were used within the framework of the general methodological system-information approach. A brief description of SI is given. The reasons limiting the effectiveness of the implementation of SI are investigated, such as the lack of uniform standards and methodologies, and the lack of qualified specialists in this field. The article analyses the problems associated with the cultural component of the organisation, its financial constraints, lack of government support, superficial analysis of the value of the product or service itself, lack of educational programmes and weak motivation of specialists. Unwillingness to change, lack of trust in SI and insufficient funding prevent its widespread implementation. The prospects for the application of cost engineering are considered, and Russian companies that have already introduced SI into their practice are mentioned. In conclusion, recommendations are offered to solve existing problems that will help improve the efficiency of processes in the company and reduce costs, such as the formation of a legislative and regulatory framework, the development of specialist competencies, changing the business culture of organisations, and providing financial support. The article will be of interest to specialists in the field of project management, construction, engineering, as well as heads of organisations interested in optimising costs and improving the efficiency of their activities.

Keywords

Cost engineering, development company, company costs, investment and construction project, project efficiency, budget planning, project cost, life cycle, cost optimisation, qualified specialists

For citation: Alabina T.A., Shemyakina T.Yu. (2025) Problems of cost engineering application in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 103–110.

ВВЕДЕНИЕ

В статье представлен анализ проблемы применения стоимостного инжиниринга (далее – СИ) в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Научная новизна статьи заключается в акцентировании внимания на недостатке кадрового потенциала, отсутствии единой законодательной базы, барьерах в деловой культуре компании.

Задачей данного исследования является предложение рекомендаций по решению проблем, препятствующих широкому распространению СИ в России.

В ходе исследования в рамках общеметодологического системно-информационного подхода использованы методы системного, сравнительного, структурного и логического анализа.

В результате проведенного анализа были выявлены и систематизированы основные проблемы, которые мешают применению СИ. Среди них отсутствие четких и единых стандартов и нормативных актов, нехватка квалифицированных в этой области специалистов, недостаточная поддержка со стороны компаний и государства и традиционный подход к закупкам. Решение этих проблем имеет высокую значимость для развития и повышения конкурентоспособности на рынке российских компаний. Эффективное применение СИ, как показывает мировой опыт, может привести к экономии средств, снижению стоимости проекта, а также к улучшению качества предоставляемых продуктов и услуг.

В рамках исследования были предложены рекомендации по решению обозначенных проблем, например разработка федерального закона о СИ, отраслевых стандартов и методических рекомендаций, интеграция СИ в существующие нормативные документы, развитие компетенций специалистов, повышение осведомленности о методике, демонстрация практических примеров его успешного применения и обеспечение финансовой поддержки на всех уровнях. Реализация предложенных мер позволит сделать внедрение инжиниринга затрат более эффективным и ускорить данный процесс.

Таким образом, понимание и решение этих проблем имеет первостепенное значение для повышения конкурентоспособности российских предприятий и содействия экономическому росту. Результативное применение СИ может привести к значительной экономии средств, повышению эффективности и улучшению качества продукции и услуг.

СУЩНОСТЬ СИ

На сегодняшний день СИ как комплексное решение задач девелоперской компании (заказчика) является актуальной услугой. Ее востребованность только растет с каждым годом. Формирование реалистичного бюджета проекта и оценка его планируемой стоимости являются основными проблемами инвестиционно-строительного проекта.

Понятие «инжиниринг» берет свое начало еще в далеком XVIII в. В результате развития промышленного производства в это время в Великобритании начали появляться инженеры и их союзы, которые стали продавать данную услугу. Примерно в то же время зародилось представление об инжиниринге как экономической деятельности. Впоследствии инжиниринг совершенствовался, и к концу XX в. направления инжиниринговой деятельности разнообразились.

Важно отметить, что он тесно связан со строительством, но не является строительной деятельностью как таковой. Насколько мы знаем, строительство является сложным, в разрезе организации процессов, видом экономической деятельности; услуги по инжинирингу обеспечивают реализацию функций управления строительным объектом в целом, а СИ, в частности, помогает с управлением денежными средствами [1].

СИ, или инжиниринг затрат – комплекс научных принципов и методов, применяемых для оценки и контроля затрат, а также для анализа прибыльности проекта. Он сочетает в себе несколько областей, таких как инженерия, экономика, бухгалтерский учет, менеджмент и статистика [2]. СИ – это одна из сфер деятельности девелоперских компаний, направленная на составление стоимостных расчетов и обоснование цен на всех этапах осуществления проекта, определяющая экономические отношения между его участниками.

Услуги по СИ очень обширны. В них входят:

- 1) анализ эффективности привлечения инвестиций, исходя из различных вариантов развития событий, для выбора наиболее выгодного направления;
- 2) тщательная оценка бюджета проекта и подготовка детализированной модели затрат на этапе его инициации;

- 3) разработка системы контроля версий, позволяющей своевременно реагировать на события в момент реализации проекта и принимать решение о корректировке его стратегии;
- 4) планирование необходимых ресурсов и управление разработкой проектной документации с учетом стоимостных показателей;
- 5) верификация коммерческих предложений от поставщиков и подрядчиков на этапе тендеров для формирования наиболее подходящей сметы на производство работ;
- 6) контроль фактических расходов на строительно-монтажные работы во время их выполнения;
- 7) прогноз реальной стоимости проекта на всех стадиях жизненного цикла последнего;
- 8) мониторинг рынка строительной продукции для быстрой адаптации к его изменению и скорейшего внедрения в свои процессы в момент реализации проекта;
- 9) анализ фактической стоимости проекта для оценки его будущего [3].

В зарубежной практике СИ широко используется в инвестиционно-строительных проектах, однако в России это направление не так развито. Хотя, казалось бы, финансовые аспекты инвестиционной деятельности чаще всего имеют больший вес, чем остальные, и оценка бюджета проекта была бы эффективнее при грамотном инжиниринге затрат.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ СИ В РОССИЙСКИЕ КОМПАНИИ

Вследствие событий, произошедших за последние три года, профильные зарубежные компании покинули российский рынок, и у российских девелоперов ограничился доступ к услугам СИ.

Его низкая распространенность в организациях РФ также обусловлена следующими барьерами.

1. Отсутствие понимания функционала и эффективности СИ. Многие российские компании, особенно те, которые придерживаются традиционного подхода к управлению, не имеют представления о СИ и его потенциале. Чаще всего инжиниринг затрат воспринимается как ненужная дополнительная работа, а не как инструмент для оптимизации бюджета и снижения издержек и, как следствие, для увеличения прибыли.

Отсутствие реальных кейсов на российском рынке ограничивает возможность доказать целесообразность применения СИ и необходимость обучения в этой сфере для менеджеров, что требует дополнительных инвестиций в подготовку сотрудников. Внедрение данной методики требует переустройства устоявшихся процессов, что вызывает недовольства и сопротивление среди сотрудников и управляющего звена.

Также существует нехватка рекламы и информации о СИ в средствах массовой информации и интернете. На образовательных платформах нет курсов, связанных с такой методикой, образовательные учреждения также не придают этому значение.

2. Из п. 1 вытекает следующая проблема – низкий уровень подготовки специалистов. Как отмечается в работе А.Ю. Мисилова, «система услуг для предпринимателей по стоимостному инжинирингу в строительстве находится в стадии становления и нуждается в квалифицированных кадрах» [4, с. 145]. Дефицит кадров обусловлен отсутствием в российских вузах и других учебных заведениях программ для подготовки специалистов в данной сфере. Часто СИ рассматривается как несущественная дисциплина более общих курсов по управлению проектами и т.п., что не позволяет получить углубленные знания и практические навыки в настоящей области. На данный момент только один вуз – Московский государственный строительный университет – осуществляет набор на эту образовательную программу.

Также при условии изучения теоретической информации из зарубежных или немногочисленных российских источников они будут недостаточно полезны на практике. Отсутствие практики и возможности применения полученных знаний в реальных проектах делает специалистов не готовыми к выполнению задач, связанных с инжинирингом затрат в компании.

Помимо этого, на российском рынке труда сложно найти преподавателей с классификацией в данной области, имеющих практический опыт. Как следствие – недостаток литературы, статей и учебных материалов по СИ [4].

3. Традиционный подход к закупкам. Традиционный подход ориентирован на минимизацию затрат и не учитывает ценность продукта или услуги, что противоречит принципам СИ. Это не позволяет оптимизировать затраты и повысить эффективность. Вследствие смещения приоритетов в сторону минимальной стоимости может теряться качество товара или услуги, что приводит к дополнительным расходам на ремонт и обслуживание.

Традиционный подход не позволяет быстро и гибко реагировать на изменения в проекте и использовать инновации, что приводит к устареванию продукции и препятствует внедрению новых решений. Как результат, конкурентоспособность компании снижается [5].

4. Поверхностный анализ ценности товара или услуги. Как следует из работы М.Ю. Леонтьева и Е.А. Синцовой, в случае если компания недостаточно определяет ценности своего товара, она может неправильно распределить ресурсы и инвестировать в характеристики и функционал, потребности в котором у клиента нет [5]. Не учитывая ценности, компания не сможет создать товар или услугу, которая будет конкурентоспособной на рынке.

5. Сопротивление изменениям со стороны участников бизнеса. Как отмечают И.С. Птухина, М.Е. Вяткин и Т.А. Мусорина, «опыт действия по внедрению стоимостного инжиниринга западных компаний в России часто негативен» [6, с. 64]. Причин, почему многие сотрудники, менеджеры, руководители, а иногда и сами владельцы бизнеса боятся перемен, немало, например страх перед неизвестным, страх сокращения штата, консерватизм, недостаточная осведомленность. Из-за такой позиции работников процесс внедрения СИ замедляется, проходит не в полной мере, отличается неэффективностью, что приводит к потере времени и ресурсов.

Сопротивление может спровоцировать конфликты между руководством и подчиненными, что усложнит процесс внедрения. Только крупные компании, такие как публичное акционерное общество (далее – ПАО) «Газпром нефть», государственная корпорация «Росатом», ПАО «Лукойл», начали применять в своей практике СИ.

6. Недостаточная поддержка на государственном уровне. В отличие от других стран, где СИ активно используется и поддерживается органами государственной власти, в России такая поддержка ограничена. Отсутствие налоговых льгот, субсидий и финансовых стимулов для организаций, применяющих в своей работе СИ, демотивирует многие компании изучать данный процесс и разбираться в нем.

Помимо этого, государственные программы по поддержке бизнеса часто не включают в себя СИ как одну из составляющих, что губит потенциал использования данного процесса для достижения целей экономического развития страны в целом.

7. Отсутствие единых нормативных актов, стандартов и методологий. Как отмечают Д.К. Шадькова и А.Н. Коркишко, «единой системы управления стоимостью обустройства долгое время не существовало, хотя и были попытки введения элементов системы, например создание региональных сборников цен, ввод нормативных документов, применение специализированных программ, управление процедурой проведения торгов и пр. В связи с противоречивостью всех нововведений возникла потребность во внедрении единого системного подхода к управлению стоимостью» [7, с. 930]. Разнообразие подходов к СИ создает путаницу и препятствует эффективному внедрению.

Отсутствие правовой основы оставляет за собой много нерешенных вопросов, например:

- кто несет ответственность за решения, принятые на основе СИ;
- какие стандарты и методы должны применяться;
- как должны быть задокументированы результаты инжиниринга.

Также существует множество нормативов в области инвестиционно-строительной деятельности, но они не всегда учитывают принципы СИ, что, опять же, затрудняет его применение.

Таким образом, в связи с противоречивостью всех нововведений возникает потребность в создании единого системного подхода к управлению стоимостью.

Помимо указанных выше проблем, немаловажно отметить отсутствие актуальных на сегодняшний день баз данных и нормативных сборников цен, непроработанность информационных баз данных по стоимости работ, услуг, материалов и оборудования [8].

Разработка предложений для решения этих проблем определяется необходимостью своевременно реагировать на все изменения в проекте. Следует перенимать зарубежный опыт и привносить его в российскую практику, так как там СИ является более результативным способом повышения ключевых показателей эффективности проектов.

С каждым годом все больше российских компаний узнает о СИ и пытается использовать его на всех этапах жизненного цикла, проводятся мероприятия в данной области для обмена опытом и систематизации знаний. Крупные российские компании, такие как «Лемана ПРО», «Сбер», «Северсталь», «ЕвроХим» и др., уже давно внедряют в свою деятельность эту методику.

СИ тесно связан с планированием и контролем финансовых аспектов проекта, а также с управлением рисками. Благодаря применению методов СИ застройщики имеют большие шансы успешно завершить проект в оговоренные сроки и уложиться в бюджет при достижении всех поставленных целей. Вследствие внедрения СИ в реализацию проектов можно добиться снижения капитальных, инвестиционных и операционных затрат на 10–15 %.

На территории РФ ведет активную деятельность Международная ассоциация развития стоимостного инжиниринга Association for the Advancement of Cost Engineering International, которая занимается распространением передового опыта в области управления стоимостью, разработкой национальных стандартов и переводом базовых документов этой ассоциации [9].

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРИМЕНЕНИЯ СИ

Обозначенные выше проблемы можно решить, только используя комплексный подход. Устранение одной проблемы не поможет ускорить процесс внедрения СИ в РФ.

На основе проведенного анализа нами предлагаются следующие решения.

1. Развитие законодательной базы на федеральном уровне, касающейся применения СИ, четкое определение ответственности и прав участников проекта. Разработка единых стандартов и методик для различных отраслей экономики – строительства, инжиниринга, промышленности – позволит унифицировать подходы к применению СИ. Интегрирование принципов изучаемой методики в нормативные акты по закупкам, проектированию, строительству, которое сделает его неотъемлемой частью на любой стадии жизненного цикла проекта.

2. Включение специализированных курсов и программ в учебные планы вузов и колледжей обеспечит постоянный поток абитуриентов, заинтересованных в работе в сферах, связанных с СИ. Создание профессиональных союзов или ассоциаций, проведение конкурсов и премий повысят престиж профессии и интерес к ней у молодого поколения, а также будут стимулировать развитие компетенций специалистов.

3. Общеизвестные кейсы и отчеты о реализованных СИ-проектах покажут практическую ценность и эффективность данного инструмента. Проведение семинаров, конференций и вебинаров повысит осведомленность руководителей и специалистов о преимуществах данной методики.

4. Государственное финансирование может покрыть затраты на обучение специалистов, разработку методических материалов и проведение исследований. Внедрение налоговых льгот, грантов и других финансовых инструментов будет стимулировать развитие инноваций в области СИ и повышать интерес бизнеса к данному направлению.

5. Для углубления изучения ценности товара или услуги следует рассмотреть методологию функционально-стоимостного анализа [10], также стоит привлекать инженеров, сметчиков, проектировщиков и независимых экспертов для обеспечения всестороннего анализа и активно внедрять различные информационные технологии [11].

6. Внедрение системы управления закупками, проведение тендеров с использованием электронных площадок помогут уйти от закупок у ограниченного круга лиц, так называемых проверенных поставщиков. Для сравнения предложений поставщиков можно использовать конъюнктурный анализ цен, который выявит наиболее подходящую цену на рынке строительных материалов и услуг.

7. Лидерство со стороны руководства, демонстрация финансовых и иных выгод от внедрения СИ помогут снизить сопротивление со стороны участников бизнеса. Проведение проектов-пилотов для представления успешных кейсов – одна из необходимых мер для преодоления этого барьера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, внедрение СИ в России сталкивается с рядом препятствий, существенно ограничивающих его широкое распространение. Несмотря на подтвержденный высокий потенциал применения данной методики, многие компании, особенно малые и средние, отказываются от ее внедрения. Отсутствие четких и единых стандартов и нормативных актов, а также недостаток квалифицированных в этой области специалистов замедляют данный процесс.

Для решения существующих проблем государственные структуры и коммерческие организации должны скоординироваться для разработки образовательных программ, тренингов и курсов по подготовке

экспертов в данной области. Необходимо также стандартизировать и утвердить единые нормы и методики в этой сфере, а также предоставить финансовую поддержку различным проектам, в том числе малого и среднего предпринимательства, которые внедряют СИ в свою деятельность.

Сочетание комплексного подхода и активной позиции бизнеса способствует преодолению препятствий на пути к широкому и эффективному применению СИ-проектов в РФ.

Основной результат от применения инжиниринга затрат будет достигнут благодаря тщательному исследованию элементов, влияющих на общую стоимость проекта, и последующему использованию этой информации для сокращения расходов.

Интегрированная система СИ в компаниях даст возможность эффективного управления инвестициями для достижения максимальной экономической выгоды, а также гармоничного взаимодействия всех задействованных в инвестиционном проекте сторон, соответствующего общей бизнес-стратегии.

Безусловно, учитывая специфику российской экономики и нормативно-правовой базы, уникальность методов, сформированных совместной работой научных центров и специалистов крупных международных корпораций, будет трудно адаптировать методiku под российские реалии, и, возможно, даже не стоит этого делать. Однако, на основе успешных международных практик, можно создать надежную и результативную систему управления стоимостью проектов, что значительно улучшит качество планирования расходов.

Список литературы

1. *Мухаммадова Э.Ф.* Стоимостной инжиниринг в строительстве. Российское предпринимательство. 2016;10:1179–1196. <http://doi.org/10.18334/rp.17.10.35283>
2. *Голубова О.С.* Стоимостной инжиниринг в строительстве: наука и практика. Минск: Белорусский национальный технический университет; 2022. 216 с.
3. *Фролов М.С.* Ключевые принципы и методы стоимостного инжиниринга, а также его роль в повышении эффективности строительных проектов. В кн.: Наука сегодня: технические и естественные науки: сборник материалов XXXVI международной очно-заочной научно-практической конференции, том 3, Москва, 9 октября 2023 г. М.: Империя; 2023. С. 127–129.
4. *Мисаилов А.Ю.* Стоимостной инжиниринг в строительстве как новое направление подготовки студентов высшей школы. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2023;1(35):145–155. <http://doi.org/10.25688/2312-6647.2023.35.1.10>
5. *Леонтьев М.Ю., Синцова Е.А.* Стоимостной инжиниринг как фактор обеспечения конкурентоспособности предприятия. Экономика и управление. 2020;26(2):177–183. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-177-183>
6. *Птухина И.С., Вяткин М.Е., Мусорина Т.А.* Стоимостной инжиниринг в строительстве. Строительство уникальных зданий и сооружений. 2013;5(10):58–67.
7. *Шадькова Д.К., Коркишко А.Н.* Стоимостной инжиниринг как основа управления проектом обустройства месторождения на примере компании ПАО «Газпром Нефть». Фундаментальные исследования. 2016;12–4:930–934.
8. *Наркевская Т.В., Васильева А.А., Гиришанова П.Я.* Некоторые проблемы стоимостного инжиниринга в строительстве. Экономика и бизнес: теория и практика. 2023;10–2(104):84–87. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-84-87>
9. *Боровских О.Н., Евстафьева А.Х.* Внедрение системы стоимостного инжиниринга как фактор успешной реализации проекта. В кн.: Результаты современных научных исследований и разработок: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 27 августа 2020 г. Пенза: Наука и просвещение; 2020. С. 100–103.
10. *Мурукина А.А., Прилуцкая М.А.* Роль функционально-стоимостного инжиниринга в создании ценности нового продукта. В кн.: Инновационное развитие техники и технологий наземного транспорта: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 16 декабря 2020 г. Екатеринбург: Уральский университет; 2021. С. 170–171.
11. *Оникийчук К.А.* Современные технологии, применяемые в области стоимостного инжиниринга. В кн.: Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ имени В.Г. Шухова, посвященная 300-летию Российской академии наук: сборник докладов национальной конференции с международным участием, часть 12, Белгород, 18–20 мая 2022 г. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова; 2022. С. 169–174.

References

1. *Mukharramova E.F.* Cost engineering in construction. Russian entrepreneurship. 2016;10:1179–1196. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/rp.17.10.35283>

2. Golubova O.S. Cost engineering in construction: science and practice. Minsk: Belarusian National Technical University; 2022. 216 p. (In Russian).
3. Frolov M.S. Key principles and methods of cost engineering, as well as its role in improving the efficiency of construction projects. In: Science today: technical and natural sciences: Proceedings of the XXXVI International In-person and Correspondence Scientific and Practical Conference, volume 3, Moscow, October 9, 2023. Moscow: Empirya; 2023. Pp. 127–129. (In Russian).
4. Misailov A.Yu. Cost engineering in construction as a new direction in training higher education students. Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. 2023;1(35):145–155. (In Russian). <http://doi.org/10.25688/2312-6647.2023.35.1.10>
5. Leontiev M.Yu., Sintsova E.A. Cost engineering as a factor in ensuring the competitiveness of an enterprise. Economics and Management. 2020;26(2):177–183. (In Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-177-183>
6. Ptukhina I.S., Vyatkin M.E., Musorina T.A. Cost engineering in construction. Construction of unique buildings and structures. 2013;5(10):58–67. (In Russian).
7. Shadkova D.K., Korkishko A.N. Cost engineering as a basis for managing a field development project using the example of PJSC Gazprom Neft. Fundamental research. 2016;12–4:930–934. (In Russian).
8. Narkevskaya T.V., Vasilyeva A.A., Girshanova P.Ya. Some problems of cost engineering in construction. Economy and business: theory and practice. 2023;10–2(104):84–87. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-84-87>
9. Borovskikh O.N., Evstafieva A.Kh. Implementation of the cost engineering system as a factor in successful project implementation. In: Results of modern scientific research and development: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, August 27, 2020. Penza: Nauka i prosveschenie; 2020. Pp. 100–103. (In Russian).
10. Murukina A.D., Prilutskaya M.A. The role of functional cost engineering in creating the value of a new product. In: Innovative development of land transport equipment and technologies: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, December 16, 2020. Ekaterinburg: Ural University; 2021. Pp. 170–171. (In Russian).
11. Onikijchuk K.A. Modern technologies used in the field of cost engineering. In: International scientific and technical conference of young scientists of BSTU named after V.G. Shukhov, dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences: Proceedings of the National Conference with International Participation, part 12, Belgorod, May 18–20, 2022. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov; 2022. Pp. 169–174. (In Russian).

Новый подход к обоснованию эффективного использования ресурсов и обеспечению капитальных вложений при взаимодействии хозяйствующих субъектов в промышленной экосистеме

Астафьева Ольга Евгеньевна

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Представленный подход к обоснованию эффективности использования ресурсов в промышленной экосистеме, являющейся новой моделью функционирования и развития хозяйствующих субъектов, обусловленной цифровизацией экономики, позволил отразить значение технологических и структурных нововведений для достижения целей устойчивого развития промышленных предприятий и их влияние на развитие пространственно-временной среды. Предложено, помимо традиционных форм обеспечения капитальных вложений при взаимодействии хозяйствующих субъектов в промышленной экосистеме, использовать цифровые активы, обеспеченные приращением производственной мощности, обусловленным применением цифровых решений, что позволит определить уровень обеспечения производственной системы ресурсами, исходя из возможности их замещения за счет изменения технологии производства при цифровизации, имеющихся знаний и нового подхода к использованию ресурсов в результате производственно-логистической интеграции участников экосистемного взаимодействия. В результате проведенного исследования представлена классификация технологий устойчивого развития предприятий по типу источников производственной мощности, что нашло отражение в предложении включить в состав финансовых показателей оценки, которые на данный момент в большей степени определяются с учетом возможности и потребности общества, показатель, отражающий полезную мощность. Вследствие этого предложено дополнить обеспечение капитальных вложений при взаимодействии промышленных предприятий в экосистеме, исходя из увеличения мощности производственной системы, образуемой в результате использования ресурсов совокупностью субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова

Промышленная экосистема, устойчивое развитие, промышленные предприятия, производственная мощность, воспроизводство ресурсов, цифровизация, активы, аллокация, дисконтирование

Для цитирования: Астафьева О.Е. Новый подход к обоснованию эффективного использования ресурсов и обеспечению капитальных вложений при взаимодействии хозяйствующих субъектов в промышленной экосистеме // Вестник университета. 2025. № 7. С. 111–119.

New approach to substantiation of efficient use of resources and provision of capital investments in the interaction of economic entities in an industrial ecosystem

Olga E. Astafyeva

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in Construction Department
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The presented approach to substantiating the efficiency of resource use in the industrial ecosystem, which is a new model of functioning and development of economic entities caused by the digitalisation of the economy, makes it possible to reflect the importance of technological and structural innovations for achieving the goals of sustainable development of industrial enterprises and their impact on the development of the spatio-temporal environment. In addition to traditional forms of ensuring capital investments in the interaction of the economic entities in the industrial ecosystem, it is proposed to use digital assets provided by an increase in production capacity due to the application of digital solutions, which will allow to determine the level of provision of the production system with resources, based on the possibility of their replacement by changing production technology during digitalisation, existing knowledge, and a new approach to the use of resources as a result of production and logistics integration of participants in ecosystem interaction. As a result of the study, a classification of sustainable development technologies for enterprises by the type of sources of production capacity is presented, which is reflected in the proposal to include an indicator reflecting the useful capacity in the financial indicators of assessment, that are currently largely determined considering the capabilities and needs of society. Thus, it is proposed to supplement the provision of capital investments in the interaction of industrial enterprises in the ecosystem based on the increase in the capacity of the production system formed as a result of the use of resources by a set of business entities.

Keywords

Industrial ecosystem, sustainable development, industrial enterprises, production capacity, resource reproduction, digitalisation, assets, allocation, discounting

For citation: Astafyeva O.E. (2025) New approach to substantiation of efficient use of resources and provision of capital investments in the interaction of economic entities in an industrial ecosystem. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 00–00.

ВВЕДЕНИЕ

Программа развития промышленных предприятий при цифровизации, разработанная в Германии (Индустрия 4.0), представляет контекст изменений в промышленности в ближайшие 10–15 лет, в рамках данной программы цифровизация должна обеспечить неубывающий темп роста эффективности производственной системы. Новые технологии промышленности хоть и уменьшают участие человека в производственной системе, но при этом не исключают его, оставляя роль координационно-ценностного регулирования процессов в промышленной экосистеме как новой модели функционирования и развития промышленных предприятий различных отраслей экономики.

В механизме обеспечения устойчивого развития промышленности у человека появляется еще одна функция – регулирование совершенствования промышленной экосистемы, направленное на формирование устойчивой бизнес-модели развития предприятий. Производственную систему, которая раньше была представлена концентрацией производственных и трудовых ресурсов, предлагается в современных условиях характеризовать как концентрацию сетевого пространственно-временного взаимодействия хозяйствующих субъектов, в котором появляется новый показатель доходности, характеризующий отдачей от результативности участников производственно-логистической интеграции, получаемой от сетевых эффектов функционирования и развития промышленных предприятий вследствие их экосистемного взаимодействия [1–4].

Классификация технологий устойчивого развития осуществляется по типу источников производственной мощности:

- 1) запасы производственной мощности (появляющиеся в системе при цифровизации);
- 2) знания (необходимые для создания и внедрения новых технологий);
- 3) нововведения как источники цифровых трансформаций;
- 4) финансовые средства как показатель возможностей и ценности применения цифровых решений.

Следует отметить, что финансовые средства в виде традиционных активов не имеют устойчивого обеспечения, что свидетельствует о том, что они не могут быть устойчивым измерителем возможностей и ценностей [5]. Ситуация меняется, если обеспечение денежных активов будет отражено в универсальных и устойчивых измерителях.

В условиях цифровизации целесообразно применить, помимо традиционных денежных активов, цифровые аналоги (например, токены). Таким образом, денежный поток становится обеспечен полезной мощностью, получаемой при цифровизации бизнес-процессов производственной системы и являющейся устойчивым обеспечением денежных потоков при сетевом пространственно-временном взаимодействии участников.

НОВЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ МОЩНОСТЬЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Иные источники производственной мощности появляются благодаря включению новых технологических и структурных разработок в увеличение устойчивости развития системы в целом. Следовательно, воспроизводство ресурсов происходит за счет появления новых знаний, дающих вклад в развитие промышленной экосистемы в рамках формируемой производственно-временной среды на основе возможностей от цифровизации экономики и вклада знаний человека [6]. При этом если в экономике мерой эффективности инвестиций является ежегодный процент на вложенный капитал, то в производственной экосистеме эффективность будет определяться как увеличение потенциала (или мощности) системы за счет воспроизводства ресурсов на основе технологических и структурных нововведений в целях устойчивого развития и получения сетевых эффектов. Тогда появляется новый способ обеспечения инвестиций мощностью цифровой экосистемы, полученной от результативности действий при производственно-логистической интеграции и находящей выражение в цифровом активе, ценность которого можно представить более ликвидным ресурсом, – токеном, являющимся цифровым аналогом актива, учет которого происходит в специальной базе данных посредством технологии блокчейн. Тогда уравнение сохранения инвестиций в денежной форме можно представить с применением коэффициента конвертации величины их обеспечения (k), исходя из мощности производственной системы (S):

$$D(t) = k \cdot S(t). \quad (1)$$

Коэффициент конвертации устанавливается один раз, а дальше появляется значение изменения величины обеспечения инвестиций, в качестве которой принимается полезная мощность производственной системы. Негативное изменение полезной мощности производственной системы приводит к появлению рисков невозврата вложенных финансовых средств. Для снижения данных рисков следует применить принцип сохранения инвестиций, в котором защита последних от экономической нестабильности достигается за счет особенности обеспечения инвестиций наиболее ликвидным активом, а именно производственной мощностью, полученной при сетевом пространственно-временном взаимодействии предприятий, которая не подвержена инфляционным ожиданиям и колебаниям цены различных денежных единиц и достигается за счет перехода к сбалансированному взаимодействию субъектов экономики и интеграции экономических, социальных, экологических, технологических, производственных, управленческих и логистических решений, благодаря конвертации финансовых средств в полезную мощность и получаемую отдачу за счет сетевых эффектов промышленной экосистемы. Следовательно, технологическое развитие будет идти вперед с нарастающей продуктивностью использования факторов производства до момента исчерпания ресурса при условии его невозобновимости, или необходимость увеличения его воспроизводства будет достигаться позже, чем это было бы возможно без участия технологических разработок. Также технологические разработки сдерживают рост цен на ресурсы.

При значительном включении технологических и структурных нововведений в промышленную экосистему цена на ресурс может снижаться, несмотря на предельные издержки использования [7]. С учетом времени распределение ресурса для последующих периодов при сохранении ввода новых разработок позволит им получить больший объем ресурсов. Такое распределение будет устойчивым, так как параметр потребления в будущем периоде за счет понижения ресурсных издержек характеризуется повышенной нетто-полезностью, то есть увеличивается ценность от использования ресурса. При этом ее следует уменьшить на величину стоимости производственных факторов, участвующих в обеспечении бизнес-процесса в производственной системе промышленного предприятия.

Для определения целесообразности использования ресурса в промышленной экосистеме изначально устанавливается уровень его применения в производственно-логистической цепочке с учетом определения степени удовлетворения потребностей потребителей от выпускаемой продукции. Также следует отметить, что концепция использования ресурсов совокупностью промышленных предприятий включает поиск путей применения ресурса во времени таким образом, чтобы максимизировать его полезность для потребителей в пространственно-временной среде с учетом рыночной ситуации и экологических возможностей. Под ценностью следует понимать удовлетворение, которое получают все потребители от использования данного ресурса.

Уровень его оптимального применения можно отразить с помощью функции общественного благосостояния:

$$f(w) = \int_1^t P(t) \cdot i^{ct}, \quad (2)$$

где $P(t)$ – полезность в момент времени t ; i^{ct} – ставка дисконтирования в период времени t ; t – время планирования.

При этом оптимальная ставка дисконтирования должна устанавливаться государством, что позволит на ее основе получить инструмент регулирования, сущность которого заключается в проведении процентной политики по координации деятельности в сфере промышленного производства, с целью корректировки рынка и снижения нерационального использования ресурса при имеющейся возможности цифровой трансформации и внедряемых промышленными предприятиями структурных и технологических нововведений. Из теории инвестиций можно вывести оптимальную ставку дисконтирования в условиях проведения цифровых трансформаций, чтобы заинтересовать предприятия внедрять цифровые технологии. Предлагается следующий подход к установлению оптимальной ставки дисконтирования:

$$i^c = 1/(1+r)^t. \quad (3)$$

При определении ставки дисконтирования (i^c) следует принимать во внимание соотношение между средней ставкой дисконтирования (по отраслям с учетом государственных программ поддержки отраслей экономики) и годовой, которую можно выразить на основе следующей формулы:

$$r_c^{ct} = \ln(1+r), r = i^c - 1. \quad (4)$$

При таком соотношении оптимальной ставке дисконтирования соответствует низкая годовая ставка, и наоборот, при низкой средней ставке дисконтирования устанавливается высокая годовая ставка процента.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Оптимальный уровень использования ресурса в промышленной экосистеме достигается при определении уровня производства за конкретный период времени с учетом предельной полезности применения сырья и материалов, необходимых для производства конечной продукции.

При установлении оптимального уровня должны выполняться следующие условия:

$$\int_1^t D^R = \int_1^t V_{\text{общ}}^d, \quad (5)$$

где D^R – темп прироста производства; $V_{\text{общ}}^d$ – объем использования ресурса за период времени (1; t).

Сокращение запаса ресурсов $V^{\text{зан}}(t)$ в момент времени t (в производственной системе) составит:

$$V^{\text{зан}}(t) = d(t) \geq 0; 0 \leq V_{\text{общ}}^d \leq V_o^R, \quad (6)$$

где $d(t)$ – изменение темпов прироста производства; V_o^R – запас ресурса (изначальный).

При установлении уровня устойчивости должны выполняться следующие требования:

- 1) ориентация на закономерности и условия равновесного существования;
- 2) учет фактора времени;
- 3) максимум социального благосостояния, который удовлетворяет критерию оптимальности;
- 4) различный объем производства продукции, определяющийся от уровня благосостояния населения и уровня цифрового развития экономики.

Таким образом, общественную нетто-полезность можно определить как разность между готовностью потребителя платить за готовую продукцию и народнохозяйственными издержками по ее производству:

$$f(w) = \int_1^t p(t) - z(t) \cdot i^{ct}, \quad (7)$$

где p – показатель готовности платить; $z(t)$ – издержки производства продукции в момент времени t ; i^c – социальная ставка дисконтирования.

Значение снижается, если увеличиваются ставка дисконтирования и временная удаленность периода t ($t + n$, где n – временной период, $n = 1, 2, 3, \dots$). Следовательно, происходит концентрация усилий по производству продукции в начальные периоды t .

Предельная полезность использования сырья характеризует желание потребителя платить за увеличение общей полезности, полученное в результате приобретения дополнительной единицы ресурса, произведенной в результате экосистемного взаимодействия посредством перераспределения ресурсов в пространственно-временной среде.

Предельная полезность от произведенного продукта будет равна предельным альтернативным издержкам, которые включают издержки производства и предельные издержки использования (то есть упущенную выгоду). Последние можно определить как дисконтированную величину прибыли, получаемую от дополнительно использованной единицы ресурса. Для промышленных предприятий дополнительное производство единицы продукции считается эффективным до тех пор, пока издержки, связанные с приобретением сырья и материалов, меньше, чем предельные издержки использования.

МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОЙ АЛЛОКАЦИИ РЕСУРСОВ

Представим модель устойчивой аллокации ресурсов на основе свойств оптимума для настоящего ($t = 1$; характеризуется частичной цифровизацией бизнес-процессов) и будущего периодов ($t = 2$; формирование одного или нескольких автономных производственных участков):

$$M_p^y \rightarrow \begin{cases} Y_p^1 = P_1(V_n) - i_1(V_n), \\ Y_p^2 = P_2(V_n - V) - i_2(V_n - V), \end{cases} \quad (8)$$

где V_n – первоначальный объем (или запас) ресурса; $P_1(V_n)$ – полезность от использования ресурса в период $t = 1$; $P_2(V_n - V)$ – полезность от использования ресурса в период $t = 2$; $i_1(V_n)$ – дисконт в период $t = 1$; $i_2(V_n - V)$ – дисконт в период $t = 2$.

Тогда суммарная полезность настоящего (частичная цифровизация бизнес-процессов) и будущего периодов (стремление к полной цифровизации) составит:

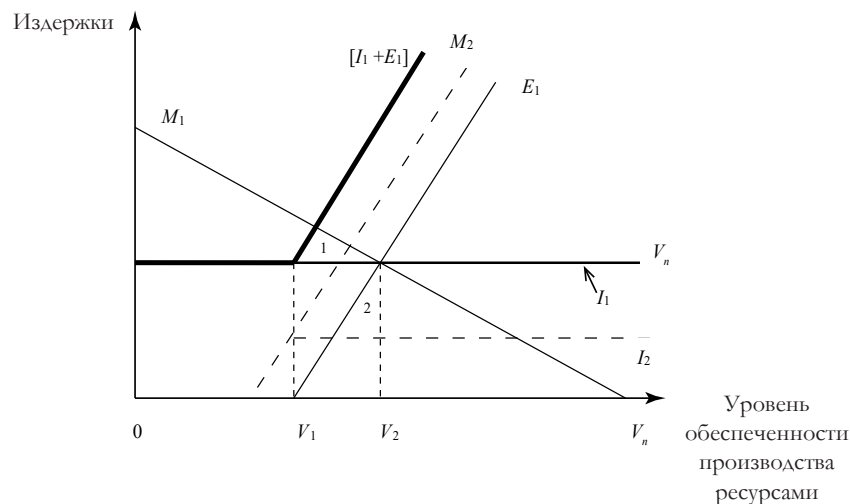
$$P(V) = P_1(V_n) - i_1(V_n) + i_2(V_n - V_{\text{общ}}^d) \rightarrow \max. \quad (9)$$

При условии оптимальности использования ресурса в промышленной экосистеме получим:

$$P'(V) = P'_1(V_1) - i'_1(V_n) - P'_2(V_n - V_{\text{общ}}^d) + i'_2(V_n - V_{\text{общ}}^d) = 0, \quad (10)$$

где $V_{\text{общ}}^d$ – суммарный объем использования ресурса всеми участниками экосистемного взаимодействия; $(V_n - V_{\text{общ}}^d)$ – предельное сокращение объема (или запаса) ресурса в результате его применения совокупностью промышленных предприятий.

Графически оптимальный уровень использования ресурса в текущий и будущий периоды в промышленной экосистеме представлен на рисунке.

Примечание: V_n – первоначальный запас ресурса, необходимый для обеспечения производственного процесса с учетом имеющейся технологии; V_1 – уровень обеспеченности ресурсами в период $t = 1$; V_2 – уровень обеспеченности ресурсами в период $t = 2$; M_1 – предельная цена за произведенную продукцию в период $t = 1$, по которой потребитель готов ее приобрести; M_2 – предельная цена за произведенную продукцию в период $t = 2$, по которой потребитель готов ее приобрести. Дополнительные издержки использования ресурсов (E): $E_1 = P_2 - I_2$; 1: $P_1(V_2) - I_1$; 2: $P_2(V_n - V_2) - I_2$, где I_1 – дополнительные издержки на производство продукции в период $t = 1$; I_2 – дополнительные издержки на производство продукции в период $t = 2$.

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Оптимальный уровень использования ресурса при различных этапах цифровой трансформации производства

При установлении оптимального распределения ресурса в текущий и будущий периоды следует учитывать, что при его использовании до уровня V_1 появляются издержки производства, и рентабельной будет издержка производства продукции, равная $V_n - V_1$. Потребление ресурса в текущий период отражается в уменьшении его ценности в будущем периоде, поэтому следует включать значение уменьшения ценности (отражается в его ценности для производственной системы) в издержки рассматриваемого периода.

Дисконтированная стоимость будущих издержек равна разности дисконтированной предельности цены произведенной продукции и дисконтированных предельных издержек производства ($P_2^d - I_2^d$). Тогда промышленное предприятие увеличивает объемы производства и потребления ресурса, пока предельная цена, по которой потребитель готов приобретать продукцию, не станет равной предельным издержкам производства $I_1 + E_1$. При дальнейшем производстве без внедрения цифровых трансформаций потери полезности в будущем будут увеличиваться. Таким образом, будут увеличиваться и предельные издержки использования ресурса (E_1), и тогда возникает ситуация, при которой их будет невозможно покрыть дополнительной нетто-полезностью ресурса, то есть чистой полезностью без производственных издержек, связанных с производством продукции ($P_1 - I_1$).

Таким образом, оптимум достигается, когда нетто-полезность ресурса равна издержкам использования ресурса.

Если ресурс в промышленной экосистеме распределяется рационально по времени, то вклады от дополнительных издержек его использования (при производстве дополнительной единицы продукции при экосистемном взаимодействии) в указанных периодах будут равны между собой. Тогда условие оптимальности определяется на основе равенства дисконтированной предельной полезности текущего и будущего периодов (11).

$$E_1(V) = M(V_n - V) - I_2. \quad (11)$$

Представим условие оптимальности:

$$M_1 - I_1 = \frac{(M_1 - I_1)}{(1+i)}. \quad (12)$$

В формуле (12) величины M_1, I_1 не дисконтированы, поэтому отражают реальную величину предельной цены продукции для потребителя, которую он готов платить, и затрат на ее производство промышленным предприятием.

Если ресурс в промышленной экосистеме распределен рационально с учетом текущего и будущего периодов (частичная цифровизация – полная цифровизация), то недисконтированная предельная нетто-полезность будет увеличиваться в соответствии со значением ставки дисконтирования i (13).

$$M_2 - I_2 = (M_1 - I_1) \cdot (1+i). \quad (13)$$

Нетто-полезность (MNP-предельная) составит:

$$MNP^d = M^d - I^d. \quad (14)$$

Оптимальность в текущем и будущем периодах определяется следующим образом:

$$i = \frac{(MNP_2 - MNP_1)}{MNP_1}. \quad (15)$$

С учетом правила равенства продисконтированной предельной нетто-полезности получим:

$$(M_1 - I_1) = (M_t - I_t) \cdot i_t^c = \dots = (M_{t+n} - I_{t+n}) \cdot i_{t+n}^c. \quad (16)$$

Тогда нетто-полезность ресурса, равная разности между его полезностью и предельными издержками на производство продукции, увеличивается в соответствии с величиной ставки дисконтирования (оптимальной).

Таким образом, дисконт снижается по мере роста ставки дисконтирования и удаленности начала осуществления цифровой трансформации промышленности. Следовательно, рост предельных издержек при использовании ресурса предприятиями-участниками экосистемного взаимодействия происходит по мере изменения ставки. При этом значимость от ее изменения заключается в том, что в каждом периоде ($t = 1$; $t = 2$) дополнительная единица используемого ресурса вносит одинаковый вклад в общую ценность. Таким образом, за счет трансформации профиля потребления ресурса во времени ценность не повышается.

Увеличение предельной нетто-полезности достигается за счет сокращения во времени использования ресурса.

В теории аллокации ресурсов оптимальная норма дисконтирования устанавливается на основе экономического анализа категорий оптимальности. Выделены три категории:

- 1) нормативно-позитивная;
- 2) нормативно-социальная;
- 3) рыночно-равновесная.

На оптимальное распределение ресурсов в промышленной экосистеме влияют свойства ресурса, которые вызывают конфликт между настоящим и будущим периодами и находят отражение в следующих факторах:

- 1) его потребление обеспечивает функционирование производственной системы настоящего периода и не может быть уменьшено;
- 2) в каждый период времени потребляется нормативно-необходимое для обеспечения производственного процесса количество ресурса;
- 3) на данный момент ресурс нельзя заменить другим, так как отсутствуют возможности субституции;
- 4) невозможно вторичное использование отработанного ресурса, отсутствует ресурсосбережение.

Представленные факторы необходимо учитывать при разработке подходов совершенствования эффективного использования ресурсов на основе различных сценариев их потребления при цифровизации экономики. Можно выделить несколько сценариев обеспечения ресурсами (сырья и материалов) и осуществлять их поставку:

- 1) темпами, позволяющими обеспечивать ими максимальное количество бизнес-процессов;
- 2) максимальным обеспечением потребностей потребителей в данный момент;
- 3) темпами, установленными на основе социально-экономического оптимума.

Все эти сценарии потребления ресурсов обладают некоторыми достоинствами и недостатками при определении уровня обеспечения производства. Например, стоит учитывать ситуацию, при которой потребление конкретного ресурса отпадет из-за появления заменителей (возможность субституции) и изменения технологии производства, в которой он не используется. Тогда применение метода дисконтирования при определении дальнейших эффектов позволит избежать ситуации неравномерного распределения ресурсов, заключающейся в том, что в настоящий период при потреблении ресурса с учетом будущих периодов будет снижен уровень потребления, а в будущие периоды ввиду появления новой технологии и ресурсов-субститутов возникнет ситуация, при которой появится большой объем ресурсов, несопоставимый с его потреблением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При ресурсном подходе ставка дисконтирования будет зависеть от конкретного ресурса и от возможности его субституции и совершенствования технологии производства. Однако данные факторы являются труднопредсказуемыми, что свидетельствует о недостаточной целесообразности реализации первого и второго сценариев. Конечно, следует учитывать представленные факторы, но отказываться от потребления ресурса в настоящий период и ожидать возможности его дальнейшего использования при появлении субститута пока неоправданно. При определении уровня использования ресурса наиболее целесообразным представляется третий сценарий развития, который основан на социально-экономическом оптимуме применения ресурса, позволяющем распределять его с учетом общественных и рыночных потребностей, а также уровня цифровой трансформации.

Обоснование эффективного использования ресурсов на основе принципов устойчивого развития позволило определить главные инструменты функционирования промышленности при трансформациях, сопутствующих цифровой экономике. На базе анализа темпов и тенденций внедрения цифровых технологий определены критерии перехода к устойчивому развитию с учетом уровня имеющихся и накопленных знаний, влияющих на уровень цифровых трансформаций и оптимальность использования ресурсов в производственной системе. Проведенный анализ оценки технологического охвата предприятий цифровыми технологиями позволил выделить направления применения базовых ресурсосберегающих технологий технологического и управленческого типов и с учетом тенденций их внедрения в будущем определить как наиболее приоритетное формирование механизма устойчивого развития, базирующегося

на применении интегрального показателя социо-эколого-экономического развития в контексте формируемой цифровой экосистемы, способствующего поддержанию уровня устойчивости в системе.

Список литературы

1. Габалова Е.Б., Волик М.В. Особенности использования цифровых экосистем. Актуальные вопросы современной экономики. 2021;1:434–438. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.43.37.060>
2. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях. Управленец. 2020;4(11):16–28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
3. Фадейкина Н.В., Малина С.С. Развитие теоретических представлений на категории «экосистема» и «инновационная экосистема». Сибирская финансовая школа. 2021;2(142):103–111. <https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-2-103-111>
4. Kalayda S.A. Model of creating an economic ecosystem in the framework of economic convergence under the influence of digitalization. Journal of Applied Informatics. 2021;6(96(16):28–42. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2021-16-6-28-42>
5. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России. Управленец. 2020;4(11):2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
6. Астафьева О.Е. Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленных предприятий в современных экономических условиях (на примере промышленности строительных материалов). Управленческий учет. 2022;9–2:131–136. <https://doi.org/10.25806/uu9-22022131-136>
7. Астафьева О.Е. Особенности функционирования промышленных предприятий и комплексов в современных экономических условиях: структурные изменения и перспективы промышленного развития. Вестник университета. 2023;2:95–100. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-95-100>

References

1. Gabalova E.B., Volik M.V. Features of using digital ecosystems. Topical issues of modern economy. 2021;1:434–438. (In Russian). <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.43.37.060>
2. Ramenskaya L.A. Concept of ecosystem in economic and management studies. Upravlenets. 2020;4(11):16–28. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
3. Fadeikina N.V., Malina S.S. Development of theoretical views on the categories “ecosystem” and “innovative ecosystem”. Siberian Financial School. 2021;2(142):103–111. (In Russian). <https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-2-103-111>
4. Kalayda S.A. Model of creating an economic ecosystem in the framework of economic convergence under the influence of digitalization. Journal of Applied Informatics. 2021;6(96(16):28–42. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2021-16-6-28-42>
5. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. Development of ecosystems in the financial sector of Russia. Upravlenets. 2020;4(11):2–15. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
6. Astafyeva O.E. Features of the formation of the mechanism of sustainable development of industrial enterprises in modern economic conditions (on the example of the construction materials industry). Management Accounting. 2022;9–2:131–136. (In Russian). <https://doi.org/10.25806/uu9-22022131-136>
7. Astafyeva O.E. Functioning features of industrial enterprises and complexes in modern economic conditions: structural changes and industrial development prospects. Vestnik universiteta. 2023;2:95–100. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-95-100>

Некоторые вопросы экономической безопасности фармакологии и фармацевтики в условиях новых вызовов Российской Федерации

Мацкуляк Иван Дмитриевич

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической политики и экономических измерений
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Агеева Ольга Андреевна

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: oa_ageeva@guu.ru

Ярошук Анатолий Борисович

Д-р экон. наук, проф. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0003-0217-0620, e-mail: yab.58@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассматриваются вопросы разработки и внедрения отечественных вакцин против COVID-19, в частности «Спутника V», в контексте обеспечения национальной и экономической безопасности Российской Федерации (далее – РФ). Анализируется влияние их разработки и внедрения на экономическую стабильность и систему здравоохранения, а также рассматривается международная реакция на российскую вакцину. Особое внимание уделено мониторингу безопасности вакцин и использованию полученного опыта для укрепления экономической безопасности государства. Авторы подчеркивают важность развития отечественной фармацевтической промышленности и государственной поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для обеспечения устойчивого развития системы здравоохранения как стратегической задачи. Анализируются состояние и перспективы обеспечения экономической безопасности РФ в фармакологической и фармацевтической отраслях. Пандемия COVID-19 выявила существующие недостатки в системе здравоохранения и актуализировала необходимость укрепления экономической безопасности государства. Предложены концептуальные подходы к перспективным преобразованиям, включающие гармонизацию законодательства, продвижение национальных цифровых технологий, оптимизацию ценообразования, модернизацию международного сотрудничества и интеграцию исследовательских агентств. Подчеркивается, что эффективное управление рисками в фармакологической и фармацевтической сферах является ключевым фактором обеспечения экономической безопасности и благополучия нации.

Для цитирования: Мацкуляк И.Д., Агеева О.А., Ярошук А.Б. Некоторые вопросы экономической безопасности фармакологии и фармацевтики в условиях новых вызовов Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 120–130.

Ключевые слова

Экономическая безопасность, национальная безопасность, фармацевтическая промышленность, фармакология, вакцина «Спутник V», здравоохранение, COVID-19, лекарственная безопасность, управление рисками, экономический рынок

Economic security aspects of pharmacology and pharmaceuticals in the Russian Federation: navigating emerging challenges

Ivan D. Matskulyak

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Policy and Economic Measurements Department
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Olga A. Ageeva

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Accounting, Auditing, and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: oa_ageeva@guu.ru

Anatoly B. Yaroshchuk

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0003-0217-0620, e-mail: yab.58@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

This article examines the development and implementation of domestically produced vaccines against COVID-19, specifically the “Sputnik V” vaccine, within the context of ensuring the Russian Federation’s (hereinafter referred to as RF) national and economic security. It analyses the impact of the development and deployment of them on economic stability and healthcare system, while also considering the international response to the Russian vaccine. Special attention is paid to monitoring vaccine safety and leveraging the acquired experience to strengthen the state’s economic security. The authors emphasise the importance of developing the domestic pharmaceutical industry and providing government support for research and design to ensure the sustainable development of the healthcare system as a strategic objective. The article analyses the current state and future prospects for ensuring the RF’s economic security in the pharmacological and pharmaceutical sectors. The COVID-19 pandemic has revealed existing shortcomings in the healthcare system and highlighted the need to strengthen the state’s economic security. Conceptual approaches to prospective transformations are proposed, including harmonisation of legislation, promotion of national digital technologies, optimisation of pricing, modernisation of international cooperation, and integration of research agencies. It is emphasised that effective risk management in the pharmacological and pharmaceutical spheres is a key factor in ensuring the economic security and well-being of the nation.

Keywords

Economic security, national security, pharmaceutical industry, pharmacology, Sputnik V vaccine, healthcare, covid-19, drug safety, management of risks, economic breakthrough

For citation: Matskulyak I.D., Ageeva O.A., Yaroshchuk A.B. (2025) Economic security aspects of pharmacology and pharmaceuticals in the Russian Federation: navigating emerging challenges. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 120–130.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется насущными вопросами обеспечения экономической безопасности государства, особенно в условиях беспрецедентных вызовов, вызванных пандемией COVID-19. Кризис, спровоцированный коронавирусной инфекцией, обнажил уязвимости экономической безопасности в сфере здравоохранения, но в то же время послужил катализатором для развития российской фармакологической и фармацевтической промышленности. В частности, разработка и внедрение вакцины «Спутник V» стали знаковым событием, подчеркивающим необходимость непрерывного мониторинга и укрепления экономической безопасности в этой стратегически важной области. По данным исследований компании DSM Group, выделяются явные изменения, которые обращают на себя внимание и требуют всестороннего изучения¹. Так, на фармацевтическом рынке доля государственного участия в общем объеме фармацевтики сократилась на 9 % за три последних года (2021–2024 гг.), рынок фармацевтических препаратов вырос на 10 % по сравнению с 2023 г., доля лекарств иностранных производителей (импорт) в 2024 г. составил 54,6 % в рублях. Основным драйвером увеличения объемов продаж в 2024 г. стали не государственные закупки (далее – госзакупки), как ожидали многие аналитики, а аптечные продажи с их лидером – аптечной сетью «Ригла». Рост качественных финансовых показателей, а также усиление роли частного капитала в российской фармакологии и фармацевтике порождают положительный тренд, при этом изучение влияния ключевых факторов обеспечения параметров экономической безопасности остается крайне важной многоуровневой задачей для федеральных органов как исполнительной власти, так и региональной.

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели данной статьи – систематизация и обобщение опыта российской фармакологии и фармацевтики с позиции экономической безопасности. Исследование фокусируется на анализе системы взаимоотношений между субъектами хозяйствования в контексте прогресса медико-биологических наук, занимающихся разработкой лекарственных средств. Ее ключевые задачи – выявить и адаптировать этот опыт для укрепления экономической безопасности страны; сопоставить качественные характеристики вакцины «Спутник V» с зарубежными аналогами; выявить ключевые тенденции в трансформации фармакологической и фармацевтической составляющих экономики; определить перспективные направления безопасной деятельности, способствующие устойчивому экономическому росту в рассматриваемых отраслях; разработать практические рекомендации по управлению рисками и обеспечению экономической безопасности в фармакологии и фармацевтике.

Методологической основой исследования послужили теория жизненного цикла, теория инноваций и теория бизнеса, адаптированные к специфике национально-производственной культуры и накопленному опыту. В процессе были использованы методы научной абстракции, исторического и логического анализа, а также принципы причинно-следственного и диалектического подходов.

Объектом исследования выступают организации (предприятия), функционирующие в фармакологической и фармацевтической отраслях Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Предметом работы являются социально-экономические отношения между рыночными субъектами, возникающие в процессе организации безопасной деятельности и управления ею, направленной на достижение научно-производственного прорыва.

В результате проведенного исследования был осуществлен анализ разработанных вакцин, выявлены основные формы трансформации экономики фармакологии и фармацевтики, а также определены как созидающие, так и деструктивные аспекты экономического рывка в этих отраслях. Особое внимание уделено обобщению свойств исключительности и двойного назначения, присущих ряду разработок, которые одновременно открывают новые возможности и создают потенциальные вызовы и угрозы для экономической безопасности.

Теоретическая значимость статьи заключается в формировании целостного представления о современном развитии фармакологии, фармацевтики и здравоохранения в призмe экономической безопасности. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов при

¹ DSM. Фармацевтический рынок России в 2024 году. Режим доступа: <https://dsm.ru/docs/analytics/Annual%20report%202024%20RUS.pdf?ysclid=mbgkm6wi5k617131606> (дата обращения: 20.04.2025).

разработке и реализации новой социально-экономической политики, ориентированной на обеспечение безопасности. При этом необходимо учитывать потенциальные вызовы и угрозы, возникающие в процессе разработки и внедрения новых технологий и продуктов в рассматриваемой сфере.

ЛУЧШАЯ АНТИКОРОНАВИРУСНАЯ БЕЗОПАСНАЯ ВАКЦИНА МИРА

В условиях приоритетности национальной безопасности и экономической стабильности особую значимость для России приобрели оперативная разработка и внедрение вакцин против COVID-19, таких как «Спутник V» (Гам-КОВИД-Вак-2020), «ЭпиВакКорона» и «КовиВак» начиная с марта 2020 г.

Вакцина «Спутник V», получившая наибольшее распространение, стала важным инструментом как внутри страны, так и на международной арене. Исследование, проведенное Российским фондом прямых инвестиций, указывает на высокий уровень доверия к ней. Согласно опросу YouGov, охватившему 9 417 респондентов в 9 странах (с совокупным населением более 2 млрд чел.), РФ лидирует по уровню доверия к производимым вакцинам (54 %), опережая Соединенные Штаты Америки (далее – США), (53,9 %), Великобританию (48,4 %), Китай (26,9 %) и Швецию (26,8 %)².

Комплекс факторов, включая технологию производства, логистику хранения и транспортировки, ценовую доступность, а также подтвержденные безопасность и эффективность, позволяют рассматривать «Спутник V» как значимый фактор укрепления экономической безопасности страны. Признание безопасности и результативности российской вакцины западными экспертами, в частности акцент на отсутствии серьезных побочных эффектов, сделанный австрийской газетой *Wiener Zeitung*, подчеркивает ее конкурентоспособность и вклад в снижение рисков, связанных с пандемией³.

Внедрение отечественных вакцин, особенно «Спутника V», является важным элементом системы мониторинга и обеспечения безопасности в сфере здравоохранения, позволяя эффективно управлять рисками, связанными с распространением инфекционных заболеваний. В условиях современных глобальных вызовов и угроз совершенствование отечественных технологий в области здравоохранения играет определяющую роль в обеспечении устойчивого развития и защиты национальных интересов. Многократно подтвержденная эффективность «Спутника V», частности, за пределами России, свидетельствует о стратегической важности развития отечественной фармацевтической промышленности для гарантии экономической безопасности государства.

Разработка и внедрение вакцины «Спутник V» явились ключевым элементом стратегии управления рисками в условиях пандемии COVID-19, что актуально в контексте обеспечения экономической и национальной безопасности. Пандемия обусловила возникновение серьезных вызовов для экономической стабильности, требующих немедленных мер в области здравоохранения, и «Спутник V» стал одним из инструментов для повышения уровня экономической безопасности.

В феврале 2021 г. авторитетное медицинское издание *The Lancet* опубликовало результаты финальной фазы клинических испытаний вакцины «Спутник V», подтвердившие ее высокий профиль безопасности и эффективность, достигающую 92 %. Исследование показало, что вакцина обеспечивает надежную защиту от тяжелого течения COVID-19. Препарат был зарегистрирован Министерством здравоохранения РФ в августе 2020 г.

К марту 2021 г. вакцина «Спутник V» получила одобрение для использования почти в 60 странах мира с совокупным населением, превышающим 1,5 млрд чел. Расширение географии применения вакцины сопровождалось заключением соглашений с зарубежными производителями о выпуске 700 млн доз ежегодно⁴.

Несмотря на первоначальную настороженность, проявленную западными странами, «Спутник V» стал одним из ведущих инструментов в глобальной борьбе с пандемией. Международная конкуренция в сфере разработки вакцин рассматривалась как фактор геополитического влияния, поскольку государства стремились к минимизации социально-экономических последствий COVID-19. Оперативная разработка эффективной и безопасной вакцины обеспечила России конкурентное преимущество в сложившейся ситуации.

² Репортёр. В мире признали «Спутник V» самой популярной вакциной. Режим доступа: <https://topcor.ru/19230-v-mire-priznali-sputnik-v-samoj-popularnoj-vakcinnoj.html?ysclid=m3024h46aw78726599> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Известия. Австрийская газета назвала шоком реакцию Европы на «Спутник V». Режим доступа: <https://iz.ru/1125142/2021-02-15/avstriiskaia-gazeta-nazvala-shokom-reaktsiiu-evropy-na-sputnik-v> (дата обращения: 22.04.2025).

⁴ ТАСС. Мишустин заявил, что «Спутник V» зарегистрировали 60 стран. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/11108003> (дата обращения: 22.04.2025).

По оценкам Bloomberg, создание «Спутника V» представляет собой крупнейший научный прорыв РФ со времен Советского Союза⁵. Главный инфекционист США, Э. Фаучи, положительно оценил представленные данные об эффективности вакцины. Профессор Сколковского института науки и технологий, Д. Кулиш, отметил высокий профиль безопасности и перспективность препарата, характеризующегося минимальным количеством побочных эффектов⁶.

Для результативного мониторинга безопасности в будущем необходимо учитывать опыт, полученный в ходе разработки и внедрения вакцины «Спутник V». Данный опыт может служить примером оперативного реагирования на вызовы и угрозы в сфере здравоохранения, способствуя укреплению экономической безопасности государства.

Для достижения устойчивой экономической безопасности в системе здравоохранения России отметим несколько веских оснований. Во-первых, во многом продолжала функционировать система здравоохранения, ряд направлений которой берет начало еще в дореформенные времена. Они модернизированы, претерпели инновационные изменения. Сменилось не одно поколение специалистов. Однако их основы были созданы в 30-е и 50-е гг. прошлого века. Сейчас они обогащены, получили принципиальное дальнейшее развитие [1]. Специалисты, работающие теперь в данной области, обладают не только накопленными знаниями прошлого, опытом своих предшественников, но и совокупностью современных компетенций, позволяющих предвидеть накатывающиеся перемены [2]. Они владеют профессиональными навыками, с помощью которых успешно противостоят возникающим трудностям [3]. Во-вторых, прорыв охватывает не только здравоохранение, но и другие отрасли экономики [4]. Выделим, в частности, фармакологическую и фармацевтическую подотрасли, которые лишь в последнее десятилетие претерпели, на наш взгляд, кардинальные перемены. Ряд проблем, к сожалению, пока не преодолен. Обществу, государству только предстоит это сделать. Вместе с тем данные сферы стали более чувствительны к интересам потребителей производимой продукции и оказываемых услуг. Их функционирование заметно трансформировалось, стало гибче и восприимчивее к возникающим рыночным переменам в условиях качественной государственной и общественной заботы.

БЕЗОПАСНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ЭКОНОМИКИ ФАРМАКОЛОГИИ И ФАРМАЦЕВТИКИ

Сложная экономическая конъюнктура в сочетании с историческими особенностями формирования лекарственного обеспечения в России наложила свой отпечаток на становление научно-инновационного процесса, который все более превращается в один из ключевых факторов экономического развития. Более того, существенные перемены произошли не только в обеих названных подотраслях [5]. Они распространились и на другие сегменты экономики страны. Одновременно перемены проявились в самих министерствах и ведомствах, их структурах, оснащении, кадровом обеспечении, интеллектуализации, применении информационных технологий, цифровизации [6]. Они серьезно сказались на функционировании органов государственного регулирования. Подобного рода перемены обусловили повышение конкуренции в оптовом и розничном звеньях фармацевтики. При этом абсолютно и относительно расширился рынок препаратов-аналогов. Seriously ощущается сознательное увеличение бюджетных инвестиций на федеральном уровне. Заметно (хотя и недостаточно) активизировался частный фармакологический и фармацевтический бизнес. Такому положению способствовали благоприятные условия, созданные для них в обозначенный период.

Ключевую миссию в произошедших модернизационных переменах фармакологической науки и фармацевтической промышленности сыграло внимательное и ответственное отношение к их проблемам и потребностям различных институтов государства. Совокупность событий способствовала выделению приоритетного финансирования обозначенных сфер наряду с рядом других соответствующих сегментов. Созданные таким образом возможности позволили в свое время разработать, а теперь можно с полным основанием утверждать, что и успешно реализовать, стратегию развития фармакологии и фармацевтической промышленности до 2020 г. Сегодня уже воплощается в жизнь новая аналогичная стратегия, рассчитанная до 2030 г.

⁵ РИА Новости. Bloomberg назвал «Спутник V» крупнейшим научным прорывом со времен СССР. Режим доступа: <https://ria.ru/20210206/proryv-1596305813.html?ysclid=m303ja1ipx974744781> (дата обращения: 22.04.2025).

⁶ Известия. Помощь в руку: «Спутник V» одобрили почти в 60 странах мира. Режим доступа: <https://iz.ru/1141138/dmitrii-alekseev/pomoshch-v-ruku-sputnik-v-odobrili-pochti-v-60-stranakh-mira> (дата обращения: 22.04.2025).

В российской фармакологической и фармацевтической практике повсеместно привносятся определенные безопасные новшества в традиционные технологии, внедряется новое оборудование, применяются безопасные модернизированные инструменты, повышается производственная интеллектуализация (совокупность естественного и искусственного интеллектов) [7; 8]. Особенно эти и многие другие системные процессы были активизированы в условиях коронавирусной инфекции и ее последствий.

Если попытаться классифицировать происходящие серьезные изменения, то на них можно смотреть по-разному, а именно со стороны замещения пространства; глубины и ее продолжительности; объекта действия [9]. В конечном счете можно повсеместно наблюдать перемены не только труда фармакологов и фармацевтов, перемены в производстве данных подотраслей, но их экономик, как и социально-экономических процессов всего здравоохранения. В результате в стране все явственнее просматриваются три формы перемен: изменение содержания, исчезновение прежних и возникновение обновленных экономических условий, формируются новые экономические уклады [10]. Причем такого рода перемены охватывают все стадии прохождения продукта-товара – проектирование, производство, распределение, обмен и потребление материальных, трудовых и денежных ресурсов.

В таких условиях важно, на взгляд авторов, повсеместно, на всех уровнях, действовать, исходя из требований системного подхода в организации деятельности в фармакологической, фармацевтической подотраслях и здравоохранении страны в целом. Он учитывает, что по мере созревания и совершенствования применяемой экономической системы расширяется многообразие факторов влияния на возникающие перемены. Особое значение при этом имеет непрерывное увеличение инновационной компоненты, так как именно она, благодаря научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (далее – НИОКР), позволяет создавать более эффективные лекарственные препараты. Причем они или безвредные, или почти безвредные. Такой путь можно назвать магистральным для российского здравоохранения, фармацевтики и фармакологии.

Заметим, что в российской практике, в отличие от мирового опыта, главным финансовым источником НИОКР и в области создания лекарственных препаратов, и в иных технологических сегментах выступают государственные ресурсы, а не средства частных бизнес-структур. Доля первых в 2,3 раза больше, чем вторых, по которым Россия фактически находится в роли аутсайдера. Совокупная же их величина на начало 2019 г. составила 1,03 % от валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны, включая 0,76 % за счет государства, 0,23 % – за счет бизнеса и лишь 0,04 % – за счет иностранных источников. (В абсолютном выражении наивысший рейтинг у США – 511 млрд долл. США, Китая – 451,2 млрд долл. США, Японии – 168,6 млрд долл. США. К мировым лидерам относятся также Израиль, Республика Корея, Швейцария и Швеция, у которых этот показатель составляет 3–4 % от ВВП)⁷. К концу 2025 г. предполагается, что их величина в РФ достигнет 70 млрд руб., на одну треть больше в сравнении с 2024 г.

Обозначенные достаточно скромные возможности все же позволили России ввести обязательное соблюдение стандартов *good manufacturing practice* (англ. надлежащая производственная практика). Они сориентировали фармацевтическую промышленность на соблюдение определенных правил относительно организации производства и контроля качества лекарственных препаратов для медицинского и ветеринарного применения. Главный смысл произошедших перемен состоит в модернизационном переоснащении заводских производств, обновлении их технологических и конвейерных линий. Весомость нынешнему состоянию характеризующих подотраслей придают также вновь созданные цехи для контрактного хозяйствования. Ряд российских фармакологических организаций и фармацевтических предприятий уже приближаются к мировому уровню производства. Среди первых – «Эс Джи Биотех», акционерное общество (далее – АО) «Р-Фарм», закрытое акционерное общество (далее – ЗАО) «Биокад», АО «Генериум», АО «Валента Фарм», «Фармасинтез», «Скопинфарм» и др.; среди вторых – АО «Нижегородский химико-фармацевтический завод», АО «Фармацевтическое предприятие „Оболенское“», АО «Биохимик», АО «Химико-фармацевтический комбинат „Акрихин“», АО «Валента Фармацевтика» и др. В целом современная фармакологическая и фармацевтическая сферы России, по мнению Е.А. Быковой, призваны:

1) добиваться синтетического функционирования деятельности науки и производства по поиску инноваций, комбинированных разработок и оригинальных проектов модернизации портфеля производителей;

⁷ Ратай Т.В. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/221864403.html?ysclid=mc534mpa9v432051832> (дата обращения: 25.04.2025).

2) формировать интегральное высокоэффективное междисциплинарное взаимодействие пациентов, врачей, ученых-исследователей (работающих в медико-фармакологической и фармацевтической сферах), предпринимателей и менеджмента (специализирующегося в подобного рода области);

3) действовать в соответствии со смыслом связи «партнерство в управлении», предполагающей, что структуры, объединяющиеся в биомедицинские кластеры, закономерно учитывают интересы друг друга, стремясь к достижению единой цели;

4) отстаивать признание медицинского научно-инновационного кластера на национальном уровне;

5) вовлекать в деятельность кластера врачей, врачей-исследователей, специалистов по фармакологической и фармацевтической экономике, пациентов, маркетологов, юристов и экономистов;

6) заручаться поддержкой региональных властей для укрепления институциональной базы обозначенных подотраслей, их инфраструктуры;

7) оказывать комплексную поддержку инновационным процессам, их комбинациям по самым разным направлениям, включая биомедицинскую кластеризацию, в основном прогрессирующую в центрах сосредоточения инновационной инфраструктуры [11].

Экономическая безопасность в сфере здравоохранения является приоритетом национальной безопасности, особенно в условиях современных вызовов и угроз. Анализ ситуации в фармацевтической отрасли показывает, что к началу пандемии COVID-19, благодаря мерам поддержки государства, доля импортозамещающих инновационных препаратов достигла 23 % внутреннего рынка. Такой результат стал возможным благодаря масштабным государственным преференциям российским производителям в госзакупках и реализации программ импортозамещения, что является важным инструментом повышения экономической безопасности.

Создание полного цикла разработки и производства инновационных препаратов также способствует укреплению экономической безопасности, хотя таких производств в РФ пока недостаточно. Развитие кластеров, объединяющих производственные компании и научно-исследовательские институты (далее – НИИ), и локализация зарубежных производств в форме российских институтов являются позитивными тенденциями.

В последние годы разработано около 200 новейших препаратов, направленных на борьбу с социально значимыми заболеваниями, что снижает зависимость от импорта и повышает устойчивость системы здравоохранения к различным угрозам. Мониторинг обеспечения безопасности в этой сфере, а также управление рисками, связанными с зависимостью от импорта, необходимы для поддержания экономической безопасности страны. Разработки, созданные российскими учеными из ведущих организаций, таких как ЗАО «Биокад»⁸ и Государственный НИИ особо чистых биопрепаратов⁹, играют ключевую роль в обеспечении и укреплении лекарственной и национальной безопасности.

Экономическая безопасность России, в частности, ее фармакологической и фармацевтической составляющих, демонстрирует высокую восприимчивость к макроэкономическим колебаниям и потенциальным угрозам. Данная уязвимость ставит под сомнение приоритетность национальной безопасности в области здравоохранения, что подтверждается динамикой развития указанных подотраслей в периоды экономических кризисов (1998–1999 гг., 2008–2009 гг., 2014–2015 гг., 2020–2021 гг.).

Замедление темпов роста рынка лекарственных препаратов в эти годы обусловлено снижением реальных доходов населения, что представляет собой значительную проблему для обеспечения экономической безопасности страны. Пандемия COVID-19 стала триггером, обнажившим существующие недостатки в системе здравоохранения и подчеркнувшим необходимость укрепления экономической безопасности государства. В ответ на кризис был реализован комплекс мер государственной поддержки, включая организацию клинических исследований в эпицентрах распространения инфекции (например, на базе городской клинической больницы № 67 имени Л.А. Ворохобова с привлечением ведущих университетов). Подобная кооперация способствовала стабилизации ситуации, однако не позволила полностью преодолеть негативные тенденции. Сохраняющаяся зависимость от импорта фармацевтической продукции и волатильность курса национальной валюты по отношению к основным иностранным валютам выступают существенными факторами, дестабилизирующими экономическую безопасность страны.

⁸ ВООАД. Клинические исследования. Режим доступа: <https://biocad.ru/clinical-trial> (дата обращения: 25.05.2025).

⁹ Государственный научно-исследовательский институт особо чистых биопрепаратов. Режим доступа: <https://hpb.spb.ru/ru/partners/pipelines/promising/> (дата обращения: 25.04.2025).

Устойчивый рост цен на лекарственные средства, наблюдаемый на протяжении последних двух десятилетий, ставит под вопрос эффективность существующих механизмов мониторинга и обеспечения безопасности в данной сфере. Особого внимания требуют ценообразование на социально значимые лекарственные препараты, являющиеся необходимым условием поддержания здоровья населения, а также разработка и внедрение эффективных стратегий управления рисками. Таким образом, разработка и имплементация действенных инструментов повышения экономической безопасности в фармацевтической отрасли являются ключевыми приоритетами для обеспечения национальной безопасности РФ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЫВОК ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Важно подчеркнуть, что в последние годы, по крайней мере, в течение 2015–2024 гг., масштабы деятельности фармацевтической промышленности увеличивались опережающими темпами по сравнению с переменами соответствующего рынка (табл. 1). Такой подход стал возможным, кроме прочего, потому, что успешно проявила себя фармакология страны. В этот период указанный рынок характеризуется постепенным наполнением в соответствии с мерами по реализации упоминавшейся Стратегии развития фармацевтической промышленности РФ на период до 2020 г. и аналогичной стратегии до 2030 г.¹⁰ Решающее значение при этом имело планомерное методическое восстановление механизмов функционирования подотрасли. Только после этого определенную положительную роль сыграли расширение лекарственного производства и повышение удельного веса российских препаратов в госзакупках.

Таблица 1

Основные показатели деятельности фармацевтической промышленности России в 2015–2024 гг.

Показатель	2015 г.	2020 г.	2024 г.	Темп роста, %
Объем производства лекарственных препаратов, млрд руб.	231	486	844	365
Величина экспорта фармацевтической продукции, млрд долл. США	0,53	0,68	2,12	400
Величина импорта фармацевтической продукции, млрд долл. США	8,8	13,8	9,3	106
Масштаб фармацевтического рынка, млрд руб.	1 123	1 906	2 850	254
Объем госзакупок лекарственных препаратов, млрд руб.	309	477	1 251	405
Удельный вес лекарственных препаратов в денежном выражении, %	25	28	38	152

Составлено авторами по материалам источников [1; 8; 10] и ^{11,12}

В результате объем производства лекарственных препаратов за 10 лет увеличен в 3,65 раза. Величина экспорта фармацевтической продукции увеличилась в этот период в четыре раза, а импорта – лишь на 106 %. Масштаб фармацевтического рынка расширен в 2,5 раза. Госзакупки лекарственных препаратов в обозначенный период выросли более чем в четыре раза. Доля лекарственных препаратов в денежном выражении выросла в 1,5 раза. Исследование подтверждает, что инновационные фармацевтические средства оказались вполне привлекательными для бизнеса ввиду коммерческой выгоды их производства. Они составили сегмент с достаточно высокой конкурентоспособностью, которая проявляется, во-первых, в величине стоимости российского инновационного препарата. Во-вторых, в относительной монополизации рынка инновационных лекарственных средств. В-третьих, в перемене структуры потребления последних по основным анатомо-терапевтическим классам в разрезе «российские/зарубежные производители». Наконец, в-четвертых, в усилении патентного контроля процесса воспроизводства соответствующих инновационных лекарственных средств.

¹⁰ Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-minpromtorga-rf-ot-23102009-n-965/strategiya-razvitiia-farmatsevticheskoi-promyshlennosti-rossiiskoi/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹¹ Фармацевтический вестник. Аналитики RNC Pharma отметили рост суммарного объема производства ЛП в России за год на 17,8 %. Режим доступа: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Analitiki-RNC-Pharma-otmetili-rost-summnarnogo-obema-proizvodstva-LP-v-Rossii-za-god-na-17-8-2.html> (дата обращения: 25.04.2025).

¹² DSM. Фармацевтический рынок России в 2024 году. Режим доступа: <https://dsm.ru/docs/analytics/Annual%20report%202024%20RUS.pdf?ysclid=mbgkm6wi5k617131606> (дата обращения: 20.04.2025).

В контексте обеспечения экономической безопасности как приоритета национальной безопасности успешная разработка российских антикоронавирусных вакцин и устойчивое функционирование фармацевтической отрасли демонстрируют, что фундаментом для экономических достижений являются национальная производственная культура, ценности, интеллектуальный потенциал и накопленные знания. Однако в условиях прорывной экономики важно учитывать как созидательные, так и разрушительные аспекты, где первые соответствуют общекультурным ценностям, а вторые противоречат им. Эффективное внедрение инноваций и их коммерциализация являются ключевыми факторами развития.

Обеспечение безопасности прорывной экономики фармацевтической отрасли подразумевает, с одной стороны, создание уникальных продуктов, улучшающих здравоохранение, качество жизни и способствующих решению социальных проблем. С другой стороны, необходимо учитывать возможность двойного назначения продукции (гражданского и военного), требующую взвешенного регулирования в зависимости от потребностей общества и производственного комплекса. Такой подход является важным инструментом повышения экономической безопасности.

Для эффективного управления необходимо проводить постоянный мониторинг обеспечения безопасности, выявлять потенциальные вызовы и угрозы экономической безопасности и применять современные методы управления рисками. Особое внимание следует уделять балансу между производством продукции гражданского и военного назначения, чтобы в условиях дефицита одного сектора другой мог оперативно восполнить недостаток. Решение этих проблем экономической безопасности является необходимым условием для устойчивого развития и укрепления национальной безопасности. Перемены фармацевтической промышленности сопровождаются закономерными инновациями в оптовом и розничном сегментах сферы обмена ее продукцией. Подобная корреляция объясняется характерными для обеих сфер общими тенденциями становления в рыночных условиях [5]. Первоначально заметно расширялась численность субъектов рыночной экономики, по сути, во всех регионах страны. Когда же данный процесс стабилизировался, свидетельствуя о наступлении количественной стабилизации функционирующих юридических лиц, тогда он стал сопровождаться процессами их слияния и поглощения. Понятно, что в таких условиях понадобилось усиление качественного контроля со стороны государства, его органов. Предпринимательство в фармацевтике было нацелено на повышение валовой прибыли отрасли. Такой подход ориентировал субъекты хозяйствования на интенсификацию ими оборота фармацевтической продукции, на наращивание объемов ее реализации. Отсюда вынужденное снижение цен на производимые препараты и оказываемые услуги, влекущие за собой относительно низкую рентабельность бизнес-структур.

Осуществляемая в отрасли политика способствовала ограничению монополистической деятельности на соответствующих товарных рынках. Одновременно она повышала конкуренцию между субъектами хозяйствования, что в равной мере распространялось и на зарубежных производителей. Вместе с тем проводимая политика обусловила распространение разнонаправленной вертикальной интеграции. При этом она реализовывалась не только в розничной торговле, в частности, расширяя сегмент электронной коммерции, но и, собственно, в фармацевтическом производстве.

Более того, благодаря осуществлению такой политики со стороны государства в отрасли сложился ряд особенностей, способствующих ее дальнейшему развитию. Так, предпринимательские структуры вынуждены действовать в ограниченном поле, в котором формируется товарный ассортимент. Рыночная конъюнктура цен имела место в прошлые годы и продолжает проявляться важным фактором сегодня. Речь, в частности, идет о ценообразовании на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты. Другая особенность – большая регулярность слияний и поглощений фармацевтических структур, в отличие от других отраслей экономики. Подобные процессы происходят ввиду того, что ряд организаций не выдерживают конкурентной борьбы с более сильными соперниками. В то же время продукция отрасли настолько социально значимая, что не позволяет потенциально возможным производительным ресурсам простаивать. Соответствующие накопления в данной области призваны работать. Именно это и происходит благодаря более частому слиянию и поглощению фармацевтических учреждений. Нельзя не указать также и на то, что неструктурированные торгово-розничные субъекты, которые не входят в крупные аптечные сети, активно кооперируются с маркетинговыми партнерствами и франчайзинговыми объединениями. Еще одной важной особенностью развития характеризуемой промышленности сейчас выступает дозирование становления тех 13 научно-образовательных фармацевтических

кластеров, которые уже функционируют¹³. Тем более что в научном сообществе, да и на практике, пока отсутствуют четкие границы между звеньями, входящими в обозначенные кластеры, во всяком случае если иметь в виду собственно медицинский, фармакологический и фармацевтический срезы. Это инициирует открытие огромного потенциала по внедрению в хозяйственно-коммерческую деятельность лучших мировых практик для многих исследователей различного профиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, обозначим концептуальные подходы к перспективным преобразованиям в фармакологической и фармацевтической отраслях России, имеющие ключевое значение для экономической безопасности и являющиеся приоритетом национальной безопасности. Проблемы экономической безопасности в сфере здравоохранения требуют комплексного решения, включая:

- 1) гармонизацию российского законодательства с правовым обеспечением Евразийского экономического сообщества, что необходимо для мониторинга обеспечения безопасности и снижения рисков;
- 2) стратегическое продвижение национальных цифровых возможностей в медико-фармакологической и фармацевтической сферах в пространстве Евразийского экономического союза с использованием опыта субъектов федерации. Это важнейший инструмент повышения экономической безопасности за счет развития отечественных технологий;
- 3) оптимизацию ценообразования на фармакологические и фармацевтические ресурсы с учетом дифференциальных наценок на экспериментальную деятельность и лекарственные средства, а также внедрение кибернетического обучения для получения конкурентных преимуществ;
- 4) модернизацию фармакологического и фармацевтического сотрудничества с различными, в том числе иностранными, партнерами на основе инновационных комбинаций, использующих лучший опыт в производственном процессе. Это позволит эффективно реагировать на вызовы и угрозы в сфере здравоохранения;
- 5) интеграцию прогрессивных исследовательских агентств и консалтинговых структур в российскую практику поиска, разработки и вывода на рынок национальных лекарственных средств;
- 6) повышение мотивации упомянутых сегментов и их компаний в РФ для формирования интереса к экономическому прогрессу и первенству в мировом развитии.

Необходимо отметить, что инновационные процессы, трансформирующие экономику здравоохранения, фармакологии и фармацевтики, претерпевают принципиальные изменения. Пандемия COVID-19 и ее последствия с одной стороны и интересы общества с другой ускоряют разработку и реализацию необходимых мер по совершенствованию функционирования этих отраслей и всего здравоохранения страны. Эффективное управление рисками в данной сфере является залогом экономической безопасности и благополучия нации.

Список литературы

1. Баранов Ю.В., Збышко Б.Г. Развитие регулирования социально-трудовых отношений в сфере охраны труда. Омск: Омский государственный технический университет; 2024. 384 с.
2. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Попов А.В., Шичкин И.А. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения: научная монография. Ижевск: Шелест; 2023. 104 с.
3. Головин М.Ю., Ленчук Е.Б. (ред.) Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: доклад. М.: Институт экономики Российской академии наук; 2023. 132 с.
4. Стряжкова Е.А., Герасимова Н.А. (ред.) Экономическая безопасность социально-экономических систем: вызовы и возможности: сборник трудов VI Международной научно-практической конференции, Белгород, 25 апреля 2024 г. Белгород: Эпицентр; 2024. 269 с.
5. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития: доклад. М.: Институт экономических стратегий, Русский библиографический институт; 2015. 60 с.
6. Быкова Е.А. О трансформации рынка лекарственных средств. В кн.: Реформы в России и проблемы управления – 2020: материалы 35-й Всероссийской конференции молодых ученых, Москва, 22 мая 2020 г. М.: Государственный университет управления; 2020. С. 65–70.

¹³ Медицинское информационное агентство. Медицинские кластеры: что это дает врачам, пациентам и государству. Режим доступа: <https://medbook.ru/news/36468> (дата обращения: 26.04.2025).

7. Доржиева В.В. Фармацевтическая промышленность: последствия влияния международных санкций и результаты перезагрузки на технологическую независимость. Экономика, предпринимательство и право. 2023;12(13):5595–5604. <http://doi.org/10.18334/epp.13.12.120006>
8. Мацуляк И.А., Мацуляк Д.И. Мобилизационные отношений: сущность, опыт и повышение безопасности. Вестник университета. 2024;1:122–131. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-122-131>
9. Афанасьев В.Я., Уколов В.Ф. (ред.) Современные подходы организации управления: монография. М.: Государственный университет управления; 2021. 178 с.
10. Matskulyak I.D., Matskulyak D.I. Development of safe breakthrough management in entrepreneurship. In: XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”, volume 574, Rostov-on-Don, May 25–27, 2022. Cham: Springer; 2023. Pp. 1646–1657.
11. Яковец В.Ю. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика; 2011. 382 с.

References

1. Baranov Yu.V., Zbyshko B.G. Development of regulation of social and labour relations in the field of labour protection. Omsk: Omsk State Technical University; 2024. 384 p. (In Russian).
2. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Popov A.V., Shchekin I.A. The impact of precarization on the quality of employment and the standard of living of generational groups of the economically active population: scientific monograph. Izhevsk: Shelest; 2023. 104 p. (In Russian).
3. Golovnin M.Yu., Lenchuk E.B. The Russian economy in the face of new challenges: from adaptation to development: report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2023. 132 p. (In Russian).
4. Stryapkova E.A., Gerasimova N.A. (eds.) Economic security of socio-economic systems: challenges and opportunities: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Belgorod, April 25, 2024. Belgorod: Epicentre; 2024. 269 p. (In Russian).
5. Glazyev S.Yu. On urgent measures to strengthen Russia's economic security and bring the Russian economy onto the trajectory of accelerated development: report. Moscow: Institute for Economic Strategies, Russian Biographical Institute; 2015. 60 p. (In Russian).
6. Bykova E.A. On the transformation of the pharmaceutical market. In: Reforms in Russia and management problems – 2020: Proceedings of the 35th All-Russian Conference of Young Scientists, May 22, 2020. Moscow: State University of Management; 2020. Pp. 65–70. (In Russian).
7. Dorzhieva V.V. Pharmaceutical industry: consequences of international sanctions impact and reset results on technological independence. Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2023;12(13):5595–5604. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/epp.13.12.120006>
8. Matskulyak I.D., Matskulyak D.I. Mobilisation relations: essence, experience and security improvement. Vestnik universiteta. 2024;1:122–131. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-122-131>
9. Afanasyev V.Ya., Ukolov V.F. (eds.) Modern approaches to management organisation: monograph. Moscow: State University of Management; 2021. 178 p. (In Russian).
10. Matskulyak I.D., Matskulyak D.I. Development of safe breakthrough management in entrepreneurship. In: XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”, volume 574, Rostov-on-Don, May 25–27, 2022. Cham: Springer; 2023. Pp. 1646–1657.
11. Yakovets V.Yu. The global economic transformations of the 21st century. Moscow: Ekonomika; 2011. 382 p. (In Russian).

Траектории экономической политики в условиях новых глобальных вызовов развития мировой экономики

Смирнов Евгений Николаевич

Д-р экон. наук, зав. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: Smirnov_en@mail.ru

Леонова Татьяна Николаевна

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0001-8815-9080, e-mail: Leonova.tati@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Работа посвящена анализу механизмов корректировки экономической политики стран мира под влиянием новых глобальных вызовов в развитии мировой экономики, при этом, с одной стороны, проанализированы изменения, наблюдающиеся во внутренней макроэкономической политике, а с другой – сделан акцент на реализации возможностей улучшения внешнеэкономической сферы развивающихся стран. Был сделан вывод о том, что в силу замедления глобального экономического роста необходимо выделение тех ключевых направлений политики, которые будут противодействовать данному тренду, а также обеспечат большую долговую устойчивость стран и преодоление экономической рецессии. Кроме того, в работе определены приоритеты экономической политики сделано с учетом необычного характера современной инфляции и ее нового понимания, а также с учетом новых аспектов бюджетной и монетарной политики ключевых государств и ее международной трансмиссии. Дополнительно было обосновано, что в настоящее время требуется использование иных адаптационных механизмов, чтобы повысить устойчивость экономик развивающихся стран, учитывая их взаимосвязанность в сложных конфигурациях развития современного мирового хозяйства. Устаревание глобальной финансовой архитектуры и несоответствие ее современным потребностям мировой экономики существенно ограничивает возможности структурной трансформации и диверсификации экономик многих развивающихся стран, включая наименее развитые страны. Новая концепция многосторонности также в большей степени будет учитывать интересы экономик развивающихся стран.

Ключевые слова

Экономическая политика, экономический рост, международная торговля, инфляция, монетарная политика, фискальная политика, глобальное неравенство, устойчивое развитие

Для цитирования: Смирнов Е.Н., Леонова Т.Н. Траектории экономической политики в условиях новых глобальных вызовов развития мировой экономики // Вестник университета. 2025. № 7. С. 131–144.

Trajectories of economic policy in the context of new global challenges of development of the world economy

Evgenii N. Smirnov

Dr. Sci. (Econ.), Head of the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: Smirnov_en@mail.ru

Tatyana N. Leonova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0001-8815-9080, e-mail: Leonova.tati@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to analysis of mechanisms for adjusting economic policy of countries of the world under influence of new global challenges in development of the world economy, while, on the one hand, the changes observed in domestic macroeconomic policy are analysed, and, on the other hand, the emphasis is placed on implementation of opportunities for improvement of foreign economic sphere of developing countries. It is concluded that due to slowdown in global economic growth, it is necessary to identify those key policy areas that will counteract this trend as well as ensure greater debt sustainability of countries and overcome economic recession. In addition, the article defines priorities of the economic policy, taking into account unusual nature of modern inflation and its new understanding as well as new aspects of budget and monetary policy of key states and its international transmission. Besides, it has been substantiated that at present it is necessary to use other adaptation mechanisms to increase sustainability of economies of developing countries, taking into account their interconnectedness in complex configurations of development of modern world economy. Obsolescence of global financial architecture and its inconsistency with modern needs of the world economy significantly limits possibilities for structural transformation and diversification of economies of many developing countries, including the least developed countries. The new concept of multilateralism will also take into account interests of the economies of developing countries to a greater extent.

Keywords

Economic policy, economic growth, international trade, inflation, monetary policy, fiscal policy, global inequality, sustainable development

For citation: Smirnov E.N., Leonova T.N. (2025) Trajectories of economic policy in the context of new global challenges of development of the world economy. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 131–144.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная экономическая ситуация в настоящее время характеризуется разновекторностью траекторий развития отдельных стран. Замедление темпов роста мировой экономики некоторое время означало угрозу ее глобальной рецессии (в 2023 г. он фактически уже соответствовал общепринятым критериям глобальной рецессии). Вряд ли в ближайшие годы глобальный экономический рост будет демонстрировать предпандемические тенденции, и это означает, что насущные потребности мирового сообщества (например, социальная защита и продовольственная безопасность) рискуют остаться неудовлетворенными. К наиболее опасным и сформировавшимся в последние годы тенденциям развития мировой экономики относятся дивергенция роста, в частности, внутри развитых стран; увеличение межстранового и внутристранового неравенства в доходах, ослабляющего глобальный спрос, сдерживающего инвестиции и экономический рост; повышение давления долговой нагрузки на экономику.

В последние годы экономическая динамика ключевых стран ослабла. Так, рост экономики Китая существенно замедлился, а экономики ряда стран Европы и вовсе развиваются фактически с нулевым ростом. Инвестиционный цикл в мире замедляется, а геополитические конфликты негативно воздействуют на структуру международной торговли. По сути, в развивающихся странах разворачивается кризис развития параллельно с ростом обязательств по обслуживанию долга.

В то же время все еще отсутствуют эффективные многосторонние механизмы координации в условиях нынешних вызовов, обозначенных в современной литературе [1]. Вряд ли в краткосрочной перспективе возможно улучшение сложившейся ситуации. В экономике развитых стран складывается ситуация, когда не работники, а владельцы капитала удерживают все большую часть дохода, тогда как возросшая долговая нагрузка и неопределенное регулирование финансовой сферы в указанных странах не позволяют решать многих задач социально-экономического развития. Считается, что в условиях текущей кризисной ситуации в глобальной экономике следует избегать использовавшегося ранее подхода, когда отдельные государства либо секторы игнорировались, поскольку их роль в мировом хозяйстве не была системно значимой.

Эти тенденции актуализируют проблемы поиска нового, нестандартного инструментария экономической политики, как внутренней, так и внешней, чтобы эффективно отвечать на складывающиеся глобальные вызовы.

НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЗАМЕДЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Приоритеты политики, обсуждаемые международными экономическими организациями, сводятся к нескольким важнейшим направлениям: сокращение неравенства, однако монетарная политика не должна быть единственным способом снижения инфляционного давления; усиление стабилизирующей функции центральных банков, которые будут четче учитывать взаимосвязи между финансовой устойчивостью и денежно-кредитной стабильностью; разработка нового механизма регулирования международной торговли сырьем, в котором бы учитывались ценовые шоки на сырьевых рынках; реформирование архитектуры глобального управления долгом, предполагающее надежный и эффективный доступ к международной ликвидности, обеспечивающей инвестиции и экономический рост; разработка механизмов предотвращения спекулятивных трансграничных инвестиций, что позволит направить частный капитал на решение целей устойчивого развития.

Реализация этих направлений политики должна будет обеспечить следующее.

1. «Мягкую посадку» мировой экономики. Переход к менее ограничительной монетарной политике должен быть осторожным, и в странах с высокой базовой инфляцией может потребоваться сохранение высоких реальных ставок. Дифференциация процентных ставок между странами растет, и это может вести ко все большему укреплению доллара, который имеет максимальную силу начиная с 2005 г. Это будет иметь негативные последствия для государств с высоким уровнем долгов, номинированных в долларах и вызовет панические действия инвесторов и девальвацию национальных валют. В таких случаях странам следует принимать меры по управлению потоками капитала или валютную интервенцию, не трогая при этом фискальную и монетарную политику.

2. Достижение устойчивости долга мерами фискальной политики, и это обосновывается тем, что экономики стран сегодня находятся в лучшей ситуации, чтобы выдержать жесткую фискальную политику. Однако сегодня корректировка бюджетного пространства, необходимая для существенного сокращения

долга, усложнена, если судить по размерам процентных ставок. При этом корректировка должна предусматривать, чтобы новое увеличение государственных расходов (далее – госрасходы) или снижение налогов не вело к росту дефицита бюджета. При этом она не замедлит экономическую активность, если будут предприняты структурные реформы, нацеленные на рост предложения, приоритетные инвестиции и защиту наиболее уязвимых домохозяйств.

3. Укрепление доверия к политике, в частности, за счет поэтапного отказа от нецелевых бюджетных мер, законодательной поддержки среднесрочного планирования фискальной политики, обязательного учета неожиданной волатильности процентных ставок (на этих аспектах в одном из своих исследований акцентирует внимание О. Бланшар, считая значимым качество институтов [2]).

4. Содействие ускоренному росту производительности на основе структурных реформ с выделением их приоритетов и учета фактора рационального распределения ресурсов. При этом специфика реформ будет зависеть от конкретной страны (где-то, например, требуется улучшение доступа к иностранному капиталу, а где-то – снижение чрезмерного регулирования бизнеса).

5. Решение ключевых задач климатической повестки, что будет требовать широкого спектра действий, касающихся программ стимулирования зеленых инвестиций; ценообразования на выбросы углерода; инвестиций в государственную инфраструктуру.

6. Активизацию приграничного сотрудничества, которое снизит фрагментацию международной торговли и повысит устойчивость мировой валютной системы. Торговая политика должна становиться более прозрачной и менее дискриминационной.

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ ЖЕСТКОГО ИНФЛЯЦИОННОГО ФАКТОРА

В нашем исследовании мы отдельно анализируем тренды глобальной инфляции, поскольку меры экономической политики должны корректироваться с учетом данного фактора. В 2022 г., в результате пандемии и начала специальной военной операции (далее – СВО), инфляция во многих государствах продемонстрировала многолетние значения, существенно превысив целевые показатели центральных банков, особенно в развитых странах. Политика количественного ужесточения обычно направлена на балансирование спроса, чтобы сблизить его с потенциальным объемом производства, и когда перебои в глобальных цепочках поставок ослабли, а мировые цены на сырье снизились, то и общая инфляция уменьшилась. При этом, однако, базовая инфляция остается повышенной. Несмотря на прогресс, достигнутый в развитых странах, ожидается, что процентные ставки лишь в 2026 г. достигнут целевых значений.

Обычно установление заработной платы, ценообразование, решение об инвестициях и потреблении отчасти связаны с перспективными инфляционными ожиданиями компаний и домохозяйств, являющихся ключевым маркером для оценки инфляции. Нынешняя высокая инфляция привела к возросшей обеспокоенности по поводу нереалистичных инфляционных ожиданий в будущем, что может не только завышать оценки инфляции в перспективе, но и негативно воздействовать на текущий темп инфляции, который будет оставаться прежним. Поэтому важными представляются механизмы монетарной политики по снижению инфляционных ожиданий, что будет способствовать достижению целей по инфляции. Таким образом, ключевой вопрос заключается в том, смогут ли центральные банки снизить ее уровень и осуществить «мягкую посадку» экономики, не вводя последнюю в состояние рецессии.

В случае отрыва ожидаемой инфляции от фактической необходимо понимание параметров, оценивающих ее динамику. Если же она стабильна и низка, как это было в развитых странах до пандемии, то может стать внезапной. Вместе с тем, несмотря на высокую инфляцию в развитых странах в 2022 г., долгосрочные (пятилетние) ожидания остаются стабильными. При этом весьма полезно четко понимать процессы формирования ожиданий в экономике, использовать имеющиеся альтернативные методы их оценки (например, анализ отчетов компаний о доходах).

Кроме того, несмотря на прогресс в борьбе с инфляцией, базовая инфляция во многих странах все еще высока, тогда как фискальное пространство ограничено, особенно в государствах со значительной долговой нагрузкой. Смягчение негативных последствий геоэкономической и геополитической фрагментации требует выделения целого комплекса приоритетов экономической политики, систематизированных нами в таблице.

**Приоритеты экономической политики в целях стабилизации
глобальной инфляции и экономического роста**

Направление политики	Инструменты
Краткосрочный период	
Восстановление ценовой стабильности	Сохранение центральными банками жесткой денежно-кредитной политики даже в тех случаях, когда оправдано увеличение процентных ставок
Таргетирование инфляции	Ограничительная политика (реальные ставки выше нейтральных) до стабильного замедления инфляции в странах с устойчивой и высокой инфляцией. По достижении приемлемого уровня базовой инфляции – постепенное приближение ставок к нейтральным. Политика количественного смягчения в странах, где уже достигнут целевой показатель инфляции
Решение проблемы неопределенности инфляции	Достоверная оценка уровней безработицы и нейтральных ставок затруднена, а кроме того, в разных секторах экономики инфляция передается по-разному, поэтому необходима оценка издержек как раннего, так и более позднего уменьшения нейтральных ставок
Координация фискальной и монетарной политики	Повышение налогов или сокращение госрасходов, обеспечивающее устойчивость государственного долга (далее – госдолг), может за счет снижения спроса и роста доверия ослабить инфляцию, особенно в странах, экономика которых «перегрета». В странах, где инфляция ниже целевого показателя, – бюджетная консолидация или переключение госрасходов на спрос (адресная помощь домохозяйствам)
Мониторинг условий финансирования	В Еврозоне и Соединенных Штатах Америки (далее – США) условия финансирования смягчились, что усложняет противодействие инфляции. Необходим мониторинг дифференциации финансовых условий в разных странах. Также регуляторам необходимо использовать инструменты финансовой стабильности, чтобы снизить напряженность на рынке
Совершенствование финансового надзора	Внедрение систем мониторинга рисков и стандартов Базель-III. Внедрение макропруденциальных инструментов в тех странах, где необходима поддержка ликвидности. Использование странами, испытывающими значительные потрясения, глобальной системы финансовой безопасности международных финансовых институтов
Нормализация фискальной политики	В условиях высокого бюджетного дефицита, госдолга и роста затрат на обслуживание последнего (по отношению к валовому внутреннему продукту (далее – ВВП)) необходима жесткая фискальная политика. В странах, где фискальное пространство ограничено, необходимо смещать расходы в сторону поддержки домохозяйств. В государствах, испытывающих долговой кризис, требуется не только бюджетная консолидация, но и реструктуризация долга. Для развивающихся стран полезным будет не только изменение структуры расходов, но и мобилизация внутренних доходов
Меры адресной поддержки	Адресная защита наиболее уязвимых домохозяйств, испытывающих шок от колебаний цен на продовольствие и энергоносители (например, путем энергетических субсидий)
Преодоление долгового кризиса	Доступ к краткосрочным кредитам ряда развивающихся стран ограничен, поскольку их суверенные спреды высоки. На международном уровне необходима более четкая координация урегулирования проблем суверенной задолженности (в виде соглашений между странами и официальными группами кредиторов)
Увеличение предложения трудовых ресурсов	Внедрение краткосрочных программ обучения для некоторых профессий (например, с ограниченным возрастом), а также правил удаленной работы. Стимулирование привлечения пожилых людей и женщин к труду

Направление политики	Инструменты
Среднесрочный период	
Макроструктурные реформы	Проведение реформ, направленных на прирост производства и производительности в развивающихся странах, а также на укрепление человеческого капитала, углубление цифровизации и поддержку стартапов, зеленых реформ. Использование инструментов промышленной политики, направленной на преодоление сбоев рынка, но избегание протекционистских настроений
Решение задач климатической повестки	Стимулирование компаний, в частности, путем субсидирования зеленых инвестиций. Внедрение механизмов корректировки границ выбросов углерода. Акцент на инвестициях в инфраструктуру и деятельность по адаптации к изменению климата
Смягчение последствий фрагментации и усиление многостороннего сотрудничества	Необходимо восстановление доверия к многосторонним структурам регулирования международной торговли, формирование новых региональных платформ экономического сотрудничества между странами, восстановление системы урегулирования споров в рамках Всемирной торговой организации

Составлено авторами по материалам источников [3] и ¹

Наконец, на современном этапе возникает новое понимание инфляции, поскольку с 2023 г., по мере ее снижения, стала наблюдаться дивергенция инфляции. Так, в США признаки роста наметились в начале 2021 г. И.М. Вебер и Э. Васнер в качестве причин инфляции в США указывают рост стоимости импорта вследствие изменений в структуре международной торговли; существенное увеличение расходов богатых потребителей; слабый рост оплаты низкоквалифицированного труда; стремление производителей к повышению цен для увеличения прибыли и компенсации роста издержек [4].

Инфляционный шок был изначально спровоцирован пандемией, затем усилен повышением мировых цен на сырье после начала СВО, что особенно проявилось в Европейском союзе (далее – ЕС), (более подробно это рассмотрено в работе Е.Н. Смирнова [5]). Инфляционное давление шло со стороны предложения, но, несмотря на это, ведущие центральные банки (включая Федеральную резервную систему (далее – ФРС) предприняли более раннее, чем ожидалось, ужесточение монетарной политики. Когда ФРС начала повышать ставки, это укрепило доллар по отношению к другим валютам и еще больше усилило инфляцию импортных цен, особенно болезненную для нетто-импортеров сырья. Страны, либерализовавшие энергетику (ЕС), столкнулись с тем, что мировые цены стали перекладываться на внутренних потребителей. К середине 2023 г. цены на сырье в основном снизились, инфляция оставалась устойчивой, но росла неравномерно в разрезе стран. Тот факт, что базовая инфляция оставалась высокой, вероятно, вызван как сбоями в цепочках поставок, так и корпоративными наценками. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (англ. United Nations Conference on Trade and Development, далее – ЮНКТАД) особо отмечает, что пути Евразии, США и Японии в контексте прохождения инфляционных шоков существенно отличались, что было детерминировано структурой их экономики².

Для более полного понимания характера современной инфляции следует принимать во внимание следующие ключевые обстоятельства:

- 1) когда стоимость ключевых ресурсов растет, фирмы могут продолжать получать высокую прибыль, увеличивая цены (даже если эти товары были произведены в условиях дешевизны ресурсов), и вертикально интегрированные фирмы и олигополии использовали общую инфляцию для увеличения прибыли; удорожание кредитов для них не успевало за ростом их доходов, поэтому ограниченно влияло на эти компании;
- 2) снижение мировых цен на энергоносители и продовольствие может затормозить инфляцию, но розничные внутренние цены при этом в лучшем случае останутся стабильно высокими (в случае монопольной власти будут даже расти), и неравенство по доходам в итоге будет увеличиваться;

¹ International Monetary Fund. World economic outlook. Steady but slow: resilience amid divergence. 2024. Режим доступа: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2024/April/English/text.ashx> (дата обращения: 18.04.2025).

² United Nations Conference on Trade and Development. Trade and development report 2023. Growth, debt, and climate: realigning the global financial architecture. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2023_en.pdf (дата обращения: 18.04.2025).

3) появились новые факторы неопределенности на мировом рынке, которые не были устранены (США стали нетто-экспортером энергоносителей, ввели ограничения на импорт чипов и полупроводников из Китая), и цены могут оставаться высокими, демонстрируя реакцию на ужесточение торговой политики.

Здесь следует упомянуть общеизвестную практику таргетирования инфляции, заключающуюся в достижении ее объявленного целевого показателя. В данном случае финансовые органы избегают фискального доминирования и могут устанавливать процентные ставки. Теоретически центральные банки могут выбрать любой таргет, однако после кризиса 2008 г. стали преобладать аргументы за более высокий целевой показатель. Это обосновывалось тем, что в период рецессии, то есть во время снижения инфляции, равная естественной ставке номинальная ставка, которая способствует восстановлению экономики, может вполне снизиться до нижней нулевой границы. В обычное время более высокий таргет будет означать увеличение средних номинальных процентных ставок, давая монетарной политике дополнительные возможности по уменьшению процентных ставок по мере необходимости.

Чтобы модернизировать данную теоретическую базу, можно применить две идеи. Первая, на основе кривой Филлипса с широким плоским участком, означает, что дезинфляционная политика в стране негативно оказалась на занятости, и эти издержки роста безработицы, связанные с противодействием инфляции, упоминались Г.А. Эпштейном [6]. Вторая идея заключается в том, что данные вступают в противоречие с многолетним снижением естественной процентной ставки вследствие автоматизации и старения населения. К концу 2022 г. стали звучать призывы к установлению более высокого таргета – либо 3 %, либо 2–4 %³, однако остается непонятным, какую цель будет преследовать монетарная политика. Опыт политики, ориентирующийся на инфляцию, был преимущественно негативным в большинстве стран. Дополнительно Л.М. Болл и Н. Шеридан указывают, что нет никаких свидетельств по поводу того, что установление таргета положительно скажется на объеме производства, процентных ставках и производительности (он измеряется поведением инфляции) [7]. Инфляция часто снижается вне зависимости от того, приняла ли страна целевой показатель или нет, то есть использовала ли таргетирование или нет.

ПЕРЕХОД К БЮДЖЕТНОЙ И МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ НОВОГО КАЧЕСТВА

Позиции многих развивающихся стран в мировой экономике во многом зависят от монетарной политики ключевых государств, которая может транслироваться на другие страны. Так, в последние годы для мировых сырьевых рынков была характерна повышенная ценовая волатильность, и здесь можно усмотреть ее четкую взаимосвязь с монетарной политикой. Резкая волатильность цен на сырье указывалась как ключевая детерминанта недавнего роста глобальной инфляции [8; 9]. Однако по отношению к макроэкономике цены на сырье не являются экзогенными. Недавняя реакция на инфляцию со стороны монетарной политики, вероятно, была связана с динамикой цен на сырье, однако остается непонятным, насколько значимы инструменты монетарной политики стран (особенно США) для стимулирования инфляции. В последние годы эти вопросы поднимались в исследованиях М. Брайтенлехнера [10] и Дж. Идера [11], оценивавших степень воздействия шоков монетарной политики США на цены на сырье, а также влияние последних на экономику государства и динамику потребительских цен в других странах.

Общеизвестно, что Федеральной резервной системе США принадлежит ключевая роль среди центральных банков мира, поскольку подавляющая часть трансграничного движения капитала происходит в долларах, и монетарная политика США – ключевой фактор глобального финансового цикла, что подтверждается исследованиями последних лет [12]. Поэтому динамика процентных ставок в данном государстве может серьезно сказаться на экономике других стран. Кроме того, как указывает П.-О. Гуриншас, следует учитывать роль доллара как резервной валюты и инструмента валютной интервенции [13], что обеспечивает международный канал трансмиссии монетарной политики США. В. Бруно и Х.С. Шин дополняют его, указывая на усиление значимости доллара для финансирования (номинированных в долларах) балансов зарубежных банков и на рост роли доллара в условиях усложнения глобальных цепочек поставок [14]. Наконец, шоки монетарной политики США могут отражаться на центральных банках других стран.

Теоретически монетарная политика США может отражаться на ценах на сырье в результате воздействия на альтернативные издержки хранения сырья; его потребление (текущее и будущее); ликвидность как на физическом, так и на производном рынке сырья; обменные курсы, поскольку большинство сырья

³ Stiglitz J.E. How not to fight inflation. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-inflation-fed-interest-rates-high-costs-dubious-benefits-by-joseph-e-stiglitz-2023-01> (дата обращения: 21.04.2025).

торгуется на мировом рынке за доллары. Обычно монетарная политика оказывает воздействие на экономику запоздало (с временным лагом), поэтому можно говорить только об ожидаемых в перспективе изменениях цен на сырье (то есть этот аспект работает лишь для товаров с длительными сроками хранения). Вдобавок ко всему некоторые исследователи указывают на нелинейный характер воздействия шоков монетарной политики на эти цены [15].

Ранее шоки монетарной политики рассматривались в некоторых работах, однако Международный валютный фонд (далее – МВФ) акцентируется на ее влиянии на цены на сырье и обнаруживает высокую степень такого воздействия для нефти и промышленных металлов. Канал воздействия таков, что рост процентных ставок ведет к увеличению альтернативных издержек хранения запасов, что, в свою очередь, отсроченно ведет к снижению спроса. Поэтому данное влияние актуально для рынка цветных металлов, для которого характерны значительные сроки хранения запасов, например для золота. При этом даже в условиях роста степени финансовизации товарных рынков за последние 20 лет [16] сохраняется устойчивое воздействие монетарной политики на динамику цен. В свою очередь, монетарная политика оказывает влияние и на американский доллар, и за последние годы отмечается изменение корреляции между долларом и ценами на сырье. Однако МВФ не усматривает изменения взаимосвязи между монетарной политикой США и данными ценами за последние 10 лет.

Вероятно, что трансформация монетарной политики США и цен на сырье оказывает влияние на инфляцию в самой стране. При ощутимом воздействии увеличения процентных ставок на цены на нефть и продукты питания в США в целом реакция совокупного индекса промышленных цен на повышение ставок является, скорее, классической. Ранее уже предпринимались попытки оценки воздействия монетарной политики на цены на сырье (в частности, на нефть) [17]. Выводы МВФ подчеркивают, что если перекрыт канал последних, то монетарная политика США будет с меньшей силой воздействовать на индекс потребительских цен. Для США канал цен на сырьевые товары составляет около 66 % совокупного влияния на инфляцию (при этом доля цен на нефть составила целых 48 %).

Еще один важный для экономической политики стран аспект – новое понимание бюджетной и монетарной политики. Ранее, еще в 2010 г., выдвигались опасения, что, если бы во время глобального кризиса 2008–2009 гг. бюджетная поддержка быстро прекратилась, это имело бы самые негативные последствия, и позднее авторитетный экономист О. Бланшар подтвердил преждевременность политики под названием «жесткая экономия» [2]. Постпандемический рост оказался ниже уровня 2010-х гг., при этом первичные бюджетные балансы (исключающие процентные выплаты) очень быстро стали положительными. Основная причина – давление со стороны правительств, требующих снижения дефицита, чтобы страна могла проще получать международные кредиты.

Вместе с тем Б. Бернанке более 20 лет назад указывал, что фискальная политика – лишь временный амортизатор шоков [18], используемый перед возвращением к политике жесткой экономии. Такой подход лишь усложняет прохождение кризисов, поскольку наблюдается захват рыночной доли корпорациями. Однако, например, развитые страны опасаются инфляции и имеют большое бюджетное пространство, поэтому они будут стремиться сгладить цикл и во время спада, и во время подъема. Это приведет к тому, что отношение долга к доходам будет увеличиваться вследствие дорогих чрезвычайных расходов и замедленного роста. Однако рост концентрации на рынке крупнейших корпораций может снизить возможности увеличения налоговых доходов. Для того чтобы устранить системные сбои и противоречия между узким фискальным пространством и монопольной властью корпораций, необходимы дополнительные государственные ресурсы.

С другой стороны, видимо, необходимо модернизировать и монетарную политику. На протяжении периода 2010–2021 гг. инфляция и процентные ставки были рекордно низкими, а инвестиции стагнировали (а значит, рост производительности также тормозился), поскольку им препятствовали низкие зарплаты и жесткая бюджетная экономия. При росте инфляции в конце 2021 г. центральные банки приступили к нормализации своей политики, повышая процентные ставки и сокращая собственные балансы путем продажи активов на открытом рынке. Повышение процентных ставок встретило меньшее сопротивление, однако если в развитых странах оно воспринимается легче, то в развивающихся странах может привести к панике, поскольку в случае ослабления валюты развивающейся страны рост процентных ставок способен повлечь бегство капитала за рубеж и еще большую девальвацию, инфляцию и подрыв внутреннего производства. Это создает проблемы неравенства, и развивающиеся страны

остаются самым уязвимым звеном мировой экономики, сталкиваясь со снижением занятости, инвестиций, заработной платы и испытывая стресс ликвидности (особенно среди групп населения со средним и низким уровнем дохода).

Важно также разделять инвестиции и кредиты, поскольку кредиты по-прежнему направляются не на реальные инвестиции, а на финансовые активы, и поэтому воздействие жесткой монетарной политики на экономический рост будет слабым и косвенным. К тому же разные подходы центральных банков к обеспечению финансовой стабильности ведут к тому, что международная ликвидность распределяется неравномерно и возникают страны с ее относительным избытком и дефицитом.

Наконец, практика показывает, что финансовые рынки часто могут процветать в то время, когда остальная часть экономики сталкивается с трудностями и падением инвестиций (2020 г.), однако если параллельно будут страдать и финансовые рынки (2008 г.), то это создаст еще большие риски для компаний нефинансового сектора.

НОВЫЕ АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИК СТРАН В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Странам необходимо продолжать использовать систему обширных внешнеэкономических связей для целей развития и форсирования экономического роста. Однако сложившуюся ранее систему многостороннего регулирования вряд ли можно считать настроенной под нынешние тенденции развития мировой экономики, поскольку в ней возникают все новые дисбалансы. Для своей XVI сессии (Вьетнам, конец 2025 г.) ЮНКТАД неслучайно выбрала тему «Формирование будущего: движущая сила экономических преобразований для справедливого, инклюзивного и устойчивого развития»⁴.

Главной вопрос текущей повестки в том, что мировая экономика должна становиться более диверсифицированной, и в ней важен далеко не рост ВВП, а наличие некоторых новых основополагающих механизмов. Несмотря на то что объем мирового богатства превысил 400 трлн долл. США, а международной торговли – 33 трлн долл. США в год, глобальный экономический рост имеет неблагоприятные перспективы вследствие растущего неравенства и инфляционного давления. Традиционно на протяжении десятилетий увеличение ВВП рассматривалось основной детерминантой сокращения бедности [19], однако в последнее время наблюдается значительное снижение эластичности роста и бедности, а ВВП не в состоянии охватить многогранные аспекты благополучия людей, что требует обращения к новым показателям, например к качеству роста, когда он содействует справедливому прогрессу.

Для поддержки диверсификации экономики необходимо стремиться к качеству роста и развитию производственного потенциала (способность страны к производству товаров/услуг), чтобы избежать ловушки развития низкопроизводительных секторов (неформальной занятости, добывающих отраслей). Это особенно актуально для стран Африки с самым высоким в мире демографическим потенциалом. Значимой проблемой остается и зависимость многих государств от сырья. В 2020–2022 гг. 80 % наименее развитых стран находились в ловушке зависимости от сырья, на которое приходилось свыше 60 % их экспорта товаров. Рента от экспорта сырья не используется для диверсификации экономики, и поэтому развивающиеся страны не могут создавать больше добавленной стоимости, увеличивать производительность и противостоять негативным условиям торговли и глобальным кризисам.

Развивающимся странам по-прежнему необходима структурная трансформация, важными детерминантами которой выступают трансграничные инвестиции и международная торговля. В 2000–2023 гг. при росте мирового товарного экспорта более чем в 5 раз экспорт развивающихся стран вырос в 7 раз, однако они не могли извлечь существенных выгод от расширения внешней торговли (за исключением государств Юго-Восточной и Восточной Азии, мобилизовавших значительные ресурсы для инвестиций и структурных реформ, получения доступа к критическим технологиям [20]). Основным путем расширения участия развивающихся стран в международной торговле и глобальных прямых иностранных инвестициях (далее – ПИИ) стала их интеграция в глобальные цепочки создания стоимости (далее – ГЦСС), особенно для экономик с малыми размерами. Вместе с тем участие в ГЦСС автоматически не означает прогресса: важно, какую позицию занимает государство в той или иной цепочке, может ли она двигать-ся в ней от участков с низкой добавленной стоимостью к участкам с высокой добавленной стоимостью.

⁴ United Nations Conference on Trade and Development. Shaping the future. Driving economic transformation for equitable, inclusive and sustainable development. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/osginf2024d7_summary_en.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

В целом в большинстве развивающихся стран производительность экономики растет слабо, а для наименее развитых стран еще до пандемии угрозой стала преждевременная деиндустриализация, когда в совокупном ВВП наблюдается снижение удельного веса обрабатывающей промышленности. На бедные страны приходится 14 % населения мира, однако менее 1 % глобального экспорта промышленной продукции. Слабый рост внешней торговли беднейших государств в условиях фрагментации еще больше усложняет возможности их индустриализации. Кроме того, в современном мире более динамично, по сравнению с торговлей товарами, растет торговля услугами, ведя к изменению моделей ПИИ: в трансграничных инвестициях за последние 20 лет доля услуг существенно увеличилась. За счет цифровых технологий расширилась международная торговля услугами, которые все больше встраиваются в промышленные товары. Услуги создают все больше побочных эффектов в международной торговле. Таким образом, их развитие стало новым направлением диверсификации экономики, однако для них недостаточно просто высокого уровня инвестиций и экспорта, а более значимым представляется укрепление межотраслевых связей.

Несмотря на то что с 2000 г. развивающиеся страны добились фактического удвоения душевого ВВП, этот рост был крайне неравномерным в разрезе отдельных регионов и не сократил глобального разрыва в доходах. Как в 1970 г., так и в 2023 г. средний душевой ВВП по группе наименее развитых стран остался на уровне 2 % от ВВП США⁵, а в целом по группе развивающихся стран этот показатель за рассматриваемый период вырос всего лишь с 5 до 11 % от уровня США [21]. Поэтому глобальное межстрановое неравенство остается по-прежнему чрезвычайно высоким, а реализация стратегии догоняющего развития сложна для многих развивающихся стран.

Несмотря на значимость инвестиций и торговли, развивающимся странам также важно укреплять внутренние производственные связи, формировать региональные преференциальные торговые соглашения, которые будут способствовать структурной трансформации и диверсификации экономики. В данном контексте важно использовать огромный потенциал новых цифровых технологий для развития межотраслевых связей и наращивания производительности.

Кроме того, важно стремиться к большей устойчивости и гибкости экономики, поскольку прогресс последних десятилетий оказался хрупким для многих стран. Около 40 стран мира сегодня находятся в состоянии конфликта либо являются социально и институционально хрупкими. Затяжной характер многих кризисов подрывает устойчивое развитие большинства государств, подавляет их адаптивность к новым шокам и повышает их уязвимость к ним. Кроме того, каскадный характер современных кризисов и конфликтов ведет к их распространению на страны, не вовлеченные в последние или даже находящиеся далеко от них. Это явление прослеживается за счет высокой степени взаимосвязанности стран в торговле, инвестициях и финансах.

В свою очередь, резистентность к шокам и устойчивое развитие в целом подвержены воздействию диверсификации цепочек поставок и производства. 80 % наименее развитых стран в 2022 г. зависели от экспорта сырья, составившего в среднем около 90 % их экспорта. Риски чрезмерной зависимости от экспорта небольшого числа товаров (или торговых партнеров) стали особенно проявляться во время глобального кризиса в период пандемии. Беднейшие домохозяйства платят самую высокую цену за такого рода потрясения, поскольку в их структуре расходов преобладает продовольствие, цены на которое испытывают чрезмерную волатильность именно в периоды глобальных кризисов. Именно от политики поддержки бедных домохозяйств во многом зависят устойчивость и справедливость международной торговли. Сегодняшняя монополизация и финансовализация мировых рынков сельскохозяйственной продукции остаются значительным негативным фактором для продовольственной безопасности [21] и экономической стабильности беднейших стран.

Отметим и неравномерное распределение выгод от участия в международной торговле. 90 % предприятий мира являются малыми и средними предприятиями (далее – МСП), обеспечивая до 70 % глобальной занятости и создавая 50 % мирового ВВП. Однако в международной торговле доминируют крупные транснациональные корпорации: среди экспортеров развивающихся стран доля МСП редко превышает 10 %. Поэтому актуальной остается задача интеграции последних в мировую торговлю на основе упрочнения их связей с крупными экспортерами, что позволит МСП получить доступ не только

⁵ United Nations Conference on Trade and Development. Shaping the future. Driving economic transformation for equitable, inclusive and sustainable development. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/osginf2024d7_summary_en.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

к новым рынкам, но и к инвестициям, финансам и технологиям. Цифровая трансформация между тем имеет множество возможностей для обеспечения этого доступа.

Еще одним важным компонентом экономической политики на международном уровне является финансирование экономического развития. Устаревание сложившейся международной финансовой архитектуры и ее несоответствие потребностям многих стран ограничивают стабильность финансовых потоков в мире. За десятилетия после Второй мировой войны финансовые ресурсы в основном перетекали из развивающихся стран в развитые, что сделало первых более уязвимыми к внешним шокам и сформировало в них дефицит ресурсов для устойчивого развития и структурных реформ. Поэтому сегодня необходимы новые усилия по обеспечению глобального устойчивого и эффективного финансирования. Международная валютно-финансовая система должна стать также инфраструктурой для укрепления торговли, роста и устойчивости. Также устойчивое развитие предполагает, чтобы ключевые инвестиции не оставались недофинансированными. Наконец, в целях развития следует продолжать укреплять сотрудничество по каналам «Юг – Юг» и «Север – Юг», чтобы преодолеть нынешнюю геоэкономическую фрагментацию.

В конечном итоге современной мировой экономике требуется новая концепция многосторонности, поскольку за три последних десятилетия произошла ее серьезная децентрализация, в основном за счет роста стран Глобального Юга. В 1990–2024 гг. доля развивающихся стран в мировом ВВП по паритету покупательной способности выросла с 34 до 55 %, и ожидается, что она достигнет к 2029 г. 60 %⁶. Это привело к формированию новых центров влияния в мировой экономике, и ее ландшафт стал более многополярным. Дифференциация интересов часто не ведет к сотрудничеству, а, напротив, обуславливает фрагментацию. Необходимо сильное многостороннее ядро с высокой степенью доверия, в котором все группы стран совместно будут решать глобальные проблемы устойчивого развития. Пока же регулирование мировой экономики остается весьма централизованным. Так, доля развивающихся стран в мировом ВВП составляет 55 %, в населении мира – 83 %, а в структуре голосов МВФ – лишь 36 %.

Новая концепция многосторонности также должна учитывать разрушительный характер протекционизма для международной торговли, который усилился, особенно в последние годы, нанося ущерб прежде всего экономикам развивающихся и наименее развитых стран. Поэтому многосторонность и многополярность должны развиваться параллельно, чтобы в результате протекционизма не искажались инвестиционные и торговые решения, а высокая степень глобального неравенства не подрывала преимущества государств, получаемые ими от участия в международной торговле.

Для многих развивающихся стран издержки фрагментации торговой политики могут быть чрезвычайно высокими. В 1990–2023 гг. удельный вес развивающихся стран с большими доходами в глобальном товарном экспорте возрос с 17 до 35 %, стран со средним уровнем дохода – с 5 до 8 %, но остался почти неизменным (меньше 1 %) у стран с низким уровнем дохода. Между тем Цель устойчивого развития 14 предполагает, что доля государств с низким уровнем дохода в глобальном товарном экспорте возрастет в 2011–2030 гг. с 1 до 2 %, однако эта доля по-прежнему остается в пределах 1 %. Такая стагнация наименее развитых стран свидетельствует о необходимости применения в их отношении особого режима многосторонней торговой политики, чтобы улучшить условия их интеграции в международную торговлю [22]. Многие государства по-прежнему нуждаются в новых мерах поддержки, чтобы эффективно использовать преференциальный режим. Тем более что на протяжении десятилетий в мире уже был накоплен опыт поддержки экспортоориентированного роста развивающихся и беднейших стран.

Эффективные многосторонность и многополярность могут обеспечить формирование новых региональных торговых соглашений, тем более что их количество в мире увеличивается в последние годы (а также тех, которые ориентированы на устойчивое развитие). В 1990–2024 гг. число региональных торговых соглашений выросло с 22 до 350, а инвестиционных – с 202 до 2 200 [19]. Однако с учетом роста их числа следует избегать новых усложнений в конфигурации международной торговли и трансграничных инвестиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе многим странам необходимо стремиться к достижению долгосрочной финансовой устойчивости (не только в рамках контроля над инфляцией, как это сейчас происходит со стороны центральных банков), а политика в большинстве стран должна быть нацелена на поддержание и рост

⁶ United Nations Conference on Trade and Development. Shaping the future. Driving economic transformation for equitable, inclusive and sustainable development. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/osginf2024d7_summary_en.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

благополучия. Важно учитывать, что жесткая монетарная политика вместе с решением проблемы инфляции усугубляет социально-экономические потрясения и затрудняет восстановление экономики, ухудшая перспективы инвестиций и торговли и консервируя медленный экономический рост, усиление неравенства и высокий долг по отношению к ВВП. В свою очередь, для стабилизации инфляции важна монетарная политика, направленная на снижение перспективных инфляционных ожиданий. В то же время ее таргетирование, как показало исследование, не обязательно способствует достижению снижения.

Развивающиеся страны находятся в зависимости от шоков монетарной политики, которая реализуется развитыми странами. Она способна оказать существенное влияние на мировые цены на сырье, негативно сказываясь на экономиках государств, — его нетто-импортеров. В силу того, что в некоторых странах воздействие монетарной политики на цены на сырье может быть значительным, центральным банкам необходимо это четко учитывать в своих стратегиях, особенно когда данные цены меняются динамично. Необходимо очень осторожно относиться к использованию бюджетной политики, которая может вести к неоправданному росту долговой нагрузки стран. Монетарная политика также не должна быть определяющей, если речь идет о создании рабочих мест и накоплении капитала, и здесь следует дополнительно подключать промышленную и фискальную политику и использовать их в комплексе.

В общем на многостороннем уровне необходима разработка альтернативной системы управления и регулирования, в которой будут четче учтены все возможные взаимосвязи между инфляцией, динамикой процентных ставок, финансовой стабильностью, неравенством по доходам, занятостью и экономической активностью в целом. Экономическая глобализация десятилетий привела к широкой взаимосвязанности мира, где основным механизмом роста стали экономики развивающихся стран. Жесткая монетарная политика развитых стран может нанести серьезный ущерб долгосрочным инвестициям в развивающихся странах, негативно сказаться на структурных сдвигах в их экономике и уменьшить устойчивость долга.

Список литературы

1. Смирнов Е.Н., Смагулова С.М., Васильева Т.Н., Сероштан Е.С., Фетисова Л.Ю. Глобальные вызовы развития внешней торговли Российской Федерации. Новосибирск: СибАК; 2023. 180 с.
2. Blanchard O. Fiscal policy under low interest rates. Cambridge: MIT Press; 2022. 176 p.
3. Budina N., Ebeke Ch.H., Jaumotte F., Medici A., Panton Au.J., Tavares M.M. et al. Structural reforms to accelerate growth, ease policy trade-offs, and support the green transition in Emerging Market and Developing Economies. Washington: International Monetary Fund; 2023. 48 p.
4. Weber I.M., Wasner E. Sellers' inflation profits and conflict: why can large firms hike prices in an emergency? Review of Keynesian Economics. 2023;2(11):183–213. <http://dx.doi.org/10.4337/roke.2023.02.10>
5. Смирнов Е.Н. Глобальная инфляция: современный детерминизм и вызовы для политики. Управление. 2024;2(12):40–50. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-40-50>
6. Epstein G.A. Alternatives to inflation targeting monetary policy for stable and egalitarian growth: a brief research summary: working paper. No. 62. Amherst: Political Economy Research; 2003. 12 p.
7. Ball L.M., Sheridan N. Does inflation targeting matter? In: The inflation-targeting debate. Chicago: University of Chicago Press; 2004. Pp. 249–282.
8. Ball L.M., Leigh D., Mishra P. Understanding U.S. inflation during the COVID era: conference drafts. Brookings Papers on Economic Activity. 2022;2.
9. Blanchard O., Bernanke B.S. What caused the US pandemic-era inflation: working paper. No. 31417. Cambridge: National Bureau of Economic Research; 2023. 49 p.
10. Breitenlechner M., Georgiadis G., Schumann B. What goes around comes around: how large are spillbacks from US monetary policy? Journal of Monetary Economics. 2022;131:45–60.
11. Ider G., Krivoluzhsky A., Kurcz F., Schumann B. The energy-price channel of (European) monetary policy: discussion paper. No. 2033. Berlin: German Institute for Economic Research; 2023. 43 p.
12. Dées S., Galesi A. The global financial cycle and US monetary policy in an interconnected world. Journal of International Money and Finance. 2021;115. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2021.102395>
13. Gourinchas P.-O. The dollar hegemon? Evidence and implications for policymakers. In: The Asian monetary policy forum: insights for central banking. Singapore: World Scientific Books; 2021. Pp. 264–300.
14. Bruno V., Shin H.S. Capital flows and the risk-taking channel of monetary policy. Journal of Monetary Economics. 2015;71:119–132. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2014.11.011>

15. *Miao Ya., Wu W., Funke N.* Reviving the competitive storage model: a holistic approach to food commodity prices: working paper. No. 11/64. Washington: International Monetary Fund; 2011. 47 p.
16. *Tang K., Xiong W.* Index investment and the financialization of commodities. *Financial Analysts Journal*. 2012;6(68):54–74. <https://doi.org/10.2469/faj.v68.n6.5>
17. *Bernanke B.S., Gertler M., Watson M.* Systematic monetary policy and the effects of oil price shocks. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997;1:91–157.
18. *Bernanke B.S., Laubach Th., Mishkin F.S., Posen A.S.* Inflation targeting. Lessons from the international experience. Princeton: Princeton University Press; 1999. 392 p.
19. *Смагулова С.М., Пасько А.В.* Дифференциация в масштабах современной мировой экономики: рост неравенства и глобальной бедности. *Экономика и предпринимательство*. 2023;2(151):431–436. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.084>
20. *Щенин Р.К., Поляков В.В., Аникин О.Б., Антонов В.А.* Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. М.: Юрайт; 2016. 346 с.
21. *Смирнов Е.Н. (ред.)* Развитие внешнеэкономических связей агропромышленного комплекса Российской Федерации. М.: Государственный университет управления; 2024. 216 с.
22. *Мога И.С., Горбунова А.П., Денисова А.В., Пижурин Е.Н., Преснова И.С.* Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики. *Вестник евразийской науки*. 2023;2(15). <https://doi.org/10.15862/41ECVN223>

References

1. *Smirnov E.N., Smagulova S.M., Vasilyeva T.N., Seroshtan E.S., Fetisova L.Yu.* Global challenges to the development of foreign trade of the Russian Federation. Novosibirsk: SibAC; 2023. 180 p. (In Russian).
2. *Blanchard O.* Fiscal policy under low interest rates. Cambridge: MIT Press; 2022. 176 p.
3. *Budina N., Ebeke Ch.H., Jaumotte F., Medici A., Panton Au.J., Tavares M.M. et al.* Structural reforms to accelerate growth, ease policy trade-offs, and support the green transition in Emerging Market and Developing Economies. Washington: International Monetary Fund; 2023. 48 p.
4. *Weber I.M., Wasner E.* Sellers' inflation profits and conflict: why can large firms hike prices in an emergency? *Review of Keynesian Economics*. 2023;2(11):183–213. <http://dx.doi.org/10.4337/roke.2023.02.10>
5. *Smirnov Ye.N.* Global inflation: modern determinism and challenges for policy. *Management*. 2024;2(12):40–50. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-40-50>
6. *Epstein G.A.* Alternatives to inflation targeting monetary policy for stable and egalitarian growth: a brief research summary: working paper. No. 62. Amherst: Political Economy Research; 2003. 12 p.
7. *Ball L.M., Sheridan N.* Does inflation targeting matter? In: *The inflation-targeting debate*. Chicago: University of Chicago Press; 2004. Pp. 249–282.
8. *Ball L.M., Leigh D., Mishra P.* Understanding U.S. inflation during the COVID era: conference drafts. *Brookings Papers on Economic Activity*. 2022;2.
9. *Blanchard O., Bernanke B.S.* What caused the US pandemic-era inflation: working paper. No. 31417. Cambridge: National Bureau of Economic Research; 2023. 49 p.
10. *Breitenlechner M., Georgiadis G., Schumann B.* What goes around comes around: how large are spillbacks from US monetary policy? *Journal of Monetary Economics*. 2022;131:45–60.
11. *Ider G., Krivoluzky A., Kurcz F., Schumann B.* The energy-price channel of (European) monetary policy: discussion paper. No. 2033. Berlin: German Institute for Economic Research; 2023. 43 p.
12. *Dées S., Galesi A.* The global financial cycle and US monetary policy in an interconnected world. *Journal of International Money and Finance*. 2021;115. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2021.102395>
13. *Gourinchas P.-O.* The dollar hegemon? Evidence and implications for policymakers. In: *The Asian monetary policy forum: insights for central banking*. Singapore: World Scientific Books; 2021. Pp. 264–300.
14. *Bruno V., Shin H.S.* Capital flows and the risk-taking channel of monetary policy. *Journal of Monetary Economics*. 2015;71:119–132. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2014.11.011>
15. *Miao Ya., Wu W., Funke N.* Reviving the competitive storage model: a holistic approach to food commodity prices: working paper. No. 11/64. Washington: International Monetary Fund; 2011. 47 p.
16. *Tang K., Xiong W.* Index investment and the financialization of commodities. *Financial Analysts Journal*. 2012;6(68):54–74. <https://doi.org/10.2469/faj.v68.n6.5>

17. *Bernanke B.S., Gertler M., Watson M.* Systematic monetary policy and the effects of oil price shocks. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997;1:91–157.
18. *Bernanke B.S., Laubach Th., Mishkin F.S., Posen A.S.* Inflation targeting. Lessons from the international experience. Princeton: Princeton University Press; 1999. 392 p.
19. *Smagulova S.M., Pasko A.V.* Differentiation across the modern world economy: rising inequality and global poverty. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2023;2(151):431–436. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.084>
20. *Shchenin R.K., Polyakov V.V., Anikin O.B., Antonov V.A.* Global economy and international economic relations: textbook. Moscow: Urait; 2016. 346 p. (In Russian).
21. *Smirnov E.N. (ed.)* Development of foreign economic relations of the agro-industrial complex of the Russian Federation. Moscow: State University of Management; 2024. 216 p. (In Russian).
22. *Moga I.S., Gorbunova L.P., Denisova A.V., Pizhurina E.N., Presnova I.S.* Constraining and pushing factors of integration of the Eurasian Economic Union in the context of the latest challenges of the global economy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;2(15). (In Russian). <https://doi.org/10.15862/41ECVN223>

Состояние и перспективы развития торговли между Российской Федерацией и дружественными странами в условиях санкционных ограничений

Стародубцева Елена Борисовна

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и мировых финансов
ORCID: 0000-0002-8638-0854, e-mail: ebstarodubtseva@fa.ru

Маркова Ольга Михайловна

Канд. экон. наук, доц. каф. банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0009-0007-8135-6277, e-mail: ommarkova@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Отключения от СВИФТ (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – международная система передачи финансовых сообщений), замедления экономического роста, угрозы попадания в ловушку затяжной стагнации, высокий уровень неопределенности, ограничения доступа к рынкам капитала – условия, в которые вынужденно попала Российская Федерация (далее – РФ, Россия) в начале 2020 г. Они были запущены санкционной войной из-за фрагментарности экономики, ограничений на оплату товаров в международных расчетах и предопределили необходимость поиска новых форм взаимодействия и сотрудничества с дружественными и недружественными странами. Анализируются торговые отношения России с дружественными государствами, выделяются проблемы и тенденции их развития. Особое место занимают вопросы проведения расчетов между РФ и странами-партнерами. Анализ основных средств расчетов между Россией и контрагентами, таких как рубли, национальные валюты, юани, криптовалюта, золото, позволил сделать вывод о перспективах развития рублевой составляющей в системе расчетов. В заключение сделан однозначный вывод, что уповать на одну конкретную систему международных расчетов не стоит, нужно иметь в запасе необходимое и достаточное количество методов, чтобы обеспечивать взаимные расчеты со всеми странами, которые ориентированы на развитие экспортно-импортных отношений с РФ.

Ключевые слова

Международная торговля, экономические санкции, криптовалюта, национальная валюта, цифровая валюта, дружественные страны, экспорт, импорт

Для цитирования: Стародубцева Е.Б., Маркова О.М. Состояние и перспективы развития торговли между Российской Федерацией и дружественными странами в условиях санкционных ограничений // Вестник университета. 2025. № 7. С. 145–156.

State and prospects of trade development between the Russian Federation and friendly countries in the context of sanctions restrictions

Elena B. Starodubtseva

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economy and World Finance Department
ORCID: 0000-0002-8638-0854, e-mail: ebstarodubtseva@fa.ru

Olga M. Markova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0009-0007-8135-6277, e-mail: ommarkova@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The sanctions war, triggered by the fragmented economy, restrictions on payment for goods in international settlements, has caused disconnection from the Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication, slowing economic growth, threat of falling into a trap of prolonged stagnation, high levels of uncertainty, and limited access to capital markets. These are conditions in which the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) was forced into in early 2020. They have predetermined the need to find new forms of interaction and cooperation with friendly and unfriendly countries. The article analyses Russia's trade relations with friendly states, highlights the problems and trends of their development. A special place is occupied by the issues of settlements between the RF and partner countries. An analysis of the main means of settlement between Russia and counterparties, such as rubles, national currencies, yuans, cryptocurrency, and gold, has allowed us to conclude about the development prospects of the ruble component in the settlement system. The article makes an unequivocal conclusion that it is not worth relying on one specific system of international settlements, you need to have in stock the necessary and sufficient number of methods to ensure mutual settlements with all countries that are focused on the development of export-import relations with the RF.

Keywords

International trade, economic sanctions, cryptocurrency, national currency, digital currency, friendly countries, exports, imports

For citation: Starodubtseva E.B., Markova O.M. (2025) State and prospects of trade development between the Russian Federation and friendly countries in the context of sanctions restrictions. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 145–156.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях становятся особенно актуальными проблемы развития и укрепления международных связей Российской Федерации (далее – РФ, Россия) с дружественными странами, что служит надежным гарантом безопасности и устойчивости развития и роста глобальной экономики. Россия вынуждена создавать на базе стран Глобального Юга новые формы расчетов, осуществлять фондирование, вводить альтернативные способы платежей, совершенствовать трансграничную торговлю и международные платежи в рамках государств BRICS (англ. Brazil, Russia, India, China, South Africa – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Это вызывает необходимость анализа и оценки возможностей, ключевых направлений взаимодействия между регуляторами и экономическими субъектами в области обеспечения и поддержания стабильности финансовых систем, повышения уровня их технологичности благодаря развитию инновационной среды, что, в свою очередь, должно положительным образом сказываться на конкуренции и гарантировать высокое качество оказываемых услуг.

Следует отметить, что до 2014 г. РФ активно участвовала в рамках международного сотрудничества в различных отраслях экономики. Примерами являются такие международные промышленные проекты, как разработка регионального самолета Sukhoi Superjet 100, среднемагистрального самолета MC-21, и иные проекты в других сферах экономики. Однако после 2014 г. произошел разрыв международных контактов страны с зарубежными партнерами. В условиях жесточайшего санкционного давления и внешних ограничений со стороны Соединенных Штатов Америки (далее – США) и других недружественных стран Россия была вынуждена учитывать глобальные тенденции развития экономики, изменение системы ценностей мирового сообщества и ценностных ориентаций в международной политике. Это вызвало необходимость усиления суверенитета национальной финансовой системы, создания альтернативы расчетов и взаимоотношений России с другими странами. Следствиями данного процесса стали расширение суверенных финансовых программ в РФ в области технологического развития, цифровизация финансовой системы, расширение трансграничной системы платежей, разработка и внедрение в практику системы передачи финансовых сообщений (далее – СПФС) и национальной системы платежных карт, продуктами которой являются платежные системы «Мир», СБП и «Волна», а также создание собственной финансовой архитектуры, выпуск цифровых финансовых активов и операций с криптовалютой. В то же время страны коллективного Запада показали всему миру, как они способны действовать в случае несогласия с политикой суверенного государства.

Этим проблемам посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных экономистов, в частности Д.И. Ушкаловой [1], В.В. Нарбут, Е.П. Шпаковской [2], Н.А. Будариной, Т.С. Ненадышиной [3], М.Б. Медведевой, В.Н. Володиной [4] и ряда других. Между тем еще остались не до конца решенными проблемы развития отношений с дружественными государствами в рамках формирования новых валютных зон стран Юга для обеспечения прозрачности и надежности торговых операций, а также в области использования единой цифровой валюты BRICScoin, что и предопределило цель статьи – изучение состояния и перспектив развития торговли и расчетов по внешнеторговым контрактам между РФ и дружественными странами. Предметом исследования выступают внешнеторговые отношения России. Методология работы: анализ статистических данных, сравнительный анализ, системный подход, методы обобщения и синтеза.

ТОРГОВЛЯ С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ

2022 г. стал переломным для РФ. Множество санкций, обрушившихся на страну, в том числе отключение от СВИФТ (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – международная система передачи финансовых сообщений), ограничения на оплату товаров долларами, привели к появлению новых понятий – дружественные и недружественные страны. Несмотря на то, что в законодательстве РФ понятие «недружественные страны» появилось в 2018 г., которое включило только одно государство, более основательный список возник лишь в марте 2022 г. В него вошли страны, «совершающие в отношении Российской Федерации, российских физических лиц недружественные действия»¹.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (редакция от 29.10.2022) Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730e96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 17.04.2025).

В список на данный момент попадают 62 государства и территории, и возглавляют его прежние достаточно серьезные торговые партнеры. Остальные невошедшие страны относятся к дружественным. Однако это не только деление на бумаге. В реальности именно с дружественными странами в первую очередь начинают увеличиваться товарооборот, инвестиционные потоки, обсуждается решение совместных проектов. Результатом такой политики стало сокращение доли недружественных стран в товарообороте за последние два года. Так, если в 1995 г. основными торговыми партнерами России как по импорту, так и по экспорту выступали Германия (доля в экспорте составляла 11,2 %, а в импорте – 16,7 %), США (доля в экспорте – 7,78 %, в импорте – 7,06 %), Япония (соответственно, 8,2 и 2,89 %), Италия (6,8 и 7,33 %), Франция (6,47 и 4,23 %)², то в последующие годы ситуация кардинально изменилась.

С одной стороны, после введения санкций в 2015 г. доля данных стран в товарообороте с Россией по сравнению с 2014 г. постепенно снижалась: с государствами Европейского союза (далее – ЕС) она уменьшилась с 44,5 до 40 %, с США – до 4,2 %, с Японией – до 4 %. К 2021 г. на страны ЕС приходилось 35,9 % российского товарооборота, на США – 4,8 %, на Японию – 2,5 %, в настоящее время их доля составила 15 %, 0,73 % и 1,3 % соответственно³. Однако в стоимостном выражении в отдельные периоды эти показатели не только не сокращались, но, наоборот, возрастали. В первую очередь это касалось США и Японии (в частности, экспорт авиадвигателей из РФ в США продолжал увеличиваться).

С другой стороны, товарооборот с дружественными странами имел тенденцию к возрастанию. Так, по данным Министерства экономического развития РФ, по итогам 2023 г. доля дружественных стран в торговом обороте России превысила 75 %, что составило более 80 % в российской внешней торговле, хотя в 2021 г. было менее половины⁴.

Началом развития торговых отношений с азиатскими государствами (прежде всего с Китайской Народной Республикой (далее – КНР, Китай), Индией и другими странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее – АТЭС) и АСЕАН (англ. Association of South East Asian Nations – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) послужило принятие доктрины «Поворот на Восток», которая в большей степени была реализована после 2022 г. Однако уже 2018 г., начало торговой войны США и Китая, привел к росту товарооборота с ведущей азиатской страной – КНР, который нашел в лице России замену своему американскому партнеру. После 2019 г. его доля в товарообороте РФ достигала 16,6 % и продолжала сохраняться на высоком уровне в последующие годы.

Среди дружественных стран основными партнерами России в 2024 г. были Китай (доля в товарообороте России в январе-октябре 2024 г. составила 33,8 %), Индия (8,8 %), Турция (8,3 %), Белоруссия (7,1 %), Казахстан (4 %) и Узбекистан (1,4 %)⁵.

При этом стоит отметить, что особенно усилились торговые отношения РФ с ее ближайшими партнерами – членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), Союза независимых государств (далее – СНГ), а также БРИКС. Создание зоны свободной торговли стран ЕАЭС с Ираном и Вьетнамом усилило взаимный товарооборот между ними, а также между странами АСЕАН и АТЭС. Так, в январе-ноябре 2023 г. торговля России с Мьянмой увеличилась на 167 %, с Сингапуром – на 112 %. Положительная динамика в торговле наблюдалась с такими странами, как Лаос – увеличение на 17 % [5], Камбоджа – на 15 %⁶, Вьетнам – на 8 %, а также с государствами Африки.

Основными товарами становятся товары традиционного экспорта для России: минеральные ресурсы, доля которых в экспорте страны за последние два года вновь выросла и достигла 60 %, в то время как еще в 2010-е гг. эта доля сократилась в пользу неэнергетического несырьевого экспорта. Это связано с потребностью «новых» торговых партнеров. Так, если до 2022 г. Индия не импортировала из России нефть, то в 2023 г экспорт нефти в Индию составил 49 млрд долл. США. Несмотря на некоторое снижение поставок этого сырья в 2024 г., они оставались достаточно высокими. Помимо нефти, Индия импортирует уголь в эквиваленте 4 млрд долл. США, удобрения – 2,4 млрд долл. США и ряд других

² WTO Stats. Official website. Режим доступа: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ WTO Statistics. Trade and tariff indicators. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/statistics_maps_iframe_e.htm?country_selected=RUS&optionSelected=3 (дата обращения: 17.04.2025).

⁴ Ткачев И., Виноградова Е. Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39?ysclid=m5r94m35up605782889> (дата обращения: 17.04.2025).

⁵ Там же.

⁶ Владимир Ильичев: по итогам 2023 года доля дружественных стран во внешней торговле России составляет более 75 %. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/vladimir_ilychev_po_itogam_2023_goda_dolya_druzhestvennyh_stran_vo_vneshney_torgovle_rossii_sostavlyayet_bolee_75.html?ysclid=m5zv6o1s1l862386919 (дата обращения: 17.04.2025).

товаров. Китай также выступает ведущим импортером нефти из России. В 2023 г. КНР импортировала рекордные 107 млн т российской сырой нефти, что на 24 % больше, чем в 2022 г., и в стоимостном выражении это составило 60,6 млрд долл. США [6].

При этом стоит отметить, что и продукция других отраслей экономики нашла отражение в экспорте азиатских стран (в том числе зерновые культуры, продукция животноводства и др.). Потребность в данных товарах и рост отдельных стран в товарообороте связаны еще и с политикой реэкспорта, которую активно проводили некоторые государства. Из-за дисконта, по которому продается нефть, экспортируемая Россией в другие страны, продукция из них становится более дешевой. Кроме того, РФ не имеет достаточно логистических маршрутов, чтобы продавать свои товары напрямую, что также позволяет расширять реэкспорт. Благодаря реэкспорту осуществляется торговля и с недружественными странами. В частности, Индия реализует нефтепродукты в страны ЕС.

Однако растет экспорт не только минеральных ресурсов, появляются новые запросы на товары из России со стороны таких государств, как Вьетнам, Китай и т.д. Многим из этих стран (например, Вьетнаму и Китаю) Россия интересна не только как экспортер, но и как импортер их продукции. Рынок РФ достаточно емкий, что позволяет аккумулировать высокотехнологичные товары с рынков данных стран. Так, товарооборот Вьетнама за 2024 г. вырос на 24 %. Несмотря на то, что плановых цифр (в 10 млрд руб. к 2020 г.) пока не достигнуто, последний визит Председателя Правительства России М.В. Мишустина⁷ в данную страну говорит об оптимизме в развитии торговых отношений между государствами. В то же время, несмотря на уход из России ведущих международных компаний, значительного отказа от рынков сбыта их товаров не произошло, поэтому наращивание продукции на предприятиях данных стран приводит к росту импорта РФ. Кроме того, замещение происходит и на отечественную продукцию этих стран, например Китая, который не только увеличивает поставки тех же легковых автомобилей, но и активно открывает заводы по производству товаров в России.

Однако импорт товаров из азиатских стран, кроме Китая, не столь обширен, как экспорт, поэтому торговый баланс со многими из них активен. Особенно это касается такой страны, как Индия, где дефицит торгового баланса с Россией составил 57,2 млрд долл. США. Аналогичная ситуация имеется и в отношениях с Сингапуром. Проблема активного торгового баланса со странами с неконвертируемой валютой привела к необходимости не столько пересмотра торговых отношений, сколько ее решения в финансовой области путем расширения торговли валютой и использования валют данных государств в совместных инвестиционных проектах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что торговля с дружественными странами активно развивается, в частности, за счет реэкспорта из дружественных стран (например, продукция из ЕС попадает в РФ через Киргизию) меняется структура товарооборота с этими государствами.

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ

В то же время стоит отметить, что и в торговле с дружественными государствами существует ряд проблем. Примером могут служить санкции, которые были введены в 2024–2025 гг. на танкеры, перевозящие нефть, что способно привести к серьезному сокращению ее поставок в основные страны-партнеры – Китай и Индию. Уже начало 2025 г. привело к тому, что два ведущих морских порта КНР и Индии, которые в большей степени принимали нефть из России, из-за опасения вторичных санкций не разгружают суда. Впоследствии это может вызвать снижение цены на нее и уменьшение объема продаваемой нефти в страны ОПЕК (англ. Organization of the Petroleum Exporting Countries – Организация стран-экспортеров нефти). Исходя из этого обстоятельства, важно переориентировать торговлю с данными государствами на экспорт несырьевого, неэнергетического сектора.

С другой стороны, санкции на расчеты в долларах приводят к расширению торговли в национальных валютах. Так, если в 2021 г. доля расчетов национальными валютами составляла 13 %, то к концу 2024 г. она возросла до 45 %⁸. Это приводит к проблемам с избытком неконвертируемой валюты и необходимостью ее использования. Вторая проблема связана с волатильностью данных валют, что приводит к неустойчивости в торговле, волатильности цен на товары и убыткам той или иной страны, так

⁷ Алта-Софт. Товарооборот РФ и Вьетнама в 2024 году увеличился на 24 %. Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/116137/?ysclid=m8gzv32qar711382438 (дата обращения: 17.04.2025).

⁸ Интерфакс. Доля рублевых платежей во внешнеторговом обороте РФ выросла в сентябре до рекордных 45,3 %. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/993143> (дата обращения: 17.04.2025).

как цены на биржевые товары, такие как нефть и зерно, важнейшие для многих дружественных стран, складываются на биржах и котируются в долларах. Однако проблема не только в валюте расчетов, но и в возможности проведения таких расчетов. Отключение от СВИФТ не дает возможности быстрого перевода денежных средств от импортера к экспортеру. Прямые корреспондентские отношения с банками не всегда присутствуют, до сегодняшнего времени они были только с крупными банками. Многие из них находятся под санкциями, что тоже грозит странам вторичными санкциями. Решением проблемы стали расчеты через третьи страны, но это долго и нерентабельно. Кроме того, так как расчеты ведутся в национальных валютах, это осложняется конвертацией валют. В результате отсутствие единой платежной системы с дружественными странами тормозит торговлю между ними.

«Мир» находится под санкциями, и поэтому ею также пользоваться невозможно. Вместе с тем имеется положительный опыт совместного функционирования платежных систем. Вследствие объединения двух платежных систем (России и Ирана) расчеты в национальных валютах данных стран за взаимную торговлю составляли на конец 2024 г. 96 %⁹. Предполагается, что должна быть создана подобная система со странами БРИКС, но пока это только прогнозы.

Серьезной проблемой для торговых партнеров РФ в области международных экономических отношений становятся и вторичные санкции, которые могут быть наложены на государство. Тем самым многие страны не в полной мере заинтересованы в торговле с Россией, и торговля растет меньшими темпами, чем могла бы. Все это приводит к необходимости поиска альтернативных форм международных расчетов в современных условиях.

МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДОЛЛАРУ И ЕВРО

Рассмотрим модели международных расчетов, альтернативные доллару и евро. К ним относят следующие.

1. По рублевой зоне. Одними из наиболее приоритетных направлений развития международных расчетов для РФ являются расширение рублевой зоны и максимизация использования российской валюты. Это достигается путем обоюдного котирования валют на российских биржах и биржах дружественных стран. Наибольший объем расчетов в рублях осуществляется с Республикой Беларусь, а также с подавляющим большинством стран СНГ. Расчеты в рублях с государствами, входящими в ЕАЭС, превышают 85 %, в то время как еще в 2022 г. они составляли около 70 %. В целом же со всеми странами в 2024 г. 41 % расчетов осуществлялось в рублях, что демонстрирует положительную динамику в использовании рубля как валюты платежа. Активнее всего выросло использование рубля и валют дружественных стран в торговле с государствами Азии – почти в три раза, Карибского бассейна – более чем в три раза, Африки – более чем в 8 раз (2023 г.)¹⁰, (табл. 1).

Таблица 1

Изменение структуры внешнеторговых платежей

Территория	Платеж	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего	В российских рублях	15,0	14,8	14,3	27,8	39,0
	В валютах государств и территорий по перечню	83,9	83,8	84,6	63,6	31,6
	В прочих валютах	1,1	1,3	1,0	8,6	29,4
Азия	В российских рублях	23,5	19,7	20,3	28,3	36,2
	В валютах государств и территорий по перечню	74,3	77,7	77,3	55,3	28,1
	В прочих валютах	2,2	2,6	2,5	16,4	35,7

⁹ Ежов А. Россия и Иран увеличили расчеты в национальных валютах до 96 %. Режим доступа: <https://www.ridus.ru/rossiya-i-iran-uvlechili-raschety-v-nacvalyutah-do-96-546474.html> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Финан. Доля ЕС в товарообороте России после санкций снизилась более чем в 2 раза. Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/dolya-es-v-tovarooborote-rossii-posle-sanktsiy-snizilas-bolee-chem-v-2-raza-20240208-1607/> (дата обращения: 17.04.2025).

Окончание табл. 1

Территория	Платеж	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Америка	В российских рублях	17,8	17,2	14,2	14,4	22,8
	В валютах государств и территорий по перечню	82,2	82,8	85,8	85,3	74,8
	В прочих валютах	0,0	0,0	0,0	0,3	2,4
Африка	В российских рублях	2,7	1,9	1,7	14,5	37,8
	В валютах государств и территорий по перечню	75,0	85,4	83,1	71,9	13,9
	В прочих валютах	22,3	12,7	15,2	13,6	48,3
Европа	В российских рублях	11,5	12,3	11,6	27,7	49,3
	В валютах государств и территорий по перечню	88,2	87,3	88,3	69,9	43,2
	В прочих валютах	0,3	0,4	0,1	2,4	7,5
Карибский бассейн	В российских рублях	7,2	13,8	35,0	57,0	77,8
	В валютах государств и территорий по перечню	90,2	81,6	61,0	41,6	19,9
	В прочих валютах	2,6	4,6	4,1	1,3	2,4
Океания	В российских рублях	9,2	11,0	13,8	23,3	25,7
	В валютах государств и территорий по перечню	90,8	89,0	86,2	62,7	18,6
	В прочих валютах	—	—	—	14,0	55,7

Примечание: данные представлены в %

Составлено авторами по материалам источника¹¹

При этом стоит отметить значительный рост доли рублевых расчетов с Европой, которая составила в ноябре 2024 г. 65 %¹². Причиной такого роста выступает оплата энергоносителей за рубли. Поэтому несмотря на снижение взаимного товарооборота, доля расчетов в рублях возрастает. Увеличивается и доля рубля в расчетах с африканскими странами – 72,1 %, а азиатские страны предпочитают в качестве валюты платежа другие валюты, поэтому здесь она ограничивается 45,2 %. В то же время с отдельными государствами доля расчетов в рублях выше. Например, с Ираном она составила 95 % к концу 2024 г.

В целом следует отметить, что платежи рублями в большей степени используются в экспортных операциях [7], а именно за продажу товаров энергетического, сырьевого секторов, а также продукции сельского хозяйства, что является основой в структуре товарооборота России. Кроме того, рублю отдают предпочтение в качестве оплаты национальными валютами в тех странах, валюта которых более волатильна, нежели рубль, например в Турции (табл. 2).

2. По юаневой зоне. Представляет собой ряд стран, включающих Россию, ведущих валютный обмен национальной валюты и юаня. В связи с тем, что рубль также напрямую конвертируется в юань, существует возможность торговли с данными странами без использования валют недружественных государств, а это, в свою очередь, обеспечивает распространение юаня в мировых расчетах. Увеличение торговли России с другими государствами в юанях способствует сближению как национальных платежных систем России и КНР, так и стран в целом. В то же время это может привести к большей зависимости РФ в области международных расчетов и платежей от КНР¹³.

¹¹ Валютная структура поступлений за экспорт товаров и услуг по внешнеторговым контрактам по географическим зонам и валютам государств в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р, в процентах к итогу. Режим доступа: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/cur_str_new.xlsx (дата обращения: 17.04.2025).

¹² TSTPP. Доля рубля в расчетах с Европой достигла исторического максимума. Режим доступа: <https://tstpp.ru/2024/12/20/dolya-rublya-v-raschetah-s-evropoj-dostigla-istoricheskogo-maksimuma/> (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Ведомости. В Пекине призвали к созданию юаневой зоны мировой экономики. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/14/834581-v-pekine-prizvali-k-sozdaniyu-yuanevoi-zoni?ysclid=m4irzl5bjp912961635> (дата обращения: 17.04.2025).

Удельный вес использования валют в структуре внешнеторговых платежей в 2022 г.

Валюта платежа	Экспорт		Импорт	
	Январь	Декабрь	Январь	Декабрь
Рубль и валюты дружественных стран, в том числе:	13	52	35	54
– рубль;	12	34	29	27
– юань;	0,5	16	4	23
– другие валюты дружественных стран	0,5	2	2	4
Токсичные валюты (валюты недружественных России стран)	87	48	65	46
Всего	100	100	100	100

Примечание: данные представлены в %

Составлено авторами по материалам источника¹⁴

Юань выступает с 2016 г. резервной валютой в корзине специальных прав заимствования (далее – СДР). Его доля в корзине валют имеет тенденцию к росту, что в немалой степени связано с уровнем развития экономики Китая и его ролью на мировой арене. Согласно последнему пересмотру корзины СДР (2022 г.), доля юаня выросла до 12,28 %. Расширение значимости юаня как резервной валюты приводит к возможности использования его как посредника при оплате национальными валютами.

3. Расчеты в иных валютах. Предполагают валютный обмен на клиринговую валюту, которая имеет пару с необходимой для импорта валютой. Данный метод способствует многостороннему развитию торговых отношений, реэкспорта подсанкционных российских товаров и приобретению практического опыта в трансграничных операциях в национальных валютах. На первых порах характеризуется дороговизной транзакций и неразвитостью инфраструктуры, а также может привести к рискам введения санкций против дружественных государств и их компаний. Наименее волатильной валютой является дирхам, который можно назвать близким к фиксированному по отношению к доллару¹⁵.

Примером подобного взаимодействия в рамках расчетных операций выступает создание в Индии своеобразного клирингового центра (рис. 1). Уполномоченные банки открывают иностранным банкам-корреспондентам специальные счета востро в рупиях. Экспортеры, получившие рупии за свои товары, могут использовать их в Индии как товарные и другие сделки и для инвестиций в ценные бумаги. Такие счета было разрешено заключить 22 странам, среди которых и РФ. Это позволяет осуществлять транзакции в рупиях без конвертации в доллары. Помимо этого, банки параллельно заключают двусторонние соглашения о трансграничных расчетах в национальных валютах. В 2023 г. индийский центральный банк подписал с Объединенными Арабскими Эмиратами (далее – ОАЭ) меморандум о взаимопонимании по организации схемы взаимных расчетов в рупиях и дирхамах, после чего была осуществлена первая закупка нефти в ОАЭ с оплатой в рупиях. Весной 2024 г. аналогичные меморандумы были заключены с Индонезией и Нигерией¹⁶.

Рассмотрим последовательность этапов описанной схемы:

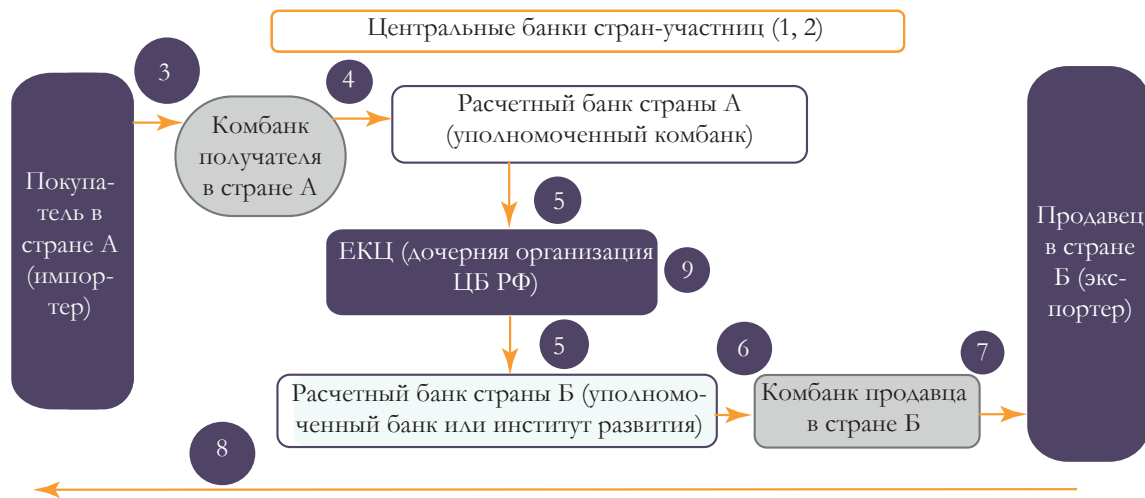
- создание Единого клирингового центра (далее – ЕКЦ) и национальных расчетных банков в своих странах (на основе межгосударственного клирингового(-ых) соглашения(-й), включающего(-их) установление клиринговой/национальной валюты);
- определение курсов национальных валют к клиринговой (или наднациональной) валюте;
- поручение на перечисление валюты страны А для оплаты товара;
- перечисление валюты страны А для оплаты товара;
- конвертация валюты страны А в клиринговую валюту;
- конвертация клиринговой валюты в валюту страны Б и перечисление ее в расчетный банк страны Б;

¹⁴Доля юаня в расчетах по экспорту из России в 2022 году подскочила с 0,5 % до 16 %. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/890332> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁵Ишполитова А. Центробанку порекомендовали развивать расчеты в рупиях, дирхамах и риалах. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/05/20809394.shtml?ysclid=m4iui1mh4d792662415> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁶РБК Отрасли. Как развиваются торговые расчеты России и Индии в национальных валютах. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/667ec0c89a79475e47456f23> (дата обращения: 17.04.2025).

- перечисление валюты страны Б для оплаты товара;
- получение на счет платы за товар в валюте страны Б;
- поставка товара (возможна авансовая поставка или одновременная с платежами);
- клиринг расчета по национальным валютам в ЕКЦ.

Примечание: комбанк – коммерческий банк; ЦБ РФ – Центральный банк РФ

Составлено авторами по материалам источника¹⁷

Рис. 1. Схема многостороннего клиринга валют

Значительную роль в расчетах между Индией и Россией играет «Сбер». Через имеющийся филиал в Индии он стал активно проводить операции с рупией – прямую конверсию рублей и рупий, хеджирование валютных рисков по рупии, прием депозитов и кредитование в рупиях, валютные переводы. В 2023 г. по сравнению с 2022 г. объем российско-индийских расчетов в рупиях и рублях через инфраструктуру «Сбера» увеличился в 11 раз. В I квартале 2024 г. порядка 60 % всех платежей за импорт из Индии в Россию прошли через «Сбер»¹⁸.

Таким образом, расширение использования национальных валют в международных расчетах открывает новые возможности России в этой сфере.

4. Криптовалюты, токены, золото. Данные формы международных платежей эффективны при торговле стран, находящихся под санкциями. Криптовалюты и токены имеют возможность конвертации в фиатные валюты, не подвержены централизованному контролю со стороны стран Запада, исключают большое количество посредников в сделках, что повышает прозрачность операций.

Рассмотрим возможности оплаты экспорта товаров золотом (рис. 2.)

Перечислим этапы описанной схемы:

- создание расчетных центров в своих странах;
- установление цены золота в национальных валютах;
- перечисление валюты страны А для оплаты товара (за счет покупки золота);
- покупка золота для оплаты товара;
- направление расписок по золоту в оплату товара + хранение золота;
- направление расписок по золоту для оплаты покупателем страны А товара в валюте страны Б;
- перерасчет золотого эквивалента в валюту страны Б и зачисление ее в банк продавца в стране Б;
- получение на счет оплаты за товар в валюте Б;
- поставка товара (возможна авансовая поставка или одновременная с платежами);
- взаимный учет (клиринг) расчетов по золоту (его хранение).

¹⁷ ВЭБ. Институт исследований и экспертизы. Модели международных расчетов, альтернативные евро-долларовой системе. Режим доступа: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_05/Modeli-mezhdunarodnyh-raschetov.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁸ ТАСС. Объем расчетов в нацвалютах РФ и Индии через Сбер в I квартале вырос в четыре раза. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/20986483> (дата обращения: 17.04.2025).

Примечание: драгметалл – драгоценный металл

Составлено авторами по материалам источника¹⁹

Рис. 2. Схема оплаты экспорта золотом

Таким образом, появляются новые формы оплаты международных сделок, помимо валюты, что расширяет границы международного сотрудничества.

Оплату в золоте и других драгметаллах можно осуществлять через Индийскую международную биржу драгметаллов (англ. India International Bullion Exchange). Биржа позволяет производить расчеты в физических слитках, с их физическим перемещением или без, и в виде депозитарных расписок на слитки. Также существует опыт ОАЭ в создании токена на грамм золота, при котором каждый токен обеспечен физическим золотом высшей пробы, хранящимся в свободной экономической зоне DMCC (англ. Dubai Multi Commodities Centre – Дубайская многопрофильная товарно-сырьевая биржа). После приобретения токена регистрируются права собственности на товары в ОАЭ.

5. Бартерные сделки, векселя. Такие схемы межгосударственного обмена стали использоваться с недавних пор ввиду высоких издержек вывода средств с зарубежных счетов дружественных стран. Большого распространения данный метод не получил, и перспективы его сомнительны ввиду первопричины отказа в пользу денег – проблем в обоюдной оценке стоимости товаров²⁰. Однако развивается такая форма встречной торговли, как компенсационная, при которой контрагенту открывается счет экскроу в национальной валюте и он может приобрести любой товар в данной стране.

6. Использование единой цифровой валюты BRICScoin. Поддерживается не всеми странами. Потенциально ее применение может быть одной из эффективных форм международных расчетов ввиду большой заинтересованности мирового сообщества в создании независимого механизма расчетов. Срок реализации довольно велик, а сам прецедент вызывает неодобрение стран Запада и чреват поднятием таможенных пошлин. Курс и стабильность такой валюты могут определяться на основе металлической, валютной или товарной корзины^{21,22}.

7. BRICS Bridge. Наряду с СПФС, система будет одним из способов замены SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи). Идея, как и валюта БРИКС, находится на стадии обсуждения. Подобный опыт имеется в мировой практике (Mbridge), и он успешен, в связи с чем можно считать данную систему более вероятной, чем общую валюту БРИКС. Главным преимуществом данной системы, как и всего БРИКС, является отсутствие единого регулятора. Функционирует она по принципу блокчейна, одного из видов DLT (англ. digital ledger technology – технология распределенного реестра), что позволяет без одобрения других стран совершать практически мгновенные платежи²³.

¹⁹ ВЭБ. Институт исследований и экспертизы. Модели международных расчетов, альтернативные евро-долларовой системе. Режим доступа: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_05/Modeli-mezhdunarodnyh-raschetov.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

²⁰ РБК. В Минэкономки придумали, как помешать манипуляциям в сделках по бартеру. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/28/11/2023/6565a6dc9a794755297491ba?ysclid=m4iutsrhyw906521079> (дата обращения: 17.04.2025).

²¹ Конева В., Маматина А. Расширение БРИКС и единая валюта: как это может изменить мировую экономику. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18684589?ysclid=m4iuybkqqr389174415> (дата обращения: 17.04.2025).

²² Строители платформ: что мешает созданию единого платежного механизма стран БРИКС. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/523569-stroiteli-platform-cto-mesaet-sozdaniu-edinogo-plateznogo-mehanizma-stran-briks?ysclid=m4iv09gre0164243601> (дата обращения: 17.04.2025).

²³ Бабкин Д. БРИКС рассчитается цифровыми активами. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6762141?ysclid=m4ivg1i4nw609530689> (дата обращения: 17.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исходя из сложившихся геополитических обстоятельств, можно сделать однозначный вывод, что уповать на одну конкретную систему международных расчетов не стоит, нужно иметь в запасе необходимое и достаточное количество методов, чтобы обеспечивать взаимные расчеты со всеми странами, которые ориентированы на развитие экспортно-импортных отношений с Россией.

Во-первых, различный ассортимент видов оплат становится предпочтительным в силу привлечения большего количества зарубежных партнеров. Обуславливается это тем, что некоторые страны, может быть, и хотели бы иметь с РФ торговые отношения (увеличить объем торговли), но либо они не в состоянии за это рассчитаться (получить оплату), либо расчет (оплата) сопровождается высокими транзакционными издержками, минимизирующими выгоду подобных торговых связей.

Во-вторых, тенденции развития экономических отношений со странами Запада показывают, что технологии ведения информационно-торговых войн если не идеальны, то крайне эффективны. Сегодня учащаются прецеденты с введением целенаправленных санкций против компаний, персональных лиц и конкурентных отраслей. Повсеместно применяется политика отмены через лидеров общественного мнения, если изначально страна (компания) имеет собственное мнение. В связи с этим необходимо иметь способы международных операций, которые будут обеспечивать сохранение коммерческой тайны между двумя сторонами торговых отношений.

Наиболее перспективным направлением международных отношений является расширение рублевой зоны. Увеличение количества валютных пар с рублем, введение обязательств по расчетам в национальных валютах с параллельным запретом на торговлю в долларах/евро приведут к усилению рубля по отношению к более востребованным валютам.

Также одним из наиболее реальных для реализации выглядит проект BRICS Bridge, как отмечено выше, с принципиальными особенностями технологии блокчейна – невозможностью фальсификации и отсутствием необходимости одобрения недружественных стран. Этим плюсам сопутствуют низкие транзакционные издержки; токенизация товаров и услуг (права владения передаются мгновенно); возможность расчета стейблкоинами (обеспеченными физическим золотом); прямой обмен цифровых валют стран блока и т.п.

Список литературы

1. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления. Журнал Новой экономической ассоциации. 2022;3(55):218–226. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
2. Нарбут В.В., Шпаковская Е.П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023;2:131–148. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_131_148
3. Бударина Н.А., Ненадышина Т.С. Внешняя торговля России: тенденции и перспективы развития. Российский внешнеэкономический вестник. 2022;6:7–24. <https://doi.org/10.1024412/2072-8042-2022-5-7-24>
4. Стародубцева Е.Б., Володина В.Н., Медведева М.Б. Торгово-экономическое сотрудничество стран БРИКС в агросекторе: перспектива применения новых финансовых и валютных инструментов. Международный сельскохозяйственный журнал. 2024;3(399):317–321. <https://doi.org/10.55186/25876740-2024-67-3-317>
5. Стародубцева Е.Б. Внешнеторговые отношения России и Вьетнама – перспективы развития. Банковские услуги. 2024;1:11–19.
6. Сидоров А.А. Актуальные тенденции торговли товарами России с ЕС и Китаем. Мир новой экономики. 2023;2(17):18–26. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-18-26>
7. Перцева С.Ю., Перцева М.А. Трансформация роли России в мировой торговле. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024;4–3:476–480. <https://doi.org/10.17513/vaael.3449>

References

1. Ushkalova D.I. Russia's foreign trade under sanctions pressure. Journal of the New Economic Association. 2022;3(55):218–226. (In Russian). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
2. Narbut V.V., Shpakovskaya E.P. Russia's foreign trade trends under sanctions. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023;2:131–148. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_131_148
3. Budarina N.A., Nenadyshina T.S. Foreign trade of Russia: trends and development prospects. Russian Foreign Economic Journal. 2022;6:7–24. (In Russian). <https://doi.org/10.1024412/2072-8042-2022-5-7-24>

4. *Starodubtseva E.B., Volodina V.N., Medvedeva M.B.* Trade and economic cooperation of the BRICS countries in the agricultural sector: the prospect of using new financial and currency instruments. *International Agricultural Journal*. 2024;3(399):317–321. (In Russian). <https://doi.org/10.55186/25876740-2024-67-3-317>
5. *Starodubtseva E.B.* Foreign trade relations between Russia and Vietnam – prospects for development. *Banking Services*. 2024;1:11–19. (In Russian).
6. *Sidorov A.A.* Current trends in Russian trade in goods with the EU and China. *The world of new economy*. 2023;2(17):18–26. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-18-26>
7. *Perseva S.Yu., Perseva M.D.* Transformation of Russia's role in global trade. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*. 2024;4–3:476–480. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vael.3449>

Эконометрическая оценка влияния макроэкономических явлений на российский рынок акций

Евдокименко Илья Валерьевич^{1,2}

Магистрант¹, специалист планово-экономического отдела²
ORCID: 0009-0009-4175-5817, e-mail: ilya.evdokimenko.2002@mail.ru

Юдинцева Лариса Анатольевна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и бизнеса
ORCID: 0000-0001-8597-4928, e-mail: yl2009@mail.ru

Толкачёва Дарья Алексеевна^{1,3}

Магистрант¹, главный эксперт отдела правового и информационного обеспечения³
ORCID: 0009-0003-4630-2514, e-mail: tolkacheva.2002@list.ru

¹Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «Угольная компания „Разрез Бейский“», г. Абакан, Россия

³Государственный комитет по регулированию контрактной системы в сфере закупок Республики Хакасия, г. Абакан, Россия

Аннотация

В работе рассмотрено влияние макроэкономических явлений на российский рынок акций. В качестве методов исследования использовались аналитические методы сбора и обработки информации, корреляционный анализ, построение прогнозной модели парной линейной регрессии методом наименьших квадратов, эконометрические методы оценки качества прогнозной модели. Целями настоящего исследования выступают проведение эконометрического анализа и оценка влияния макроэкономических явлений на российский рынок акций. Дана общая характеристика акции как вида ценных бумаг. Проанализированы тенденции российского рынка акций в период 2017–2024 гг. Определены макроэкономические явления, способные воздействовать на динамику данного рынка, для количественной оценки влияния конкретизированы макроэкономические показатели. Проведен корреляционный анализ данных, построена прогнозная эконометрическая модель. Сделан вывод о том, что эконометрические прогнозные модели могут быть статистически значимы, однако при этом их практическое использование для прогнозирования тенденций на рынке ценных бумаг в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе маловероятно, поскольку в условиях нестабильности современной экономики Российской Федерации возникают новые экономические, социальные, новостные и психологические факторы, не учтенные при построении модели.

Ключевые слова

Рынок акций, курс доллара, индекс Московской Биржи, эконометрическое прогнозирование, линейная регрессия, корреляционный анализ, макроэкономические показатели, влияние новостных шоков, финансовая система

Для цитирования: Евдокименко И.В., Юдинцева Л.А., Толкачёва Д.А. Эконометрическая оценка влияния макроэкономических явлений на российский рынок акций // Вестник университета. 2025. № 7. С. 157–169.

Econometric assessment of the impact of macroeconomic phenomena on the Russian stock market

Ilya V. Evdokimenko^{1,2}

Graduate Student¹, Specialist of the Planning and Economic Department²
ORCID: 0009-0009-4175-5817, e-mail: ilya.evdokimenko.2002@mail.ru

Larisa A. Iudintseva¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Business Department
ORCID: 0000-0001-8597-4928, e-mail: yl2009@mail.ru

Daria A. Tolkachyova^{1,3}

Graduate Student¹, Chief Expert of the Legal and Information Support Department³
ORCID: 0009-0003-4630-2514, e-mail: tolkacheva.2002@list.ru

¹Khakassian State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russia

²Limited Liability Company “Coal Company Razrez Beyskiy”, Abakan, Russia

³State Committee for Regulation of the Contract System in the Field of Procurement of the Republic of Khakassia, Abakan, Russia

Abstract

The article examines the impact of macroeconomic phenomena on the Russian stock market. The following research methods are used: analytical methods for collecting and processing information, correlation analysis, construction of a predictive model of paired linear regression by the least squares method, econometric methods for evaluating the quality of the predictive model. The purposes of this study are to conduct an econometric analysis and assess the impact of macroeconomic phenomena on the Russian stock market. A general description of shares as a type of securities is given. The trends of the Russian stock market in the period 2017–2024 are analysed. The macroeconomic phenomena capable of influencing the dynamics of the market have been identified, and macroeconomic indicators have been specified to quantify the impact. A correlation analysis of the data is carried out, and a predictive econometric model is constructed. It is concluded that econometric forecasting models can be statistically significant, but their practical use for predicting trends in the stock market in the medium and even long-term perspective is unlikely, since in the conditions of instability of the modern Russian economy, new economic, social, news, and psychological factors arise that are not taken into account when constructing the model.

Keywords

Stock market, dollar exchange rate, Moscow Exchange index, econometric forecasting, linear regression, correlation analysis, macroeconomic indicators, impact of news shocks, financial system

For citation: Evdokimenko I.V., Iudintseva L.A., Tolkachyova D.A. (2025) Econometric assessment of the impact of macroeconomic phenomena on the Russian stock market. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 157–169.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире рынок акций является структурированной и регулируемой частью финансового сектора, где осуществляется перераспределение денежных средств с помощью купли-продажи ценных бумаг. Фондовый рынок выступает важным механизмом экономического развития, позволяющим преобразовывать сбережения в инвестиции. В настоящее время российская экономика переживает период нестабильности. В таких условиях конечный успех инвестиций на российском фондовом рынке определяется множеством факторов, среди которых ключевыми являются управленческие решения руководства компаний, макроэкономическая политика, проводимая регуляторами экономики, и геополитическая стабильность. В связи с этим в условиях кризиса изучение тенденций на рынке акций, а также факторов их формирования приобретает особую значимость.

Целями написания данной работы выступают проведение эконометрического анализа и оценка влияния макроэкономических явлений на российский рынок акций.

Для достижения целей работы определены следующие задачи:

- проанализировать тенденции российского рынка акций;
- определить теоретическую взаимосвязь между макроэкономическими явлениями и данным рынком;
- провести анализ тесноты связи между динамикой макроэкономических показателей и показателями рынка акций;
- построить прогнозную модель, основанную на результатах эконометрического анализа, оценить качество получившейся модели.

Объектом исследования работы является российский рынок акций. Предметом – эконометрический анализ взаимосвязи и влияния на него макроэкономических явлений.

Практическая значимость исследования заключается в проверке следующей гипотезы: в современной экономической системе все взаимосвязано, поэтому агрегированные макроэкономические показатели способны влиять на динамику и тенденции показателей российского рынка акций. Следовательно, инструменты эконометрического прогнозирования позволяют использовать их для качественного прогнозирования цены российских акций.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В последние десятилетия исследование взаимосвязи между макроэкономическими показателями и рынком акций стало одной из ключевых тем в области финансового сектора, именно поэтому ежегодно растет количество научных работ, посвященных данной проблеме.

В своей статье А.Д. Байзитова приходит к заключению, что наиболее существенное влияние на рынок акций оказывают такие факторы, как геополитические происшествия, макроэкономические показатели, корпоративные новости, а также решения регулирующих со стороны государства участников финансового рынка [1].

Влияние финансовых кризисов на российский рынок акций исследуют в своей статье А.А. Тимофеева и Д.В. Гуринова. В работе авторами проанализирована динамика индекса Московской Биржи (далее – МосБиржа) в совокупности с ценами на нефть и ключевой ставкой Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ). Результаты исследований показали наличие связи данных макроэкономических показателей с российским рынком акций [2].

Г.Г. Паул и Д.В. Шкирко применяют макроэкономические инструменты для прогнозирования курса акций. Для выявления зависимости конечных, включенных в прогнозную модель показателей авторы строят корреляционную матрицу. Затем авторы составляют модель множественной линейной регрессии, на основе которой будет прогнозироваться курс акций. В результате прогнозная модель не имела мультиколлинеарности и автокорреляции, была адекватной, а следовательно, пригодна для прогноза [3].

На практике существуют и другие примеры прогнозирования показателей рынка акций. Так, например, О.А. Баяк и Д.В. Берзин в своей статье для прогнозирования стоимости акций используют метод экспоненциального сглаживания и экстраполяции приближенным выражением для многочлена Тейлора. В итоге авторы приходят к выводу, что прогнозирование акций подобным методом обеспечивает приемлемую для практики точность [4].

Для определения взаимосвязи между макроэкономическими факторами и рынком акций не все исследователи используют математические методы. В работе «Влияние макроэкономических факторов на динамику фондового рынка России» авторы М.Р. Нарзуллоев и А.С. Дуйсембаева логически приходят к следующему: инфляция может влиять на фондовые рынки, положительную динамику имеют акции компаний, способных переносить на потребителя через повышение цен рост собственных издержек; изменение процентных ставок непосредственно сказывается на стоимости компаний-эмитентов [5].

Н.А. Головин, И.А. Азанова, В.Д. Балабаев, К.Д. Гладких в своей работе «Основы взаимосвязи инфляционных ожиданий и фондового рынка» смогли показать, что одним из основных факторов, влияющих на фондовый рынок, являются инфляционные ожидания экономических агентов [6].

Существующие исследования показывают, что российский рынок акций находится под влиянием разнообразных макроэкономических факторов. Также в различные периоды последние могут по-разному воздействовать на рынок акций. Наиболее эффективными инструментами для изучения такого воздействия, его количественной оценки, а также прогнозирования могут стать эконометрические методы и показатели для построения прогнозных экономических моделей.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО РЫНКА АКЦИЙ

Акцию можно охарактеризовать как эмиссионную ценную бумагу, которая подтверждает права ее владельца (акционера) на получение части прибыли эмитента ценной бумаги в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом (далее – АО) и на часть оставшегося имущества в случае ликвидации АО. Акции не ограничены временными рамками и по сути являются бессрочными, однако они могут прекращать существование при ликвидации АО по решению акционеров из-за банкротства или реорганизации.

Согласно части первой Гражданского кодекса Российской Федерации акция является одним из видов ценных бумаг, к которым также относятся облигация, вексель, чек, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда и др.

Сегодня инвесторы российского биржевого рынка подразделяют все размещенные на МосБирже акции на три эшелона. Критерием их разделения по группам служат капитализация компании, ликвидность ценных бумаг, волатильность и т.д.

Такая классификационная система сформировалась для упрощенного ориентирования на рынке ценных бумаг. Стоимость акций может мгновенно меняться под воздействием определенных факторов; система с эшелонами помогает трейдерам в оценке перспектив стоимости акции и их надежности.

Для акций из первого эшелона характерны компании с высокой капитализацией и стабильным доходом. Они обычно имеют высокую ликвидность и пользуются особым спросом, что позволяет участникам торговой сессии быстро и беспрепятственно покупать и продавать данные активы. Примерами выступают «Роснефть», «Газпром», «Сбербанк» и т.д. Еще одной особенностью компаний из первого эшелона, актуальной на сегодняшний день, является наличие финансовой отчетности. Часто стабильность и информационная доступность делают такие организации наиболее предпочтительными для долгосрочного инвестирования.

Во втором эшелоне сосредоточены акции крупных и средних компаний, однако от компаний, входящих в первый эшелон, их отличает следующее:

- средняя ликвидность, означающая потенциальные трудности в продаже акций при определенных ситуациях на рынке. Также, как правило, среди профессиональных инвесторов такие бумаги пользуются меньшей популярностью;
- акции сильнее подвержены информационным вбросам, из-за чего появляется высокая волатильность, спреда выше, чем у акций первого эшелона. Это нельзя расценивать как строго положительное или отрицательное качество.

Акции компаний, не вошедших в первые два эшелона, относят к третьему. Они, как правило, менее ликвидны, сами компании относительно первых двух эшелонов имеют низкую капитализацию и нестабильные доходы. Обычно эти акции имеют низкий инвестиционный рейтинг, кроме тех, что недавно появились на рынке и просто не успели заработать положительную репутацию. Они крайне нестабильны, на их стоимость могут повлиять даже мелкие, казалось бы, незначительные для первых двух эшелонов факторы.

Внутри эшелонов все компании можно разделить на группы по отраслевым особенностям. Российский рынок акций разнообразен, однако выделим наиболее значимые и крупные секторы:

- нефтегазовый – один из наиболее весомых секторов российской экономики. Он представлен крупными по капитализации компаниями. Отличительной особенностью данной отрасли можно считать зависимость компаний от международных котировок на нефтяном, газовом рынках, а также от волатильности валютного курса национальной валюты. Крупнейшими представителями являются «Газпром», ЛУКОЙЛ, «Роснефть»;
- энергетический – отличие данного сектора от других в том, что он наименее зависим от макроэкономических показателей. В основном на рынке акций его представляют две крупнейшие энергетические компании – «РусГидро» и «Россети»;
- финансовый. Включает кредитные организации, страховые компании, биржи, инвестиционные и другие организации, предоставляющие финансовые услуги. Особенности заключаются в высокой подверженности экономическим кризисам, высоком уровне конкуренции внутри сектора и в зависимости от действий регулятора финансового рынка – ЦБ РФ. Лидерами по капитализации и величине прибыли являются «Сбербанк», ВТБ, МосБиржа;
- сектор добычи полезных ископаемых (кроме нефти и газа) и тяжелой промышленности – один из самых насыщенных по количеству компаний секторов, занимающийся добычей и переработкой полезных ископаемых. Основные индустрии – это черные и цветные металлы, уголь, алмазы. Компании, представляющие сектор, зависят от спроса на производимую продукцию на внутреннем и внешнем рынках. Крупнейшие эмитенты: «Норникель», «Полюс», АЛРОСА, «Северсталь»;
- потребительский. Представлен компаниями, которые занимаются розничной торговлей товарами первой и вторичной необходимости, в частности продажей продуктов и медицинских товаров. Данный сектор отличается высокой конкуренцией в каждой нише бизнеса, сбыт товаров ориентирован на внутренний рынок. Доминирующие компании-эмитенты занимаются продуктовым ритейлом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЫНОК АКЦИЙ

Изучая геополитические события, тенденции на международных рынках, можно также предсказать котировки биржевых индексов, что, в свою очередь, содействует обоснованному выбору при инвестировании в представленных на рынке эмитентов. Эта связь с социально-экономической ситуацией объясняется тем, что все компании в большей или меньшей степени зависят от деятельности государства, на территории которого они функционируют.

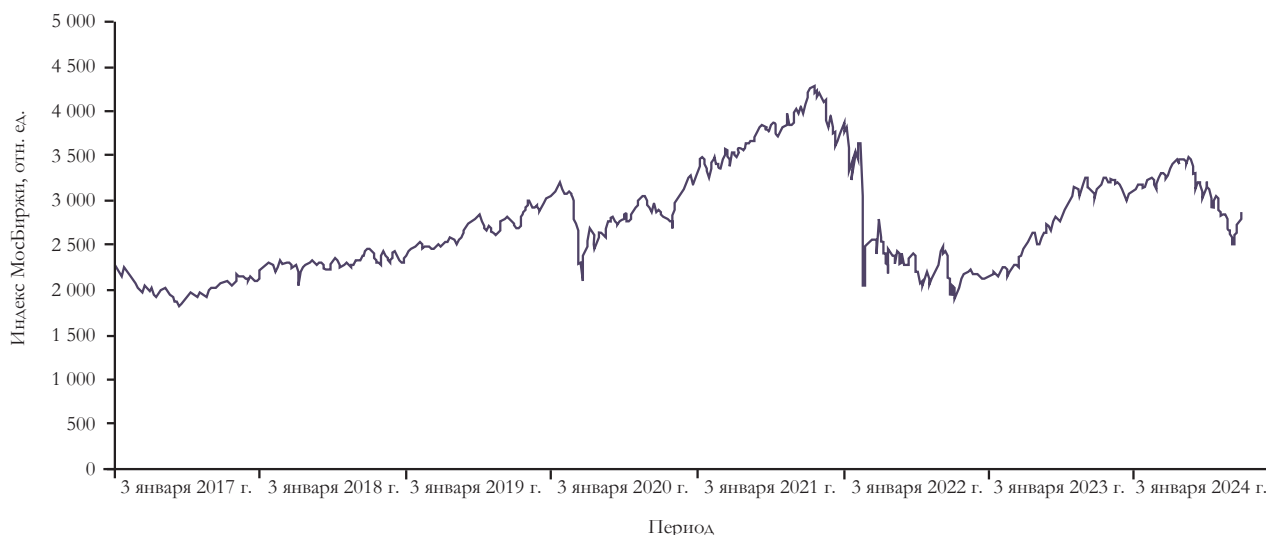
Поэтому без государственного регулирования деятельность рынка акций становится непредсказуемой. Разрабатывая и внедряя новые регулятивные нормы, контролирующие органы позволяют снизить волатильность курсов, развивают конкуренцию и поддерживают планомерное развитие компаний. Сущность такого регулирования проявляется в установлении норм при государственной регистрации эмиссионных акций, а также в обязательных требованиях для всех участников рынка. Также инвестиции на рынке акций способствуют концентрации и(или) перераспределению финансовых ресурсов между различными сферами и отраслями, кроме того, это влияет на перераспределение средств между различными субъектами экономики.

Индекс МосБиржи – это главный индикатор российского рынка акций. Он рассчитывается как средневзвешенный по общей капитализации индекс. При расчете в него входят только крупнейшие российские эмитенты [7] (рис. 1).

Анализируя динамику индекса МосБиржи, приведенную на рис. 1, можно выделить следующие временные отрезки, имеющие разнонаправленные тренды:

- январь 2017 г. – февраль 2020 г. Для данного периода характерен устойчивый рост индекса МосБиржи, который объясняется стабильной внешнеэкономической ситуацией, а также небольшими социальными расходами государственных бюджетов. Низкие темпы инфляции и, как следствие, низкая ключевая ставка сократили популярность банковских вкладов. Стоит отметить, что без цифровизации экономики и ряда процедур упрощения доступа к торгам на бирже индекс МосБиржи не достиг бы роста в 40 % за три года;
- конец февраля 2020 г. Котировки всего рынка акций начали резко падать из-за начавшейся всемирной пандемии. Резкое и краткосрочное падение цен было вызвано разовыми факторами, носящими исключительно психологический характер. Многие отрасли в период пандемии действительно переживали кризис, большинство снизили производственные мощности, однако совокупный спрос на рынке акций продолжал расти, вместе с ним до конца 2021 г. рос и индекс МосБиржи;

– 24 февраля 2022 г. Индекс МосБиржи за день потерял около 30 %. Причиной этому послужили внешняя геополитическая обстановка, санкционное давление и паническая распродажа российских акций. Практически год на рынке акций не было позитивных изменений. Только после того, как российская экономика смогла частично перестроиться, наладить новые международные контакты, восстановить производственные процессы, индекс МосБиржи тоже начал восстанавливаться. В условиях мягкой денежно-кредитной политики он достиг уровня 2021 г., однако повышение ключевой ставки и борьба с инфляцией стали причиной оттока капитала в банковский сектор, что остановило рост котировок на рынке ценных бумаг.

Составлено авторами по материалам источника¹

Рис. 1. Динамика индекса МосБиржи в период с 3 января 2017 г. по 30 сентября 2024 г.

На сегодняшний день наличие развитого фондового рынка является обязательным критерием для успешного развития экономики государства [8]. Основными функциями рынка ценных бумаг являются перераспределение и аккумуляция вовлеченного в него капитала. С помощью этих функций он способен оказывать сильное влияние на множество экономических процессов, однако сам фондовый рынок подвержен воздействию многих факторов, наиболее весомыми из которых будут изменения макроэкономических показателей [9]. Понимание степени влияния различных факторов на рынок акций крайне важно как для инвесторов, самих компаний-эмитентов, так и для государства, действия которого направлены на законодательное регулирование рынка ценных бумаг.

Все макроэкономические факторы, способные оказать влияние на фондовый рынок, можно разделить на две группы. Первая – это макроэкономические показатели, которые представлены в виде определенных статистических данных. Вторая – макроэкономические явления, а именно экономические и новостные шоки, которые невозможно измерить количественно.

Для понимания оптимизации фондового рынка крайне важно среди огромного количества существующих факторов определять наиболее значимые, то есть те, к которым рынок ценных бумаг особенно чувствителен. Под оптимизацией понимаются развитие рыночных механизмов и методов регулятивного воздействия, а также создание наиболее благоприятного инвестиционного климата в стране [10].

Существует множество исследований как отечественных, так и иностранных авторов, посвященных воздействию макроэкономических показателей на рынок ценных бумаг. Изучая литературу по данной теме, можно подчеркнуть, что подавляющее большинство исследователей рассматривают влияние следующих переменных:

– инфляция. Величина этого показателя обратно пропорционально связана с покупательской способностью денег. В условиях повышенных инфляционных процессов на рынке остаются только наиболее сильные участники, а граждане, стремясь минимизировать инфляционные риски, предпочитают размещать свободные средства в доступные финансовые инструменты, а не хранить их в наличной форме;

¹ Банк России. Финансовые рынки. Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/finr/> (дата обращения: 25.03.2025).

– ключевая ставка. Повышение ключевой ставки делает кредиты дороже, из-за чего снижается потребительский спрос и замедляется экономика. Также это негативно сказывается на акциях компаний, так как при прочих равных ожидается уменьшение прибыли, а в банковском секторе, напротив, проценты по депозитам растут. Снижение ключевой ставки делает кредиты доступнее, стимулирует инвестиции и потребление, что обычно положительно отражается на фондовом рынке;

– валютный курс. Динамика курса национальной валюты к зарубежной напрямую отражается на курсах акций компаний-экспортеров. В случае укрепления национальной валюты у них снижается конкурентоспособность, так как их товары становятся дороже для иностранных покупателей. Компании-импортеры, напротив, выигрывают от укрепления национальной валюты: у них снижаются издержки на импортные товары и сырье;

– цены на золото. За многие годы золото заработало репутацию устойчивого к экономическим кризисам финансового инструмента. Люди стали использовать его покупку как хедж против растущей инфляции. Соответственно, рост спроса на драгоценный металл может указывать на экономическую нестабильность и отток капитала с рынка акций.

Одна из наименее изученных в современной экономике проблем – это проблема оценки влияния информационных потоков на тенденции рынка акций, так называемый информационный фактор. Он должен быть представлен в иностранных или крупнейших международных средствах массовой информации и отражать событие высокой степени важности, обязательно имеющее связь с компаниями-эмитентами или другими участниками финансового рынка. По степени воздействия информационные факторы можно разделить на три группы.

В первую группу будет входить информация, полученная в результате изучения уже опубликованной статистики. Обычно она слабо влияет на изменения стоимости акций. Для второй характерна информация, которая отражает перспективы развития тех или иных тенденций, связанных с рынком ценных бумаг. Она укрепляет текущие тренды на рынке акций. Информация в третьей группе оказывает наиболее сильное влияние на формирование трендов. Она инсайдерская.

Все информационные факторы являются последствиями произошедших событий, которые можно разделить на такие общие категории, как:

– корпоративные события: данные о слияниях и поглощениях, результаты финансовой отчетности, отраслевые новости. Новости и события могут иметь специфическое воздействие на отдельные отрасли;

– макроэкономические события: информация об изменениях экономических трендов и изменения государственной финансовой политики. В эту категорию также можно отнести воздействие природных катаклизмов и вызванных ими кризисов;

– политические. Эти информационные факторы можно определить как подгруппу макроэкономических, поскольку политика и экономика тесно связаны между собой. К ним относятся итоги парламентских и президентских выборов, инициативы по законопроектам, переговоры по международным соглашениям. Геополитические события, такие как военные и политические конфликты, всегда связаны с неопределенностью и повышенными рисками для рынка ценных бумаг.

Информационные факторы, отражающие корпоративные и политические события, не всегда являются макроэкономическими. В данной работе влияние таких факторов на рынок акций рассматриваться не будет.

Стоит отметить, что сегодня мало исследований посвящено тому, как именно и насколько поведение частных инвесторов влияет на рынок акций. Поэтому при изучении влияния макроэкономических показателей на данный рынок, а также при прогнозировании их взаимодействия рекомендуется учитывать поведенческие тренды среди населения такие как:

– воздействие культурных и социальных факторов на финансовое поведение, включая уровень образования и информированности о финансовых инструментах;

– восприятие экономической ситуации в стране и мире, что может оказывать значительное влияние на потребительские и инвестиционные решения;

– уровень доверия к финансовым институтам и государственным органам, который может формировать или разрушать мотивацию граждан к активному участию в экономической жизни;

– готовность к инновациям в финансовой сфере, включая открытость к новым технологиям и продуктам, таким как криптовалюты и цифровые активы.

Поведенческие тренды населения имеют значительное влияние на рынок акций, определяя не только направление цен, но и общую динамику фондового рынка. Например, массовая паническая распродажа акций может быть вызвана не только объективными экономическими проблемами, но и эмоциональными реакциями инвесторов, что, в свою очередь, приводит к увеличению волатильности. Финансовая безграмотность и слабая заинтересованность в операциях на фондовом рынке у населения также играют важную роль в формировании поведения инвесторов.

АНАЛИЗ ДАННЫХ: ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ И ИНДЕКСОМ МОСБИРЖИ

Ранее было отмечено, что в экономике можно выделить ряд макроэкономических показателей, способных оказывать влияние на тенденции российского рынка акций. В рамках данной работы был проведен корреляционный анализ между основными макроэкономическими показателями и главным индикатором российского рынка акций – индексом МосБиржи. Анализ проводился с целью выявления связи между переменными, а также определения наиболее значимого для данного рынка фактора для дальнейшего детального исследования его влияния. Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1

Анализ корреляционной силы связи между макроэкономическими показателями и индексом МосБиржи

Показатель	Курс доллара	Курс золота	Ключевая ставка	Инфляция	МосБиржа
Курс доллара	1	–	–	–	–
Курс золота	0,73	1	–	–	–
Ключевая ставка	0,55	0,87	1	–	–
Инфляция	0,47	0,54	0,30	1	–
МосБиржа	0,83	0,69	0,57	0,35	1

Примечание: данный расчетный показатель всегда находится в диапазоне между 0 и 1

Составлено авторами по материалам источников^{2,3}

Для проведения корреляционного анализа были взяты месячные данные за период с января 2023 г. по сентябрь 2024 г. Анализ показал, что наиболее тесной связью с индексом МосБиржи обладает курс доллара, далее в работе с помощью построения модели парной регрессии будет исследоваться его количественное влияние на ценовую тенденцию индекса МосБиржи.

Линейный коэффициент корреляции, который также называют коэффициентом корреляции Пирсона, численно описывает, насколько тесна линейная связь между данными двух временных рядов. Расчет коэффициента корреляции между индексом МосБиржи и курсом доллара представлен в уравнении (1) [11].

$$r = \frac{\overline{x \cdot y} - \bar{x} \cdot \bar{y}}{\sigma_x \cdot \sigma_y} = 0,833, \tag{1}$$

где r – коэффициент корреляции; y, x – значения признаков; σ_x, σ_y – средние квадратические отклонения признаков.

Рассчитанный коэффициент корреляции указывает на сильную по тесноте положительную связь. Это свидетельствует о том, что за исследуемый промежуток времени с увеличением одного показателя, как правило, наблюдается увеличение другого. В контексте исследования можно сделать вывод о том, что, курс доллара оказывает наиболее значимое влияние на динамику индекса МосБиржи.

После того как были определены две коррелирующие переменные и рассчитана теснота их связи (ее достаточно для дальнейшего исследования), необходимо смоделировать эту связь. В данной работе будет использоваться метод наименьших квадратов построения линейной парной регрессии.

² Банк России. Статистика. Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Банк России. Учетные цены на аффинированные драгоценные металлы. Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/metall/metall_base_new/ (дата обращения: 25.03.2025).

Суть данного метода состоит в том, что модель строится на основе двух переменных – объясняющей и объясняемой, в нашем случае это курс доллара и индекс МосБиржи соответственно. Курс доллара является объясняющей переменной по ряду причин:

- 1) в работе изучается именно влияние макроэкономических показателей на рынок акций, а не наоборот;
- 2) нерационально брать индекс МосБиржи за объясняющую переменную, так как этот показатель отражает «градус» российского фондового рынка и зависит от темпов роста компаний-эмитентов, на который и способен влиять курс национальной валюты к иностранным валютам.

Уравнение построенной эконометрической модели представлено формулой (2) [12].

$$y = 41,4 \cdot x - 667,3, \quad (2)$$

где y – прогнозируемая переменная; x – объясняющая переменная прогнозной модели.

Согласно построенной модели, снижение курса рубля по отношению к доллару на один рубль ведет к снижению индекса МосБиржи на 41,4 ед.

Коэффициент детерминации показывает, насколько хорошо статистическая модель объясняет изменение результативной переменной. Расчет показателя представлен в формуле 3 [13].

$$r^2 = r \cdot r = 0,69, \quad (3)$$

где r^2 – коэффициент детерминации; r – коэффициент корреляции.

После расчета коэффициента детерминации можно сказать о достаточно высоком качестве построенной модели; 69 % дисперсии объясняемой переменной обусловлено вариацией объясняющей переменной, а остальные 31 % дисперсии приходятся на не включенные в модель факторы.

Средний коэффициент эластичности (E) показывает, на сколько процентов в среднем по совокупности изменится результат (y) от своей средней величины при изменении фактора (x) на 1 % от своего среднего значения. Расчет линейного коэффициента эластичности показан в формуле (4).

$$E = \frac{\sigma_y}{\sigma_x} \cdot \frac{x}{y} = b \cdot \frac{\bar{x}}{y} = 41,41 \cdot \frac{87,50}{2\,956,03} = 1,22, \quad (4)$$

где y , x – значения признаков; σ_x , σ_y – средние квадратические отклонения признаков; b – коэффициент регрессионной модели.

В рамках построенной модели коэффициент эластичности составил 1,22. Изменение курса доллара на 1 % ведет к изменению индекса МосБиржи более чем на 1 %, что дополнительно свидетельствует о высокой силе влияния объясняющей переменной на объясняемую.

Фактические значения результативного признака отличаются от теоретических, рассчитанных по уравнению регрессии. Чем меньше эти отличия, тем ближе теоретические значения к эмпирическим данным и тем лучше качество модели. Величина отклонений фактических и расчетных значений результативного признака по каждому наблюдению представляет собой ошибку аппроксимации. Расчет аппроксимации приведен в формуле (5)⁴.

$$\bar{A} = \frac{\sum_{i=1}^n \frac{|y_i - y_x|}{y_i}}{n} \cdot 100 \% = \frac{1,054}{21} \cdot 100 \% = 5,02 \% \quad (5)$$

где $\bar{A}$ – средняя ошибка аппроксимации; n – количество данных в временном ряду; y_i – значения признака в зависимости от переменной i (его номера во временном ряду); y_x – спрогнозированный показатель признака.

В построенной модели парной регрессии средняя аппроксимация составила 5 %, что говорит о ее хорошем подборе к исходным данным.

Расчет стандартной ошибки регрессии – это один из основных способов оценить точность и качество построенной модели. Чем она меньше, тем точнее модель соответствует фактическим данным первоначального временного ряда объясняемых переменных:

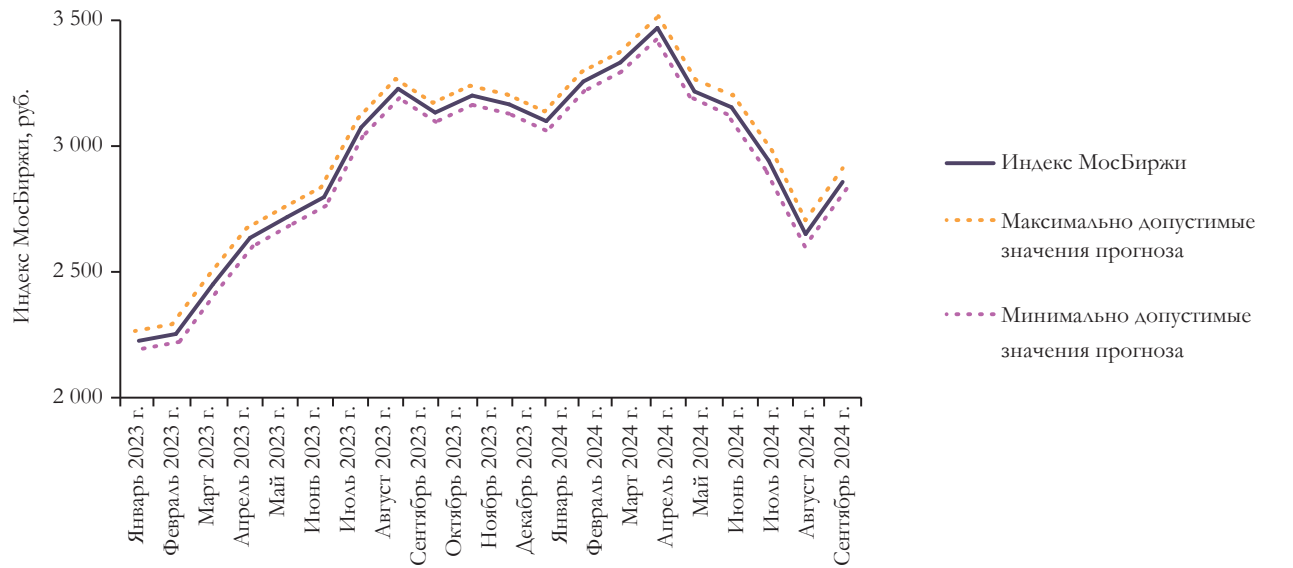
⁴ Онлайн-калькулятор. Средняя ошибка аппроксимации. Режим доступа: <https://math.semestr.ru/corel/zadacha.php> (дата обращения: 25.03.2025).

$$S = \sqrt{\frac{\sum (y_i - y_x)^2}{n - m - 1}} = \sqrt{\frac{75\,9805,34}{19}} = 199,97,$$

(6)

где S – стандартная ошибка регрессии; m – число предикторов.

Стандартная ошибка составила 199,97 руб., что еще раз подтверждает высокое качество построенной модели. Для наглядности величины стандартной ошибки и ее значимости для прогноза был построен график с расчетными данными. График представлен на рис. 2.

Составлено авторами по материалам источника⁵

Рис. 2. График скорректированных прогнозных значений на стандартную ошибку регрессии

В табл. 2 сведены рассчитанные показатели построенной модели парной линейной регрессии на основе данных курса доллара. Объясняющим показателем в модели стал курс доллара с лагом в один временной период, объясняемым – курс доллара на определенную дату.

Показатели оценки качества прогнозной модели

Таблица 2

Показатель оценки качества модели	Значение показателя
Коэффициент корреляции	0,92
Индекс детерминации	0,85
Средняя аппроксимация	4,48
Стандартная ошибка регрессии	4,55
Коэффициент эластичности	0,94

Составлено авторами по материалам исследования

По завершении проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- корреляционный анализ продемонстрировал, что среди выбранных макроэкономических показателей динамика курса доллара имеет наиболее тесную связь с индексом МосБиржи. Однако, помимо курса доллара, динамика цен на золото также имеет высокий уровень связи с динамикой индекса российского рынка ценных бумаг. Также анализ показал, что динамика инфляции в стране практически никак не связана с динамикой индекса МосБиржи;
- построенная модель парной линейной регрессии между динамикой курса доллара и индексом МосБиржи имеет высокие показатели оценки ее качества. Высокий уровень детерминации и низкая ошибка аппроксимации свидетельствуют о том, что можно использовать курс доллара для оценки и предсказания новых тенденций на российском рынке бумаг.

⁵ Банк России. Финансовые рынки. Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/finr/> (дата обращения: 25.03.2025).

Исследования, проведенные в данной работе, позволили выявить силу и степень влияния на индекс МосБиржи такого макроэкономического показателя, как курс национальной валюты к доллару. Однако инструменты макроэкономического моделирования позволяют не только объяснить и выявить причинно-следственные связи между различными показателями, но и спланировать их на перспективу.

Теоретически, исходя из результатов построенных эконометрических моделей, можно делать вывод, что достоверные модели способны достаточно точно прогнозировать изменение результативной переменной, в нашем случае – определять тренды на рынке акций. В то же время есть некоторые нюансы, не позволяющие сделать такие однозначные выводы:

- для российского рынка акций, ввиду недостаточной развитости механизмов фондового рынка, характерны спреды от 5 до 10 % даже в короткие промежутки времени. Они заметны на рис. 1. Как правило, спады средней глубины или кратковременный рост с последующей коррекцией на российском рынке акций в большинстве случаев не имеют под собой веских экономических оснований. Они происходят с переменной периодичностью, но являются достаточно обыденным событием. Использование эконометрических инструментов практически не позволяет предсказывать подобные колебания. В большинстве моделей показатели прогнозируются на основе линейных процессов, в которых волатильность воспринимается как некоторый естественный фон. Можно не брать его в расчет либо вообще избавиться от него, усреднив некоторые данные;

- вторым недостатком данного подхода выступает резкое изменение направления трендов под влиянием именно макроэкономических явлений, например информационного шока или трансформации регулирующей политики государства. Такие явления не учтены в прогнозной модели, однако в краткосрочной перспективе они способны оказывать сильное влияние на котировки акций. Для создания модели с новым трендом потребуется набор новых данных и время на их сбор, обработку и последующие этапы эконометрического моделирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в работе корреляционный анализ подтверждает результаты трудов других авторов, исследовавших влияние макроэкономических показателей на российский рынок акций. Также в работе было выявлено, что именно курс доллара можно назвать драйвером индекса МосБиржи. Это связано с тем, что индекс МосБиржи – это агрегированный, композитный показатель по капитализации наиболее крупных российских эмитентов, которые в большинстве своем представляют экспортеров природных ресурсов. Выручка подобных компаний чувствительна к курсу национальной валюты, а следовательно, к нему чувствителен и индекс российского рынка акций.

Построенные в работе эконометрические модели по прогнозированию индекса МосБиржи с помощью курса доллара имеют высокие оценки качества, однако для того чтобы полноценно использовать их, необходимо учитывать следующие факторы:

- из-за недостаточно развитых механизмов российский рынок акций очень волатилен, возникающие спреды сформированы именно информационными или психологическими факторами, которые невозможно учитывать в эконометрической модели. Использовать прогнозную модель на практике можно только тогда, когда она охватывает все наиболее значимые объясняющие переменные. В данном случае модель эффективна только для прогнозирования в идеально стабильных условиях, которые сейчас отсутствуют на российском фондовом рынке;

- парная линейная регрессия – не самый современный метод прогнозирования переменных, однако он имеет схожий принцип действия с моделями нелинейной регрессии, ARIMA (англ. autoregressive integrated moving average – интегрированная модель авторегрессии скользящего среднего), VAR (англ. vector autoregression – векторная авторегрессия). Суть принципа в том, что все они хороши и показательны, когда во временном ряду уже сформирован тренд и он неизменен. Чем неизменнее тренд, тем более точными будут данные модели. Если временной ряд нестабилен, если в нем существуют краткосрочные тренды, меняющиеся несколько раз в год из-за различных и независящих друг от друга причин, даже самая современная прогнозная модель не способна предсказывать его значения.

Результатом данной работы можно считать опровержение гипотезы о том, что инструменты эконометрического анализа позволяют качественно прогнозировать тенденции на российском рынке акций.

Список литературы

1. Байзитова А.Д. Влияние новостей и событий в мире на рынок акций. Академическая публицистика. 2023;6–1:136–140.
2. Тимофеева А.А., Гуринова Д. В. Исследование влияния финансовых кризисов на рынок акций России. Журнал прикладных исследований. 2022;7(1):32–39. http://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_7_1_32
3. Паул Г.Г., Шкирко Д.В. Моделирование и прогнозирование курса акций Роснефти на основе различных финансовых инструментов. Фундаментальные исследования. 2020;12:168–174. <https://doi.org/10.17513/fr.42928>
4. Байюк О.А., Берзин Д.В. Алгоритм прогнозирования стоимости акций российских банков. В кн.: Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: материалы двенадцатой международной конференции, Москва, 1–3 октября 2019 г. М.: Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова Российской академии наук; 2019. С. 480–482. <https://doi.org/10.25728/mlsd.2019.1.0480>
5. Нарзуллоев М.Р., Дуисембаева А.С. Влияние макроэкономических факторов на динамику фондового рынка России. Финансовые исследования. 2017;3(56):33–41.
6. Головин Н.А., Азанова И.А., Балабаев В.Д., Гладких К.Д. Основы взаимосвязи инфляционных ожиданий и фондового рынка. Экономика и бизнес: теория и практика. 2022;11–1(93):74–79. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-11-1-74-79>
7. Магомедова П.А. Особенности работы фондового рынка России. Теория и практика мировой науки. 2023;2:18–23.
8. Эльмукова Ю.В. Российский рынок акций, его характеристика и проблемы. В кн.: Проблемы развития современного общества: сборник научных статей 8-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, том 1, Курск, 19–20 января 2023 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2023. С. 493–496.
9. Камков Р.М., Семернина Ю.В. Особенности обращения акций на российском фондовом рынке. Первый экономический журнал. 2023;7(337):138–146. https://doi.org/10.58551/20728115_2023_7_138
10. Никульшина П.П., Толстолюбский Р.О. Влияние кризисных явлений на рынок акций в России. В кн.: Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 74-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов, часть IV, Воронеж, 1 апреля – 31 мая 2023 г. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I; 2023. С. 115–119.
11. Иванова А.П., Родина Е.В., Чумерина Е.С. Эконометрика. Часть 1: учебное пособие по дисциплине «Эконометрика» для магистрантов Института управления и цифровых технологий. Курск: Университетская книга; 2022. 50 с.
12. Кийко П.В., Шукина Н.В. Эконометрика. Регрессионные модели: учебное пособие. Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина; 2021. 83 с.
13. Елисеев А.В., Елисеева И.В., Подшивалов Д.В. Эконометрика. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет; 2020. 105 с.

References

1. Baizigitova A.D. Impact of news and events in the world on the stock market. Academic journalism. 2023;6–1:136–140. (In Russian).
2. Timofeeva A.A., Gurinova D.V. Study of the impact of financial crises on the stock market of the Russian Federation. Journal of Applied Research. 2022;7(1):32–39. (In Russian). http://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_7_1_32
3. Paul G.G., Shkirko D.V. Modeling and forecasting stock price of Rosneft based on various financial instruments. Fundamental research. 2020;12:168–174. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/fr.42928>
4. Bayuk O.A., Berzin D.V. Algorithm for forecasting stock prices of Russian banks. In: Management of large-scale system development (MLSD): Proceedings of the Twelfth International Conference, Moscow, October 1–3, 2019. Moscow: Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2019. Pp. 480–482. (In Russian). <https://doi.org/10.25728/mlsd.2019.1.0480>
5. Narzulloev M.R., Duisembayeva A.S. The influence of macroeconomic factors on the dynamics of the Russian stock market. Financial Research. 2017;3(56):33–41. (In Russian).
6. Golovin N.A., Azanova I.A., Balabaev V.D., Gladkikh K.D. The basis of the relationship of inflation expectations and the stock market. Economics and business: theory and practice. 2022;11–1(93):74–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-11-1-74-79>
7. Magomedova P.A. Features of the Russian stock market. Theory and practice of the world science. 2023;2:18–23. (In Russian).
8. Elmukova Yu.V. Russian stock market, its characteristics, and problems. In: Problems of development of modern society: Proceedings of the 8th All-Russian National Scientific and Practical Conference, volume 1, Kursk, January 19–20, 2023. Kursk: Southwestern State University; 2023. Pp. 493–496. (In Russian).
9. Komkov R.M., Semernina Yu.V. The peculiarities of stock trading in the Russian stock market. First Economic Journal. 2023;7(337):138–146. (In Russian). https://doi.org/10.58551/20728115_2023_7_138

10. *Nikulshina P.P., Tolstolutsky R.O.* The impact of the crisis on the stock market in Russia. In: Youth vector of agricultural science development: Proceedings of the 74th National Scientific and Practical Conference of Students and Graduates, part IV, Voronezh, April 1 – May 31, 2023. Voronezh: Voronezh State Agrarian University; 2023. Pp. 115–119. (In Russian).
11. *Ivanova A.P., Rodina E.V., Chumerina E.S.* Econometrics. Part 1: textbook on the discipline “Econometrics” for graduates of the Institute of Management and Digital Technologies. Kursk: University Book; 2022. 50 p. (In Russian).
12. *Küko P.V., Shchukina N.V.* Econometrics. Regression models: textbook. Omsk: Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin; 2021. 83 p. (In Russian).
13. *Eliseev A.V., Eliseeva I.V., Podshivalov D.V.* Econometrics. Chelyabinsk: South Ural State University; 2020. 105 p. (In Russian).

Применение проектного финансирования для модернизации электростанций

Трегубова Екатерина Алексеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе

ORCID: 0000-0002-0922-7055, e-mail: ea_tregubova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Перед российской электроэнергетикой на современном этапе развития стоит амбициозная задача по модернизации оборудования электрических станций (далее – электростанции), что обусловлено их физическим и моральным износом. Как следствие, в отрасли существуют большие резервы повышения энергетической эффективности за счет увеличения коэффициента полезного действия и уменьшения удельного расхода топлива. Однако проекты модернизации в отечественной практике являются дорогими и финансируются за счет нерыночных механизмов – увеличения тарифов для потребителей (специальных надбавок за мощность и платы по договорам о предоставлении мощности). В зарубежной практике при реализации крупных инфраструктурных проектов, в частности, в энергетике, применяются механизмы проектного финансирования, основанные на финансировании инвестиций за счет заемных средств, обеспеченных будущими денежными потоками проекта. Их успешное применение для инвестиционных проектов в отечественной электроэнергетике требует оценки достаточности эффекта от модернизации электростанций для возврата привлекаемых заемных средств и их обслуживания. В работе выполнен анализ зарубежного и отечественного опыта проектного финансирования инвестиционных проектов в сфере производства электроэнергии. На примере Хабаровской теплоэлектроцентрали показано, что аккумулированная величина экономии топливных затрат, получаемая в результате модернизации станции, позволяет компенсировать значительную часть инвестиционных затрат.

Ключевые слова

Электроэнергетика, модернизация ТЭС, удельный расход топлива, инвестиции, плата за мощность, проектное финансирование, экономия затрат

Для цитирования: Трегубова Е.А. Применение проектного финансирования для модернизации электростанций // Вестник университета. 2025. № 7. С. 170–179.

Application of project financing for modernisation of power plants

Ekaterina A. Tregubova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0002-0922-7055, e-mail: ea_tregubova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The Russian electric power industry faces an ambitious task to modernise the equipment of power plants at the current development stage, which is due to their physical and moral deterioration. As a result, there are large reserves in the industry to increase energy efficiency by increasing coefficient of performance and reducing specific fuel consumption. However, the modernisation projects are costly and are financed by non-market mechanisms in the domestic practice – by increasing tariffs for consumers (special supplements to the power fee and payments under power supply agreements). In the foreign practice, when implementing large infrastructure projects, in particular, in the energy sector, project financing mechanisms are used, based on financing investments with borrowed funds secured by future cash flows of the project. Their successful application for the investment projects in the Russian Federation requires assessing the sufficiency of the effect of the power plants modernisation for repayment of borrowed funds and their maintenance. The paper analyses the foreign and domestic experience of the project financing of investment projects in the electric power industry. Using the example of the Khabarovsk combined heat and power plant, it is shown that the accumulated amount of fuel cost savings resulting from the modernisation of the plant makes it possible to compensate for a significant part of the investment costs.

Keywords

Electric power industry, modernisation of TPP, specific fuel consumption, investments, power charges, project financing, cost savings

For citation: Tregubova E.A. (2025) Application of project financing for modernisation of power plants. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 170–179.

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее энергоемкими отраслями отечественной экономики являются электро- и теплоэнергетика (27 % от всего объема потребления энергии), при этом почти половину (44 %) от всего объема энергии в отрасли потребляют электрические станции (далее – электростанции)¹. В качестве основных причин высокой энергоемкости российской генерации можно отметить:

- исторически большую долю тепловых электростанций (далее – теплоэлектростанций) в структуре установленной мощности (163,7 ГВт, или более 65 %)²;
- использование физически изношенного и морально устаревшего оборудования.

В частности, в структуре тепловой генерации Российской Федерации (далее – РФ, Россия) доля ПГУ (современных парогазовых установок, отличающихся более высоким коэффициентом полезного действия и низкими удельными расходами топлива) составляет только 16 %³.

В 2019 г. была анонсирована масштабная программа модернизации тепловой генерации (ТЭС) в РФ. Основными инструментами привлечения инвестиций на модернизацию отечественных электростанций являются увеличенная плата за мощность по договорам о предоставлении мощности (далее – ДПМ) и инвестиционная надбавка к цене мощности. Плата по ДПМ является источником финансирования инвестиционных проектов по объектам генерации, расположенным в границах оптового рынка электрической энергии (далее – электроэнергия) и мощности, а инвестиционная надбавка – по электростанциям Дальнего Востока. При целом ряде достоинств (оперативность получения, целевой характер расходования средств) упомянутые инструменты характеризуются дороговизной, недостаточными стимулами для инвесторов к повышению эффективности инвестиций и способствуют росту перекрестного субсидирования. По данным Ассоциации «Некоммерческое партнерство „Совет рынка“» в структуре цены на мощность за 1 МВт пикового потребления на ДПМ-составляющую ТЭС приходится 20 %⁴. Альтернативой увеличению платы за мощность является реализация проектов модернизации на принципах проектного финансирования за счет заемных средств, возвращаемых из доходов, генерируемых самим проектом.

Целью настоящего исследования является изучение условий использования проектного финансирования при реализации инвестиционных проектов модернизации электростанций РФ. Для этого были последовательно изучены следующие вопросы:

- масштабы инвестиционной деятельности на электростанциях России;
- особенности финансирования инвестиций в отечественную генерацию через определение платы за мощность;
- зарубежный опыт проектного финансирования в сфере производства электроэнергии;
- сравнение возможной экономии топливных затрат, получаемой в результате модернизации электростанции, и инвестиционных затрат (на примере Хабаровской теплоэлектроцентрали (далее – ТЭЦ)).

МАСШТАБЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ РФ

В целях повышения энергетической эффективности (далее – энергоэффективность) проводится замена устаревшего оборудования действующих электростанций и вводы новой генерации. В целом за последние 10 лет объемы ввода в эксплуатацию новых генерирующих мощностей на ТЭС в России составили 24,5 ГВт, что дало возможность вывести из эксплуатации 17,4 ГВт изношенной генерации⁵, или 13 % от установленной мощности ТЭС. Всего на замену оборудования было затрачено около 4 трлн руб. Однако начиная с 2019 г. масштабы ввода нового оборудования не превышают объемы вывода и имеют

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 09.09.2023 г. № 1473 «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации „Энергосбережение и повышение энергетической эффективности“». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456694/ (дата обращения: 01.05.2025).

² Системный оператор Единой энергетической системы. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2023 году. Режим доступа: <https://www.so-ups.ru/functioning/tech-disc/tech-disc2024/tech-disc2024ups/> (дата обращения: 01.05.2025).

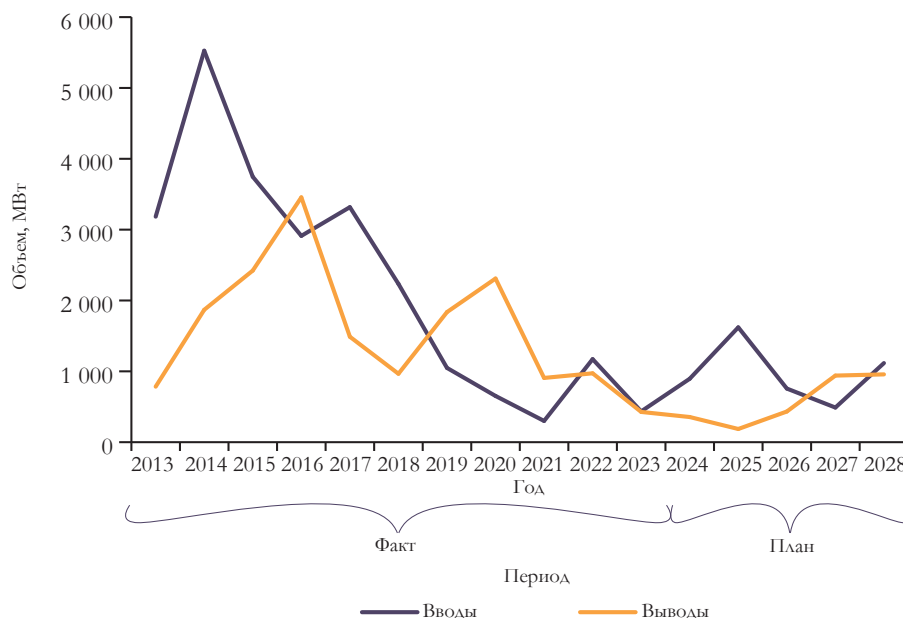
³ Системный оператор Единой энергетической системы. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2021 году. Режим доступа: <https://www.so-ups.ru/functioning/tech-disc/tech-disc2022/tech-disc2022ups/> (дата обращения: 02.05.2025).

⁴ Некоммерческое партнерство «Совет рынка». Прогнозы свободных (нерегулируемых) цен на электрическую энергию (мощность) по субъектам Российской Федерации на 2023 год и исходные данные для построения прогнозов. Режим доступа: https://www.np-sr.ru/sites/default/files/20221101_anpsr_ishodnye_dannye_i_prognoz_na_2023.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

⁵ Исполнительный комитет Электроэнергетического Совета Содружества Независимых Государств. Электроэнергетика государств-участников СНГ за 2013–2023 гг. Режим доступа: http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Gertzen/СБОРНИК%202013-2023_ИТОГ%20pdf.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

устойчивую тенденцию к снижению (рис. 1). В предстоящий 5-летний период (с 2024 г. по 2029 г.) объемы ввода-вывода оборудования ТЭС, запланированные схемой и программой развития Единой энергетической системы (далее – ЕЭС) России на этот период будут заметно меньше, чем в предыдущее десятилетие с 2013 по 2023 гг.:

- вводы – 4,9 ГВт (в 5 раз меньше);
- выводы – 2,9 ГВт (в 6 раз меньше).

Составлено автором по материалам источников^{6,7}

Рис. 1. Динамика объемов ввода и вывода мощности тепловой генерации в РФ

Уменьшение масштабов ввода нового оборудования обусловлено наличием избытков мощности в ЕЭС России. В частности, согласно отчету Системного оператора ЕЭС, в 2021 г. располагаемая мощность электростанций РФ была выше показателя их нагрузки на годовой максимум потребления мощности на 38,5 %.

В предстоящее десятилетие акцент будет сделан не на ввод новых электростанций, а на модернизацию действующих, поскольку проблема устаревшего оборудования в электроэнергетике сохраняется. Две трети парка (60 %) выработали свой ресурс, а возраст более одной трети превысил 45 лет. Устаревшее оборудование характеризуется низкой энергоэффективностью (низким КПД и высокими удельными расходами топлива). Так, расчетный КПД в конденсационном режиме работы у массово используемых паросиловых блоков находится в диапазоне 30–37 %, в то время как у современных блоков ПГУ большой мощности он заметно выше и составляет 50–58 % [1].

В 2022–2031 гг., в соответствии с программой модернизации тепловой энергетики (далее – теплоэнергетика) КОММод (конкурентный отбор мощности на модернизацию), финансируемой по ДПМ и предусматривающей конкурентный отбор проектов на территории ценовых зон ЕЭС РФ, планируется обновить 41 ГВт генерации (25 % от всего парка ТЭС), при этом инвестиционные расходы должны составить примерно 1,9 трлн руб.⁸ Дополнительно, за счет специальной инвестиционной надбавки к плате за мощность, на территории неценовой зоны Дальнего Востока за период 2023–2027 гг. планируется модернизировать 3,5 ГВт тепловой генерации⁹. Однако серьезным вызовом для реализации планов

⁶ Исполнительный комитет Электроэнергетического Совета Содружества Независимых Государств. Электроэнергетика государств-участников СНГ за 2013–2023 гг. Режим доступа: http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Gertzen/СБОРНИК%202013-2023_ИТОГ%20pdf.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

⁷ Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 28.02.2022 г. № 146 «Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2022–2028 годы». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416587/aeba12ece61ec9f95c1253615feb282bbef5db4c/ (дата обращения: 02.05.2025).

⁸ Рейтер Т. КОММод contra КОМ: первые итоги. Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/epr/377/3721923.htm> (дата обращения: 01.05.2025).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.06.2023 г. № 1604-р «Об утверждении перечня генерирующих объектов тепловых электростанций, подлежащих модернизации (реконструкции) или строительству в неценовых зонах оптового рынка электрической энергии и мощности». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406969004/> (дата обращения: 01.05.2025).

по обновлению оборудования теплоэлектростанций в РФ в условиях санкций и проводимой политики импортозамещения является отставание продукции отечественного энергетического машиностроения (далее – энергомашиностроение) по технологическому уровню от мировых компаний-производителей [2].

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ ПЛАТЫ ЗА МОЩНОСТЬ В РФ

В среднем плата за мощность по ДПМ выше платы за мощность, получаемую генерирующими компаниями в рамках традиционного ежегодного конкурентного отбора мощности (далее – КОМ), в 5 раз [3]. Причина расхождения обусловлена тем, что вторая предусмотрена для финансирования условно-постоянных эксплуатационных расходов электростанций, а первая – для финансирования инвестиций. Дорогая мощность для промышленных предприятий ведет к снижению конкурентоспособности их продукции, для населения – к увеличению неплатежей.

Анализ составляющих платы за мощность по проектам ДПМ показал, что эффекты от реализации проектов модернизации (ожидаемая экономия эксплуатационных расходов) при определении размера платы за мощность не учитываются.

Так, согласно п. 273 Правил оптового рынка электроэнергии и мощности ценовая заявка на участие в отборе проектов модернизации включает три стоимостных параметра:

- значение удельных затрат на эксплуатацию генерирующего объекта после реализации проекта модернизации;
- значение капитальных затрат на его реализацию;
- коэффициент, характеризующий прогнозную прибыль от продажи электроэнергии по итогам конкурентного отбора ценовых заявок на сутки вперед¹⁰.

При этом удельные затраты на эксплуатацию генерирующего объекта после модернизации определяются с учетом проиндексированной цены КОМ (цена на мощность, сложившаяся по итогам проведенного в 2017 г. КОМ и проиндексированная с учетом индекса роста цен в период с 1 января 2018 г. по 31 декабря года, предшествовавшего году проведения отбора проекта модернизации) в 2017 г. (не могут превышать это значение).

Оплата мощности по реализованному проекту определяется по сумме проиндексированной величины удельных затрат на эксплуатацию, капитальных затрат, скорректированных с учетом прибыли, получаемой на рынке РСВ (рынок электроэнергии на сутки вперед), и ожидаемых расходов по налогам на прибыль и имущество.

Таким образом, применяемые принципы отбора проектов модернизации и определения платы за мощность по модернизируемым объектам не отражают возможный эффект в части экономии эксплуатационных затрат, не сопоставляют его величину с инвестиционными расходами и, таким образом, не отвечают в полной мере принципам проектного финансирования. Как следствие, у генерирующих компаний отсутствуют стимулы для получения экономии расходов в результате реализации проектов, поскольку их инвестиционные расходы будут в любом случае профинансированы из увеличенной платы за мощность.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ НА ПРИНЦИПАХ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Проектное финансирование предусматривает возврат средств, привлекаемых для оплаты капитальных вложений по проекту, за счет доходов от его реализации, получаемых на этапе эксплуатации. Другими словами, оно обозначает заем, обеспечиваемый самим проектом, а не его спонсорами [4]. При этом создается специальная проектная компания, реализующая проект, акционерами которой становятся организации, заинтересованные в его реализации и предоставляющие собственный капитал для финансирования капитальных затрат (до 25 % от всего объема инвестиций). Основной объем инвестиций финансируется за счет заемных средств (кредит банков, экспортных кредитных агентств или облигационные займы).

Таким образом, для успешной реализации инвестиционного проекта на принципах проектного финансирования необходимо, чтобы он на протяжении своего жизненного цикла генерировал прибыль, достаточную для оплаты капитальных затрат и затрат на привлечение заемных средств в период финансирования инвестиций.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 г. № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» (редакция от 29.12.2023 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/12184415/> (дата обращения: 01.05.2025).

К отличительным характеристикам проектного финансирования Э.Р. Йескомб относит:

- 1) реализацию проекта через специальную проектную компанию, деятельность которой ограничена только данным проектом;
- 2) доминирующую долю заемного капитала (до 70–90 % от всего объема инвестиций) в структуре источников финансирования проекта;
- 3) отсутствие гарантий от инвесторов проектной компании в части возврата заемных средств;
- 4) определение возможностей проектной компании по выплате и обслуживанию долга на основании денежных потоков, генерируемых самим проектом;
- 5) ограниченный срок реализации [5].

Проектная компания в целях перераспределения рисков между участниками инвестиционного проекта может заключать различные соглашения, включая:

- соглашение на производство и продажу продукции, производимой в рамках проекта, по формуле долгосрочного ценообразования (как пример – продажа электроэнергии по себестоимости акционерам компании манкала [6]);
- концессионное соглашение, заключаемое с представителями органов государственной власти на предмет реализации проекта и поставки услуг общественности;
- договор на инжиниринг, поставку оборудования и строительство под ключ (EPC contract, англ. engineering, procurement, construction – инжиниринг, закупка, строительство) и др.

Широкое распространение проектное финансирование получило за рубежом, как в развитых, так и в развивающихся странах, при реализации крупных инфраструктурных проектов, характеризующихся длительными сроками эксплуатации возводимых объектов и значительными объемами инвестиций в энергетике, телекоммуникации и на транспорте. Заметный рост числа международных инвестиционных соглашений наблюдался в период 1990–2000 гг., когда было заключено около 1 300 новых соглашений. В последующие годы количество вновь заключенных соглашений уменьшалось – в период 2001–2010 гг. их число составило около 1 150 ед., в 2010–2022 г. – не более 600 ед. Отмечается, что более 88 % всех действующих в настоящее время соглашений основано на договорах, заключенных до 2012 г. В 2021–2022 г. лидировали по сделкам проектного финансирования Соединенные Штаты Америки (далее – США), (301 млрд долл. США), на 2-м месте – Индия и Великобритания (187 и 183 млрд долл. США)¹¹.

В качестве одного из примеров проектного финансирования можно привести проект строительства крупной ТЭС (1 292 МВт) в Пакистане. В качестве собственника ТЭС выступала компания Hub Power Company (далее – HUBCO), которая для строительства собрала консорциум организаций, возглавляемый японской фирмой Mitsui&Co. Параллельно HUBCO были подписаны долгосрочные соглашения о закупках топлива у пакистанской государственной компании Pakistan State Oil Company и о продаже электроэнергии государственному управлению гидро-и теплоэнергетики WARDA¹². Управляющая компания консорциума (британская National Power) и подрядчики стали крупнейшими акционерами HUBCO. Более 75 % от всего объема инвестиций по проекту финансировалось за счет заемных средств-кредитов Всемирного банка и группы крупных международных банков. Публичный выпуск облигаций не использовался для финансирования проекта. По итогам его реализации HUBCO стала производить пятую часть всей электроэнергии, вырабатываемой в Пакистане.

Инициаторами инвестиционных проектов и создаваемых для их реализации проектных компаний, как правило, выступают структуры, формирующие спрос и предложение на производимую энергию или имеющие доступ к конечным потребителям (производители электроэнергии, энергосбытовые компании, крупные промышленные предприятия). Так, инициаторами проекта строительства угольной станции 840 МВт в Болгарии Martiza East III, предоставившими собственные средства в размере 25 % от общего объема инвестиций, стали итальянская энергетическая компания Enel и болгарская национальная компания НЕК (доли которых в акционерном капитале созданной проектной компании составили 73 и 27 % соответственно [7]). С целью обеспечения сбыта производимой новой электростанцией электроэнергии был также заключен долгосрочный 15-летний контракт на покупку мощности НЕК. Заемные средства по проекту первоначально были предоставлены Европейским банком реконструкции и развития, болгарскими банками и консорциумом международных банков.

¹¹ Росконгресс. Доклад о мировых инвестициях в 2023 году. Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹² Power Technology. Hub power station, Pakistan. Режим доступа: <https://www.power-technology.com/marketdata/hub-power-station-pakistan/> (дата обращения: 01.05.2025).

Электроэнергия, производимая электростанцией Termoelectrica Penoles в Мехико (2004 г., 230 МВт), построенная с использованием схемы проектного финансирования, снабжает заводы крупнейшего в Латинской Америке комплекса по производству цветных металлов и серебра Industrias Penoles по долгосрочному соглашению, действующему до 2027 г.¹³

Нередко в реализации проектов участвуют поставщики топлива на основании долгосрочных соглашений или по толлинговым контрактам, предусматривающим снабжение энергией, производимой на основании поставляемого топлива. В частности, швейцарский энергетический трейдер EGL (инициатор проекта Calenia Energia по строительству парогазовой электростанции мощностью 760 МВт в Италии) по толлинговому контракту брал на себя обязательства по поставке газа и взамен получал 85 % от объема производимой электростанцией электроэнергии [7].

В США электроэнергетические коммунальные компании объединяют свои усилия по строительству ТЭЦ с промышленными предприятиями. По результатам реализации проекта коммунальная компания получает электроэнергию для снабжения коммунальных потребителей, а участвующее промышленное предприятие – отработанное тепло для производственных целей. При этом банки кредитуют до 90 % затрат.

Интерес также представляет проект сооружения третьего и четвертого энергетических блоков на атомной электростанции «Вогл» (штат Джорджия), реализация которого стартовала в 2008 г. с использованием схемы государственно-частного партнерства. Собственниками электростанции являются четыре крупнейшие энергетические компании, а финансирование проекта осуществлялось с использованием:

- облигационных займов;
- льготных кредитов под государственные гарантии;
- схем авансового возврата инвестиций (CWIP);
- акционерного финансирования (собственного капитала компании);
- прибыли, получаемой от основной деятельности [8].

В 2019–2021 гг. отмечался заметный приток средств международных инвесторов в проекты устойчивого развития, направленные на энергосбережение и сохранение климата, в том числе на развитие ВИЭ-генерации (электростанций на возобновляемых источниках энергии). В 2022 г. объем всего рынка устойчивого финансирования (облигации, фонды и добровольные углеродные рынки) достиг 5,8 трлн долл. США. При этом зафиксирован пятикратный рост инвестиций в зеленые облигационные займы за последние 5 лет¹⁴. Крупнейшим в мире по объему эмиссии зеленых облигаций является рынок зеленых финансовых инструментов США (одна пятая от всего мирового рынка) – страны, которая также сохраняет лидерство по величине выбросов углекислого газа в атмосферу. Выпуск зеленых облигаций на финансовом рынке США осуществляют как крупные международные компании (Alphabet в 2020 г. – на сумму 5,75 млрд долл. США, Apple в 2021 г. – на 4,7 млрд долл. США, Amazon в 2021 г. – на 1 млрд долл. США), так и внутренние (ипотечное агентство Fannie Mae (на финансирование ипотечного строительства домов с зеленым сертификатом соответствия), операторы городского транспорта в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе) [9].

Таким образом, зарубежный опыт характеризуется финансированием проектов модернизации, направленных на экономию энергетических ресурсов (далее – энергоресурсы), главным образом за счет возвратных заемных средств. Источником возврата заемных средств для подобных проектов становится получаемая экономия эксплуатационных расходов (включая затраты на энергоресурсы). Чем лучше технико-экономические показатели устанавливаемого оборудования, тем большую экономию материальных (в том числе энергетических) ресурсов можно получить. На этом принципе также основана реализация энергосервисных контрактов, когда поставщик оборудования в качестве платы за его поставку получает аккумулированную экономию.

В отечественной практике финансирование инвестиционных проектов в энергетике за счет экономии средств, получаемой в результате их реализации, осуществляется при использовании следующих механизмов:

- концессионные соглашения на предприятиях коммунального теплоснабжения;
- энергосервисные контракты для бюджетных организаций и предприятий газоснабжения;
- регуляторные соглашения в электросетевом комплексе.

¹³ Industrias Peñoles. Annual report 2020. Energy. Режим доступа: <https://www.penoles.com.mx/IA20/en/energia.html> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ Росконгресс. Доклад о мировых инвестициях в 2023 году. Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.05.2025).

Также имеются единичные примеры привлечения народных средств в формате облигационных займов на финансирование экологических энергоэффективных проектов. В мае 2023 г. под гарантии Правительства города Москвы состоялся успешный выпуск народных облигаций на проект замены автобусов на электробусы¹⁵.

СРАВНЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ЗАТРАТ ПО ПРОЕКТУ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ И ПОЛУЧАЕМОЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИИ ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ ЗАТРАТ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОЙ ТЭЦ)

Осуществляемые в настоящее время проекты модернизации ТЭС характеризуются целым рядом эффектов, приводящих к уменьшению эксплуатационных затрат, а именно повышением КПД и снижением удельных расходов на топливо, сокращением расходов на ремонт и на оплату труда в результате автоматизации систем управления технологическими процессами и оснащения цифровыми системами диагностики технического состояния. Проведем сравнительную оценку инвестиционных затрат и экономии топливных затрат по одному из таких проектов – проекту модернизации Хабаровской ТЭЦ.

Он осуществляется публичным акционерным обществом (далее – ПАО) «РусГидро» в период 2021–2027 гг. в рамках государственной программы модернизации теплоэнергетики России в неценовых зонах оптового рынка электроэнергии и мощности¹⁶ и предусматривает замену Хабаровской ТЭЦ-1 (далее – ХТЭЦ-1), построенной еще в 1954 г. В результате будет введена в эксплуатацию новая Хабаровская ТЭЦ-4 (далее – ХТЭЦ-4) мощностью 410 МВт, использующая современное и высокоэффективное оборудование. Ее снабдят четырьмя газотурбинными установками, сопряженными с котлами-утилизаторами, а также новой водогрейной котельной с 5 водогрейными котлами для выработки тепловой энергии. В качестве топлива для новой электростанции будет использоваться природный газ (часть котлов на ХТЭЦ-1 работает на угле). Основные здания ХТЭЦ-4 будут располагаться на площадке ХТЭЦ-1.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 25 января 2019 г. № 4317 для проводимых в 2021 г. отборов проектов модернизации с поставкой мощности в период с 1 января 2027 г. по 31 декабря 2029 г., предусматривающих установку инновационных газовых турбин мощностью не менее 100 МВт, предельные максимальные удельные капитальные затраты составляли 73 437 руб./кВт. Таким образом, предельная величина инвестиционных расходов по проекту, аналогичному проекту модернизации Хабаровской ТЭЦ, составляет $410\,000\text{ кВт} \cdot 73\,437\text{ руб./кВт} = 30\,109,2\text{ млн руб.}$

По результатам технологической экспертизы проекта модернизации Хабаровской ТЭЦ, размещенной на сайте ПАО «РусГидро»¹⁸, его реализация приведет к заметному сокращению удельного расхода топлива на производство электроэнергии – более чем на 28 %, с 353,8 гут/кВт·ч [10] до 252,35 гут/кВт·ч (см. таблицу).

Таблица

Экономия расходов на топливо в результате модернизации Хабаровской ТЭЦ

Показатель	Единица измерения	Значение
Годовая выработка электроэнергии на ХТЭЦ-4	тыс. МВт·ч	1 701,0
Среднегодовой удельный расход условного топлива на отпуск электроэнергии на замещаемой ХТЭЦ-1	гут/кВт·ч	353,8
Среднегодовой удельный расход условного топлива на отпуск электроэнергии на строящейся ХТЭЦ-4	гут/кВт·ч	252,35
Переводной коэффициент	тыс. м ³ /т.у.т.	0,81

¹⁵ ИнфоТЭК. Москва выпустила «зеленые» облигации для закупки электробусов. Режим доступа: <https://itek.ru/news/moskva-vypustila-zelenye-obligacii-dlya-zakupki-elektrobusov> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2023 г. № 4013-р «Об утверждении перечня генерирующих объектов тепловых электростанций, подлежащих модернизации (реконструкции) или строительству в неценовых зонах оптового рынка электрической энергии и мощности». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408223511/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.01.2019 г. № 43 «О проведении отборов проектов модернизации генерирующих объектов тепловых электростанций». Режим доступа: <https://base.garant.ru/72160594/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ ПАО «РусГидро». Отчет по проведению публичного технологического и ценового аудита проектной документации по объекту «Хабаровская ТЭЦ-4 с внеплощадной инфраструктурой». Режим доступа: https://rushydro.ru/activity/invest/pricing_audit/2021 (дата обращения: 01.05.2025).

Показатель	Единица измерения	Значение
Годовая экономия расхода топлива, в том числе:		
– условного ((п. 2 – п. 3) · п. 1 / 1 000);	тыс. т.у.т.	170,9
– натурального (п. 5.1 · п. 4)	млн м ³	137,9
Цена на топливо	руб./тыс. м ³	6 746,0
Годовая экономия расходов на топливо (п. 5.2 · п. 6)	тыс. руб.	930 049,36

Составлено автором по материалам источников [10] и ¹⁹

Снижение удельного расхода условного топлива на производство электроэнергии в результате установки нового оборудования и перехода на газовое топливо приведет к получению компанией ежегодной экономии расходов на топливо на сумму 930 млн руб.

Текущая (приведенная) стоимость ежегодной экономии расходов на топливо, аккумулируемой за ожидаемый срок службы нового оборудования, может быть определена на основании формулы текущего аннуитета:

$$PVA_n = \sum_{t=1}^n \frac{PMT}{(1+k)^t} = PMT \cdot \sum_{t=1}^n \frac{1}{(1+k)^t} = PMT \cdot \frac{\left[1 - \frac{1}{(1+k)^n}\right]}{k}, \quad (1)$$

где PMT – ежегодная сумма экономии расходов на топливо; n – срок службы оборудования, лет; k – ставка дисконта, %.

При сроке службы оборудования 25 лет и ставке дисконта 8 % текущая (приведенная к ценам нулевого года) стоимость ежегодной аккумулируемой экономии расходов на топливо составляет:

$$PVA_n = 930,05 \text{ млн руб.} \cdot \frac{\left[1 - \frac{1}{(1+0,08)^{25}}\right]}{0,08} = 930 \text{ млн руб.} \cdot 10,67 = 9\,928,07 \text{ млн руб.} \quad (2)$$

Таким образом, накопленная годовая экономия расходов на топливо, приведенная к началу инвестиционного периода, достигает третьей части от величины инвестиций по проекту (9 928,07 млн руб. / 30 109,2 млн руб. = 33 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Источником финансирования (возврата заемных средств) по масштабной программе модернизации ТЭС РФ является дополнительная плата за мощность. При этом получаемая в результате модернизации экономия эксплуатационных расходов при определении данной платы за мощность не учитывается.

За рубежом реализация крупных инфраструктурных проектов осуществляется на принципах проектного финансирования, предусматривающих оплату капитальных затрат на этапе строительства за счет заемных средств, возвращаемых и обслуживаемых за счет прибыли по проекту. В проектах модернизации, направленных на улучшение технико-экономических показателей оборудования, значимым источником прибыли является экономия эксплуатационных затрат.

На примере инвестиционного проекта модернизации Хабаровской ТЭЦ показано, что установка современного оборудования позволяет заметно сократить ежегодные эксплуатационные расходы, прежде всего на топливо. В частности, замена устаревшего паротурбинного оборудования приведет к увеличению КПД электростанции и снижению затрат на топливо почти на 30 % по сравнению с затратами до модернизации. Результаты сравнительного анализа показали, что приведенная стоимость экономии только топливных расходов, накопленной в течение срока службы оборудования, при ставке дисконта 8 %, составляет почти треть часть нормативных инвестиционных затрат по проекту. Таким образом, учет полной экономии эксплуатационных расходов при определении платы за мощность для генерирующих объектов, подлежащих модернизации, может значительно сократить ее величину.

¹⁹ ПАО «РусГидро». Отчет по проведению публичного технологического и ценового аудита проектной документации по объекту «Хабаровская ТЭЦ-4 с внеплощадной инфраструктурой». Режим доступа: https://rushydro.ru/activity/invest/pricing_audit/2021 (дата обращения: 01.05.2025).

Список литературы

1. Мясников Н.И. Опыт применения газотурбинных и парогазовых установок в ПАО «Мосэнерго». В кн.: Фундаментальные проблемы исследований, разработок и реализации научных достижений в области газовых турбин в российской экономике: материалы LXV научно-технической сессии по проблемам газовых турбин и парогазовых установок, Санкт-Петербург, 18–19 сентября 2018 г. М.: Всероссийский теплотехнический институт; 2018. С. 25–33.
2. Шувалова Д.Г., Овчинникова Ю.А., Лыкова О.А. Сравнительный анализ отраслевых рынков энергомашиностроительной отрасли и энергетики. E-Managment. 2022;2(5):109–120. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
3. Орлова Ю.А. Оптовый рынок электроэнергии и мощности: возрождение регулирования? ЭКО. 2019;4:113–131. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-4-113-131>
4. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов. Пер. с англ. Н.Н. Барышниковой. 2^е изд. М.: Олимп-Бизнес; 2010. 977 с.
5. Ёскомб Э.Р. Принципы проектного финансирования. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2015. 408 с.
6. Черняховская Ю.В., Дьяконов М.О. Модель финансирования строительства АЭС на примере проекта манкала в Финляндии. Корпоративные финансы. 2017;4(14):44–66.
7. Судас Л.Г., Бобылева А.З., Львова О.А. Зарубежный опыт проектного финансирования в электроэнергетике. Государственное управление. Электронный вестник. 2011;29.
8. Черняховская Ю.В., Корольков Д.А. Государственно-частное партнерство в атомной энергетике: опыт США. Финансы: теория и практика. 2017;1(21):91–105.
9. Горбачева Т.А., Буневич К.Г. Анализ практики «зеленых» финансов в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Российской Федерации. Управление. 2022;3(10):29–37. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-29-37>
10. Штым А.Н., Штым К.А. Энергетика Дальнего Востока: учебное пособие для вузов. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет; 2017. 163 с.

References

1. Myasnikov N.I. Experience in the use of gas turbine and combined-cycle gas installations in PJSC Mosenergo. In: Fundamental problems of research, development and implementation of scientific achievements in the field of gas turbines in the Russian economy: Proceedings of the LXV Scientific and Technical Session on the Problems of Gas Turbines and Combined-cycle Gas Installations, St. Petersburg, September 18–19, 2018. Moscow: All-Union Thermal Engineering Institute; 2018. Pp. 25–33.
2. Shuvalova D.G., Ovchinnikova Yu.A., Lykova O.A. Industrial markets of the power engineering industry and energy: comparative analysis. E-Managment. 2022;2(5):109–120. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
3. Orlova Yu.A. Russian wholesale markets for electricity and capacity: regulation revival? ECO. 2019;4:113–131. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-4-113-131>
4. Brealey R., Myers S. Principles of corporate finance. Trans. from Eng. N.N. Baryshnikova. 2nd ed. Moscow: Olimp-Business; 2010. 977 p. (In Russian).
5. Yescombe E.R. Principles of project finance. Trans. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2015. 408 p. (In Russian).
6. Chernyakhovskaya Yu.V., Dyakonov M.O. Financial model of a NPP construction a case study of the mankala project in Finland. Journal of Corporate Finance Research. 2017;4(14):44–66. (In Russian).
7. Sudas L.G., Bobyleva A.Z., Lvova O.A. Foreign experience of project financing in the electric power industry. Public Administration. E-Journal. 2011;29. (In Russian).
8. Chernyakhovskaya Yu.V., Korolkov D.L. Public-private partnership in nuclear energy: the USA experience. Finance: Theory and Practice. 2017;1(21):91–105. (In Russian).
9. Gorbacheva T.A., Bunevich K.G. Green finance in the United States of America, United Kingdom and Russian Federation: practice analysis. Management. 2022;3(10):29–37. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-29-37>
10. Shtym A.N., Shtym K.A. Power engineering of the Far East: textbook for universities. Vladivostok: Far Eastern Federal University; 2017. 163 p. (In Russian).

Влияние DeFi (децентрализованных финансов) и ВСТ (блокчейн-технологий) на рыночную капитализацию компаний

Гейдаров Рустам Ирзаевич

Студент

ORCID: 0009-0004-5266-5247, e-mail: rusgmain@gmail.com

Харчилава Гоча Патаевич

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической политики и экономических измерений,

ORCID: 0000-0002-0574-9390, e-mail: ts-5@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва

Аннотация

В условиях стремительного развития цифровых технологий децентрализованные финансы (англ. decentralized finance, далее – DeFi) и блокчейн-технологии (англ. blockchain technologies, далее – ВСТ) становятся важными инструментами, оказывающими существенное влияние на капитализацию компаний в различных секторах экономики. DeFi представляет собой инновационную финансовую экосистему, функционирующую без участия традиционных финансовых посредников и предоставляющую доступ к финансовым услугам через смарт-контракты. Цели работы – исследование влияния DeFi и ВСТ на капитализацию компаний, выявление новых методов оценки капитализации, которые используются в условиях децентрализованных финансов, а также определение перспектив применения данных технологий для повышения инвестиционной привлекательности организаций. Также анализируется влияние ВСТ на автоматизацию и ускорение бизнес-процессов, что позволяет компаниям снижать транзакционные издержки и улучшать показатели эффективности. Работа носит теоретико-аналитический характер и основывается на изучении научных публикаций, аналитических отчетов и практических примеров использования DeFi и ВСТ. Также рассматриваются кейсы из корпоративной практики и возможные сценарии масштабирования подобных решений. Выводы могут быть полезны для исследователей, предпринимателей и инвесторов, заинтересованных в изучении экономических аспектов децентрализованных финансов и блокчейн-технологий.

Ключевые слова

Децентрализованные финансы, блокчейн-технологии, капитализация компаний, LTV, TVL, MC/TVL, экономическая ценность, инвестиционная привлекательность, автоматизация бизнес-процессов, цифровые активы

Для цитирования: Гейдаров Р.И., Харчилава Г.П. Влияние DeFi (децентрализованных финансов) и ВСТ (блокчейн-технологий) на рыночную капитализацию компаний // Вестник университета. 2025. № 7. С. 180–188.

Impact of decentralised finance and blockchain technology on the market capitalisation of companies

Rustam I. Geydarov

Student

ORCID: 0009-0004-5266-5247, e-mail: rusgmain@gmail.com

Gocha P. Kharchilava

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Policy and Economic Dimensions Department

ORCID: 0000-0002-0574-9390, e-mail: ts-5@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

In the context of rapid digital technology development, decentralised finance (hereinafter referred to as DeFi) and blockchain technologies (hereinafter referred to as BCT) become essential tools that significantly influence the capitalisation of companies across various sectors of the economy. DeFi represents an innovative financial ecosystem that operates without traditional financial intermediaries and provides access to financial services through smart contracts. The purpose of this article is to explore the impact of DeFi and BCT on company capitalisation, to identify new methods for evaluating capitalisation used in the decentralised finance environment, and to determine the potential of these technologies in enhancing corporate investment attractiveness. The article also analyses the influence of BCT on the automation and acceleration of business processes, enabling companies to reduce transaction costs and improve efficiency metrics. The study is theoretical and analytical in nature, based on a review of scientific publications, analytical reports, and practical cases of DeFi and BCT implementation. The conclusions may be useful for researchers, entrepreneurs, and investors interested in the economic aspects of decentralised finance and blockchain technologies.

Keywords

Decentralised finance, blockchain technologies, company capitalisation, LTV, TVL, MC/TVL, economic value, investment attractiveness, business process automation, digital assets

For citation: Geydarov R.I., Kharchilava G.P. (2025) Impact of decentralised finance and blockchain technology on the market capitalisation of companies. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 180–188.

ВВЕДЕНИЕ

В современный период децентрализованные финансы (англ. decentralised finance, далее – DeFi) и технологии распределенного реестра (далее – ТРР), также известные как блокчейн-технологии (англ. blockchain technology, далее – ВСТ), утвердились в качестве ключевых катализаторов цифровой трансформации глобальной экономической системы. Применение инновационных платформ и протоколов, основанных на ТРР для осуществления децентрализованных финансовых транзакций, приводит к фундаментальным изменениям в традиционных моделях организации бизнес-процессов, управления активами и корпоративной оценки.

DeFi, обеспечивая прямой доступ пользователей к финансовым инструментам без участия традиционных финансовых посредников, в сочетании с ВСТ, гарантирующими безопасность, прозрачность и неизменность данных, создают предпосылки для эволюции моделей корпоративного управления и расширения финансовой доступности. Как следствие, наблюдается формирование адаптивных, устойчивых и технологически развитых бизнес-структур, привлекающих возрастающий интерес со стороны как частных, так и институциональных инвесторов.

Традиционные подходы к оценке капитализации компаний, такие как оценка рыночной стоимости акций или чистых активов, часто оказываются недостаточными для анализа организаций, использующих технологии на базе DeFi и ВСТ в своей деятельности. В этом контексте набирают популярность новые финансовые метрики, такие как LTV (англ. loan-to-value ratio – соотношение кредита к стоимости приобретаемого актива), TVL (англ. total value locked – общая заблокированная стоимость) и MC/TVL (англ. market cap to total value locked – соотношение рыночной капитализации и общей заблокированной стоимости), которые позволяют более точно оценивать экономическую эффективность, уровень ликвидности и инвестиционную привлекательность проектов.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом инвесторов к компаниям, ориентированным на цифровые и децентрализованные технологии, влиянием DeFi и ВСТ на процессы автоматизации и цифровизации бизнеса, а также потенциалом повышения капитализации за счет внедрения инновационных решений.

Целями данной статьи являются исследование влияния DeFi и ВСТ на капитализацию компаний, анализ применяемых методов финансовой оценки, а также выявление факторов, способствующих улучшению инвестиционной привлекательности организаций, интегрирующих данные технологии.

Задачи:

- 1) рассмотреть основные финансовые метрики, применяемые для оценки капитализации компаний в условиях DeFi и ВСТ;
- 2) исследовать влияние DeFi и ВСТ на автоматизацию бизнес-процессов и повышение их эффективности;
- 3) определить инновационный потенциал и инвестиционную привлекательность DeFi и ВСТ в сравнении с традиционными подходами;
- 4) сформировать выводы о влиянии DeFi и ВСТ на капитализацию компаний и представить практические рекомендации по их применению в корпоративной стратегии.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КАПИТАЛИЗАЦИИ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ DEFI И ВСТ

Блокчейн-технология – это децентрализованная и распределенная база данных, которая использует криптографию для обеспечения безопасности и целостности данных [1]. Она уже активно применяется в различных секторах экономики.

В условиях стремительного развития децентрализованных финансов и блокчейн-технологий возникает необходимость в переосмыслении и адаптации традиционных методов оценки капитализации компаний. Классических финансовых метрик, таких как рыночная капитализация, стоимость чистых активов или балансовая прибыль, часто оказывается недостаточно для адекватного анализа динамики и потенциала компаний, работающих в сфере DeFi и активно использующих ВСТ. Это связано как с высокой степенью цифровизации, так и с особенностями децентрализованных экосистем, в которых значимы иные параметры, отражающие поведение пользователей, ликвидность и технологическую активность. Поэтому в последние годы были разработаны новые метрики, специально адаптированные для оценки цифровых платформ и блокчейн-базированных компаний [2]. Они применяются все активнее.

LTV – это соотношение между объемом выданного кредита и стоимостью предоставленного залога. Эта метрика особенно актуальна в рамках DeFi-протоколов, где пользователи могут получать займы, используя в качестве обеспечения свои цифровые активы. В отличие от традиционного финансового сектора, где LTV рассчитывается статично, в DeFi-среде он изменяется в реальном времени, в зависимости от волатильности залогового обеспечения. Примером служат платформы Aave и Compound, где смарт-контракты автоматически отслеживают уровень LTV и предпринимают корректирующие действия в случае его критического роста, что минимизирует риски как для кредиторов, так и для всей экосистемы [2].

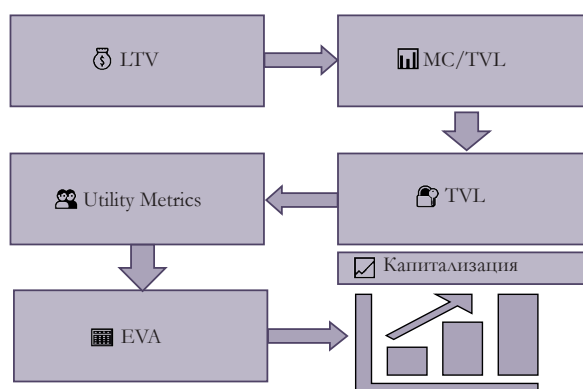
TVL – совокупный объем средств, заблокированных в смарт-контрактах на платформе. Этот показатель позволяет судить о популярности, доверии пользователей и общем уровне активности на платформе. Например, TVL Uniswap в 2024 г. превысил 10 млрд долл. США, демонстрируя высокую вовлеченность и доверие аудитории. Кроме того, TVL – это ключевая метрика для анализа ликвидности, устойчивости протокола и оценки потенциала капитализации [2].

MC/TVL ratio – соотношение рыночной капитализации проекта к объему заблокированных средств. Этот коэффициент позволяет судить о рыночной переоцененности или недооцененности платформы. При значении более 1 инвесторы демонстрируют уверенность в долгосрочной перспективе проекта, а при значении менее 1 возможны сигналы о его недооцененности. Так, платформа SushiSwap в пиковые периоды имела MC/TVL выше 1,5, что делало ее особенно привлекательной для стратегических инвесторов [2].

Метрики использования (англ. utility metrics) включают такие показатели, как количество уникальных активных пользователей, ежедневные транзакции, объемы операций и вовлеченность сообщества. Эти параметры позволяют оценить реальную экономическую активность внутри платформы. Например, платформа PancakeSwap стабильно демонстрирует высокую пользовательскую вовлеченность, что, в свою очередь, положительно отражается на ее рыночной стоимости [2].

Экономическая добавленная стоимость (англ. economic value added, далее – EVA) является важной метрикой при оценке эффективности внедрения ВСТ в традиционные компании. В отличие от DeFi-протоколов, здесь ключевую роль играют снижение издержек, оптимизация внутренних процессов и повышение скорости транзакций. Ярким примером выступает публичное акционерное общество (далее – ПАО) «Сбербанк», внедривший блокчейн для межбанковских операций и токенизации активов. Это позволило повысить EVA за счет уменьшения операционных издержек и увеличения прозрачности процессов, что в конечном итоге отразилось на росте капитализации [3].

Таким образом, рассмотренные метрики позволяют более точно оценивать как DeFi-платформы, так и компании традиционного сектора, интегрирующие элементы ВСТ. Они формируют новую парадигму финансовой оценки, ориентированную на цифровые активы, сетевой эффект и децентрализованные архитектуры (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Методы оценки капитализации компаний в условиях DeFi и ВСТ

Объем средств, заблокированных в протоколах децентрализованных финансов (TVL), демонстрирует устойчивый и впечатляющий рост, подтверждая положительную динамику развития DeFi и блокчейн-технологий. Так, в январе 2024 г. TVL составлял около 54 млрд долл. США, а уже к концу первого квартала вырос на 72 % до 93 млрд долл. США. В течение 2024 г. рост продолжился: к июню TVL

достигал почти 105 млрд долл. США, а к концу года превысил 140 млрд долл. США – это максимальные показатели за последние три года после спада в 2022–2023 гг. В начале 2025 г. TVL оставался на уровне около 129 млрд долл. США, что на 137 % выше по сравнению с январем 2024 г. Такой рост был обусловлен как ростом цен на криптовалюты, так и технологическими улучшениями, которые сделали DeFi более быстрым и доступным. Ведущие протоколы, такие как Aave и Lido, вместе контролируют свыше 36 % всех заблокированных активов, что подчеркивает концентрацию капитала и доверие инвесторов к ключевым платформам. Эти данные свидетельствуют о том, что DeFi становится все более значимой и результативной частью финансовой экосистемы, способствуя автоматизации процессов и повышению экономической эффективности компаний и пользователей¹.

ВЛИЯНИЕ DEFI И ВСТ НА АВТОМАТИЗАЦИЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

DeFi и ВСТ представляют собой трансформационные инструменты, существенно влияющие на парадигмы автоматизации и экономической целесообразности бизнес-процессов в различных секторах. Их внедрение сопряжено с рядом весомых преимуществ: ускорением операционных циклов, снижением транзакционных расходов, повышением уровня защищенности и прозрачности информационных потоков, а также редукцией ошибок, обусловленных человеческим фактором.

Центральную роль в этом процессе играют смарт-контракты, позволяющие автоматизировать выполнение широкого спектра задач, ранее зависевших от посредников или ручного труда. Реализованные на блокчейне, смарт-контракты автоматически исполняются при наступлении заранее оговоренных и запрограммированных условий. Это приводит к значительному сокращению времени обработки транзакций, уменьшению вероятности операционных сбоев и к оптимизации издержек на взаимодействие между участниками [4].

Эффективность смарт-контрактов наглядно демонстрируют DeFi-протоколы, включая Uniswap и Aave. Они предоставляют пользователям возможность без посредников и в режиме реального времени обменивать цифровые активы, получать кредиты и выступать поставщиками ликвидности. Эти сервисы функционируют непрерывно (круглосуточно), отличаются минимальными комиссионными сборами и ясностью регламентов.

В традиционных финансовых институтах, таких как банки и страховые компании, внедрение ВСТ позволяет существенно оптимизировать процессы, связанные с верификацией данных, управлением транзакциями и обработкой контрактов. Например, «Сбербанк» использует блокчейн для автоматизации документооборота и токенизации активов, что способствует ускорению расчетов и повышению экономической эффективности [5].

Одним из ключевых преимуществ применения DeFi и ВСТ является снижение транзакционных издержек за счет исключения посредников и цифровизации бизнес-процессов. В классических финансовых системах (централизованные финансы, англ. centralised finance) обработка транзакций требует участия банков, брокеров, платежных систем и других посредников, что увеличивает операционные затраты и замедляет процессы. В DeFi-среде подобные издержки практически исключаются, а комиссии за транзакции формируются более гибко, исходя из условий сети.

Увеличению эффективности способствует и сокращение расходов на контрольные процедуры, аудит и обеспечение сохранности данных. Блокчейн создает высокий уровень доверия между участниками, так как его записи невозможно изменить или подделать, они полностью прозрачны, а все транзакции доступны для верификации в режиме реального времени. Это имеет ключевое значение для организаций, работающих с крупными массивами информации и проводящих операции, где необходима полная прозрачность.

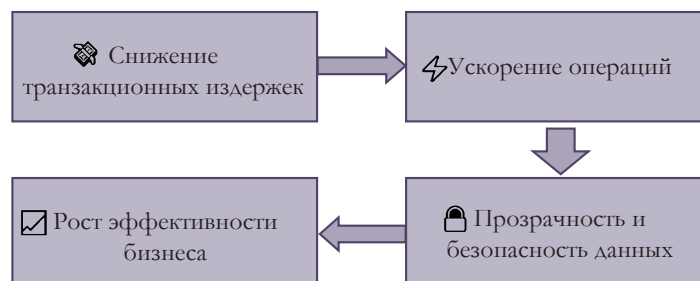
В частности, компании из сферы логистики и торговли, включая International Business Machines Corporation и Walmart, применяют блокчейн-технологии для отслеживания перемещения товаров по цепочкам поставок, оптимизации документооборота и защиты от подделок. Схожие технологические решения находят применение в энергетической отрасли, страховом бизнесе и в государственном управлении – областях, где прозрачность, оперативность и юридическая защищенность операций играют первостепенную роль.

Deloitte разработала платформу Rubix, которая используется для создания децентрализованных решений в аудите и финансовом контроле. Так, компания, которая внедрила блокчейн-систему для отслеживания транзакций в цепочках поставок клиентов, может проводить аудит в режиме реального времени без необходимости ручной сверки.

¹ Statista. TVL (total value locked) across multiple decentralized finance (DeFi) blockchains from April 2018 to August 12, 2025. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1272181/defi-tvl-in-multiple-blockchains/> (дата обращения: 07.04.2025).

Также компания, предоставляющая юридические услуги, DLA Piper, уже активно использует смарт-контракты для автоматизации юридических процедур, таких как распределение выплат по страховым полисам и исполнение условий сделок M&A (англ. mergers and acquisitions – слияние и поглощение). Такая технология уже сокращает затраты на юридическое сопровождение и минимизирует риск юридических споров, поддерживая прозрачность юридических процессов.

Прозрачность процессов особенно значима для компаний, функционирующих в условиях децентрализованных финансов, где доверие пользователей и партнеров напрямую влияет на популярность платформы, устойчивость ее экономической модели и, в конечном счете, на капитализацию [2] (табл. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Влияние DeFi и BCT на автоматизацию и экономическую эффективность

Согласно исследованию PricewaterhouseCoopers (далее – PwC), более 50 % глобальных компаний уже реализуют блокчейн-инициативы, что способствует значительной экономии средств, повышению безопасности, прозрачности и эффективности бизнеса. В отчете PwC отмечается, что блокчейн-технологии способны привести к росту мировой экономики на 1,7 трлн долл. США к 2030 г. Аналитики выделяют 5 ключевых областей применения блокчейна с высоким потенциалом создания ценности: отслеживание денежных потоков, платежи и финансовые услуги, управление идентификацией, контракты и урегулирование споров, а также взаимодействие с клиентами. PwC подчеркивает, что для успешного развития технологии необходимы поддержка высшего руководства и благоприятная бизнес-экосистема².

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Одним из важнейших факторов, способствующих росту капитализации компаний, является их инновационный потенциал. В условиях стремительного развития децентрализованных финансов и блокчейн-технологий инвестиционная привлекательность компаний во многом определяется степенью интеграции передовых цифровых решений в их бизнес-процессы и финансовые модели.

DeFi и BCT представляют собой мощные инструменты цифровой трансформации, позволяющие организациям получать конкурентные преимущества за счет применения новаторских подходов к управлению активами, автоматизации операций, повышению прозрачности и оптимизации финансовых взаимодействий. Инновационный потенциал данных технологий проявляется в следующих аспектах.

Создание новых финансовых продуктов, таких как децентрализованные биржи, платформы кредитования, страхования и стейкинга, что способствует развитию альтернативной инфраструктуры вне традиционных финансовых институтов [4].

Возможность токенизации активов, включая недвижимость, сырье и права на интеллектуальную собственность, что расширяет доступ к инвестициям, снижает порог входа и повышает ликвидность активов.

Децентрализованные финансы и блокчейн-технологии могут помочь компаниям минимизировать использование западных платежных систем, таких как SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи), и традиционных банковских инструментов, что является уникальным и важным в условиях санкционных ограничений. Для стран, столкнувшихся с изоляцией от глобального финансового рынка, такое решение может стать инструментом для сохранения ликвидности и доступа к международным операциям, что напрямую влияет на капитализацию компаний через устойчивость их бизнес-моделей.

² TAdvisor. Рост объема мирового рынка блокчейн-технологии для идентификации до \$1,1 млрд. Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_\(мирово\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_(мирово)) (дата обращения: 07.04.2025).

Применение смарт-контрактов для построения автоматизированных систем управления активами, расчетами и сервисами, где доверие обеспечивается не посредниками, а технологией [5].

Компании, внедряющие DeFi и BCT, все чаще рассматриваются инвесторами как технологически ориентированные и перспективные, что способствует увеличению их капитализации. Особое внимание уделяется таким параметрам, как гибкость, масштабируемость решений и способность быстро адаптироваться к меняющимся условиям рынка [5].

Цифровой рубль может создать для компаний безопасную экономическую среду за счет своей высокой прозрачности и защищенности всех операций. Благодаря технологии распределенного реестра каждая транзакция получает уникальный идентификатор, что снижает риски мошенничества и подделки платежей. Кроме того, цифровой рубль обеспечивает полный контроль и мониторинг движения средств, что способствует выявлению и сокращению теневой экономики, – компании смогут прозрачнее вести учет и отчетность, уменьшая возможность скрытых или нелегальных финансовых схем. За счет снижения комиссий и автоматизации расчетов с помощью смарт-контрактов бизнес получает более эффективные и быстрые финансовые операции с меньшими издержками. В совокупности это помогает создать доверительную, безопасную и прозрачную экономическую среду, где компании уверены в честности партнеров и защищенности своих средств, что особенно актуально в современных условиях динамичной и цифровой экономики [6].

Влияние DeFi и BCT на инвестиционную привлекательность компаний заключается не только в возможностях снижения транзакционных издержек и автоматизации процессов, но и в значительном повышении прозрачности деятельности. Использование блокчейн-технологий позволяет отслеживать и верифицировать транзакции в режиме реального времени, что создает высокий уровень доверия со стороны пользователей, инвесторов и регуляторов [7].

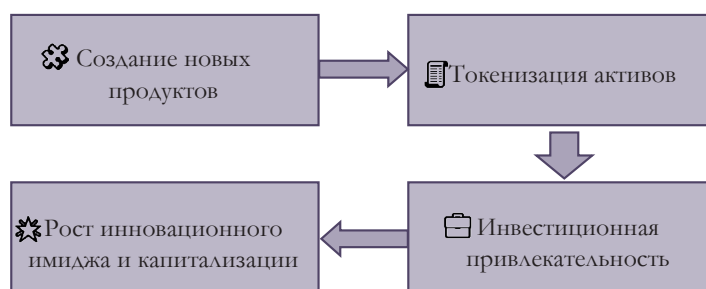
Компании, активно применяющие DeFi и BCT, демонстрируют высокие темпы цифровизации и роста, а также все чаще становятся объектами интереса со стороны не только частных, но и институциональных инвесторов. Примером является «Сбербанк», который интегрирует блокчейн-решения для оптимизации платежных процессов, токенизации активов и увеличения операционной эффективности, что в долгосрочной перспективе повышает как EVA, так и общую рыночную оценку [4].

Дополнительно инновационность DeFi и BCT формирует основу для возникновения позитивных ожиданий у инвесторов. Компании, первыми внедряющие передовые технологии, воспринимаются как лидеры цифровой трансформации и получают преимущества в позиционировании на рынке капитала. Это создает имидж инновационного лидера и способствует привлечению долгосрочных инвестиций.

Тем не менее, несмотря на высокий инновационный потенциал DeFi и BCT, необходимо учитывать существующие риски и ограничения. К основным барьерам относятся:

- 1) недостаточный уровень правового регулирования и неопределенность юридического статуса криптовалют и DeFi-протоколов в различных юрисдикциях;
- 2) уязвимости в коде смарт-контрактов, возможность хакерских атак и потерь средств пользователей;
- 3) высокая волатильность цифровых активов, что может негативно повлиять на устойчивость бизнес-моделей и капитализацию компаний.

Для эффективного применения DeFi и BCT в традиционных и цифровых компаниях требуется комплексный подход: детальный анализ рисков, формирование правовой базы, разработка механизмов аудита и кибербезопасности, а также интеграция данных технологий в стратегическое управление [2] (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Инновационный потенциал и инвестиционная привлекательность DeFi и BCT

Сегодня все больше компаний, как в криптовалютной индустрии, так и в традиционных секторах экономики, внедряют технологии DeFi и BCT в свою бизнес-модель, стремясь повысить финансовые и операционные показатели. Подобные практики становятся ключевыми для формирования устойчивого конкурентного преимущества в условиях цифровой трансформации [4].

Так, ПАО «Сбербанк» внедрил собственную блокчейн-платформу SberBlockchain, которая используется для межбанковских переводов, цифровых активов и смарт-контрактов. Уже в 2021 г. платформа была официально зарегистрирована в реестре Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), а банк начал выпуск токенизированных активов. Это позволило позиционировать «Сбер» как один из технологических лидеров отечественного банковского сектора, что благоприятно повлияло на его инвестиционный имидж.

Компания «Росгосстрах», совместно с банком ВТБ, протестировала внедрение блокчейна для автоматизации процессов урегулирования страховых случаев. Внедрение технологии позволило сократить время обработки заявок, повысить прозрачность процессов и значительно снизить уровень мошенничества, что улучшило клиентский опыт и укрепило доверие к компании.

«Норильский никель» применяет блокчейн-платформу Atomyze для токенизации производимых металлов, включая палладий и никель. Токены обеспечены реальными активами и могут свободно обращаться между институциональными и частными инвесторами. Такая модель позволяет повысить ликвидность продукции, улучшить контроль за поставками и упростить инвестиционные сделки на сырьевом рынке.

Компания «МТС» запустила собственную блокчейн-платформу под названием MTS Blockchain, которая применяется для администрирования цифровых прав и охраны интеллектуальной собственности. На этой базе разрабатываются защищенные сервисы для телекоммуникационного сектора, сферы здравоохранения и системы государственных закупок. Внедрение MTS Blockchain позволило МТС усилить безопасность клиентских данных, упростить идентификацию пользователей и подтвердить свое технологическое лидерство.

«Альфа-Банк» участвует в экспериментальном проекте по внедрению цифровой валюты ЦБ РФ. Параллельно банк активно создает решения на смарт-контрактах для автоматизации работы с цифровыми активами для частных и корпоративных клиентов, что способствует ускорению операций, снижению затрат и увеличению их прозрачности³.

Стартап Provenance создал успешный проект по применению блокчейна для контроля движения товаров в логистической цепи. Этот проект даст возможность компаниям отслеживать все стадии перевозки продукции с целью оптимизации логистики между точками продаж и повышения эффективности управления складскими остатками⁴.

ПАО «Аэрофлот» разрабатывает решение на основе блокчейна для цифровизации систем продажи авиабилетов и управления программами лояльности, что нацелено на повышение эффективности противодействия мошенническим операциям⁵.

ПАО «Газпром нефть» интегрирует блокчейн-технологии в сферы логистики и управленческого контроля. Применение ТРП в данной компании охватывает отслеживание поставок топлива, управление логистическими цепочками и проведение взаимных расчетов с подрядчиками, способствуя увеличению транспарентности взаимодействий, снижению операционных рисков и обеспечению контроля в режиме реального времени⁶.

Применение блокчейн-технологий позволяет перечисленным компаниям снижать транзакционные издержки, ускорять внутренние процессы, усиливать прозрачность операций и одновременно формировать образ технологически продвинутых и надежных участников рынка. Все это прямо влияет на их инвестиционную привлекательность, повышает доверие со стороны контрагентов и способствует росту капитализации⁷.

³ Банк России. Цифровой рубль. Режим доступа: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 07.04.2025).

⁴ Новикова К. Топ-5 блокчейн проектов в сфере логистики. Режим доступа: <https://digiforest.io/blog/blockchain-in-logistics> (дата обращения: 07.04.2025).

⁵ TAdvisor. Университет Иннополис, «Аэрофлот» и BitFury создадут первую в России полностью верифицированную блокчейн-платформу. Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Аэрофлот_\(Проекты_на_базе_блокчейн-технологии\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Аэрофлот_(Проекты_на_базе_блокчейн-технологии)) (дата обращения: 07.04.2025).

⁶ AVL. Блокчейн – как технология будущего будет использована в логистике. Режим доступа: <https://www.avlcompany.ru/news/blokcheyn-kak-tehnologiya-budushchego-budet-ispolzovana-v-logistike> (дата обращения: 07.04.2025).

⁷ Organisation for Economic Co-operation and Development. Finance and investment. Режим доступа: <https://www.oecd.org/finance/defi-challenges-and-policy-responses.htm> (дата обращения: 07.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте цифровизации экономики децентрализованные финансы и блокчейн-технологии оказывают возрастающее воздействие на капитализацию компаний. Исследование подтверждает, что их применение не только способствует разработке инновационных подходов к оценке капитализации, но и коренным образом изменяет управление активами, инвестиционные стратегии и автоматизацию бизнес-процессов.

Использование метрик, таких как LTV, TVL, MC/TVL и EVA, позволяет точнее и динамичнее оценивать экономическую эффективность как децентрализованных систем, так и традиционных предприятий, внедряющих блокчейн. Компании, оптимизирующие транзакции, документооборот и повышающие прозрачность посредством ВСТ, демонстрируют рост инвестиционной привлекательности.

Интеграция DeFi и ВСТ в корпоративную деятельность ведет к значительному повышению операционной эффективности за счет снижения затрат, ускорения операций, улучшения взаимодействия с контрагентами и усиления кибербезопасности. Для технологических лидеров раннее внедрение данных инноваций становится ключевым фактором укрепления доверия инвесторов, рыночной репутации и улучшения финансовых показателей.

Вместе с тем эффективное использование указанных технологий требует своевременного реагирования на сопутствующие вызовы: несовершенство правового регулирования, уязвимости смарт-контрактов, риски безопасности и высокая ценовая изменчивость цифровых активов. Это обуславливает потребность в постоянном мониторинге, юридической проработке и создании механизмов защиты пользователей и инвесторов.

Таким образом, DeFi и ВСТ обладают значительным инновационным потенциалом и открывают новые горизонты для повышения капитализации компаний, трансформации бизнес-моделей и укрепления цифровой экономики в целом. Перспективы дальнейшего изучения и применения данных технологий позволяют рассчитывать на формирование более эффективных, прозрачных и устойчивых финансовых экосистем будущего.

Список литературы

1. *Баланов А.Н.* Блокчейн: учебное пособие для вузов. СПб.: Лань; 2024. 212 с.
2. *Шаповалов С.В.* Инновационные технологии в финансовой сфере: вызовы и перспективы. Экономика и управление. 2023;2:58–63.
3. *Мартынов А.С., Ильин И.В.* Методы оценки цифровых финансовых активов в децентрализованных системах. Вестник финансовых исследований. 2022;4:37–45.
4. *Liu Y., Tyrynski A.* Risks and returns of cryptocurrency. The Review of Financial Studies. 2021;34(6):2689–2727. <http://doi.org/10.1093/rfs/hhaa113>
5. *Лукашенко Т.Р.* Применение блокчейн-технологий в банковском секторе. Прогрессивная экономика. 2021;5:5–19. http://doi.org/10.54861/27131211_2021_5_5
6. *Кафиятуллина Ю.Н., Харчилава Г.П.* Обеспечение экономической безопасности страны в новых геополитических реалиях. Вестник университета. 2023;7:155–161. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-155-161>
7. *Chen Y., Bellavitis C.* Blockchain disruption and decentralized finance: the rise of decentralized business models. Journal of Business Venturing Insights. 2020;13. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2019.e00151>

References

1. *Balanov A.N.* Blockchain: textbook for universities. St. Petersburg: Lan; 2024. 212 p. (In Russian).
2. *Shapovalov S.V.* Innovative technologies in the financial sector: challenges and prospects. Economics and Management. 2023;2:58–63. (In Russian).
3. *Martynov A.S., Ilyin I.V.* Methods for evaluating digital financial assets in decentralized systems. Bulletin of Financial Research. 2022;4:37–45. (In Russian).
4. *Liu Y., Tyrynski A.* Risks and returns of cryptocurrency. The Review of Financial Studies. 2021;34(6):2689–2727. <http://doi.org/10.1093/rfs/hhaa113>
5. *Lukashenko T.R.* Application of blockchain technologies in the banking sector. Progressive Economics. 2021;5:5–19. (In Russian). http://doi.org/10.54861/27131211_2021_5_5
6. *Kafiatullina Y.N., Kharchilava G.P.* Economic security of the country in new geopolitical realities. Vestnik universiteta. 2023;7:155–161. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-155-161>
7. *Chen Y., Bellavitis C.* Blockchain disruption and decentralized finance: the rise of decentralized business models. Journal of Business Venturing Insights. 2020;13. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2019.e00151>

Бедность в структуре российского общества

Бальбот Надежда Александровна

Аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

ORCID: 0000-0002-4157-1921, e-mail: 4454508@gmail.com

Крыштановская Ольга Викторовна

Д-р социол. наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

ORCID: 0000-0001-5278-0940, e-mail: olgakrysht@yandex.ru

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Анализируются восприятие населением бедности, а также отношение к низшим стратам социальной пирамиды общества. Проведено качественное исследование методом фокус-групповых опросов – выделена 21 фокус-группа, в составе которой были представлены три поколения россиян. Гипотеза о том, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе объединяет маргинализированные и люмпенизированные слои населения, не подтвердилась. Обнаружилось неприятие сложившейся дифференциации общества: людям социально незащищенных групп, рабочих профессий сложно признать, что по уровню доходов они находятся на нижней ступени социума, и они не видят для себя возможности подняться на более высокий уровень. Выявлено, что у представителей всех трех поколений накопились социальные обиды на государство, которое допустило, что честные труженики оказались на грани нищеты. Социально уязвимые группы ассоциируются у людей с бедностью, беспомощностью и несправедливостью их положения. Безработные – это не только те, кто не хочет работать, но и те, кто не может найти достойную работу в своем регионе проживания и вынужден довольствоваться случайными заработками. Так они переходят в категорию прекариата. Россияне отказываются воспринимать низший класс как норму, соответствующую образованию и уровню квалификации людей с небольшими доходами. Маргинализация происходит как на базе культуры бедности, циклически повторяющихся из поколения в поколение паттернов поведения, так и на базе пауперизма – бедности, основанной на опеке государства посредством социальных программ.

Ключевые слова

Социологические исследования, бедность, социальный статус, низший класс, культура бедности, пауперизм, социальное государство, социальное иждивенчество, неравенство

Для цитирования: Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Бедность в структуре российского общества // Вестник университета. 2025. № 7. С. 189–199.

Poverty in the structure of Russian society

Nadezhda A. Balbot

Analyst of the Scientific Centre for Digital Sociology “Yadov-Centre”
ORCID: 0000-0002-4157-1921, e-mail: 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshchanovskaya

Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Scientific Centre for Digital Sociology “Yadov-Centre”
ORCID: 0000-0001-5278-0940, e-mail: olgakrysht@yandex.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, RussiaAbstract

Abstract

The article analyses the population's perception of poverty as well as the attitude to the lower strata of the social pyramid. A qualitative study has been conducted using the focus group survey method – 21 focus groups have been indentified, which includes three generations of the Russians. The hypothesis that the lower class in the view of modern society is a social group which unites marginalised and lumpenised layers of the population, has been not confirmed. There is a rejection of the existing differentiation of society; people from socially vulnerable groups and blue-collar jobs find it difficult to admit that in terms of income they are at the bottom of society and do not see the possibility for themselves to rise to a higher level. We have revealed that representatives of all three generations have accumulated social resentments against the state, which allowed honest workers to be on the verge of poverty. People associate socially underprotected groups with poverty, helplessness, and injustice of their situation. The unemployed are not only those who do not want to work, but also those who cannot find a decent job in their region of residence and are forced to be content with casual labour, becoming a precariat. The Russians refuse to perceive the lower class as the norm, corresponding to education and skill level of people with low incomes. Marginalisation occurs both on the basis of the culture of poverty, cyclically repeated patterns of behaviour from generation to generation, and on the basis of pauperism – poverty founded on state care through social programmes.

Keywords

Sociological studies, poverty, social status, underclass, culture of poverty, pauperism, welfare state, social dependency, inequality

For citation: Balbot N.A., Kryshchanovskaya O.V. (2025) Poverty in the structure of Russian society. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 189–199.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная структура российского общества переживает период трансформации, что отмечают многие исследователи. Наибольшее количество работ, как правило, посвящено среднему классу как самому многочисленному и значимому. Для понимания структуры в целом не менее важны как высший, так и низший классы общества. Богатство и бедность есть проявление крайних статусных позиций в социальной системе. При этом богатство, будучи символом успеха, рассматривается как желательное для большинства, а пораженчество и самоустранение проявляются у тех, кто разочаровывается в возможностях достичь желаемого [1]. Несмотря на то, что, по данным различных исследований, уровень бедности в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) снижается¹, тем не менее в той или иной степени она затрагивает большое количество россиян, а численность людей, находящихся за чертой бедности, повышает актуальность изучения как причин попадания на низший уровень общественной пирамиды, так и необходимую степень поддержки со стороны государства тем, кто там оказался [2].

Согласно ст. 7 Конституции РФ, Россия является социальным государством, которое обеспечивает государственную поддержку нуждающихся граждан, развивает систему социальных служб, устанавливает государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, которые постоянно совершенствуются и становятся более адресными². По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень бедности в РФ в целом за 2023 г. составил 8,5 % и достиг исторического минимума за весь период наблюдений с 1992 г.³ В то же время в обществе наблюдаются явления социального иждивенчества, когда отдельные категории граждан живут за счет государственных средств, не работают, что часто сопряжено с маргинальными проявлениями. На государственных телевизионных каналах можно увидеть конкретные примеры, когда многодетные матери рожают детей вне брака ради получения пособий, появляется когорта так называемых бедных рантье – граждан из числа сирот, которых государство обеспечивает бесплатным жильем. Они объединяются в компании, живут в одном помещении за счет сдачи в аренду социального жилья, не работают и ведут маргинальный образ жизни. Такие категории формально имеют малый доход, но не стремятся его повысить. Таким образом, мы видим все новые категории, которые по своим параметрам могут быть отнесены к низшему классу, при этом часть из них порождается самим государством.

В зависимости от подхода к изучению низшего класса, в числе признаков, которыми объединены представители этой категории, выделяют проживание в отдельных рекреациях (гетто), которые, в соответствии с П. Бурдье, концентрируют вокруг себя все негативные полюса: алкоголизм, отказ от традиционных семейных ценностей, отсутствие постоянного дохода и места работы [3].

Особая актуальность исследования особенностей низшего класса обусловлена необходимостью понимания не только категорий, составляющих этот класс, который находится в стадии становления, но и отношения общества к данным категориям, а также его самоидентификации относительно данного класса. Является ли уровень доходов главным критерием или восприятие своего классового положения влияет на границы низшего класса? Какую роль отводит общество государственной поддержке уязвимых слоев?

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что большинство людей относят к низшему классу в основном маргинализованные и люмпенизированные слои населения, которые не только находятся за чертой бедности, но и отличаются соответствующими особенностями поведения и стиля жизни. Мы предположили, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе состоит из бомжей и людей, ведущих аморальный образ жизни, занявших самую нижнюю страту в силу иждивенческих настроений, нежелания социализироваться и поддерживать достойный уровень жизни.

В работе мы приведем данные авторского исследования, в нем будем отталкиваться от всех аспектов, которыми респонденты характеризуют представителей низшего класса.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://www.hse.ru/rms/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/?ysclid=m4krefrwm0256710247 (дата обращения: 22.03.2025).

³ Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 22.03.2025).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Стоит коротко отметить, что отношение государства к бедным слоям населения менялось с течением времени. В XVII в. церковь и камералистское государство использовали дисциплинарные методы власти для изоляции бедности [4]. Возникло такое понятие, как пауперизм, обозначающее представителей низов, которые трудились в специализированных учреждениях и должны были носить на одежде маркировку с буквой «Р». Пауперы были зависимы от благотворительной помощи, которая выделялась им в обмен на их труд внутри отведенных для них территорий либо за их пределами. Общество считало, что они сами виноваты в своей бедности, они подвергались осуждению, и это считалось нормой. По словам Ю.Д. Гранина, проблема бедности соскальзывала в область моральных категорий, где подлежала осуждению [5].

В XVIII в. бедность признавалась неизбежным и неустранимым явлением, которое выступает следствием промышленного роста и экономического развития [6]. Основной причиной нахождения в низшем классе все еще считались низкие моральные нормы и вредные привычки людей, которые в основном были представителями малооплачиваемых рабочих профессий. Начиная с XIX в. происходит переход от дисциплинарного государства к социально защищающему. Л. фон Штейн пишет о превращении государства в орган обеспечения благосостояния всех классов [7]. Далее происходит постепенное развитие идей социального государства, которое в XX–XXI вв. трансформируется в концепцию государства всеобщего благосостояния [8; 9].

Начиная с середины XX в. сформировались два основных направления определения причин и особенностей бедности. Структурный подход предполагал наличие в обществе определенных позиций, часть из которых обеспечивали тем, кто в них находится, определенный доход, необходимый для поддержания нормального существования. Все остальные, кто не сумел их занять, вне зависимости от своих качеств, оказывались в нижней страте общества и, следовательно, были вынуждены существовать в бедности. Второе направление утверждает, что ценности людей, живущих в бедности, играют важную роль в сохранении их бедственного положения, они передаются из поколения в поколение. Антрополог О. Льюис ввел понятие «культура бедности», которая влияет на мировоззрение, характер и стремление людей, а также на социализацию их детей, которым впоследствии очень сложно вырваться за пределы низшего класса [10]. Как правило, индивиды с культурой бедности характеризуются как маргинальные, ограниченные узким кругом собственных проблем, ареалом проживания, отсутствием образования, классового сознания и стремления расширять свой кругозор. Они чувствуют себя незащищенными, зависимыми и существуют, несмотря на программы по борьбе с бедностью, которые предлагает государство. При дальнейшем изучении стратификации общества с опорой в первую очередь на культурные факторы, в частности, У.А. Уорнером были выделены низший-высший класс, представители которого отличались малоквалифицированным трудом, и маргинализированный низший-низший класс выпавших за пределы общества людей, оказавшихся на самом его дне [11].

В условиях капиталистического строя поддержка людей, оказавшихся в низших стратах, не входила в государственную политику, каждый должен был полагаться только на свои ресурсы и возможности. Как отмечал К. Поланьи, «...пока заработная плата субсидируется обществом, капиталистический строй не может функционировать по-настоящему» [6, с. 96]. В процессе трансформации к социальному государству происходит перераспределение доходов в пользу поддержки нуждающихся, что, в свою очередь, порождает социальное иждивенчество и споры о необходимом уровне поддержки представителей низшего класса.

В России понятие низшего класса, который отсутствовал в советский период в соответствии с принятой идеологией, получило предпосылки к формированию в процессе перехода к рыночной экономике. На данном этапе исследование формирования такого субъекта, как низший класс, недостаточно разработано в отечественной социологии. Проблемы бедной и малоимущей части населения рассматриваются во многих научных работах таких исследователей, как Н.М. Давыдова, Л.Н. Овчарова и др. [12; 13]. Проблематике низшего класса посвящено гораздо меньше материалов, она раскрывается в исследованиях прежде всего Н.Е. Тихоновой, а также М.К. Горшкова, С.С. Ярошенко и др. [14–16]. Ряд работ посвящен социальной политике государства и ее влиянию на формирование низшего класса. Е.Д. Слободенюк приходит к выводу, что этот класс пересекается с бедностью лишь на треть, а зона социального неблагополучия значительно шире официальных оценок и требует увеличения количества мер социальной политики государства [17]. Ю.П. Лежнина считает, что государство способствует воспроизводству низшего класса, хотя и сдерживая отчасти его превращение в андеркласс [18].

Д.В. Петросянц в своей работе отмечает, что для целого ряда регионов РФ характерна проблема, известная как «порочный круг бедности»: сохраняющаяся низкая производительность труда порождает небольшие доходы и отсутствие мотивации [19].

Стоит подробнее остановиться на анализе масштабов и причин бедности в России, основанном на данных общероссийских эмпирических исследований, проведенных Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук в 2003 г., 2013 г. и 2023 г. Ученые, изучая в течение 20 лет как объективную (по доходам), так и субъективную (по самооценкам респондентов) бедность населения, зафиксировали не только снижение доли бедности среди россиян, но и увеличение дифференциации в портретах и особенностях представителей этих двух групп. Объективно бедные меньше отличаются по оценкам своего положения и возможностей в разных сферах от населения в целом, что говорит, с одной стороны, об относительно неглубоком характере бедности по доходам, а с другой – о скромном уровне жизни «типичного» россиянина. Бедные по самооценке отличаются повышенным уровнем пессимизма и тревожности. При этом, по мнению исследователей, группа является гетерогенной и не сводится в составе к пенсионерам как основному адресату социальной политики. Степень недовольства окружающей действительностью и ощущение беспомощности среди них сократились, а бедность по самооценке не является следствием высокой материальной зависимости от государства [20].

Исследуя в 2023 г. восприятие бедности населением качественным методом на основе проведенных фокус-групповых опросов, другой коллектив российских ученых пришел к выводу о том, что большинство бедных в России осознают ограничения своего материального положения, однако назвать себя бедными или малоимущими не готовы. При этом и выхода за пределы низшего класса они для себя не видят, называя причинами своего положения массу внешних, не зависящих от них обстоятельств, которые не позволяют им повысить собственный жизненный уровень [21].

В нашей работе мы изучим мнение самих россиян о бедности, низшем классе и его государственной поддержке. Кроме того, у нас будет возможность сравнить данные, полученные от разных возрастных групп, в том числе респондентов пенсионного возраста. Мы выясним, каково отношение общества к низшему классу, кого оно видит в нем и как характеризует этих людей; готовы ли респонденты отнести себя или своих родственников к низшему классу и какова его доля в российском обществе, по мнению людей; сочувствуют ли граждане данной категории или, наоборот, считают виноватой в том, что они оказались на дне.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирического материала были взяты данные фокус-группового исследования, проведенного в феврале-марте 2023 г. в четырех крупных городах РФ (Москва, Волгоград, Томск, Новосибирск). Всего было опрошено 205 чел. в рамках 21 фокус-группы. Для выявления поколенческого среза данных все респонденты были поделены на три когорты: молодежь (возраст от 18 до 25 лет), их родители (возраст от 36 до 54 лет) и бабушки и дедушки (возраст старше 55 лет). Социализация каждой группы происходила в разное время, поэтому мы фиксировали также различия в отношении к низшему классу представителей каждого поколения.

В ходе проведения фокус-групп респондентам были заданы вопросы о том, к какому классу они относят себя, своих родителей и кого, по их мнению, следует отнести к низшему классу в современной России. Полученные данные были формализованы, анализировались качественным методом с использованием стенограмм с последующей типологизацией по выделенным характеристикам, применялся контент-анализ данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы понять отношение представителей трех поколений к низшему классу и определить, какое место он занимает в социальной структуре российского общества, при проведении опроса мы попросили респондентов для начала определить своими словами, есть ли в России низший класс и кто, по их мнению, в него входит.

Большинство респондентов признали существование этого класса в РФ, однако разошлись в оценке доли, которую он занимает в российском обществе. Чем младше был возраст опрошенных, тем большее место они отводили для низшего класса. По оценке представителей поколения М (молодежь), в среднем более половины общества можно причислить к низшей социальной страте. Респонденты средней

возрастной категории (П) чаще отмечали, что доля низшего класса составляет примерно 30 %, но постоянно растет. Старшее поколение (С) затруднялось с выделением четкой доли, но отмечало, что в низший класс может попасть каждый, вне зависимости от его исходной классовой принадлежности. Наиболее распространенными при описании данного класса стали экономические критерии, отражающие доходы и возможность делать покупки, а также критерии, по которым можно судить об образе жизни представителей низов (см. таблицу).

Таблица

Критерии, по которым люди относятся к низшему классу (с точки зрения респондентов)

Группы критериев	М (≤ 35 лет)	П (36–54 лет)	С (≥ 55 лет)	Всего
Экономические (зарботная плата, доход, возможности покупок)	55,7	38,8	45,6	46,8
Материальные (обладание определенными вещами)	24,3	6,0	8,8	12,7
Образ жизни	68,6	71,6	66,2	68,8
Образовательные (уровень образования)	11,4	6,0	11,8	10,2
Профессиональные (представители определенных профессий)	24,3	32,8	50,0	35,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: сумма по колонкам не равна 100,0 %, так как респонденты могли давать несколько ответов одновременно

Составлено авторами по материалам исследования

Респонденты старшего поколения чаще других опирались на профессиональные признаки при определении состава низшего класса общества. Около половины респондентов при определении социального статуса обозначали среднемесячный доход, который должен быть меньше среднего по стране. Самым распространенным цифровым показателем, на который ориентировались люди, стал прожиточный минимум. Тех, чьи доходы в месяц не превышают этот показатель, чаще всего причисляли к социальным низам. Однако молодежь склонна причислять к низшему классу людей с более высокими ежемесячными доходами, медианное значение которых составляет 50 тыс. руб.

Стоит особо подчеркнуть, что респонденты таким образом заведомо относили к низшему классу людей, работающих и получающих доход, а не тунеядцев и маргинальных представителей общества. Более того, в глазах молодежи люди, получающие заработную плату, равную среднему показателю в отдельных регионах страны, являются низшим классом⁴.

Если говорить о ресурсах, которыми могут обладать или, напротив, не обладать представители низшего класса, то наиболее часто респонденты всех возрастных категорий отмечали отсутствие собственного жилья либо наличие жилья без удобств (воды, газа, канализации). Стоит отметить, что при этом имелись в виду не люди без определенного места жительства, а те, кому приходится снимать жилье, делить его с другими (иметь лишь комнату в квартире). Невозможность обеспечить свои базовые потребности в питании, жилье, достойной работе, медицинском обслуживании, образовании, поездках стали критерием попадания в низший класс.

В целом большинство респондентов считают, что в основном на низшем уровне социальной пирамиды оказываются люди, не имеющие высшего образования. Однако второе по популярности место заняли ответы, в которых люди признавались, что в низший класс можно попасть вне зависимости от уровня образования.

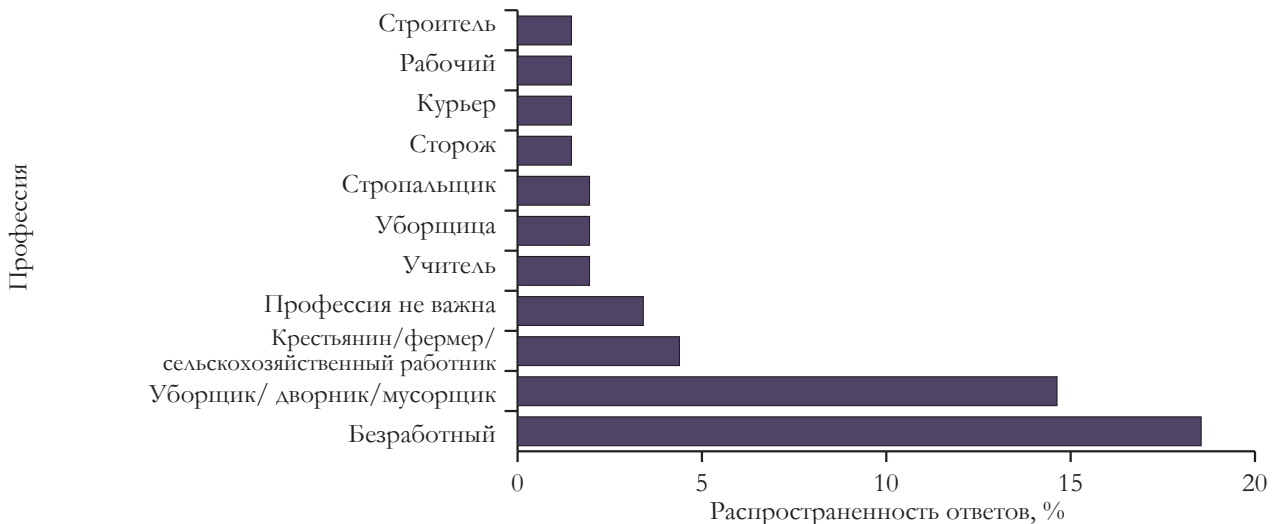
Таким образом видно, что в большинстве случаев речь не идет о лицах без определенного места жительства и маргиналах; опрошенные признают: в низший класс можно попасть со среднестатистическим доходом (работая), без жилья и даже с высшим образованием.

Наша гипотеза о том, что социальные низы воспринимаются большинством населения как маргинализованные слои, не подтвердилась. Напротив, многие опрошенные высказали уверенность, что

⁴ РИА Новости. Рейтинг российских регионов по зарплатам – 2023. Режим доступа: <https://ria.ru/20231120/zarplata-1910154567.html?ysclid=m30q1m6swf861159670> (дата обращения: 22.03.2025)

бедные – это честные и трудолюбивые люди, которым просто несправедливо мало платят. Таким образом, мы установили, что бедность в российском обществе нормализована, в отличие от богатства, которое считается несправедливым и нечестно приобретенным. Кроме того, косвенно респонденты винят в положении низшего класса работодателей, крупнейшим из которых является государство.

Что касается профессиональных признаков, присущих низшему классу, то чаще всего респондентами упоминались такие профессии, как дворник, сельскохозяйственный работник, рабочий, строитель, грузчик и курьер. Самую большую когорту низшего класса, по мнению опрошенных, занимают те, кто остались без работы либо не смогли ее найти (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Профессии и деятельность представителей низшего класса, по мнению респондентов

Таким образом, мы видим, что рабочий класс, фактически заменявший в советские годы собой низший класс, ушел из оперативной памяти населения. Синие воротнички представлены в коллективном сознании курьерами, продавцами, грузчиками и строителями. Маргинальные слои не воспринимаются людьми как норма. Нет преемственности из прошлого об ущербности и маргинальности низших слоев, к которым относился класс рабочих и крестьян.

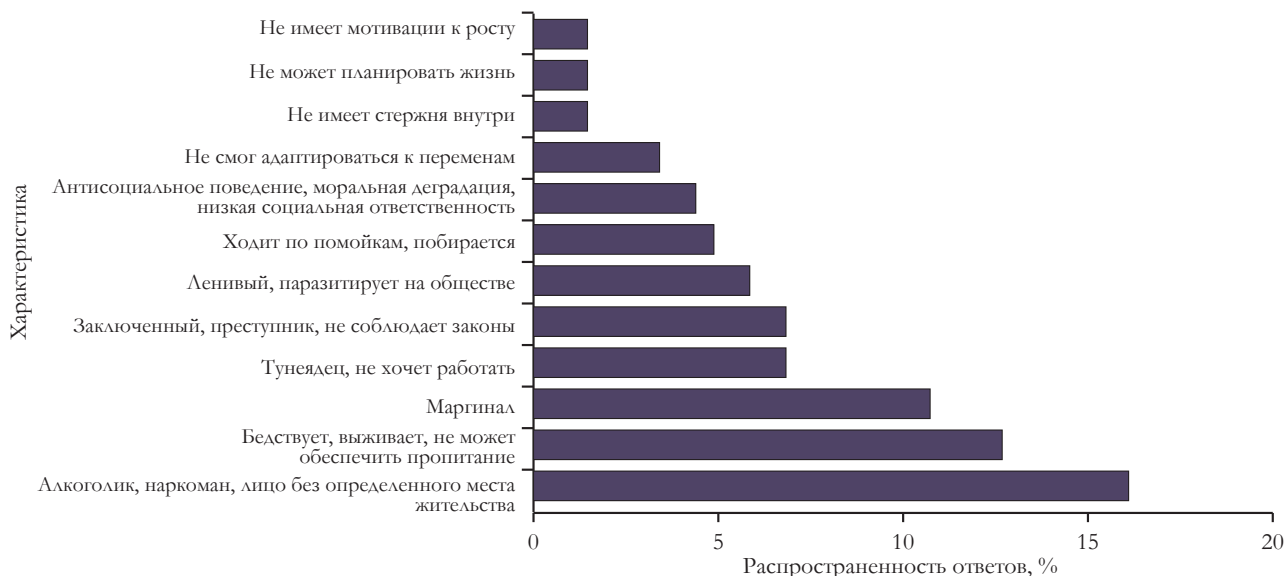
Алексей, 28 лет, старший инспектор в районной администрации, Волгоград: «Я считаю, что есть какие-то определенные ступени этой лестницы и их больше должно быть. И к низшему классу стоит отнести тех, кто общество полностью позорит, подводит или еще что-то там, – те же самые алкоголики, бомжи, убийцы, заключенные. Тот, кто действительно относится к низшему классу. Ни для общества не делает, ни для себя, ни для кого, только ухудшает это. Следующая ступень уже из тех... Еще раз говорю: мало ступеней».

Что касается образа жизни, присущего представителям низов, то, по мнению респондентов, в целом он имеет три основных признака. В первом случае это необходимость ежедневно бедствовать, выживать, добывая себе пропитание. Люди буквально заняты только необходимостью хоть как-то закрыть свои базовые потребности, и на большее уже не остается ресурсов и возможностей. Они вынуждены побирать и искать вещи на помойках. Также бедняков характеризуют дезориентация в жизни, растерянность, неумение адаптироваться к реалиям, планировать собственную жизнь, отсутствие мотивации к росту. Третья категория ведет асоциальный, маргинальный образ жизни, занимается тунеядством, пренебрегает законами, принятыми в обществе, злоупотребляет вредными привычками (рис. 2).

Бедность, которую поддерживает государство благодаря социальной помощи, пауперизм, напротив, нашла подтверждение. Самой большой когортой, связанной с низшим классом у респондентов, оказались люди, основной доход которых составляют государственные дотации (рис. 3).

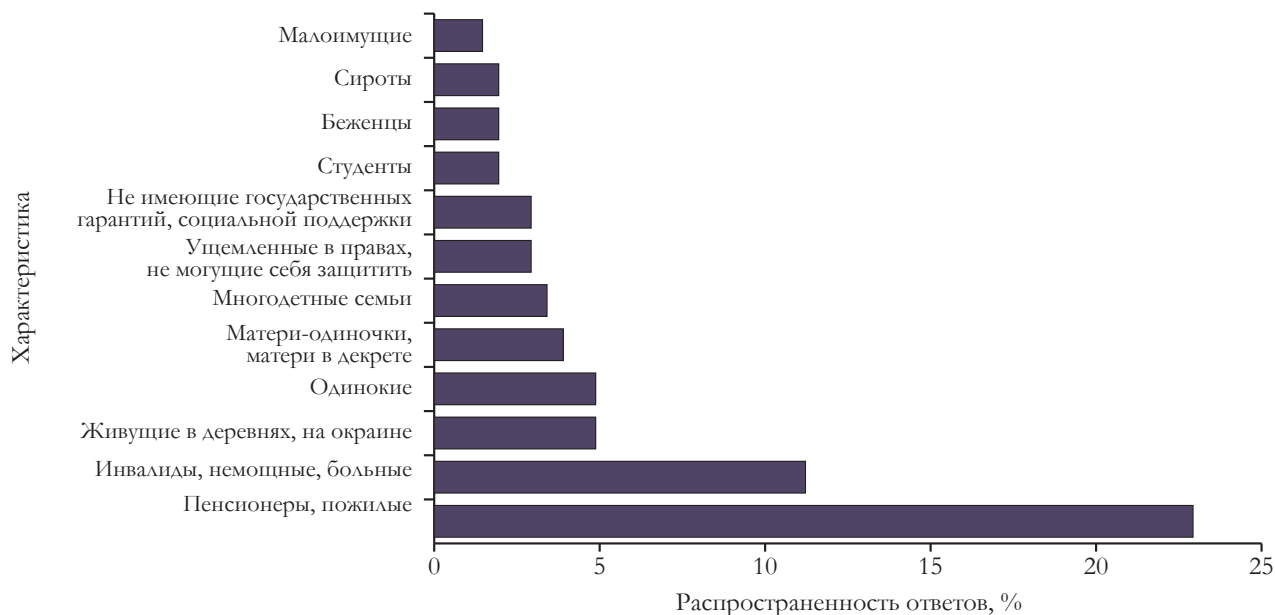
Важно отметить, что, помимо профессиональных сообществ, в категорию низшего класса попало большинство слабозащищенных слоев населения: инвалиды, пенсионеры, многодетные, сироты, матери-одиночки, а также жители деревень и сел. Говоря об этих категориях граждан, люди часто использовали термин «несправедливость», говорили о безвыходности их положения, низких социальных гарантиях, невозможности положиться на помощь государства. Чаще всего их упоминали представители среднего

поколения. Социально незащищенные группы в количественном плане при описании низов общества ставились наряду с маргиналами, тунеядцами и морально деградировавшими людьми; респонденты признавались, что по качеству жизни они часто оказываются на одном уровне.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Образ жизни, который ведет представитель низшего класса, по мнению респондентов

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Представители низшего класса, по мнению респондентов

Евгения, 36 лет, сотрудник отдела миграционного учета медицинского университета, Томск: «Я вот смотрю, как у меня родители живут, отец-инвалид, копейки доплачивают. Он не может работать, нужны деньги постоянно на операции, лечение. Если бы не мы, не знаю, как он бы жил. Если бы не мы, то ему было бы очень тяжело».

Интересно, что при ответе на этот вопрос люди старшего поколения часто начинали с высказываний типа «О, пенсионеры самые низкооплачиваемые люди!» Действительно, в целом пенсионеры – самая распространенная социальная группа, которая ассоциируется у респондентов с низшим классом. Ее упоминали чаще, чем такие группы, как лица без определенного места жительства, алкоголики, маргиналы или преступники.

Анна, 38 лет, сотрудник Сибирского государственного медицинского университета, Томск: «В первую очередь все-таки пенсионеры. Самые у нас обиженные. Потому что очень маленький доход, не все могут даже дотянуть до следующей пенсии».

Елена Алексеевна, 65 лет, пенсионерка, Новосибирск: «Значит, пенсионеры, которые имеют еще меньше, особенно сельское население. Там как раз низший класс, потому что у них, возьмем тот же Алтай, заработок ниже, пенсии маленькие, а коммуналка очень большая. И вот выжить особенно в деревне, в сельской местности тяжело».

Культура бедности, выраженная в маргинальности, ощущении беспомощности, зависимости, непричастности также нашла отражение в ответах респондентов. Они как пришельцы в своей собственной стране, убежденные, что существующие институты не служат их интересам и потребностям. Наряду с этим чувством бессилия широко распространено чувство неполноценности, личной недостойности. Стоит отметить и признаки «гетто», которое люди определяют прежде всего в сельских районах.

Анатолий, 44 года, командир отделения пожарной части, Волгоград: «...когда едешь по деревням тушить дома и людей спасать, там есть такой класс, когда они еще не пенсионеры, но в то же самое время у них есть дом, а работы нет, допустим, одинокие мужчины, они шабашат по деревне. Есть дом и только шабашка. Он пойдет там пошабашит, заработает там двести-триста рублей, пойдет купит там на них хлеба, макарон и все».

Однако на прямой вопрос, считают ли они лично себя низшим классом, большинство людей старшего поколения начинали уклончиво отвечать о том, что нет, но и до среднего не дотягивают. То есть фактически признавали, что являются некоей прослойкой, существующей как бы между этими двумя классами. При ответе на вопрос, к какой социальной группе они бы отнесли своих родителей, лишь респонденты старшей возрастной группы признавались: их родители были из низшего класса общества.

Стоит отметить, что ни один из респондентов в произведенной выборке не отнес себя к данному классу. Лишь 10,4 % поколения П и 32,4 % поколения С считают, что они представители класса ниже среднего. Из молодежи также не оказалось никого, кто идентифицировал себя с теми, кто находится ниже средней отметки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявлено, что у честных тружеников накопились социальные обиды за бедность и нищету. Гипотеза о том, что низший класс в представлении современного общества – это социальная группа, которая в своей основе объединяет маргинализированные и люмпенизированные слои населения, не подтвердилась. Чаще всего при упоминании низшего класса респонденты называли социально уязвимые группы, такие как пенсионеры, сироты, многодетные, инвалиды, одинокие. Эти группы ассоциируются у людей с бедностью, беспомощностью и несправедливостью их положения. Они не виноваты в своей бедности, государство не обеспечило им достойный уровень жизни, в то время как они не могут в силу обстоятельств обеспечивать его сами. Кроме того, в низший класс попадают люди, которые честно трудятся, часто их труд тяжел, но при этом они имеют нищенские заработные платы, при которых едва могут позволить себе лишь самое необходимое. Безработные – это не только те, кто не хочет работать, но и те, кто не может найти достойную работу в своем регионе проживания и вынужден довольствоваться нестабильными заработками. Большинство респондентов считает, что бедные не виноваты в своей бедности, в ней виновато государство.

Конечно, маргинальные и криминализированные слои также являются составляющими низшего класса, однако респонденты склонны определять их как дно общества, так как не могут поставить их в один ряд с пенсионерами и инвалидами.

Также обнаружилось неприятие сложившейся дифференциации общества, согласно которой людям социально незащищенных групп, рабочих профессий сложно признать, что по уровню доходов и социального багажа они находятся на нижней страте социума и не видят для себя возможности подняться на более высокий уровень. Это является фактором, который приводит к демотивации карьерного и личностного роста, и проблемой социального развития представителей упомянутых социальных групп, вызывает чувство социальной несправедливости у общества в целом. Российский низший класс характеризует как бедность, основанная на культуре бедности, циклически повторяющаяся из поколения

в поколение, так и пауперизм – бедность, которую поддерживает государство посредством социальной помощи. Необходимы осознание проблем и выработка мер по их преодолению со стороны государства.

Список литературы

1. Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе. Вестник МГИМО Университета. 2014;2(35):201–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
2. Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества. Социологические исследования. 2011;5(325):24–35.
3. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской. М.: Socio-Logos; 1993. 333 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: Университетская книга; 1997. 576 с.
5. Гранин Ю.А. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект; 2021. 371 с.
6. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. СПб.: Алетеия; 2002. 320 с.
7. Штейн, фон. А. История социального движения во Франции с 1789 года. Пер. с нем. Том 1. СПб: Типография А.М. Котомитца; 1872. 305 с.
8. Эрхард А. Благополучие для всех. М.: Дело; 2001. 300 с.
9. Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность власти. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 2020. 686 с.
10. Lewis O. The culture of poverty. Society. 1963;35:7–9. <https://doi.org/10.1007/BF02838122>
11. Уорнер У.А. Социальный класс и социальная структура. Рубеж (альманах социальных исследований). 1997;10–11:42–57.
12. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности. Социологические исследования. 2003;6(230):88–96.
13. Овчарова А.Н. Бедность и экономический рост в России. Журнал исследований социальной политики. 2008;4(6):439–456.
14. Тихонова Н.Е. Низшие классы в России (теоретические и методологические предпосылки анализа). Общественные науки и современность. 2010;4:26–36.
15. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России. Вестник Института социологии. 2010;1(1):24–47.
16. Ярошенко С.С. Бедные в социальной стратификации постсоветской России. Рубеж (альманах социальных исследований). 1998;12:158–174.
17. Слободенюк Е.А. Жизненные риски и низший класс в России. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019;1–2(128):43–54.
18. Лежнина Ю.П. Низший класс в России: роль социальной политики в замедлении процесса его формирования. Журнал исследований социальной политики. 2011;4(9):455–472.
19. Петросяц Д.В. Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста. Власть. 2020;1(28):64–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7043>
20. Белопащенко П.В., Слободенюк Е.А., Мареева С.В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет. Вестник Института социологии. 2024;4(15):34–59. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.3>
21. Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая бедность в России: опыт качественного исследования. Социологические исследования. 2024;11:48–58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042>

References

1. Mescheryakova N.N. Anomie in the complex socium. MGIMO Review of International Relations. 2014;2(35):201–207. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
2. Tikhonova N.E. Lower class in the social structure of Russian society. Sociological Studies. 2011;5(325):24–35. (In Russian).
3. Bourdieu P. Political sociology. Trans. from Fr. E.D. Voznesenskaya. Moscow: Socio-Logos; 1993. 333 p. (In Russian).
4. Foucault M. History of madness in the classical age. Trans. from Fr. I.K. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. 576 p. (In Russian).
5. Granin Yu.G. State of modern. National and social vectors of evolution. Moscow: Academic Project; 2021. 371 p. (In Russian).
6. Polanyi K. The great transformation. The political and economic origins of our time. Trans. from Eng. A.A. Vasiliev, S.E. Fedorov, A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Aletheia; 2002. 320 p. (In Russian).
7. Stein von L. The history of the social movement in France, 1789–1850. Trans. from Ger. Volume 1. St. Petersburg: Print. House of A.M. Kotomits; 1872. 305 p. (In Russian).
8. Erhard L. Prosperity for all. Moscow: Delo; 2001. 300 p. (In Russian).
9. Wittenberg E.Ya. Social responsibility of the authorities. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2020. 686 p. (In Russian).
10. Lewis O. The culture of poverty. Society. 1963;35:7–9. <https://doi.org/10.1007/BF02838122>

11. Warner W.L. Social class and social structure. Rubezh (almanac of social research). 1997;10–11:42–57. (In Russian).
12. Davydova N.M. Deprivation approach to poverty assessment. Sociological Studies. 2003;6(230):88–96. (In Russian).
13. Ovcharova L.N. Poverty and economic growth in Russia. Journal of Social Policy Studies. 2008;4(6):439–456. (In Russian).
14. Tikhonova N.E. Lowest classes in Russia (theoretical and methodological prerequisites of the analysis). Social Sciences and Contemporary World. 2010;4:26–36. (In Russian).
15. Gorsbkov M.K. Social inequalities as a challenge to modern Russia. Bulletin of the Institute of Sociology. 2010;1(1):24–47. (In Russian).
16. Yaroshenko S.S. The poor in the social stratification of Post-Soviet Russia. Rubezh (almanac of social research). 1998;12:158–174. (In Russian).
17. Slobodenyuk E.D. Social risks and the low class in Russia. The Russian public opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. 2019;1–2(128):43–54. (In Russian).
18. Lezhnina Y.P. The lower class in Russia: the role of social policy in slowing down the process of its formation. Journal of Social Policy Studies. 2011;4(9):455–472. (In Russian).
19. Petrosyants D.V. Social inequality and poverty as factors of continuing long-term economic growth. Vlast'. 2020;1(28):64–69. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7043>
20. Belopashentseva P.V., Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. Objective and subjective poverty in Russia: what the last 20 years have brought. Bulletin of the Institute of Sociology. 2024;4(15):34–59. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.3>
21. Nazarbaeva E.A., Khalina N.V., Pishnyak A.I. Persistent poverty in Russia: a qualitative study. Sociological Studies. 2024;11:48–58. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042>

Мотивационные факторы геймификации в образовательном процессе при формировании профессиональных компетенций студентов

Довжик Галина Владимировна¹

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0002-9381-2475, e-mail: gv_dovzhik@guu.ru

Сытникова Милена Олеговна²

Младший коммуникационный стратег
ORCID: 0009-0005-7618-5026, e-mail: milasytnikova@gmail.com

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²BBDO Moscow, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматривается вопрос о геймификации в образовании, ее мотивационных факторах и необходимости трансформации традиционных методик обучения посредством внедрения в учебный процесс элементов деловой игры с целью эффективного формирования профессиональных компетенций у студентов. В этой связи актуальным является вопрос о выявлении факторов, мотивирующих студентов получить практический опыт непосредственно во время обучения и значительно повысить собственную конкурентоспособность на рынке труда. Проблемной зоной для нас стало отсутствие знаний о мотивационных факторах геймификации на фоне широкого внедрения данного инструмента в учебный процесс. Целью данного исследования является выявление мотивирующих факторов геймификации в образовании для более эффективного формирования профессиональных компетенций. Таким образом, высшее профессиональное образование, основанное на компетентностном подходе, является востребованным у обучающихся, а образовательным учреждениям требуются переосмысление традиционных подходов к обучению и активное интегрирование в данный процесс элементов геймификации для того, чтобы соответствовать быстро меняющемуся рынку труда. В рамках данной работы осуществлен анализ понятия геймификации и выявлены мотивационные факторы к обучению и формированию профессиональных и общепрофессиональных компетенций в процессе проведения имитационных игр. Используются такие инструменты мотивации, как сюжетная составляющая, таблица лидеров и уровни через оценку имитационной среды экспертами.

Ключевые слова

Геймификация в образовании, эффективность инструментов геймификации, игровые механики, имитационные игры, мотивация в образовательном процессе, профессиональные компетенции, мотивационные факторы геймификации

Для цитирования: Довжик Г.В., Сытникова М.О. Мотивационные факторы геймификации в образовательном процессе при формировании профессиональных компетенций студентов // Вестник университета. 2025. № 7. С. 200–212.

Motivation factors of gamification in educational process for development of students' professional competencies

Galina V. Dovzhik¹

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0002-9381-2475, e-mail: gv_dovzhik@guu.ru

Milena O. Sytnikova²

Junior Communication Strategist
ORCID: 0009-0005-7618-5026, e-mail: milasytnikova@gmail.com

¹State University of Management, Moscow, Russia

²BBDO Moscow, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the issue of gamification in education, its motivational factors, and need to transform traditional teaching methods through introduction of elements of business game into educational process to effectively form professional competencies among students. In this regard, it is relevant to identify the factors that motivate students to gain practical experience directly during their studies and significantly increase their own competitiveness in labour market. The problem for us was lack of knowledge about the motivational factors of gamification against the background of widespread introduction of this tool into educational process. The purpose of this study is to identify the motivating factors of gamification into education for more effective formation of professional competencies. Thus, higher professional education based on a competence approach is in demand among students, and educational institutions need to rethink traditional approaches to learning and actively integrate gamification elements into the process to meet the rapidly changing labour market. Within the framework of this article, the concept of gamification is analysed, and the motivational factors for learning and formation of professional and general professional competencies in the process of conducting simulation games are identified. We have used such motivation tools as plot component, leaderboard, and levels through assessment of simulation environment by experts.

Keywords

Gamification in education, effectiveness of gamification tools, game mechanics, simulation games, motivation in educational process, professional competencies, motivational factors of gamification

For citation: Dovzhik G.V., Sytnikova M.O. (2025) Motivation factors of gamification in educational process for development of students' professional competencies. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 200–212.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху масштабного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс возникает необходимость имитационного моделирования производственных процессов непосредственно во время обучения. В связи с этим нужно серьезно трансформировать систему получения базовых знаний и навыков студентами, для того чтобы соответствовать запросам современной профессиональной среды. Одним из способов трансформирования является внедрение в процесс обучения элементов геймификации, посредством которого повышается эффективность формирования профессиональных компетенций будущих специалистов. Хотя игровые механики применяются во многих сферах жизни человека, использование их в сфере образования находится на начальной стадии, и в этой связи важнейшим, по нашему мнению, является вопрос оценки эффективности инструментов и механик геймификации. При ее внедрении в образовательный процесс важно найти баланс в использовании инструмента, с одной стороны, повышая его потенциал, а с другой стороны, ограничивая возможные риски. Это должен быть дополнительный вид «вмешательства» в учебный процесс, способный потенциально повлиять на традиционное обучение, тем самым приблизив его к реальным производственным условиям. Сделать это качественно и эффективно возможно, по нашему мнению, только в том случае, если будут выявлены мотивационные факторы геймификации с учетом современных требований.

Следовательно, целью данного исследования выступает выявление мотивирующих факторов геймификации в образовательном процессе для эффективного формирования профессиональных компетенций, заявленных работодателем.

Проблемой исследования является отсутствие знаний о мотивационных факторах, учитывающих реальные требования современной образовательной среды.

Гипотеза заключается в том, что посредством данных факторов геймификации как инновационного элемента процесса обучения повышается эффективность формирования профессиональных компетенций в гуманитарно-управленческих специальностях.

В работе рассматриваются различные аспекты геймификации, включая внедрение гейм-дизайна в образование, элементы игрового обучения, необходимые для вовлечения студентов, концепция мотивации, которая оказывает на обучение решающее воздействие в процессе учебы, а также формирование профессиональных компетенций путем симулирования ситуаций, аналогичных реальным профессиональным условиям.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что на основе анализа мотивационных факторов геймификации возможно разработать методологию комплексного и системного внедрения ее элементов в учебный процесс и общую систему получения профессиональных умений и навыков, что полностью подготовит обучающихся к требованиям профессиональной среды.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Для того чтобы выявить содержательную сущность понятия геймификации, обратимся к некоторым историческим фактам. Итак, технологии веками трансформировали человеческое общество и деятельность, но они были внедрены в образование как инструмент поддержки обучения и как объект обучения, отвечающий требованиям быстро развивающегося и становящегося все более технологичным мира. При этом студенты не смогли получить необходимые умения и навыки из-за неправильного использования таких технологий. Следовательно, технологии, используемые в традиционных форматах обучения, применяются в основном как средство передачи линейной информации, ориентированной на получение теоретических знаний [1]. Молодое поколение, выросшее в тесном контакте с информационными технологиями и в еще большей степени с видеоиграми, нуждается в дополнительном стимулировании во время учебно-познавательной деятельности, чтобы поддерживать интерес и мотивацию на высоком уровне, поскольку потенциально уже имеет доступ к новым знаниям благодаря использованию интернета на мобильных устройствах. Однако, в соответствии с требованиями современного рынка труда, в академической среде должны уделять гораздо большее внимание формированию профессиональных и общепрофессиональных компетенций, необходимых для удовлетворения реальных потребностей обучающихся, повышающих их мотивацию, вовлеченность и способствующих получению практического опыта. Таким образом, имитационные игры, видеоигры или даже просто игровые

элементы могут быть важным фактором, влияющим на поведение студентов, вовлекающим их, а также создающим благоприятную среду для совместного обучения. При этом следует отметить, что деловая игра снижает тревожность студентов при изучении нового материала и развивает желание учиться в целом. Одним из видов использования цифровых технологий, широко применяемых в сфере образования, является геймификация – метод обучения, основанный на использовании элементов гейм-дизайна и цифровых технологий.

Согласно исследованию BusinesStat, к 2023 г. российский рынок образовательных технологий не только трансформировался в ответ на меняющиеся потребности рынка труда¹, но и достиг 118 млрд руб. [2]. Рост выручки связан с тем, что развитие инноваций во всех сферах стимулирует желание людей улучшать прежние навыки и формировать профессиональные компетенции, которые позволяют оставаться востребованным специалистом в профессиональной среде. Для этого необходимо не только повышать квалификацию профессорско-преподавательского состава, но выстраивать эффективную систему мотивации студентов с учетом современных требований.

Таким образом, внедрение геймификации в образование требует продуманного и структурированного подхода. Для того чтобы наиболее полно охватить суть и компоненты, которыми наполнена геймификация, понять, как она раскрывается в контексте образовательной среды, необходимо охватить весь ландшафт геймифицированного образования. Термин «ландшафт геймифицированного образования» относится не только к элементам, которые образуют общее понимание и структуру гейм-дизайна, но и ко всем факторам, которые помогают создать геймифицированные занятия, учитывая специфику геймификации и особенности образовательной среды. В данном контексте важным значением является взаимосвязь между образовательными учреждениями, основами гейм-дизайна, студентами и работодателями, без взаимодействия которых невозможно создать игровую среду, обладающую нужными свойствами для успешного формирования профессиональных компетенций студентов.

Идея внедрения элементов геймификации в учебный процесс, появившаяся в 2002 г., стала активно использоваться в российских вузах только с 2015 г. как метод альтернативного обучения. Такие страны, как Канада, Австралия, Польша, Англия и Соединенные Штаты Америки переняли эту методику и начали широко применять геймификацию из-за ее положительных результатов и популярности. Она сочетает в себе функции видеонигр в учебной среде для повышения вовлеченности за счет использования хорошо продуманных цифровых мероприятий для формирования навыков учащихся.

Говоря о содержательной сущности понятия «геймификация», отметим, что оно, по мнению К. Хутари, включает элементы игрового дизайна, необходимые для повышения вовлеченности обучающихся и формирования реальных практических навыков, востребованных в профессиональной среде. Согласно этому определению, слово «игра» относится к ее объективной природе и наличию правил, «дизайн» – к конкретному процессу проектирования, а элементы указывают на типичные характеристики игр, которые отличают их от других видов деятельности [2].

В последнее время определение геймификации значительно изменилось, и теперь оно относится к любому продукту, услуге, системе и виду деятельности, которые могут дать такой же положительный опыт, как и игры. Этот процесс трансформации, поддерживаемый социальными, культурными и технологическими достижениями, может быть как преднамеренным, направленным на облегчение изменений в поведении или когнитивных процессах путем использования принципов гейм-дизайна, так и непреднамеренным, обусловленным растущей ролью игр в обществе [3]. В любом случае это последнее определение геймификации больше не фокусируется на элементах игрового дизайна, поскольку предполагает, что игровой опыт зависит не от очков, значков, таблиц лидеров, а, скорее, от качества игры, от «игрового опыта».

По мнению К.А. Аржановой и Г.В. Довжик, геймификация в образовании является важнейшим, но в то же время непростым с точки зрения методологии процессом, позволяющим симулировать посредством внедрения в обучение реальной профессиональной задачи, повышая мотивацию и вовлеченность в учебе [4]. Способность повышать вовлеченность, стимулировать инновации, изменять поведение пользователей с помощью мотивации и улучшенного обучения, а также обеспечивать лучшие результаты – основная причина нынешнего интереса людей к геймификации. Кроме того, это единственный подход,

¹ BusinesStat. Анализ рынка образовательных технологий (EdTech) в России в 2020–2024 гг, прогноз на 2024–2028 гг. Режим доступа: https://businesstat.ru/images/demo/edtech_russia_demo_businesstat.pdf?ysclid=mdx7abdtgt778891341 (дата обращения: 12.04.2025).

который позволяет перенести идеи из видеоигр в неигровой контекст, например в образовательные учреждения. Так, некоторые всемирно известные обучающие игры специально разработаны для обучения и приобретения навыков, а не только для развлечения. Игровые механики (очки, значки, таблица лидеров), динамики игры (награды, статусы, соревнования, достижения) используют для содействия обучению и разнообразию процесса в классе, при этом широкое внедрение технологий в личном и профессиональном контекстах направлено на изучение большего количества потенциальных подходов, позволяющих сделать учебный процесс более увлекательным и эффективным. Геймификация использует компоненты игрового дизайна, и в нескольких исследованиях была предпринята попытка классифицировать эти элементы в большинстве случаев по их уровню абстракции, но в литературе все еще существуют разногласия касательно классификации.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

В рамках игровой механики ученые выделяют 7 основных инструментов геймификации, три из которых органично адаптируются к офлайн-условиям игры и являются наиболее часто используемыми, выполняя важную роль в повышении интереса учащихся:

- 1) система баллов – это внутренние единицы игры, которые зарабатываются студентами для количественной оценки их успеваемости;
- 2) система уровней предполагает наличие определенных шагов, которые позволяют повысить свои показатели и перейти к следующим по сложности заданиям, что поощряет учащихся к достижению целей;
- 3) таблица лидеров используется для сравнения достижений и результатов игроков и команд, что может, с одной стороны, стимулировать их активную деятельность, а с другой стороны, лишать мотивации и способствовать возникновению конкуренции [5].

В геймификации, связанной с образовательным контекстом, наиболее часто используемыми элементами дизайна являются визуальные аспекты, социальные обязательства, свобода выбора, возможность неудачи и быстрая обратная связь, в то время как наиболее популярными игровыми механизмами выступают очки, значки, рейтинги, уровни и индикаторы прогресса, которые оказывают различное мотивационное воздействие на студентов в зависимости от их индивидуальных особенностей и связаны с определенным индивидуальным поведением исходя из того, является ли вовлечение поверхностным или глубоким.

Согласно К.М. Каппу и Ж. Коне, для создания геймифицированной среды необходимы элементы, которые могут работать как индивидуально, так и коллективно:

- 1) цели, помогающие измерить результат, который необходимо достичь, и способствующие возникновению игрового азарта в рамках обучения;
- 2) правила, необходимые для регулирования хода игры и помогающие студентам придерживаться установленного регламента;
- 3) соревнование или сотрудничество, при отсутствии которых игра не может быть игрой;
- 4) время, действующее как мотиватор для активной деятельности игроков;
- 5) обратная связь, предоставляющая учащимся информацию, которая направляет их в нужное русло, поддерживает при выполнении сложных задач и способствует правильным результатам;
- 6) повествование, или сторителлинг, придающее контекст ситуации и вносящее смысл в игру;
- 7) повторное воспроизведение, дающее игроку разрешение на совершение ошибки и возможность ее исправить [6].

В исследовании У.Х.-Ю. Хуана и Д. Сомана рассматривается концепция, которая предлагает внедрять процесс геймификации в образование в 5 основных этапов: специфика целевой аудитории, особенности игрового контента, понимание цели и результатов обучения, позитивный настрой обучающихся. При этом эффективность ее применения в образовательной программе будет зависеть от того, насколько точно выполнялись все шаги [5].

Установлено, что геймификация обеспечивает здоровую конкуренцию между обучающимися, что делает общий сценарий более интересным. Кроме того, использование игрового мышления и игровых механик в учебе и награждение их баллами и значками положительно влияют на поведение учащихся, мотивируя их к более активному участию [7]. Обучение, основанное на элементах геймификации, обладает многими преимуществами, включая как экспериментальное обучение, базирующееся на взаимодействии

студентов друг с другом, так и обучение, основанное на реальных сценариях. Образовательный процесс, фундаментом которого служит геймификация, может адаптироваться под запросы не только студентов, но и преподавателей. Преподаватели могут организовать увлекательные занятия, чтобы помочь молодым людям учиться и приобретать ценную информацию. Исследования, которые проводились ранее, определили игровое обучение как основную стратегию для получения знаний, поскольку элементы игры мотивируют учащихся и помогают им в освоении новых практических навыков.

Согласно исследованию, которое было проведено американским университетом, изучающим влияние геймифицированной среды на взрослых обучающихся, внедренные игровые методы на 14 % улучшили знания, основанные на профессиональных компетенциях. К тому же, по данным ScienceDirect, успеваемость учащихся повысилась на 89 % благодаря игровому обучению, в ходе которого было необходимо решать профессиональные задачи, а 75 % студентов улучшили понимание дисциплин из учебного плана [8].

Считается, что участие в играх сопровождается приятными эмоциональными переживаниями, принося как непосредственную психологическую пользу, так и долгосрочные выгоды в виде приобретенных навыков, таких как критическое и логико-стратегическое мышление, а также социально-коммуникативные и другие навыки. Что касается формальных процессов преподавания и обучения, то исследования также показали эффективность игр как инструментов, позволяющих сделать учащихся более активными, а также сосредоточенными, творческими, мотивированными и общительными. Более того, игры – это безопасная среда, в которой учащиеся могут проявлять свои сильные стороны и свободно совершать ошибки без риска последствий и разочарований, используя эффективную методику обучения методом проб и ошибок, которая может быть особенно полезна в случае возникновения трудностей.

Элементы геймификации, применяемые в образовании, повышают мотивацию обучающихся, позволяют планировать и предвидеть сложные ситуации, формируют целеустремленность и навыки делового общения благодаря взаимодействию и интерактивности. Как было сказано ранее, существуют различные типы элементов, которые делают образование более увлекательным и эффективным для учащихся, однако использование положительной обратной связи лучше других побуждает студентов проявлять больший интерес, мотивацию и стимулирует учебу. Геймификация может широко использоваться в формальном образовательном контексте, особенно в университете, главным образом для повышения мотивации и участия, а также для поддержки изучения контента в конкретных предметных областях. Кроме того, оказывается, что геймификация полезна для развития мягких навыков, таких как быстрая адаптация к потенциальным изменениям, возможность мыслить вне заданных рамок, проявлять креативность при решении задач и лучше воспринимать опыт по сравнению с более традиционными методами. Чтобы объяснить эффективное влияние геймификации на образование, игровые механики должны успешно изменять промежуточное поведение учащегося или его отношение к обучению. Это влияние может проявляться непосредственно в процессе модерации, что позволит улучшить результаты обучения.

Важность интеграции геймификации в образовательный процесс объясняется тем, что довольно часто учащиеся становятся менее вовлеченными и внимательными, находясь в университете, и они проводят большую часть своего времени, размышляя о темах, не связанных с учебой, поэтому необходимо использовать альтернативные подходы для достижения большей вовлеченности, поддержания высокой мотивации и предоставления студентам возможности быть активными на протяжении всего процесса обучения. Один из способов – интеграция традиционного процесса обучения с использованием игр или видеоигр, которые могут значительно повысить уровень мотивации учащихся, что является наиболее важной проблемой современного образования.

Исследования показали: геймифицированные системы могут эффективно стимулировать учащихся к обучению, но они также продемонстрировали, что студенты мотивированы по-разному [9]. Следовательно, сделаем вывод, что если мотивация студентов различна, то и улучшение процесса обучения с использованием геймификации также будет различным. Для того чтобы внедрение геймификации в образование оказалось эффективным, необходимо предлагать разнообразные значимые и поддерживающие задачи, которые не воспринимаются как обязательные или контролируемые извне. В этом заключается главный аспект, исходящий из потребности человека, – потребности в автономии, желании ощущать себя независимым в процессе выполнения заданий. Необходимо, чтобы поведение определялось свободным выбором, а для этого не должно быть внешних ограничений или давления, в противном случае чувство автономии снизится и возрастет тревога. Второй важной потребностью человека

в геймифицированной системе является чувство единения с другими людьми, которое дает индивиду ощущение ценности и повышает психологическое состояние [9]. Следовательно, геймификация призвана способствовать социальному взаимодействию, усиливая чувство сопричастности, чтобы студенты могли делиться своим опытом и ставить общие цели.

Таким образом, методическую основу геймификации в образовании составили работы У.Х.-Ю. Хуана и Д. Сомана, определивших ее главные механики: разработка системы количественной оценки выполненного задания, системы дополнительного стимулирования и системы транслирования результатов и обратной связи с обучающимися. В качестве мотивационного фактора, по мнению авторов, может выступать тот факт, что студенты до начала игры получают информацию о том, в рамках какой должностной позиции на рынке труда будут востребованы полученные в ходе игры практические навыки.

Для создания эффективной геймифицированной среды, по мнению К.М. Каппы и Ж. Конне, необходимы метрики, позволяющие измерить результат; правила проведения игры; критерии оценки; требования тайминга; принцип осуществления обратной связи; сторителлинг; возможность исправления ошибок.

Для эффективного внедрения геймификации в процесс обучения, согласно исследованиям У.Х.-Ю. Хуана и Д. Сомана, необходимо учитывать особенности целевой аудитории и специфику содержания учебной дисциплины, четкое целеполагание, оценку результатов и позитивный настрой.

МОТИВАЦИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Центральное место в концепции успешного внедрения геймификации в образовательный процесс занимает различие между внутренней и внешней мотивацией. Внутренняя мотивация, которая касается присущей человеку склонности к поиску новизны и вызовов, к развитию своих способностей, считается наиболее продуктивным стимулом человеческого поведения [6]. Это проявляется, когда люди действуют по собственной воле ради удовольствия действовать в определенном направлении. В контексте образования внутренняя мотивация и свобода воли считаются основополагающими для успешного обучения. Согласно теории когнитивной оценки, эффекты вознаграждения, обратной связи и других внешних элементов могут препятствовать ей или усиливать ее. Например, исследование Н. Кси и Дж. Хамари показали, что положительная обратная связь улучшает внутреннюю мотивацию только тогда, когда люди испытывают чувство автономии, в то время как отрицательная обратная связь снижает ее [9]. Кроме того, возможности для самостоятельного выбора направления обучения были признаны эффективными для улучшения внутренней мотивации, поскольку они дают людям больше уверенности в своей автономии и компетентности.

В другом исследовании Дж. Ли и Дж. Хаммер говорят о том, что внешняя мотивация связана с большей вовлеченностью, лучшей успеваемостью и более высоким качеством обучения. Таким образом, студент мотивирован к самосовершенствованию, даже если его поощряют внешним образом – значками и другими типичными игровыми элементами. Это актуально с педагогической точки зрения и поддерживает образовательный потенциал геймификации для повышения мотивации обучающихся, поскольку она считается одним из наиболее важных факторов, ведущих к успеху в учебе. Более того, чтобы она была эффективной, важны качества «пользователей», которые по средствам взаимодействия с геймификацией будут формировать профессиональные компетенции. Любая мотивационная составляющая проистекает из опыта студента, то есть из общего взаимодействия с любым игровым элементом в определенном контексте. Характеристики пользователя, такие как эмоции, ценности и предыдущий опыт, определяют способы, в соответствии с которыми он воспринимает артефакт (должен быть пригодным для использования) и контекст (должен быть облегчающим, уместным и привлекательным) [10].

По мнению В.Я. Цветкова, человека мотивирует так называемое изменение условий, уход от прямого указания к косвенным условиям. Так деловая игра позволяет базироваться на мягком или эвристическом управлении, симулирующем реальную профессиональную ситуацию, а искусственно созданные условия становятся стимулом для формирования профессиональных компетенций [11].

В исследовании Н. Кси и Дж. Хамари была изучена взаимосвязь между взаимодействием пользователей и элементами геймификации. Авторы выделили три основные категории, которые отражают ключевые особенности игрового дизайна, направленные на повышение мотивации игроков:

1) функции, связанные с погружением (например, создание аватара, наличие повествования), которые направлены на то, чтобы способствовать самостоятельной деятельности и стимулировать автономное мышление;

2) функции, сопряженные с достижениями (например, очки, таблицы лидеров, рейтинги, значки), которые оценивают поведение игроков и повышают целенаправленность поведения за счет наличия обратной связи;

3) функции, сопряженные с социальным взаимодействием (например, сообщества, социальные сети, объединения), обеспечивающие пользователей сильным чувством связи и укрепляющие межличностные сообщения [9].

Исходя из этой классификации прослеживается связь между видами геймификации и базовыми психологическими потребностями, которые они удовлетворяют. При применении геймификации в образовании чаще всего используются элементы достижений и прогресса, в то время как элементы погружения встречаются гораздо реже. Это позволяет предположить, что при разработке игр следует учитывать различные возможности игровых элементов, чтобы мотивировать студентов к выполнению заданий, а также необходимо обеспечить осведомленность игроков об этих особенностях для достижения желаемых результатов. Таким образом, положительный эффект геймификации может быть достигнут за счет многоуровневого процесса проектирования игры.

Различные элементы дизайна отвечают специфическим психологическим потребностям, в частности конфигурация со значками, таблицы лидеров и графики производительности положительно влияют на компетентность и воспринимаемую значимость задач, в то время как группа с аватарами, историями и товарищами по команде положительно влияет на социальные связи, но не на воспринимаемую значимость задач. Это позволяет предположить, что определенные аспекты геймификации неэффективны сами по себе, но сильно зависят от соотношения других возможностей и контекста. Соответственно, при внедрении игровых механик в образовательный процесс стоит выйти за рамки наиболее частой триады погружения, достижения и социального взаимодействия, потому что хорошо разработанная и правильно используемая геймификация, применяемая в сфере образования, имеет потенциал для улучшения обучения [9]. Игровой дизайн должен быть направлен не только на улучшение результатов обучения, но и на то, чтобы предлагать учащимся эффективные, веселые и увлекательные занятия и опыт, начиная с основных элементов игр и принимая во внимание все три потребности внутренней мотивации.

По мнению О.А. Колосовой и ее коллег, необходимыми характеристиками, которыми должна обладать геймифицированная система для обеспечения обучения, являются стимулирование умственной и физической нагрузки, наличие реального опыта, прогрессивность и способность к изменениям [12]. Кроме того, всегда должна присутствовать динамика вознаграждения, которая представляет собой положительное подкрепление действий учащихся. В образовательном контексте, как формальном, так и неформальном, геймификация определяется как использование игровых механизмов и взаимодействия, благодаря которым учащиеся чувствуют себя вовлеченными, мотивированными к действию и решению проблем. Становится очевидно, что при использовании геймификации в учебных целях следует выбирать конкретные игровые элементы, обращая внимание на психологические потребности студентов и их индивидуальность с учетом образовательных целей и желаемых результатов процесса. Более того, поскольку процесс обучения, основанный на игре, имеет динамичный характер и включает взаимодействие между игровыми, психологическими, социальными и педагогическими аспектами, выделение конкретных игровых элементов для оценки эффективности геймификации может не привести к желаемым результатам.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Как было сказано выше, в настоящее время геймифицированное обучение уже применяется в сфере образования с целью повышения вовлеченности студентов и улучшения качества занятий и знаний по конкретным дисциплинам. Однако игровые механики могут быть внедрены и с целью развития дополнительных навыков или профессиональных компетенций для тех, кто планирует работать в индустрии по завершении обучения. Существует большое количество инструментов, которые могут быть потенциально использованы для улучшения обучения, и геймификация является предпочтительным вариантом дополнения существующих учебных методик вместо перепроектирования традиционных методов. Более того, гейм-дизайн позволяет создать в обучении сценарии из реальной профессиональной деятельности, помогая отработать важнейшие навыки, которые заявлены многими работодателями. Геймификация при этом не заменяет методы обучения, а улучшает те, что становятся менее эффективными

и актуальными в эпоху цифровизации, когда студенты нуждаются в таких концепциях обучения, которые способны их заинтересовать.

В построении успешной карьеры значительную роль играют навыки, которые человек приобретает не в процессе получения теоретических знаний, а посредством развития личностных качеств в среде, в полной мере позволяющей этим качествам проявиться. На сегодняшний день многие работодатели говорят о развитии meta skills – навыков современности, которые не привязаны к конкретной профессии, но помогают управлять креативными командами и эффективно взаимодействовать с людьми, что является одним из главных критериев умения работать в сфере маркетинга и рекламы². К таким навыкам относят умение учиться, что подразумевает способность эффективно обрабатывать большие объемы информации и справляться со сложными задачами; синтетическое мышление – навык интегрировать разную информацию, идеи и концепции для того, чтобы находить новые нестандартные подходы и быть более конкурентоспособными; ко-лидерство и гибкость. Часто работодатели не указывают их в описании к вакансии, однако они предполагают, что студенты, закончившие учебу, будут обладать некоторыми из них в достаточной мере, чтобы работать в индустрии. Эти навыки могут быть получены с помощью обучения, которое основывается на идеях геймификации и позволяет развивать профессионализм, получать новый опыт и генерировать креативные идеи. Считается, что обучение является эффективным в том случае, если навыки и модели поведения, приобретенные во время геймифицированных занятий, можно перенести на рабочее место и применить в контексте работы. Ожидается, что образование, построенное на элементах игры, позволит участникам улучшить свои коммуникативные навыки, способность мыслить по-новому и исследовать свои возможности в разных областях посредством разыгрывания игровых сценариев, основанных на профессиональных компетенциях. Говоря о введении маркетинговой деятельности в образовательный процесс, В.С. Старостин и соавторы акцентировали внимание на том, что образовательные учреждения подразумевают в качестве продвижения вуза лишь упоминание о нем в открытых официальных источниках, не принимая во внимание деятельность, связанную с формированием профессиональных компетенций [13].

Согласно мнению Т.Б. Аберы, Ж.А. Мингалева, вуз, внедряющий инновационные технологии как элемент корпоративной культуры в качестве стимула, может использовать имитационные игры дляощрения обучающихся [14].

Очевидно, что геймификация становится эффективным инструментом повышения мотивации студентов к обучению и формирования профессиональных и общепрофессиональных компетенций путем обратной связи в звене «преподаватель – студент». Кроме того, геймификация повышает удовлетворенность учащихся в процессе обучения и приобретения новых знаний с дальнейшей возможностью применения их на практике.

Необходимо заметить, что геймификация как метод имеет некоторые недостатки. Наиболее распространенная проблема заключается в том, что развлекательные функции игр могут отвлекать студента от академического содержания и вовлекать его только в игру. Введение конкуренции в классах способствует конкуренции учащихся по отношению друг к другу, что приводит к проблемам, связанным с соперничеством. Кроме того, некоторые учащиеся могут проявлять беспечность, когда вопрос касается соревнований из-за неуверенности в себе, а это лишает их мотивации к участию. Как отмечают Дж. Ли и Дж. Хаммер, геймификация может быть полезна для повышения вовлеченности и мотивации, но иногда учащиеся сталкиваются с трудностями при понимании геймифицированной задачи и выполнении ее соответствующим образом [10]. Следовательно, мотивация студентов – один из ключевых моментов, на который необходимо обращать внимание при создании геймифицированного класса. Стремление зарабатывать баллы, желание оказаться в таблице лидеров могут подорвать внутреннюю мотивацию студента, заставляя его изучать что-либо не ради получения знаний, а ради определенных достижений. Для преподавателей также может оказаться сложной задачей добиться того, чтобы все учащиеся воспринимали неудачу как благоприятную возможность и не теряли при этом мотивацию. Задания должны быть тщательно продуманы, чтобы поддерживать интерес учащихся, потому что даже такие элементы мотивации, как баллы и значки, не будут эффективны для студентов, которые по своей природе не склонны к соревнованию.

² Пронина Д. Что такое метанавыки и как они помогают строить карьеру. Режим доступа: <https://blog.skillfactory.ru/chto-takoe-metanavyki-i-kak-oni-pomogayut-stroit-kareru/> (дата обращения: 14.04.2025).

В дальнейшем полученные выводы в ходе аналитического исследования в рамках данной статьи планируется использовать для разработки методологии по внедрению элементов геймификации в учебную среду высшего образования по гуманитарно-управленческим направлениям подготовки, где на примере дисциплин, в рамках которых формируются профессиональные компетенции, студенты, помимо получения знаний, будут осваивать навыки, необходимые для их будущей деятельности. При разработке практических занятий с применением элементов гейм-дизайна необходимо учитывать следующие элементы, которыми определяется успех или неудача внедрения игрового дизайна в образование: идентификация потребностей в обучении, механика игры (должна быть согласована с конкретными потребностями в обучении, включая использование определенных инструментов геймификации) и мотивация учащихся. Если один из указанных элементов окажется неэффективным, результаты считаются неудачными. Для того чтобы разработанная методология имитационной среды была эффективной, необходимо провести экспертную оценку игры в профессиональной среде, привлекая представителей академической среды учебных заведений и профессиональных сообществ, имеющих практический опыт и способных оценить, насколько созданная геймифицированная образовательная игра позволяет развить навыки, необходимые профессии. Кроме того, требуется оценка от студентов их вовлеченности в игровой процесс и вероятности использования полученных знаний, умений и навыков в своей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, в качестве методов исследования предполагается использовать экспертное интервью с работодателями и представителями академической среды для понимания того, какие навыки необходимо развивать и какими элементами стимулировать студентов к их освоению, а также проведение фокус-групп с обучающимися на гуманитарных направлениях подготовки с целью получения обратной связи и выявления того, какие именно факторы больше всего мотивировали их во время выполнения заданий. Для того чтобы иметь наиболее полное представление о мотивационных факторах геймификации, авторами статьи предлагаются следующие методы оценки их эффективности:

- 1) шкала самоопределения мотивации, которая позволит студентам самостоятельно оценить их интерес к предмету и чувство удовлетворенности по завершении курса;
- 2) тестирование студентов до внедрения мотивирующих факторов и после, которое не только выявит улучшение или ухудшение общих академических результатов, но и позволит преподавателям увидеть удовлетворенность от использования геймифицированных элементов и от процесса обучения в целом;
- 3) проведение фокус-группы, что впоследствии поможет выявить общие тенденции и мнения учащихся относительно того, какие именно факторы мотивации были наиболее эффективны или неэффективны по отношению к ним и к образовательному процессу;
- 4) экспериментальные исследования, дающие возможность предоставить группам студентов различные факторы мотивации и определить те группы, что были более мотивированы во время учебного курса;
- 5) долгосрочное наблюдение, позволяющее отслеживать изменения в мотивации студентов в течение длительного времени с учетом индивидуальных качеств обучающихся.

Становится очевидно, что одним из важных этапов разработки методологии симулирующих игр является также оценка их актуальности выпускниками образовательных учреждений, занимающих высокие должности в профессиональной среде. Однако успешность внедрения в образовательный процесс элементов игровых механик напрямую зависит от того, какие типы инструментов геймификации будут выбраны для обеспечения развития необходимых профессиональных компетенций. Например, если целью является улучшение коммуникативных навыков, то, по нашему мнению, наиболее эффективным инструментом выступает использование сторителлинга в игре, линии повествования, которая позволит учесть такие нюансы, как умение разговаривать по телефону, высказывать и принимать критику, убеждать и вести переговоры, собирать информацию. Говоря о креативности и умении разрабатывать идеи, а впоследствии и решать проблемы с помощью различных вариантов, представляется возможным использовать уровни, позволяющие студентам справляться с одной задачей и приступать к следующей с повышенной сложностью, что будет стимулировать способность находить новые способы для решения поставленных проблем. В то же время навыки совместной работы для достижения общей цели будет стимулировать такой инструмент, как таблица лидеров, которая внесет в игру элемент конкуренции и позволит объединить команды для улучшения их показателей и достижения лучших результатов командной работы.

В целях исследования осведомленности о геймификации в образовательном процессе и отношения студентов к внедрению отдельных элементов гейм-дизайна в дисциплины учебного плана гуманитарно-управленческих специальностей, нами был проведен опрос группы учащихся первых и третьих курсов института маркетинга, в котором приняли участие 54 чел. Результаты количественного метода исследования выявили значительную разницу в осведомленности студентов о понятии геймификации.

Так, только 16 респондентов заявили о том, что знакомы с термином и понимают принципы гейм-дизайна в образовании, в то время как 38 учащихся признались в отсутствии каких-либо знаний о ней в общем. Полученные данные свидетельствуют о том, что в образовательной среде уделяется недостаточно внимания геймификации, отдается предпочтение традиционным методам обучения. Необходимо отметить: среди студентов, которые получили объяснение понятия геймифицированного обучения, большая часть проявила заинтересованность во внедрении игр в учебный процесс, направленный на развитие и совершенствование профессиональных навыков, указав, что игровые элементы могли бы вызвать значительный интерес к дисциплинам, которые студентам кажутся трудными. Хотя большинство опрошенных обратили внимание на геймифицированный метод обучения и признались, что пользуются обучающими приложениями для улучшения знаний иностранных языков с элементами игр, значительная часть респондентов выразила опасение, что геймификация среди студентов при неправильном построении занятий может восприниматься как развлекательная игра, не способная обеспечить должный уровень получения академических знаний. Такое мнение может быть вызвано тем, что в действительности отсутствует реальный опыт практического применения геймифицированных методов обучения в университетской среде.

Однако в высших образовательных учреждениях на отдельных дисциплинах преподавателями вводятся такие инструменты геймификации, как баллы и рейтинги, которые студентами считаются не как игровые элементы, а как компоненты традиционных занятий. Необходимо понимать, что введение элементов геймификации в отдельные дисциплины носит несистемный, фрагментарный характер и в полном объеме не выполняет функцию мотивации студентов в процессе формирования профессиональных компетенций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геймификация относится к использованию игровых элементов для повышения вовлеченности и мотивации в неигровых ситуациях, таких как образование, однако недавно появилось новое определение, в котором основное внимание уделяется не элементам гейм-дизайна, а качеству игры. Проведенные исследования показывают, что геймификация положительно влияет не только на вовлеченность и мотивацию, но и на развитие профессиональных компетенций. Кроме того, мотивация, лежащая в основе геймифицированного обучения, рассматривается как процесс, который влияет на результат только опосредованно и при этом является элементом, без которого геймификация не имеет смысла. Соответственно, основные гипотезы, рассматривающиеся в работе, были подведены к вопросам: сможет ли геймификация эффективно мотивировать и вовлекать студентов в обучение, какие ее инструменты смогут улучшить профессиональные компетенции учащихся гуманитарно-управленческих специальностей. При этом внутренняя мотивация, которая касается присущей человеку склонности к поиску новизны и развитию своих способностей, считается наиболее продуктивным стимулом человеческого поведения. В частности, было выявлено, что функции мотивации, связанные с погружением (наличие поведения) и достижениями (уровни, таблицы лидеров) смогут обеспечить совершенствование навыков студентов, необходимых их профессиональной деятельности без потери мотивации к обучению. Таким образом, геймифицированная система обучения нацелена на то, чтобы предлагать разнообразные и поддерживающие задачи, которые не воспринимаются как обязательные или контролируемые извне; в противном случае чувство мотивации может быть снижено.

Проведя обзор литературы по исследованию геймификации в образовании, можно прийти к выводу, что в большинстве случаев игровые механики дают положительные результаты и неоспоримые преимущества, в отличие от традиционных методов. Несмотря на то, что геймификация не подходит для каждой учебной ситуации и непроста в создании и внедрении, она является важным подходом к ускорению процесса обучения, преподаванию сложных предметов и формированию системного мышления. Согласно мнению ученых, внедрению геймификации в академическом мире следует уделять больше внимания, поскольку преподаватели обладают многими необходимыми навыками и умениями для продвижения этого инструмента среди студентов, однако ее не следует считать уникальным решением

или рассматривать в отрыве от других методов обучения. Тем не менее не все отрасли соответствуют концепции геймифицированного обучения, которое представляет собой множество игровых методов, направленных на повышение креативности, улучшение коммуникационных и других мягких навыков. Гуманитарно-управленческая специализация считается одной из наиболее перспективных для интеграции с геймификацией, поскольку имеет направленность, основанную на индивидуальном сотворчестве. Кроме того, обучение, основанное на ней, побуждает студентов развивать коммуникативные навыки и креативное мышление, что находит свое отражение в навыках, необходимых рынку труда на сегодняшний день. Соответственно, использование геймификации в образовании наряду с более традиционными методологиями и при правильном применении факторов мотивации может привести не только к улучшению процесса обучения, но и к развитию конкретных знаний и умений.

В заключение следует отметить, что оценка эффективности мотивационных факторов геймификации в образовательном процессе требует комплексного подхода, сочетающего количественные и качественные методы исследования. Количественные методы позволят получить объективные данные об изменении академической успеваемости и уровня вовлеченности и удовлетворенности обучающихся учебным процессом. Однако они не всегда могут объяснить причины наблюдаемых изменений. Именно качественные методы исследования смогут дополнить количественные данные, позволяя глубже понять опыт учащихся и оценить восприятие геймифицированных элементов студентами и влияние отдельных элементов на мотивацию. Использование смешанных методов оценки эффективности мотивационных факторов позволит понять механизмы действия отдельных элементов на основные стимулы студентов к обучению, что в дальнейшем необходимо для разработки результативных и адаптивных геймифицированных образовательных систем.

Список литературы

1. *Варенина А.П.* Геймификация в образовании. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;6–2(6):314–317.
2. *Huotari K., Hamari J.* Defining gamification: a service marketing perspective. In: International Conference on Media of the Future: Proceedings of the 16th International Academic MindTrek Conference, Tampere, October 3–5, 2012. New York: Association for Computing Machinery; 2012. Pp. 17–22. <http://dx.doi.org/10.1145/2393132.2393137>
3. *Белкин Ф.А.* Геймификация в образовании. Современная зарубежная психология. 2016;3(5):28–34. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050302>
4. *Аржанова К.А., Довжик Г.В.* Использование геймификации в образовательном процессе. В кн.: Актуальные вопросы экономики и финансов: сборник статей международной научно-практической конференции, Ижевск, 14 октября 2021 г. Ижевск: Удмуртский университет; 2021. С. 26–28.
5. *Huang W.H.-Yu., Soman D.* A practitioner's guide to gamification of education. Toronto: Rotman School of Management of Toronto; 2013. 29 p.
6. *Kapp K.M., Coné J.* What every chief learning officer needs to know about games and gamification for learning. Bloomsburg: Pfeiffer; 2012. 338 p.
7. *Кухаренко Е.В., Югай А.А.* Геймификация в образовании. В кн.: Новые подходы и современные взгляды на развитие образования и науки: материалы международной научно-практической конференции «Козыбаевские чтения – 2021», том 3, 12 ноября 2021 г. Петропавловск: Северо-Казахстанский государственный университет имени Манаша Козыбаева; 2021. С. 60–63.
8. *Legaki N.-Z., Xi N., Hamari J., Karpouzis K., Assimakopoulos V.* The effect of challenge-based gamification on learning: an experiment in the context of statistics education. International Journal of Human-Computer Studies. 2020;144. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2020.102496>
9. *Xi N., Hamari J.* Does gamification satisfy needs? A study on the relationship between gamification features and intrinsic need satisfaction. International Journal of Information Management. 2019;46:210–221. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2018.12.002>
10. *Lee J., Hammer J.* Gamification in education: what, how, why bother? Academic Exchange Quarterly. 2011;2(15).
11. *Цветков В.Я.* Цифровая трансформация и цифровое государственное управление. E-Management. 2024;4(7):69–79. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-69-79>
12. *Колосова О.А., Бегичева О.А., Завельская И.М.* Геймификация в образовании: за и против. Человеческий капитал. 2022;12–2(168):159–166.
13. *Старостин В.С., Аржанова К.А., Долгополов Д.В., Дитрих А.А.* Определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий. Вестник университета. 2023;10:29–39. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-29-39>

14. Аберу Т.Б., Мингалева Ж.А. Влияние организационной культуры на формирование поведения персонала учреждений высшего образования (на примере университета Гондэра, Эфиопия). Управление. 2024;4(12):60–69. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-4-60-69>

References

1. Varenina L.P. Gamification in education. Historical and Socio-Educational Idea. 2014;6–2(6):314–317. (In Russian).
2. Huotari K., Hamari J. Defining gamification: a service marketing perspective. In: International Conference on Media of the Future: Proceedings of the 16th International Academic MindTrek Conference, Tampere, October 3–5, 2012. New York: Association for Computing Machinery; 2012. Pp. 17–22. <http://dx.doi.org/10.1145/2393132.2393137>
3. Belkin F.A. Gamification in education. Journal of Modern Foreign Psychology. 2016;3(5):28–34. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050302>
4. Arzhanova K.A., Dovzhyk G.V. The use of gamification in the educational process. In: Actual issues of economics and finance: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Izhevsk, October 14, 2021. Izhevsk: Udmurt University; 2021. Pp. 26–28. (In Russian).
5. Kapp K.M., Coné J. What every chief learning officer needs to know about games and gamification for learning. Bloomsburg: Pfeiffer; 2012. 338 p.
6. Huang W.H.-Yu., Soman D. A practitioner's guide to gamification of education. Toronto: Rotman School of Management of Toronto; 2013. 29 p.
7. Kukhareenko E.V., Yugaj L.A. Gamification in education. In: New approaches and modern views on the development of education and science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Kozybaev readings – 2021”, volume 3, November 12, 2021 Petropavlovsk: Manash Kozybayev North Kazakhstan University; 2021. Pp. 60–63. (In Russian).
8. Legaki N.-Z., Xi N., Hamari J., Karpouzis K., Assimakopoulos V. The effect of challenge-based gamification on learning: an experiment in the context of statistics education. International Journal of Human-Computer Studies. 2020;144. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2020.102496>
9. Xi N., Hamari J. Does gamification satisfy needs? A study on the relationship between gamification features and intrinsic need satisfaction. International Journal of Information Management. 2019;46:210–221. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2018.12.002>
10. Lee J., Hammer J. Gamification in education: what, how, why bother? Academic Exchange Quarterly. 2011;2(15).
11. Tsvetkov V.Ya. Digital transformation and digital public administration. E-Management. 2024;4(7):69–79. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-69-79>
12. Kolosova O.A., Begicheva O.L., Zavel'skaya I.M. Gamification in education. Pros and cons. Human capital. 2022;12–2(168):159–166. (In Russian).
13. Starostin V.S., Arzhanova K.A., Dolgoplov D.V., Ditrikh A.D. Determining university's readiness to implement AI technologies for personalizing educational paths. Vestnik universiteta. (In Russian). 2023;10:29–39. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-29-39>
14. Aberu T.B., Mingaleva Zh.A. Impact of organisational culture on the formation of behaviour of personnel in higher education institutions (case study of the University of Gondar, Ethiopia). Management. 2024;4(12):60–69. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-4-60-69>

Стратификационная несовместимость в социальном статусе врачей государственной системы здравоохранения Российской Федерации

Ерошик Павел Сергеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0005-0167-2049, e-mail: webpavel20@hotmail.com

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе на основе вторичного анализа профильных публикаций и имеющихся статистических данных рассматривается проблема влияния стратификационной несовместимости на удовлетворенность врачей своим социальным статусом. Используя результаты исследований, посвященных различным аспектам удовлетворенности врачей своим социальным положением и трудом, мы определили типичные статусные характеристики российских докторов, выявили несоответствия между социальной значимостью их работы, затрачиваемыми усилиями и уровнем материального вознаграждения за труд. Отмечена субъективная неудовлетворенность врачей уровнем своего дохода, подтверждаемая статистическими данными. Выявлено противоречие в оценке обществом и самими медиками престижности профессии, которое заключается в более низкой оценке врачами этого показателя, причинами которого являются чрезмерная загруженность на работе, трансформация роли доктора из авторитетного эксперта в поставщика услуг и формирование средствами массовой информации негативного образа врача путем акцентирования внимания общества на ошибках, неудачах медиков, скандалах с их участием. Врачи стремятся покинуть низкооплачиваемые рабочие места, создавая кадровый дисбаланс в отрасли и обостряя имеющийся недостаток специалистов. Для смягчения стратификационной несовместимости необходимо повышать уровень дохода врачей и престижа профессии, пересматривая их роль в обществе и создавая положительный образ как работников здравоохранения, так и всей системы в целом.

Ключевые слова

Стратификационный профиль, социальная стратификация, государственная система здравоохранения, стратификационная несовместимость, врач, социальный статус, профессия врача

Для цитирования: Ерошик П.С. Стратификационная несовместимость в социальном статусе врачей государственной системы здравоохранения Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 213–224.

Stratification incompatibility in the social status of doctors in the Russian state healthcare system

Pavel S. Eroshik

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0005-0167-2049, e-mail: webpavel20@hotmail.com

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the problem of the influence of stratification incompatibility on doctors' satisfaction with their social status based on a secondary analysis of specialised publications and available statistical data. Using the results of studies devoted to various aspects of doctors' satisfaction with their social status and work, typical status characteristics of Russian medics are determined, discrepancies between the social significance of their work, efforts expended, and level of material remuneration for labour are revealed. Subjective dissatisfaction of doctors with their income level, confirmed by statistical data, is noted. A contradiction is revealed in the assessment of the prestige of the profession by society and medics themselves which consists in a lower assessment of this indicator by doctors, the reasons for which are excessive workload, transformation of their role from an authoritative expert to a service provider, and formation of a negative image of a medic by the media by focusing public attention on mistakes, failures of doctors, scandals with their participation. Doctors tend to leave low-paid jobs, creating a personnel imbalance in the industry and exacerbating the existing shortage of specialists. To mitigate stratification incompatibility, it is necessary to increase the income level of medics and prestige of the profession, reconsidering their role in society and creating a positive image of both health workers and entire system as a whole.

Keywords

Stratification profile, social stratification, public healthcare system, stratification incompatibility, doctor, social status, medical profession

For citation: Eroshik P.S. (2025) Stratification incompatibility in the social status of doctors in the Russian state healthcare system. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 213–224.

ВВЕДЕНИЕ

Профессия врача — одна из наиболее социально значимых, поскольку связана с сохранением жизни и обеспечением ее качества для каждого человека. Врачи несут большую ответственность за свои действия, поскольку качество их работы напрямую влияет на состояние здоровья пациента. Высокая значимость врачебной профессии отмечается государственными органами: национальный проект «Здравоохранение», запущенный в 2018 г. и содержащий в себе задачи по модернизации государственной системы здравоохранения, в том числе в части ликвидации кадрового дефицита докторов и среднего медицинского персонала и повышения престижа их профессии, явился методом решения актуальных вопросов, стоящих перед отечественным здравоохранением. Однако работающие врачи отмечают недостаточный уровень оплаты их труда и заявляют о чрезмерной бюрократической нагрузке и высокой интенсивности труда, распространенности пациентского экстремизма, являющегося индикатором ухудшения отношения к врачу в обществе. В совокупности это приводит к дефициту кадров в государственных медицинских организациях, что является социальной проблемой.

В статье рассматривается влияние стратификационной несовместимости на неудовлетворенность врачей своим социальным статусом. Стратификационная совместимость является не менее существенным фактором, определяющим воспроизводство врачей как социально-профессиональной группы, чем востребованность профессии, перспективы карьерного и профессионального роста, развитие и поддержка отрасли государством. Для того чтобы отечественная система здравоохранения была в полной мере обеспечена высокопрофессиональными специалистами, необходимо, чтобы статусные характеристики врачей соответствовали друг другу. В статье с помощью метода вторичного анализа данных устанавливается, в чем заключается стратификационная несовместимость статуса доктора и к каким социальным последствиям это приводит.

Понятие стратификационной несовместимости является модификацией термина «статусная неконсистентность», определяемого одним из пионеров изучения параметров социального статуса индивида, американским социологом Г. Ленски, как несовпадение статусов человека по ряду параметров стратификации [1, с. 135]. Стратификационная несовместимость — это нахождение одного или нескольких показателей стратификационного профиля на уровнях, не соответствующих классу, к которому относится индивид. Стратификационный профиль трактуется А.И. Кравченко как «графическое выражение положения индивидуальных статусов на четырех шкалах стратификации» — доход, образование, власть и престиж [2, с. 175].

Дисбаланс в уровнях этих показателей может приводить к возникновению проблем как у самих представителей групп, так и у общества в целом, вызывая социальную напряженность, межличностные и межгрупповые конфликты. Индивид, находящийся в состоянии стратификационной несовместимости, испытывает неудовлетворенность, разочарование, стресс и стремится привести отстающие показатели к более высоким.

Ряд исследователей в период действия национального проекта «Здравоохранение» изучали социальное положение российских врачей с позиции их удовлетворенности трудом, оценки роли профессиональной группы докторов в современном обществе, социально-экономического положения как в масштабах субъекта Российской Федерации (далее — РФ, Россия), так и в межрегиональном масштабе. В поле зрения ученых попадали и врачи отдельных специальностей, и смешанные группы.

По каждому из критериев стратификационного профиля нами дается оценка статуса врача путем анализа статистических данных и вторичного анализа результатов исследований медиков, проведенных в течение действия национального проекта, делается вывод о том, каким считается низкий, средний и высокий статус врача, а также отмечается противоречие между общественной значимостью медицинской деятельности и средним уровнем дохода, а также оценкой докторами уровня престижа профессии.

ОЦЕНКА КРИТЕРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ВРАЧА

Являясь частью социальной общности современной интеллигенции — внесловесной совокупности людей, отличающихся высоким уровнем образования и нравственных качеств, занимающихся умственным трудом высокой квалификации и составляющих основу среднего класса российского общества [3], врачи находятся на лидирующей позиции по затраченным усилиям на учебу перед непосредственной работой.

Большие затраты выражены в необходимости длительного обучения: образовательная программа по специальностям «Лечебное дело» и «Педиатрия» составляет 6 лет очного обучения, по специальности «Стоматология» – 5 лет. Для освоения узкой врачебной специальности необходимо окончить ординатуру (два года). После освоения образовательных программ специалитета, ординатуры обязательным выступает прохождение врачами аккредитации, определяющей степень владения знаниями и практическими навыками, что является допуском к осуществлению практической деятельности. С 1 апреля 2024 г. ординаторам, начиная со второго года обучения по специальности, разрешили трудоустроиваться в медицинские организации на должность врача-стажера под наблюдением опытного наставника¹. Благодаря этому планировалось уменьшить кадровый дефицит в государственных клиниках, однако допуск к лечению специалиста, не освоившего полностью программу обучения, может приводить к оказанию некачественной медицинской помощи и, как следствие, провоцировать рост недоверия к молодым врачам, привлечением которых активно занимается Министерство здравоохранения (далее – Минздрав) России.

Впоследствии специалистам с медицинским образованием необходимо один раз в 5 лет в течение профессиональной деятельности подтверждать свою квалификацию путем прохождения повторной аккредитации, предоставляя как подтверждение сведения о прохождении программ повышения квалификации и (или) информации об освоении элементов непрерывного медицинского образования. Особенность последнего состоит в том, что осуществление образовательных мероприятий происходит в личное время медицинского работника и в ряде случаев за плату. Врачи сообщают, что на портале непрерывного медицинского образования Минздрава России есть бесплатные курсы, однако за их прохождение дается меньшее количество баллов, чем за платные, которые также доступны к изучению, но их стоимость может достигать нескольких десятков тысяч рублей за курс². Минздрав требует прохождения образовательных мероприятий за пятилетний период суммарным объемом 144 академических часа³, сведения о которых включаются в портфолио специалиста, получающего аккредитацию.

Таким образом, к врачам применяется многоступенчатая система оценки их профессиональной квалификации в течение профессиональной деятельности, что, с одной стороны, оправдано высокой степенью ответственности за принимаемые ими решения, с другой же – дополнительно повышает нагрузку в связи с прохождением образовательных мероприятий без отрыва от работы. Обобщая сказанное, можно оценить уровень критерия образования врача на шкале стратификационного профиля как высокий.

ДОХОД КАК ВЕДУЩИЙ КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА, ПРИВОДЯЩИЙ К СТРАТИФИКАЦИОННОЙ НЕСОВМЕСТИМОСТИ

В исследовании И.Р. Соловьева, В.А. Серебрянникова и Е.В. Ползика, проведенном в 2014 г. и в 2018 г. методом анкетирования врачей Свердловской области, представлено сравнение оценки медиками региона своего экономического и социального положения в обществе. По данным авторов, к 2018 г. в сравнении с 2014 г. покупательная способность респондентов снизилась: почти в два раза уменьшилась доля тех, кому хватало денег на большинство нужд, кроме самых дорогостоящих покупок – жилья, автомобиля, и наоборот, более численной стали группы врачей, чье материальное положение позволяет приобретать лишь предметы первой необходимости, а также тех, чей доход затрудняет покупку бытовой техники. При этом ожидания справедливого заработка у врачей почти в два раза превышают фактический размер дохода как в 2014 г., так и в 2018 г. Однако больше половины информантов – 57,3 % – сообщили о повышении им заработной платы (далее – зарплата) в краткосрочной ретроспективе. Из опрошенных 382 врачей в 2018 г. почти 97,8 % работали по совместительству, причем более 60 % – в своем учреждении, что в существовавших реалиях было обусловлено как недостатком специалистов, так и стремлением улучшить свое материальное положение. Почти четыре пятых опрошенных заявили о необходимости повышения зарплаты до справедливого уровня [4].

В 2019 г. коллективом А.В. Решетникова были проведены фокус-групповые интервью с молодыми (n = 8) и опытными (n = 8) врачами-терапевтами амбулаторных медицинских организаций на тему

¹ Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454035/ (дата обращения: 19.03.2025).

² Бескаравайная Т. Не в баллах счастье: медработники рассказали о плюсах и минусах системы непрерывного образования. Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/articles/Ne-v-ballah-schaste.html> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28.10.2022 г. № 709н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432926/ (дата обращения: 21.03.2025).

изменения роли медиков в современном обществе и обнаружен ряд явлений, оказывающих негативное влияние на их социально-экономическое положение. Обе группы интервьюируемых отмечали несправедливую оплату труда в сравнении с возлагаемым на них уровнем трудовой нагрузки и необходимостью постоянного профессионального совершенствования. Для молодых врачей вопрос достойного заработка был более важен [5].

В период пандемии коронавируса 2020–2021 гг. О.А. Нор-Аревян и А.И. Черевкова проанализировали социально-экономическую удовлетворенность врачей Ростовской области, проведя 20 глубинных интервью. По результатам исследования наиболее удовлетворенными своим доходом оказались специалисты, оказывавшие помощь пациентам в ковидных госпиталях непосредственно в «красной зоне»: им полагались дополнительные федеральные и региональные выплаты, однако молодые врачи с осторожностью высказывались о постпандемийном будущем, когда выплаты отменят, и отмечали возможное уменьшение стимула к работе. Их коллеги, работавшие в других условиях с больными, которые потенциально также могли быть инфицированы коронавирусом, отмечали несправедливый размер доплаты, акцентируя внимание на одинаковом риске, но разных объемах вознаграждения. В этот же период врачи, не работавшие с коронавирусными больными, либо не отметили изменений, либо указали на снижение дохода [6].

Анкетирование 654 врачей Республики Башкортостан, проведенное в 2022 г. О.В. Мигуновой, показало, что почти две трети респондентов в целом негативно высказались об удовлетворенности своей зарплатой, у 31,6 % медиков в регионе она составила от 31 до 40 тыс. руб., при этом уровень дохода в сельской местности и городах республики был ниже, чем в городе Уфе [7].

В 2023 г. коллектив М.Р. Шукурова, О.Е. Коновалова, А.В. Шулаева провел анкетирование 404 врачей, целью которого было изучение удовлетворенности работой терапевтов и хирургов разных форм собственности, большинство из которых – 313 респондентов – представляли государственную систему здравоохранения. Наиболее острой проблемой, формирующей неудовлетворенность врачей своей работой, оказалась недостаточная оплата труда – об этом заявили 51,7 чел. на 100 опрошенных. Однако, сравнивая ответы докторов бюджетных организаций о недовольстве зарплатой с докторами частных клиник, авторы обнаружили: среди последних почти каждый заявил о том, что не удовлетворен уровнем своей оплаты труда, что в целом подчеркивает более скромные зарплатные ожидания врачей-бюджетников, которые, однако, не оправдываются. Таким образом, врачей волновали как проблема дохода, так и организационные проблемы, непосредственно влияющие на оказание качественной медицинской помощи пациентам [8].

В течение последних 10 лет в государственном секторе здравоохранения наблюдается увеличение номинальной зарплаты врачей государственной и муниципальной системы здравоохранения, оказывающих медицинские услуги населению: в 2023 г. она достигала 113 602 руб. в целом по РФ, что составило почти двукратное превышение средней зарплаты, начисленной наемным работникам за январь–декабрь 2023 г. в остальных сферах труда (57 210 руб.). Такие показатели свойственны для медицинских организаций федерального уровня и уровня субъектов России. Однако размеры средней зарплаты врачей, задействованных в муниципальной системе здравоохранения, в целом по стране превышают среднюю зарплату на 7 %, а более чем в четверти субъектов РФ они ниже данного показателя⁴. По данным портала по поиску работы и подбору персонала «ГородРабот.ру», в 2024 г. медианная зарплата по профессии «врач» составила 59 583 рубля, и, таким образом, почти половина медиков имеет доход на уровне средней зарплаты по России 2023 г. При этом модальная зарплата, согласно информации из объявлений данного портала, составила в 2024 г. 50 тыс. руб.⁵

Кроме того, результаты социологического опроса Общероссийского народного фронта показывают, что в 2023 г. 41 % врачей в субъектах получали зарплату, не превышающую 100 % от средней зарплаты в регионе, 51 % зарабатывают от 100 до 200 % средней региональной зарплаты, а доход в размере 200 % от среднего получают лишь 8 % врачей⁶, что не соответствует положениям Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»⁷.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющих медицинские услуги (обеспечивающих предоставление медицинских услуг) государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04-23-06.xlsx> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵ ГородРабот.ру. Статистика рынка труда в России – «Врач». Режим доступа: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries/vrach> (дата обращения: 03.04.2025).

⁶ ТАСС. Почти 90 % среднего опрошенного медперсонала получают менее средней зарплаты по региону. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/18246639> (дата обращения: 03.04.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129344/ (дата обращения: 08.04.2025).

Неудовлетворенность врачей уровнем своего дохода по отношению к уровню их зарплаты усиливается в сравнении с доходами других профессиональных групп. В последнее время средствами массовой информации (далее – СМИ) обсуждается рост зарплат курьеров, чья медианная зарплата достигла 115,6 тыс. руб. в месяц⁸, а службы доставки очерчивают верхнюю границу заработка курьера в пределе 230 тыс. руб.⁹ Однако уровень профессиональной подготовки, степень ответственности и порог вхождения в профессию врачей и курьеров значительно отличаются, что может провоцировать у медиков формирование относительной депривации, то есть недостаточного удовлетворения какой-либо потребности индивида или группы в сравнении с другими индивидами и группами [9]. В рассматриваемом нами случае речь идет о потребности в справедливом вознаграждении за сохранение и восстановление человеческого здоровья.

Чтобы повысить уровень своего материального благополучия, врачи стремятся менять место работы, и процесс кадровых перемещений приобретает общегосударственный масштаб. В 2023 г. в 67 субъектах РФ наблюдалась излишняя и неконтролируемая текучесть врачебных кадров, направленная преимущественно из амбулаторно-поликлинических организаций в стационары из-за более высоких зарплат в них, и это подтверждается заявлением вице-премьера РФ Т.А. Голиковой о том, что при дефиците врачей первичного звена в 29 тыс. специалистов в стационарах профицит составляет 8 тыс. чел.¹⁰

Правительство, исполняя поручение Президента РФ о повышении зарплат медицинским специалистам, приняло постановление № 343 от 20 марта 2024 г. о начислении врачам, работающим в сельской местности и населенных пунктах с невысокой численностью жителей, стимулирующих выплат с целью улучшения благосостояния медиков и увеличения привлекательности рабочих мест в указанной местности¹¹. Таким образом, государство ответило на запрос о повышении социального статуса врачей, однако системного решения данной проблемы пока что не произошло.

Подытоживая данный раздел, можно оценить критерий дохода врачей в целом на уровне ниже среднего как объективно, – по статистике зарплат – поскольку значительная часть докторов не достигает среднего уровня дохода по региону, так и субъективно, на основании оценок медиками своего заработка – значительная часть из них свидетельствует о недостаточности оплаты труда. Низкий уровень критерия дохода в стратификационном профиле характерен для врачей, работающих преимущественно в амбулаторных медицинских организациях муниципальной системы здравоохранения, в особенности в сельской местности и в не крупных населенных пунктах. Высокий уровень критерия дохода характерен для врачей в городах с большой численностью населения и в мегаполисах, в особенности работающих в стационарах регионального и федерального уровня – больницах, профильных медицинских центрах.

ПРЕСТИЖНОСТЬ ВРАЧЕБНОЙ ПРОФЕССИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВА И МЕДИКОВ

Рассматривая престиж как критерий социального статуса врачей, необходимо оценить его со стороны субъекта профессиональной деятельности – доктора и со стороны пациентов и общества для создания более объективного представления о положении врачей в социуме.

Исследование 2018 г. показало, что, несмотря на общую неудовлетворенность материальным положением, 61,3 % врачей отметили: их профессия престижна, и более двух третей отказались сменить работу на другую, что может свидетельствовать о мотивации работников здравоохранения, не основанной на материальных мотивах [4].

В интервью, проведенных в 2019 г., медики, как молодые, так и опытные, отметили падение престижа и авторитета профессии в связи с рядом причин. Во-первых, из-за изменения характера межличностных отношений врачей и пациентов, проявляющегося, в частности, в ложной убежденности последних в своем диагнозе и методах лечения, найденных в сети интернет, в связи с чем работа врача оценивается пациентом как экспертом, и при несовпадении ожидания с фактически оказанной помощью

⁸ РБК. Курьеры превзошли по зарплате врачей, журналистов и «айтишников». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2024/675258da9a79470b0302455e> (дата обращения: 08.04.2025).

⁹ Работа курьером в Москве – доставка еды через партнеров сервиса Яндекс Еда. Режим доступа: <https://eda.yandex.ru/partner/perf/msk/> (дата обращения: 08.04.2025).

¹⁰ Известия. Голикова указала на дефицит врачей первичного звена в РФ. Режим доступа: <https://iz.ru/1732131/2024-07-24/golikova-ukazala-na-deficit-vrachei-pervichnogo-zvena-v-rf> (дата обращения: 10.04.2025).

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.03.2024 № 343 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472535/ (дата обращения: 10.04.2025).

он отправляет жалобы, часто не имеющие под собой фактической основы нарушения доктором должностных регламентов или несоблюдения клинических рекомендаций. Во-вторых, из-за восприятия врача как работника сферы обслуживания, когда к ним часто относятся с пренебрежением. Врачи указали на отношение пациента к медику как заказчика к исполнителю – граждане, заходя в кабинет, сразу просили провести определенное обследование или назначить конкретный препарат. Также доктора жаловались на злоупотребление пациентом своими правами, обусловленное непониманием границ ответственности того или иного специалиста. Причинами этого являются отсутствие ответственности пациента в системе здравоохранения за ложные вызовы и предъявление неоправданно завышенных требований к функционалу врача. Наконец, некоторые граждане позволяют себе общаться с врачом в некорректном тоне, принижая его честь и достоинство. В-третьих, из-за кадрового дефицита, создающего перегруженность специалистов, который в совокупности с перечисленными выше факторами провоцирует еще больший отток кадров из амбулаторий [5].

Интервью 2020–2021 гг. в целом подтверждает данные, полученные в предыдущем исследовании. Врачи акцентировали внимание на роли СМИ как ведущего источника формирования отрицательного образа медицинского работника путем публикации преимущественно негативных новостей о врачебных ошибках, скандалах и приравненных к ним ситуациях. Как следствие, информанты выразили отказ от рекомендации своим детям пойти по профессиональному пути врача [6].

Врачи также оценили влияние различных факторов на удовлетворенность трудовым процессом – наиболее значимыми оказались высокая напряженность трудового процесса, связанная с ответственностью за здоровье пациентов и значительная психологическая напряженность. Второй по значимости фактор – это большой объем бюрократической работы, отнимающий время от непосредственного взаимодействия с пациентом. Треть опрошенных заявила, что работа на более чем 1,5 ставки тоже является негативным трудовым фактором [7].

Исследование, проведенное Ю.В. Ендовицкой и Л.И. Меньшиковой с июня 2022 г. по март 2023 г. методом анкетирования врачей-эндокринологов 16 регионов России, включающее 365 анкет, показало высокий уровень нагрузки, отмеченный 70 % врачей максимальным баллом по пятибалльной шкале, еще почти 24 % поставили 4 балла по данному критерию. Остальные ответы в совокупности выбрали 6,1 % респондентов. Опрошенные врачи были в целом средне удовлетворены своим рабочим местом, оценив его на 2,98 балла из 5, незначительно выше они оценили и организацию рабочих процессов – на 3,28 балла из 5. Из негативных факторов врачи отмечают, что тратят много времени на документацию – у 65,5 % она отнимает более 50 % рабочего времени. Она же и вынуждает медиков оставаться после рабочего дня – почти 76 % выделили эту причину основной в структуре причин задержек. При этом почти две трети опрошенных в совокупности задерживаются на работе более чем на полчаса часто или всегда [10].

Сравнение ответов врачей стационаров и поликлиник выявило бóльшую удовлетворенность условиями труда врачей больниц в сравнении со специалистами поликлиник – 86,2 % против 64,7 % позитивных оценок соответственно. Также проблемами, волнующими значительную часть докторов, были административно-хозяйственные: оснащенность рабочего места, график, организация труда – 35,1, 36,7 и 33,9 чел. на 100 респондентов соответственно [8].

В оценках медицинскими специалистами престижности профессии прослеживаются общие тенденции, негативно влияющие на удовлетворенность деятельностью и, как следствие, на ее престижность. Дополнительное влияние оказывает и высокая нагрузка на работе, связанная, в частности, с совмещением нескольких ставок. От 24,7 до 97,3 % врачей в рассматриваемых исследованиях работали более чем на одну ставку.

Отношение к врачам со стороны общества за последние годы менялось то в лучшую, то в худшую сторону. Во время эпидемии коронавирусной инфекции значимость докторов выросла благодаря их самоотверженности на работе и восприятию пациентами как единственной надежды на выздоровление. Однако спустя некоторое время после окончания эпидемии эффект врача как «супергероя» стал угасать, и постепенно ценность докторов в обществе стала уменьшаться. Результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения 1 600 совершеннолетних россиян, проведенного в июне 2022 г., показывали в целом положительное отношение общества к врачам: доверие к ним респонденты оценили на 3,28 баллов из 5. Доходность работы оценивается социумом на 3,05 балла из 5, а социальное положение врачей – на 3,19 баллов. Высок уровень ожидания родителей от своих детей по поводу

того, что они пойдут работать в отрасль медицины, – он составлял 3,41 балла¹². По данным опроса 1 667 медиков, проведенного в ноябре 2023 г. профессиональным сервисом «Справочник врача», 55 % респондентов указали на негативное отношение людей к врачам, а о положительном отношении заявили около 37 % специалистов. Ухудшение отметили более половины опрошенных, а по мнению 37 %, изменений за последнее время не происходило. 52 % врачей винят СМИ, в том числе социальные сети и интернет-издания, в создании негативного образа врача путем акцентирования внимания читателей на некомпетентности, безразличии к пациентам, на грубом и неуважительном отношении к ним, желании обогатиться на лечении, и, как следствие, эти причины влияют на мотивацию медиков к работе. Так посчитали 34 % участников вопроса, а также 10,3 % заявили, что они уменьшают желание молодежи вступать в профессию¹³.

Еще один фактор, оказывающий влияние на престиж профессии врача, – это пациентский экстремизм. Это явление, которое включает в себя, с одной стороны, неуважительное отношение к медику, грубость и агрессию пациента или сочетающееся с его лиц, критику или несоблюдение врачебных рекомендаций, сочетающееся с жалобами в руководство медицинской организации и вышестоящие органы власти, а с другой – злоупотребление пациентом своими правами на защиту прав потребителей с целью извлечения выгоды от получения медицинской услуги путем поиска сколь-либо значимых недостатков в работе доктора и выдвижения на их основе требований о привлечении врача или медицинской организации к ответственности.

Пациентский экстремизм весьма распространен в настоящее время: по данным интернет-опроса врачей, проведенного в 2021 г. компанией RNC Pharma совместно с газетой «Медвестник», в котором принял участие 671 специалист из разных регионов России, 24 % респондентов регулярно сталкивались с этим явлением, 46 % периодически испытывали давление от пациентов, желающих извлечь выгоду в ходе получения медицинских услуг, 26 % опрошенных лично не сталкивались, но знакомы о таком феномене от своих коллег, и 3 % никогда не встречались с ним. При этом исследователями не было выявлено специфических региональных особенностей данного феномена, который в равной степени затронул как мегаполисы, так и небольшие города, а также отличий по демографическому признаку – пациентскому экстремизму были одинаково подвержены врачи обоих полов любого возраста¹⁴.

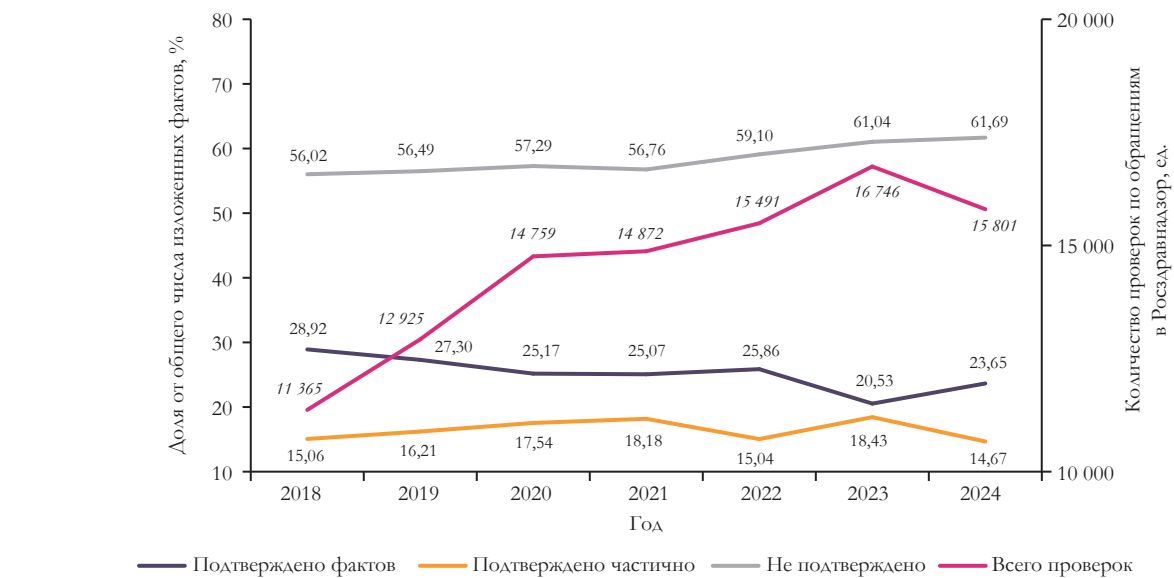
Государственные органы также отмечают рост обращений пациентов: например, в центральный аппарат и территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее – Росздравнадзор) за период с I квартала 2018 г. по IV квартал 2024 г. количество обращений возросло на 109 % – с 89,3 тыс. до 186,8 тыс. в год. Больше половины из них посвящены вопросам качества и безопасности медицинской деятельности. Как видно на рисунке, за последние неполные 7 лет наблюдается тенденция к увеличению доли неподтвержденных фактов, излагаемых заявителями, в том числе пациентами, в обращениях и жалобах. Растет и количество проверок, проводимых Росздравнадзором. Вместе с тем уменьшается доля подтвержденных фактов, излагаемых в обращениях граждан, а доля не подтвердившихся по результатам проверок фактов, наоборот, возрастает.

Пациенты стали больше обращаться по необоснованным поводам, и это создает избыточную нагрузку как на контрольные органы, так и на врачей, вынуждая их и руководство медицинских организаций предоставлять в свою защиту отчетные документы об оказании медицинской помощи, объяснительные записки, а также демотивирует докторов добросовестно исполнять обязанности. Такое поведение может быть обусловлено изменением восприятия врача пациентом с авторитетного эксперта, мнение которого имеет высокую значимость, на работника сферы обслуживания, основная задача которого – удовлетворить потребности получателя услуги. Отчасти эту гипотезу подтверждают результаты интервью, проведенного коллективом А.В. Решетникова [5]. Несмотря на существование данной проблемы в недалеком прошлом, актуальность гипотезы в настоящее время требует дополнительной проверки в будущих исследованиях.

¹² ВЦИОМ. Новости. Врачи: доверие, престиж, доходность профессии. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii> (дата обращения: 11.04.2025).

¹³ Костарнова Н. Врачи расстроены неблагодарностью пациентов. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6379090> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁴ RNC Pharma. RNC Pharma и «Медвестник» представляет результаты исследования: только 3 % российских врачей никогда не сталкивались со случаями «пациентского экстремизма». Режим доступа: <https://rncph.ru/blog/rnc-pharma-i-medvestnik-predstavlyayet-rezultaty-issledovaniya-tolko-3-rossijskih-vrachey-nikogda-ne-stalkivalis-so-sluchayami-paczientskogo-ekstremizma/> (дата обращения: 11.04.2025).

Составлено автором по материалам источника¹⁵

Рисунок. Количество проведенных проверок Росздравнадзором фактов, изложенных в заявлениях граждан, и процентное соотношение результатов

В целях повышения правовой защищенности медицинских работников депутаты Государственной думы приняли поправки в Уголовный кодекс РФ в части отмены привлечения медицинских специалистов к уголовной ответственности по ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», что является шагом к отделению понятия «медицинская помощь» от категории услуг¹⁶. Деятельность врача, таким образом, перестает рассматриваться в контексте целенаправленного оказания некачественной медицинской помощи, приведшей к неблагоприятному исходу исключительно вследствие его умысла. Такой шаг должен позволить врачам лечить людей более уверенно, не оглядываясь на риск быть осужденным за оказание помощи, которая не привела к улучшению здоровья пациента, что в итоге должно несколько повысить престижности профессии.

Обобщая вышесказанное, отметим: уровень престижа профессии врача различается в оценках пациентов и докторов: вторые считают, что их работе общество не придает значения по ряду причин, а первые более позитивно оценивают положение врачей, хотя в последние годы оценки становятся более умеренными. При этом государство начало предпринимать шаги по укреплению правового и социального положения медиков, внося изменения в основные нормативные акты, регулирующие медицинскую деятельность. В совокупности всех обозначенных факторов критерий престижа в стратификационном профиле врача оценивается нами как средний, хотя представители данной профессиональной общности должны ощущать свое положение на более высоком уровне из-за высокой общественной значимости выбранной профессии.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ КРИТЕРИЯ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ВРАЧЕЙ

Власть как стратификационная характеристика в целом не сильно выражена у врачебного сообщества, однако в разных ситуациях она может находиться на разных уровнях. Находясь на административных должностях, врачи распространяют свою власть на подчиненных им сотрудников. У специалистов, не выполняющих административных функций, она будет на низком уровне. Соответственно, одним из методов измерения данной характеристики является фиксация нахождения на руководящих позициях в должностной иерархии.

В разрезе межличностных отношений «врач – пациент» медик предстает как квалифицированный эксперт, дающий рекомендации по сохранению и улучшению состояния здоровья пациента, неисполнение

¹⁵ Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. Поиск по документам. Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru/feedbackbutton/documents/b2101> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁶ Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494795/ (дата обращения: 12.04.2025).

которых грозит последнему лишь собственным физическим неблагополучием [11]. Однако власть врача над ним заключается в праве наложить ограничения или запрет на выполнение некоторых действий, например на управление транспортными средствами или на труд в рамках определенных видов занятий, если у человека имеются заболевания, препятствующие их безопасному выполнению. Помимо этого, врач может проявлять власть над пациентом, действуя в интересах излечения человека без его согласия: п. 9 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 23 ноября 2011 г. определяет перечень таких ситуаций, среди которых оказание медицинской помощи для устранения угрозы жизни пациента при его неспособности выразить согласие и отказ, а равно оказание скорой медицинской помощи не в медицинской организации для устранения угрозы жизни, если пациент не выразил отказ до начала медицинского вмешательства. Также недобровольное оказание медицинской помощи допускается в отношении лиц, страдающих общественно опасными для окружающих заболеваниями, при проведении судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы и при оказании паллиативной помощи, если отсутствует возможность получить согласие пациента или законного представителя¹⁷. Таким образом, фактическая реализация властного потенциала врача лишь в определенных случаях регламентирована нормативными актами, но в наиболее распространенных ситуациях, когда человек приходит за получением медицинской помощи, компетентность врача, его опыт и личностные качества играют важную роль в формировании приверженности пациента лечению и могут способствовать его отказу от привычек, которые способны нанести вред здоровью. Власть в этом случае рассматривается как способность изменить поведение пациента, заставить его прислушиваться к рекомендациям ради сохранения здоровья.

Возможность принимать участие в политической и общественной жизни на местном, региональном и федеральном уровнях у врачей сходна с остальными группами людей, профессионально не занятых политикой, и весьма ограничена решением вопросов, выносимых на обсуждение местными органами власти или публичными организациями [12]. Тем не менее профессиональное и карьерное развитие может быть сопряжено с выходом врача в область политики – некоторые из специалистов могут занять места депутатов, руководителей профильных комитетов политических партий, доверенных лиц кандидатов в президенты России и другие должности, выборные и назначаемые органами власти, что ведет к расширению их властных полномочий. Впрочем, достижение подобных высоких позиций часто не является целью врачей: исследования показывают, что ведущими мотивами деятельности являются профессиональный интерес и идея сострадания и помощи больному [13].

Обобщая вышесказанное, отметим: формально критерий власти у большинства врачей находится на уровне, близком к низкому, из-за особенностей профессии и наделенных государством полномочий. Тем не менее при совмещении врачебной работы с административной или политической деятельностью данный критерий может быть определен как средний или высокий, в зависимости от должности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальное положение врача в настоящее время претерпевает изменения. Государством предпринимаются шаги по повышению дохода и престижности профессии, однако значительная доля врачей все еще считает уровень своего дохода несопоставимым с той помощью, которую они ежедневно оказывают значительному числу пациентов. Подрыв авторитета медика и создание его негативного портрета в СМИ, трансформация характера профессии в предоставление услуг в условиях рынка являются основными причинами, из-за которых врачи заявляют о снижении престижности врачебной профессии. Наблюдается значительное расхождение в характеристиках стратификационного профиля – высокий уровень образования, уровень дохода ниже среднего, средний уровень престижа и низкий уровень власти создают противоречивое отношение врачей к своей деятельности и могут провоцировать сохранение кадрового дефицита в государственной отрасли здравоохранения. Исследованием установлено, что стратификационная несовместимость является фактором, обуславливающим нехватку докторов в бюджетных медицинских организациях.

Профессия врача должна быть высокооплачиваемой, поскольку здоровье является основной ценностью для людей, и сложность его восстановления требует многолетней подготовки, но в настоящее

¹⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 13.04.2025).

время лишь незначительная часть врачей получает доход в размере, определенном майскими указами Президента РФ. В неудовлетворенность медиков вносит вклад и относительная депривация, ощущаемая ими. Такая ситуация требует корректировки путем увеличения стабильного гарантируемого дохода для привлечения новых кадров в систему здравоохранения. В последний год в этом направлении уже были предприняты определенные действия.

Повышение престижности профессии врача неразрывно связано с размерами оплаты труда, однако совсем ими не ограничивается. Для повышения оценки докторами престижности своей профессии необходимо решать проблемы организации труда, модернизировать материально-техническую базу медицинских учреждений, оптимизировать имеющиеся технологии для ускорения работы с медицинской документацией для уделения большего количества времени на работу с пациентом, формировать позитивный образ врачебной профессии в СМИ на основе имеющихся достижений и тем самым менять в сознании общества отношение к роли врача, возрождая вновь его статус медицинского эксперта, задачами которого являются лечение и оказание помощи больным людям, а не предоставление услуг.

Дальнейшим развитием изучения рассматриваемой проблематики может стать проведение эмпирического исследования, направленного на замер каждого из критериев стратификационного профиля врачей и выявление их динамики в свете предпринимаемых государством мер по совершенствованию государственной отрасли медицины.

Список литературы

1. *Ленски Г.* Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса. Пер. с англ. А.Н. Болтавина. Социологический журнал. 2003;4:126–140.
2. *Кравченко А.И.* Социология: учебник и практикум для вузов. 4^е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2025. 433 с.
3. *Рассадин Т.А.* Проблемы современной российской гуманитарной интеллигенции. Симбирский научный Вестник. 2012;1(7):204–209.
4. *Соловьев П.Р., Серебренников В.А., Ползик Е.В.* Самооценка врачами своего социального положения и престижа медицинской профессии. Уральский медицинский журнал. 2018;10(165):151–154. <https://doi.org/10.25694/URMJ.2018.10.36>
5. *Решетников А.В., Айвазян Ш.Г., Присяжная Н.В.* Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020;2(156):331–346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>
6. *Нор-Ареван О.А., Черевкова А.И.* Социально-экономическая удовлетворенность врачей Ростовской области в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью) В кн.: Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении: сборник статей международной научно-практической конференции, Гродно, 20 мая 2022 г. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет; 2022. С.197–202.
7. *Мизунова Ю.В.* Особенности трудовой деятельности медицинских работников республики Башкортостан. Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2024;3:93–98. <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2024-0-3-93-98>
8. *Шукуров М.Р., Коновалов О.Е., Шулаев А.В.* Удовлетворенность работой врачей терапевтического и хирургического профиля государственных и частных медицинских организаций. Вестник современной клинической медицины. 2023;4(16):132–137. [https://doi.org/10.20969/VSKM.2023.16\(4\).132-137](https://doi.org/10.20969/VSKM.2023.16(4).132-137)
9. *Осинов Г.В. (ред.)* Социологический энциклопедический словарь. М.: Инфра М; 1998. 488 с.
10. *Ендовицкая Ю.В., Меньшикова Л.И.* Оценка факторов удовлетворенности профессиональной деятельностью у врачей-эндокринологов, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024;4:172–182. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-4-172-182>
11. *Парсонс Т.* Профессии и социальная структура. Пер. с англ. В.Г. Николаева. Социологический ежегодник. 2016.
12. *Полякова И.А.* Жизненный мир врачей: социально-профессиональное положение и социальное самочувствие. Гуманитарий Юга России. 2022;2(54(11)):125–140. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.10>
13. *Темницкий А.А.* Мотивационная структура профессиональной деятельности медицинских работников России. Мир России. Социология. Этнология. 2021;4(30):30–52. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-30-52>

References

1. *Lenski G.* Status crystallization: a non-vertical dimension of social status. Trans. from Eng. A.N. Boltavin. Sociological Journal. 2003;4:126–140. (In Russian).

2. *Kravchenko A.I.* Sociology: textbook and practicum for universities. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Urait; 2025. 433 p. (In Russian).
3. *Rassadina T.A.* Problems of modern Russian humanitarian intelligentsia. Simbirsk Research Journal. 2012;1(7):204–209. (In Russian).
4. *Soloviev I.R., Serebrennikov V.A., Polzik E.V.* Doctors' self-assessment of their social status and prestige of the medical profession. Ural Medical Journal. 2018;10(165):151–154. (In Russian). <https://doi.org/10.25694/URMJ.2018.10.36>
5. *Reshetnikov A.V., Aivazyan S.G., Prisyazhnaya N.V.* Role of the district physician in shaping the opinions of young and experienced professionals. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2020;2(156):331–346. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>
6. *Nor-Arelyan O.A., Cherevkova A.I.* Socio-economic satisfaction of doctors of the Rostov region in the conditions of the coronavirus pandemic (based on in-depth interviews) In: Historical foundations of professional culture in healthcare: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Grodno, 20 May, 2022. Grodno: Grodno State Medical University; 2022. Pp. 197–202. (In Russian).
7. *Migunova Yu.V.* Features of work of medical workers in the Republic of Bashkortostan. Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre. 2024;3:93–98. (In Russian). <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2024-0-3-93-98>
8. *Shukurov M.R., Konovalov O.E., Shulaev A.V.* Satisfaction with the work of general practitioners and surgeons in public and private medical organizations. Bulletin of Contemporary Clinical Medicine. 2023;4(16):132–137. (In Russian). [https://doi.org/10.20969/VSKM.2023.16\(4\).132-137](https://doi.org/10.20969/VSKM.2023.16(4).132-137)
9. *Osipov G.V. (ed.)* Sociological encyclopaedic dictionary. Moscow: Infra-M; 1998. 488 p. (In Russian).
10. *Endovitskaya Y.V., Menshikova L.I.* Assessment of job satisfaction factors among endocrinologists providing outpatient care. Current problems of health care and medical statistics. 2024;4:172–182. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-4-172-182>
11. *Parsons T.* The professions and social structure. Trans. from Eng. V.G. Nikolaev. Statistical yearbook. 2016. (In Russian).
12. *Polyakova I.A.* The life world of doctors: socio-professional status and social well-being. Humanities of the South of Russia. 2022;2(54(11):125–140. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.10>
13. *Temnitskiy A.L.* The motivational structure of healthcare professionals in Russia. Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2021;4(30):30–52. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-30-52>

Репродуктивное поведение молодежи Тамбовской области: демографические вызовы и пути их преодоления

Филиппенко Владислав Алексеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Аннотация

Работа посвящена исследованию особенностей репродуктивного поведения молодежи и его влияния на демографические процессы в Тамбовской области. В работе рассматриваются особенности трансформации репродуктивного поведения молодежи. На основе анализа теорий демографического перехода и второго демографического перехода, а также экономических и социологических подходов выявлены ключевые изменения в репродуктивных стратегиях молодых людей. Особое внимание уделено трансформации ценностных установок, гендерных ролей, а также росту значимости карьерного и личностного развития, что приводит к откладыванию брака и рождения детей на второй план. На основе статистических данных выявлены главные тенденции, такие как снижение уровня рождаемости, повышение возраста рождения первого ребенка и усиление миграционной активности среди молодежи, что усиливает негативные демографические тенденции. Отмечается связь ценностной составляющей и мотива миграции в более перспективные города и регионы. Автором подчеркивается необходимость комплексного подхода к разработке региональной демографической политики, направленной на улучшение условий жизни молодежи, повышение доступности жилья, развитие медицинских услуг и на реализацию образовательных программ. Комплексный подход, учитывающий социально-экономические и культурные аспекты, способен укрепить демографический потенциал региона и снизить уровень миграции молодежи.

Ключевые слова

Репродуктивное поведение, демография, молодежь, Тамбовская область, миграция, ценности, демографическая политика

Для цитирования: Филиппенко В.А. Репродуктивное поведение молодежи Тамбовской области: демографические вызовы и пути их преодоления // Вестник университета. 2025. № 7. С. 225–236.

Reproductive behaviour of young people in the Tambov region: demographic challenges and ways to overcome them

Vladislav A. Filippenko

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0007-5875-3151, e-mail: filippenko.vladislav@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of peculiarities of the reproductive behaviour of young people and its impact on demographic processes in the Tambov region. The paper examines the peculiarities of the transformation of the reproductive behaviour of young people. Based on the analysis of the theories of demographic transition and second demographic transition as well as economic and sociological approaches, key changes in youth reproductive strategies have been identified. Special attention is paid to the transformation of values, gender roles as well as growing importance of career and personal development, which leads to postponement of marriage and birth of children. Based on the statistical data, the main trends have been identified, such as an increase in the age of birth of the first child, decrease in the birth rate, and increased migration activity among young people, which reinforces negative demographic trends. The connection between the value component and motive of migration to more promising cities and regions is noted. The author emphasises the need for an integrated approach to the making of a regional demographic policy aimed at improving living conditions of young people, increasing housing affordability, developing medical services, and implementing educational programmes. The integrated approach that takes into account socio-economic and cultural aspects can strengthen the demographic potential of the region and reduce the level of youth migration.

Keywords

Reproductive behaviour, demography, youth, Tambov region, migration, values, demographic policy

For citation: Filippenko V.A. (2025) Reproductive behaviour of young people in the Tambov region: demographic challenges and ways to overcome them. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 225–236.

ВВЕДЕНИЕ

Репродуктивное поведение молодежи является важным компонентом демографических процессов, формирующим будущее общества и определяющим его устойчивое развитие. В современных условиях Российской Федерации (далее – РФ, Россия) изучение данного явления приобретает особую значимость, поскольку страна продолжает сталкиваться с серьезными демографическими вызовами, такими как снижение уровня рождаемости, старение населения и, как следствие, сокращение численности трудоспособного населения. Эти тенденции оказывают прямое влияние на социально-экономическую стабильность государства, что делает проблему анализа факторов и особенностей репродуктивного поведения молодежи одной из центральных для демографической науки.

Центрально-Черноземный макрорегион, включая Тамбовскую область, представляет собой территорию с выраженной спецификой. С одной стороны, регион характеризуется исторически сложившейся традиционной культурой и преобладанием сельского населения, что предполагает сохранение определенных моделей семейных и репродуктивных установок. С другой стороны, значительное воздействие урбанизационных процессов, экономических преобразований и миграционных оттоков молодежи с сельских территорий создает новые условия для трансформации репродуктивного поведения. Эти изменения особенно заметны среди молодежи, которая одновременно испытывает влияние как традиционных, так и современных ценностей, связанных с браком, семьей и деторождением.

Тематика исследования репродуктивного поведения актуальна и многогранна в своих проявлениях. В русле демографической и социологической мысли обсуждаются и применяются разные подходы, которые оценивают влияние социально-экономических, психологических, культурных факторов по отдельности или же в совокупности. В нашей же работе мы сконцентрируемся на психологических и личностных факторах, формирующих систему ценностей личности, чтобы лучше понять, насколько эта система оказывает влияние на репродуктивное поведение молодежи в Тамбовской области. Также попытаемся понять и проанализировать, какие действия предпринимаются правительством Тамбовской области для минимизации негативных демографических тенденций.

ТЕОРИИ АНАЛИЗА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Американский демограф Ф. Ноутенстайн ввел в оборот понятие «демографический переход», которое он трактовал в контексте эволюционного развития репродуктивного поведения в рамках исторического преобразования [1].

Изменение общественного устройства, преобразование ценностной структуры, а также тенденции позднего вступления в брак, рождения детей и рост количества так называемых гражданских браков показали, что текущая теория демографического перехода уже неспособна исчерпывающе описать происходящие трансформации, поэтому Р. Лестег, А. Омран и Д. Ван де Каа разработали концепцию второго демографического перехода. Прежде всего данная теория объясняла изменения в странах Европы и Соединенных Штатах Америки. Данная концепция старалась учитывать недостатки прошлых идей, поэтому включала в себя также, помимо социально-экономических, социально-политических факторов, еще и социально-психологические (желание самореализации, повышение материального благополучия, установка на рождение детей, любовь к детям и т.д.) [2; 3].

Ее авторы отмечали, что новые ценностные ориентиры и разнообразие жизненных траекторий привели к тому, что широкое распространение получили внебрачное сожительство, отдельное проживание членов семьи друг от друга и рост рождений детей вне брака [4]. О распространении подобных практик говорят и современные российские исследователи, например А.В. Артамонова [5], Е.А. Третьякова [6], О.Н. Калачикова и М.А. Груздева [7].

Также о необходимости учета региональных особенностей говорят многие ученые, к примеру О.В. Гокова [8], С.И. Григорьев [9], Н.В. Зубаревич [10].

Изучением экономического влияния на реализацию репродуктивной функции занимались Р.А. Истерлин [11], Г.С. Беккер [12], Дж.К. Колдуэлл [13], К. Дэвис, Дж. Блейк и др.

Признавая кардинальные преобразования современного общества, А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.Н. Архангельский, В.М. Медков и А.Б. Синельников считают, что прежде всего падение рождаемости связано с кризисом семьи как явления и социального института. По мнению ученых, потребность в рождении детей – это потребность личности человека. Ее уменьшение связана с потерей позиций семьи в ценностной иерархии.

На сегодняшний день на первый план выходят так называемые внесемейные ценности, которые препятствуют реализации репродуктивной функции даже при наличии всех необходимых условий [14].

Р. Фридмен утверждал, что для объективного понимания репродуктивных процессов недостаточно рассматривать только внешние факторы, необходимо изучать и внутренние психологические и социальные причины каждого человека [15].

Исследователи А.И. Антонов, В.М. Карпова и С.В. Ляликова изучали потребности семей, основываясь на опросе обоих супругов и анализе полученных данных. Они использовали понятие «желаемый доход», чтобы определить влияние уровня притязаний супругов на количество детей в семье. Также было учтено соотношение дохода по сравнению с социальной нормой. Исследование также выявило, что экономическая самостоятельность имеет важное значение для благополучия семей [16].

Наличие связи между уровнем жизни и принятием решения в целом о создании семьи и рождении детей подтверждают исследования Т.К. Ростовской, О.А. Золотаревой, Е.Н. Васильевой [17].

И.Б. Назарова и М.П. Зеленская отмечают возрастающую популярность гедонистическо-феминистского типа поведения, который отвергает выполнение традиционных ролей отца и матери. В этой концепции рождение и воспитание детей воспринимается как обременительное бремя, мешающее раскрытию своего профессионального и творческого потенциала [18]. Н.В. Круглов также считает, что на современном этапе к наиболее значимым ценностям среди молодежи следует относить финансовое благополучие, профессионализм и успешность. Вместе с тем ценность семьи, по мнению ученого, также остается достаточно высокой, а дети как ценность начинают играть менее заметную роль [19].

Е.А. Бапманова объясняет подобные тенденции желанием молодых людей наиболее продуктивно и эффективно провести свою молодость и получить конкурентные преимущества на рынке труда, а также обеспечить себе комфортный уровень жизни на перспективу. В связи с этим больше усилий тратится именно на развитие личности, а не на рождение детей, и, как следствие, повышается нижняя возрастная планка для рождения детей и создания семьи. Это не говорит о том, что молодежь не стремится создать семью и завести детей, напротив, таким образом молодые люди осознанно закладывают прочный фундамент для данной цели, но в более отложенный период [20]. Об этом же говорят другие отечественные ученые Е.В. Сурвилло и Ю.А. Шувалов [21].

Английский ученый К. Хаким в рамках теории преференций обращает внимание на то, что важную роль в принятии решений на макроуровне играют личностные ценности. Также делается акцент на разноплановости жизненного выбора у женщин, которые можно разделить на основных пути. Первый ориентирован на создание семьи, рождение детей и занятие домашними обязанностями. Второй связан с профессиональной деятельностью и в первую очередь с построением карьеры. Третий, наиболее распространенный образ жизни – адаптивный. Образ жизни при адаптивном варианте подразумевает под собой совмещение как семейных, домашних обязанностей, так и профессиональных [22].

ОБЗОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Начать обзор демографической ситуации в Тамбовской области необходимо с отслеживания динамики изменения численности населения за последние десятилетия. Так, население региона с 1991 г. изменялось следующим образом: 1991 г. – 1,312 млн чел., 1995 г. – 1,298 млн чел., 2000 г. – 1,231 млн чел., 2005 г. – 1,144 млн чел., 2010 г. – 1,091 млн чел., 2015 г. – 1,062 млн чел., 2020 г. – 1,006 млн чел., 2022 г. – 0,979 млн чел., 2024 г. – 0,956 млн чел.

За последнее время население Тамбовской области стабильно сокращалось, и общая численность в период с 1991 г. в целом уменьшилась практически на треть, а именно на 27,1 %. В этом отношении важно рассмотреть прогнозы изменения численности. Так, согласно прогнозу, население региона к 2025 г. может составить 943,09 тыс. чел., к 2030 г. – 883,49 тыс. чел., к 2035 г. – 828,99 тыс. чел., к 2040 г. – 781,70 тыс. чел., к 2045 г. – 741,79 тыс. чел.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), негативная динамика будет сохраняться и даже усилится. К 2045 г. численность дополнительно может сократиться еще на четверть (21,3 %). Общая картина представляется таким образом, что население Тамбовской области с 1991 г. уменьшится практически в два раза, что представляет собой серьезную демографическую проблему, которая требует от федеральных и региональных властей решительных мер.

Другим важным показателем выступает доля молодежи, проживающая в регионе. В условиях низкой рождаемости и старения населения данный фактор выступает в качестве важного элемента возможного социально-экономического развития субъекта, так как он в первую очередь также отражает соотношение наиболее экономически активного и трудоспособного населения (табл. 1).

Таблица 1

Структура численности населения по возрастным группам

Возраст	Год							
	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022	2023
РФ								
15–19 лет	5,3	4,8	4,6	4,5	4,9	5,0	5,1	5,2
20–24 лет	8,1	6,9	5,8	5,0	4,7	4,6	4,6	5,0
25–29 лет	8,6	8,7	8,4	7,6	6,4	5,9	5,5	5,2
30–34 лет	7,8	8,1	8,3	8,7	8,6	8,5	8,2	7,6
Всего	29,8	28,5	27,1	25,8	24,6	24,0	23,4	23,0
Тамбовская область								
15–19 лет	5,2	4,8	4,4	4,4	4,5	4,6	4,7	4,6
20–24 лет	7,4	7,7	7,6	6,8	6,0	5,6	5,4	4,8
25–29 лет	6,8	7,0	7,1	7,5	7,5	7,5	7,3	6,9
30–34 лет	7,3	6,4	5,6	5,1	4,6	4,5	4,5	4,5
Всего	26,7	25,9	24,7	23,8	22,6	22,2	21,9	20,8

Примечание: данные представлены в %

Составлено автором по материалам источника¹

Из вышепредставленных данных видно, что наблюдается сокращение численности молодежи в РФ, так что происходящее уменьшение доли молодежи в Тамбовской области отражает общий тренд, но со своей спецификой, так как в некоторых возрастных группах падение данного показателя более сильное, чем в целом по России. Разница между показателями 2012 г. и 2023 г. составила по РФ 6,8 %, в Тамбовской области – 5,9 %.

Для более глубокого понимания демографических тенденций важным индикатором выступает общий коэффициент естественного прироста, который демонстрирует соотношение числа родившихся и умерших за рассматриваемый период, а также суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), (табл. 2).

Таблица 2

Динамика коэффициента естественного прироста и СКР

Субъект	Изменение общего коэффициента естественного прироста								
	Год								
	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
РФ	0,7	–5,7	–6,6	–5,9	–1,7	0,3	–4,8	–7,1	–4,1
Тамбовская область	–4,6	–9	–11	–10,9	–8	–6,3	–10,5	–13,6	–10
Субъект	Изменение СКР								
	Год								
	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2023
РФ	1,73	1,34	1,2	1,29	1,57	1,76	1,5	1,5	1,42
Тамбовская область	1,69	1,36	1,22	1,21	1,34	1,51	1,28	1,22	1,21

Примечание: данные представлены в ‰

Составлено автором по материалам источников^{2,3}

На протяжении всего периода наблюдения показатели Тамбовской области опережают общероссийские тренды. Показатели коэффициента естественного прироста в рассматриваемом регионе практически в два раза ниже, чем в целом по России, а в условиях уменьшения коэффициента рождаемости они оказывают еще более сильное воздействие на демографическую структуру и в целом на социально-экономический потенциал региона.

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 25.03.2025).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система. Общий коэффициент естественного прироста. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31267> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Суммарный коэффициент рождаемости. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 25.03.2025).

Если обратить внимание на показатель СКР, значение которого власти субъекта ставили перед собой в качестве целевого в концепции демографической политики Тамбовской области до 2025 г., то можно сделать вывод о том, что правительству области не удалось достичь желаемого значения в 1,8, хотя бы небольшого положительного прироста данного коэффициента⁴.

В связи с этим более детальное изучение демографических показателей необходимо начать с возрастных коэффициентов рождаемости, которые рассчитываются как число родившихся за год на 1 тыс. женщин конкретной возрастной группы (табл. 3)

Таблица 3

Динамика возрастных показателей рождаемости

Возраст	Год								
	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Россия									
15–19 лет	54,2	44,8	27,4	27,4	27	24	14,1	13,5	13,4
20–24 лет	145,9	112,7	93,6	88,4	87,5	90	73,6	70,6	65,7
25–29 лет	82,7	66,5	67,3	77,8	99,2	112,6	92,6	94,8	90,1
30–34 лет	41,5	29,5	35,2	45,3	67,3	83	70,8	71,00	65,4
Тамбовская область									
15–19 лет	62,30	55,80	34,79	31,20	26,70	24,80	13,30	15,60	14,80
20–24 лет	144,60	121,10	96,80	92,80	89,30	91,70	68,30	66,90	58,60
25–29 лет	75,80	57,10	61,60	68,50	85,20	96,10	81,59	81,80	81,09
30–34 лет	35,40	25,10	29,80	35,60	50,80	66,40	58,60	61,70	53,40

Примечание: данные представлены в ‰

Составлено автором по материалам источника⁵

Показатели Тамбовской области отличаются более низкими значениями рождаемости в сравнении с общероссийским показателем на 2022 г.

Также отмечается снижение коэффициентов рождаемости в возрастной группе 20–24 лет, что может быть объяснено тем, что увеличивается средний возраст женщин в отношении рождения первого ребенка.

Наиболее высокие возрастные показатели рождаемости наблюдаются в группе 25–29 лет; при этом важно, что, несмотря на более высокие значения, все же заметен тренд постепенного снижения рождаемости в данной группе.

Кроме того, в период с 2000 г. по 2022 г. отмечается увеличение коэффициентов рождаемости в возрастной группе 30–34 лет, что следует оценивать как положительный аспект, однако это, в свою очередь, может быть связано с общим трендом увеличения возраста для рождения первого ребенка.

Если же более подробно рассматривать средний возраст женщины при рождении первого и последующих детей, то стоит отметить, что, по данным Росстата, с 2000-х гг. в России он постоянно увеличивался. Если в период с 2000 г. по 2004 г. он равнялся 21,89 года при рождении первого ребенка, 23,21 года при рождении второго и 24,41 года для третьего, то к 2022 г. это были значения 26,75 года, 30,51 года, 33,09 года соответственно⁶. Таким образом, средний возраст матери увеличился на 4,86 года при рождении первого ребенка, на 7,3 года при рождении второго и на 8,68 года при рождении третьего.

На демографическую ситуацию в регионах также влияют миграционные процессы. В связи с этим важно рассмотреть статистику по количеству прибывших и выбывших среди представителей молодежи. Кроме того, для каждого рассчитана динамика изменения показателя прибывших в соотношении с данными предыдущего года (табл. 4).

⁴ Постановление администрации Тамбовской области от 27.11.2007 г. № 1284 «Об утверждении Концепции демографической политики Тамбовской области на период до 2025 г.». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/445060900?ysclid=lxivrd4tkw564111303> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Изменение общего коэффициента естественного прироста. Возрастные коэффициенты рождаемости. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 25.03.2025).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Средний возраст матери при рождении детей в разные годы (лет). Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/PublishData/Reports/Files/tab-21.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

Таблица 4

Общее количество прибывших и выбывших в Тамбовской области

Параметр		Возраст				Всего среди молодежи	Всего прибывших	Доля молодежи, %
		15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет			
Прибывшие								
2017 г.	Количество, чел.	4 212	6 942	5 694	4 573	21 421	41 822	51,2
	%	100	100	100	100	100	100	
2018 г.	Количество, чел.	3 491	5 303	4 483	4 355	17 632	36 541	48,3
	%	–17,1	–23,6	–21,3	–4,8	–17,7	–12,6	
2019 г.	Количество, чел.	3 160	4 998	4 063	4 043	16 264	34 749	46,8
	%	–9,5	–5,8	–9,4	–7,2	–7,8	–4,9	
2020 г.	Количество, чел.	2 427	4 463	3 137	3 191	13 218	28 065	47,1
	%	–23,2	–10,7	–22,8	–21,1	–18,7	–19,2	
2021 г.	Количество, чел.	2 255	3 976	2 564	2 673	11 468	25 131	45,6
	%	–7,1	–10,9	–18,3	–16,2	–13,2	–10,5	
2022 г.	Количество, чел.	2 701	3 843	2 265	2315	11 124	24 622	45,2
	%	19,8	–3,3	–11,7	–13,4	–3,0	–2,0	
Выбывшие								
2017 г.	Количество, чел.	4 041	6 242	5 993	5 065	21 341	41 803	51,1
	%	100	100	100	100	100	100	
2018 г.	Количество, чел.	4 383	7 310	6 338	5 682	23 713	46 458	51,0
	%	8,5	17,1	5,8	12,2	11,1	11,1	
2019 г.	Количество, чел.	3 199	4 843	4 611	4 553	17 206	36 524	47,1
	%	–27,0	–33,7	–27,2	–19,9	–27,4	–21,4	
2020 г.	Количество, чел.	2 669	4 251	3 614	3 393	13 927	29 868	46,6
	%	–16,6	–12,2	–21,6	–25,5	–19,1	–18,2	
2021 г.	Количество, чел.	2 189	3 539	2 648	2 823	11 199	26 140	42,8
	%	–18,0	–16,7	–26,7	–16,8	–19,6	–12,5	
2022 г.	Количество, чел.	2 563	4 254	3 050	2 860	12 727	27 829	45,7
	%	17,1	20,2	15,2	1,3	13,6	6,5	

Примечание: % – изменение количества прибывших по отношению к прошлому году

Составлено автором по материалам источников^{7,8}

При более подробном рассмотрении данных табл. 4 заметна общая тенденция сокращения количества прибывших среди молодежи. Особенно резкое сокращение данного показателя случилось в 2020 г. из-за пандемии COVID-19. В Тамбовской области разница количества прибывших в 2017 г. и 2022 г. составила 48,1 %, то есть в регион начало приезжать практически в два раза меньше молодых людей.

Стоит отметить, что с 2019 г. стабильно сокращалось число молодежи, которая покидала регионы. Если сравнивать показатели 2017 г. и 2022 г., то количество уехавших из Тамбовской области сократилось на 40,4 %.

При этом наиболее активно стремятся покинуть регионы молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет, что можно объяснить желанием получить образование в более престижных вузах других субъектов, а также построить карьеру и получить более высокооплачиваемую должность.

Однако с 2022 г. количество молодых людей, выехавших из регионов, снова начало резко расти.

Далее следует перейти к анализу миграционного прироста населения для общей оценки привлекательности субъекта (табл. 5).

⁷ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Число прибывших. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 25.03.2025).

⁸ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Число выбывших. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 25.03.2025).

Миграционный прирост населения

Год	Возраст				Всего среди молодежи	Общий прирост
	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет		
2017	171	700	–299	–492	80	19
2018	–892	–2 007	–1 855	–1 327	–6 081	–9 917
2019	–39	155	–548	–510	–942	–1 775
2020	–242	212	–477	–202	–709	–1 803
2021	66	437	–84	–150	269	–9
2022	138	–411	–785	–545	–1 603	–3 207

Примечание: данные представлены в количестве человек

Составлено автором по материалам источника⁹

В 2017 г. в Тамбовскую область приехало на 19 чел. больше, чем из нее уехало, а во всех остальных периодах население уезжало из региона. Особенно активно люди покидали область в 2018 г., и при этом по большей части это были представители молодежи.

Следует отметить, что нельзя однозначно сказать о причинах усилившегося оттока населения в некоторых регионах с началом 2022 г., поскольку подобные результаты могут быть связаны с общим оттоком части населения с иностранным подданством, вследствие чего формирование строго негативных выводов не представляется возможным, так как аналогичная ситуация проявляется и в других регионах Центрального федерального округа. Однако нужно иметь в виду, что отъезд населения может быть также связан с началом военных действий и с желанием переехать в более отдаленные и безопасные субъекты.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ

Важность сохранения и увеличения численности населения региона осознается властями субъекта. Данные положения закреплены в Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области. Так, отмечается значимость обеспечения прироста населения за счет роста рождаемости, уменьшения количества эмигрирующих и увеличения количества иммигрирующих, а также сохранения здоровья населения и повышения удовлетворенностью жизнью в целом¹⁰.

Одними из факторов, ограничивающих рост рождаемости, могут выступать неудовлетворенность молодежи и нехватка качественных и комфортных жилищных условий. С целью решения подобной проблемы была разработана государственная программа РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», а именно ее программа «Молодая семья». В ее рамках реализуются мероприятия по финансовой поддержке молодых семей в имущественном вопросе. В Тамбовской области была введена дополнительная выплата в 5 % для поддержки молодых семей в имущественном вопросе в рамках реализации подобной программы.

При этом для получения материальной поддержки важно, чтобы будущая жилая площадь соответствовала средним ценам на квадратный метр. Цена квадратного метра, установленная в Тамбовской области, равняется 34 676 руб., что при текущем росте приводит к трудностям при поиске подходящей недвижимости, так как рыночная стоимость квадратного метра в регионе на 2024 г. составила 76 492 руб.

Помимо федерального материнского капитала, существуют дополнительные региональные выплаты. Так, размер подобной выплаты в Тамбовской области составляет 100 тыс. руб., и при этом получить ее могут только многодетные семьи¹¹.

Стоит отметить, что Тамбовская область в рамках своего участия в пилотном проекте по стимулированию рождаемости увеличила размер регионального материнского капитала в нескольких своих муниципалитетах до 300 тыс. руб.

⁹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Миграционный прирост. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года. Режим доступа: <https://www.tambovgov.ru/assets/files/strategy/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-tambovskoj-oblasti-do-2035-goda.pdf> (дата обращения: 26.03.2025).

¹¹ Закон Тамбовской области от 11.06.2024 г. № 505-З «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Тамбовской области». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6800202406140010> (дата обращения: 26.03.2025).

В качестве еще одного направления экономико-финансовой поддержки стоит отметить наличие пособия для беременных женщин, которые встали на учет в соответствующие медицинские учреждения на сроке беременности до четырех месяцев (12 недель). Размер данного пособия в регионе составляет 6 975 руб. Подобная выплата в первую очередь направлена на малоимущие семьи с доходом ниже прожиточного минимума.

С 1 октября 2022 г. в Тамбовской области расширили программы региональных выплат при рождении детей. Так, в рамках программы ранее жители города Тамбова при рождении ребенка могли получить выплату в размере 5 тыс. руб., но по новому регламенту она стала доступна для всех жителей субъекта¹².

Кроме того, в рамках утвержденной региональной программы по повышению рождаемости на 2023–2025 гг. предусмотрена реализация мер поддержки студенческих семей. Так, девушкам, которые родили ребенка во время своего обучения, предлагается возможность перейти с платной формы обучения на бюджетную. Для семей с детьми также предлагается предоставлять комнаты в общежитиях в первую очередь. Однако важно отметить, что данные меры поддержки распространяются только на студентов образовательных организаций среднего профессионального образования.

В регионе реализуется широкий перечень мер поддержки многодетных семей, который включает в себя бесплатный или льготный проезд в общественном транспорте, возмещение расходов на посещение учреждений культуры, спортивных секций. Также на каждого из детей выплачиваются пособия в размере 443 руб.

Для повышения рождаемости в регионе за последние несколько лет была увеличена квота для экстракорпорального оплодотворения. Тамбовская область входит в список из 6 регионов, в которых реализуется проект «Здравствуй, мама», в рамках которого проводится комплекс мероприятий по повышению привлекательности материнства. Кроме этого, предполагается материальная поддержка в виде «папок помощи» с необходимыми предметами для ухода за детьми, а также сертификатами на их покупку и льготами.

В 2024 г. в Тамбовской области в рамках проведения Года семьи было осуществлено 189 мероприятий различной направленности. К примеру, проходили встречи губернатора с представителями семей, запуск и реализация проекта «Дорога к дому всей семьей», проведение различных опросов, праздничных мероприятий для жителей региона, открытие фельдшерско-акушерских пунктов в муниципальных районах области, поликлиник, физкультурно-оздоровительных комплексов, вручение ключей от квартир для детей-сирот, награждение жителей, внесших вклад в укрепление института семьи, и многое другое.

Также область стала участницей пилотного проекта стимулирования рождаемости наряду с еще двумя регионами, а именно Новгородской и Пензенской областями, реализация которого предполагает укрепление репродуктивного здоровья населения, сокращение числа аборт, поддержку студенческих семей, поддержку при рождении детей, формирование ценностной основы повышения рождаемости и усовершенствование медицинской и психологической помощи беременным женщинам в трудной жизненной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональные органы власти активно пытаются минимизировать демографические проблемы в регионе, предлагая различные меры поддержки, прежде всего экономические, однако, на наш взгляд, их недостаточно, так как проблема рождаемости носит более комплексный характер для субъекта. Для области остро стоят проблемы с оттоком населения прежде всего в более благополучные с социально-экономической точки зрения регионы, такие как Воронежская область, город Москва и Московская область. Близость к федеральному центру играет двоякую роль в развитии региона, так как перетягивает на себя более молодое и экономически активное население, которое стремится в максимальной степени реализовать себя и свой потенциал, особенно это важно с учетом трансформации ценностей среди молодого поколения. Рождение детей может приобретать вторичную роль, в то время как на первый план выходят потребности в получении образования, профессиональном росте. С этой точки зрения крайне важно формировать представления о том, что родительство можно вполне успешно совмещать с образовательной и профессиональной деятельностью, а также создавать реальные условия для подобного совмещения.

Также нестабильная экономическая обстановка способна в значительной степени оказывать влияние на поведение молодых людей, побуждая их в погоне за материальным благополучием покидать регион, что логично отодвигает реализацию репродуктивной функции, так как при переезде часто необходимо

¹² Постановление правительства Тамбовской области от 18.11.2022 г. № 85 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты на каждого рожденного ребенка в Тамбовской области». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6800202211180016> (дата обращения: 26.03.2025).

обустраивать свой быт с нуля и адаптироваться к новым условиям, поэтому региону важно удержать свою молодежь у себя или же создать условия, при которых она стремилась бы, к примеру, после получения образования вернуться обратно.

Решение подобной демографической проблемы представляет собой сложную комплексную задачу, которая должна учитывать множество различных факторов.

Для решения выявленных проблем рекомендуется внедрить комплексную региональную политику, включающую:

- увеличение доступности жилья для молодых семей через субсидии и льготное кредитование;
- развитие инфраструктуры здравоохранения, включая создание центров репродуктивного здоровья;
- повышение выплат в рамках пособий и единовременных выплат;
- проведение информационных кампаний и образовательных программ для молодежи по вопросам планирования семьи;
- введение финансовых стимулов, таких как единовременные выплаты за рождение ребенка до 30 лет;
- создание программ для стимулирования трудоустройства молодежи в регионе и поддержки молодых предпринимателей;
- создание платформы для работы с выпускниками вузов, направленной на их трудоустройство в регионе;
- разработку системы субсидий на переезд и обустройство для тех, кто возвращается на постоянное место жительства.

Эти меры могут не только укрепить демографический потенциал региона, но и создать условия, способствующие повышению качества жизни молодежи.

Список литературы

1. *Jensen A.* The value of children – fertility, personal choices and public needs. In: Sociological studies of children and youth. Volume 12. Leeds: Emerald Publishing Limited; 2009. Pp. 195–220.
2. *Судоплатов А.П.* Современная буржуазная демография. М.: Мысль; 1988. 317 с.
3. *Lesthaeghe R.J., Neidert L.* The second demographic transition in the United States: exception or textbook example? *Population and Development Review*. 2006;4(32):669–698. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00146.x>
4. *Surkyn J., Lesthaeghe R.* Value orientations and the second demographic transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: an update. *Demographic Research*. 2004;3(3):45–86. <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2004.S3.3>
5. *Артамонова А.В.* Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие. *Социологический журнал*. 2018;2(24):110–134. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>
6. *Третьякова Е.А.* Идеальный брачный возраст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018;2(11):190–211. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.204>
7. *Калачикова О.Н., Груздева М.А.* Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата). *Социальное пространство*. 2018;2(14). <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.1>
8. *Гокова О.В.* Совершенствование демографической политики муниципальных районов (на примере Омской области). *Вестник Омского университета. Серия: «Экономика»*. 2010;3:73–78.
9. *Григорьев С.П., Иванов В.Н., Патрушев В.П.* Возрастание роли муниципальных знаний в системе современного общественно-научного знания и социальной практике: материалы для обсуждения на годичном собрании Отделения общественных наук Российской академии наук. М.: Азбука; 2008. 41 с.
10. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России. Проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС; 2003. 264 с.
11. *Easterlin R.A.* The economic theory of fertility. In: *Modern economic thought*. Moscow: Progress; 1981. Pp. 158–193.
12. *Becker G.S.* The economic approach to human behavior. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 314 p.
13. *Caldwell J.C.* The globalization of fertility behavior. *Population and Development Review*. 2001;27:93–115.
14. *Антонов А.П. (ред.)* Социология семьи. 2° изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М; 2005. 640 с.
15. *Антонов А.П., Медков В.М.* Социология семьи. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. 304 с.
16. *Антонов А.П., Карпова В.М., Аляикова С.В.* Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар. *Уровень жизни населения регионов России*. 2021;1(17):121–131. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.9>

17. Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022;3(15):184–199. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
18. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017;4(17):555–567. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567>
19. Круглов Н.В. Демографическое поведение населения города Иваново как фактор формирования демографической ситуации. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010;3(19):32–37.
20. Башманова Е.А. Социальная готовность регионального студенчества к семье, браку и родительству в призме трансформации ценностей современной молодежи. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016;4(40):185–198.
21. Сурвилло Е.В., Шувалов Ю.А. Гендерные особенности репродуктивного поведения студентов. Вестник новых медицинских технологий. 2023;2(30):36–39. <https://doi.org/10.24412/1609-2163-2023-2-36-39>
22. Hakim C. A new approach to explaining fertility patterns: preference theory. Population and Development Review. 2003;3(29):349–374. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x>

References

1. Jensen A. The value of children – fertility, personal choices and public needs. In: Sociological studies of children and youth. Volume 12. Leeds: Emerald Publishing Limited; 2009. Pp. 195–220.
2. Sudoplatov A.P. Modern bourgeois demography. Moscow: Mysl; 1988. 317 p. (In Russian).
3. Lesthaeghe R.J., Neidert L. The second demographic transition in the United States: exception or textbook example? Population and Development Review. 2006;4(32):669–698. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00146.x>
4. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value orientations and the second demographic transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: an update. Demographic Research. 2004;3(3):45–86. <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2004.S3.3>
5. Artamonova A.V. Changes in family formation trajectories among Russians and factors for such changes. Sociological Journal. 2018;2(24):110–134. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>
6. Tretyakova E.A. Ideal marriage age. Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2018;2(11):190–211. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.204>
7. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Changes in reproductive behavior and marriage patterns of the Russian population (based on analysis of Rosstat sample studies). Social Area. 2018;2(14). (In Russian). <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.1>
8. Gokova O.V. Urban population policy development (case study in Omsk region). Herald of Omsk University. Series “Economics”. 2010;3:73–78. (In Russian).
9. Grigoriev S.I., Ivanov V.N., Patrushev V.I. The increasing role of municipal knowledge in the system of modern social studies and social practice: materials for discussion at the annual meeting of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Azbooka; 2008. 41 p. (In Russian).
10. Zubarevich N.V. Social development of Russian regions. Problems and trends of the transition period. Moscow: Editorial URSS; 2003. 264 p. (In Russian).
11. Easterlin R.A. The economic theory of fertility. In: Modern economic thought. Moscow: Progress; 1981. Pp. 158–193.
12. Becker G.S. The economic approach to human behavior. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 314 p.
13. Caldwell J.C. The globalization of fertility behavior. Population and Development Review. 2001;27:93–115.
14. Antonov A.I. (ed.) Sociology of the family. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Infra-M; 2005. 640 p. (In Russian).
15. Antonov A.I., Medkov V.M. Family sociology. Moscow: International University of Business and Management; 1996. 304 p. (In Russian).
16. Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Gap between desired and actual level of families’ well-being according to the results sociological and demographic married couples survey. Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2021;1(17):121–131. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.9>
17. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N. Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022;3(15):184–199. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>
18. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Reproductive attitudes of the student youth (a review of empirical studies). RUDN Journal of Sociology. 2017;4(17):555–567. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567>
19. Kруглов Н.В. Демографическое поведение населения города Иваново как фактор формирования демографической ситуации. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010;3(19):32–37. (In Russian).

20. *Bashmanova E.L.* Social readiness of regional students for family, marriage, and parenthood in the context of the transformation of values of modern youth. Scientific notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University. 2016;4(40):185–198. (In Russian).
21. *Survillo E.V., Shuvalov Yu.A.* Gender features of students' reproductive behavior. Journal of New Medical Technologies. 2023;2(30):36–39. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1609-2163-2023-2-36-39>
22. *Hakim C.* A new approach to explaining fertility patterns: preference theory. Population and Development Review. 2003;3(29):349–374. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x>

Региональные различия и факторы пространственного распределения населения Центрального федерального округа Российской Федерации

Ходячих Сергей Сергеевич

Аспирант

ORCID: 0000-0002-9884-1427, e-mail: seeregey@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация

Цель настоящей работы – выявление региональных различий пространственного распределения населения в субъектах Центрального федерального округа и факторов, определяющих их на современном этапе. Исследование различий и факторов межрегиональной дифференциации нацелено на поиск проблем и решений в территориальном аспекте, обеспечивающих демографическое равновесие между регионами. Результаты исследования показывают, что пространственное распределение имеет существенные различия. Выявлена значительная дифференциация субъектов по плотности населения и уровню урбанизации. На качественные и количественные характеристики населения регионов воздействуют такие демографические факторы, как рождаемость, смертность, брачность, международная миграция. В большинстве регионов снижаются рождаемость, коэффициент брачности, продолжается убыль населения, наблюдается его старение. Негативные тенденции в демографическом развитии большинства субъектов усугубляются, региональные различия становятся все более существенными. В условиях дальнейшего углубления демографического кризиса безвозвратная международная миграция становится важным фактором демографического развития регионов, способным компенсировать убыль и старение населения, а также внести вклад в рождаемость. Поэтому в депрессивных субъектах рекомендуется создавать необходимые условия для привлечения иммигрантов и их последующей интеграции в региональное сообщество.

Ключевые слова

Пространственное распределение населения, региональные различия, демографические факторы, демографическое развитие регионов, рождаемость, смертность, брачность, международная миграция населения, демографический кризис

Для цитирования: Ходячих С.С. Региональные различия и факторы пространственного распределения населения Центрального федерального округа Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 237–246.

Regional differences and factors of spatial population distribution of the Central Federal District of the Russian Federation

Sergey S. Khodiachikh

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-9884-1427, e-mail: seeregey@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of this article is to identify regional differences in the spatial distribution of population in the subjects of the Central Federal District and factors that determine them at the present stage. The study of the contrasts and factors of interregional differentiation is aimed at finding problems and solutions in the territorial aspect, ensuring demographic balance between subjects. The results of the study show that the spatial distribution has significant contrasts. Considerable differentiation of regions by population density and level of urbanisation has been revealed. The qualitative and quantitative characteristics of regional populations are influenced by such demographic factors as fertility, mortality, marriage rate, and international migration. In most regions, the birth and marriage rates decrease, population decline continues, and its ageing is observed. Negative trends in the demographic development of most subjects are aggravating, and regional differences are becoming more and more significant. In the conditions of further deepening of the demographic crisis, irrevocable international migration becomes an important factor in the demographic development of regions, capable of compensating for the population decline and ageing as well as contributing to the birth rate. Therefore, in depressed subjects it is recommended to create the necessary conditions for attracting immigrants and their subsequent integration into regional community.

Keywords

Spatial population distribution, regional differences, demographic factors, demographic development of regions, fertility, mortality, marriage rate, international migration, demographic crisis

For citation: Khodiachikh S.S. (2025) Regional differences and factors of spatial population distribution of the Central Federal District of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 237–246.

ВВЕДЕНИЕ

Демографическое развитие регионов Центрального федерального округа (далее – ЦФО), протекающее в условиях демографического кризиса, имеет существенные территориальные различия. Актуальность исследования обусловлена осложнением социально-демографической ситуации, которая проявилась в ухудшении количественных и качественных характеристик населения в связи с негативными последствиями пандемии COVID-19, а также последствиями, связанными с геополитическим обострением российско-украинского конфликта в приграничных регионах, в частности в Курской и Белгородской областях.

Особую тревогу вызывает неоднородность социально-демографического развития регионов. Возникает вопрос: является ли это следствием низкого уровня развития, отсутствия стабильности или есть другие, скрытые факторы, влияющие на дисбаланс? Что стоит за этими цифрами и есть ли еще надежда на улучшение ситуации?

Основы теории населения, содержащей закономерности демографического развития во взаимосвязи с социально-экономическим развитием, были заложены в 60–80-е гг. в Советском Союзе. Этот период связан с деятельностью таких ученых, как Д.И. Валентей, Б.Д. Бреев, А.Я. Квапа, Н.В. Зверева [1; 2].

Закономерности развития населения являются объектом исследований широкого круга специалистов: демографов, экономистов, социологов, среди которых можно выделить В.Н. Архангельского, В.А. Ионцева, С.В. Рязанцева, Л.И. Бардакову, В.А. Безвербного [3; 4]. Под развитием населения (демографическое развитие) мы понимаем его количественные и качественные изменения, обусловливаемые демографическими и социальными процессами, которые происходят в обществе. Исследователи рассматривают численность населения как важный фактор, определяющий не только жизнеспособность государства, но и его место в мировом пространстве. Это закономерно, так как демографические факторы оказывают влияние на экономическую и социальную сферы. Однако не менее важными являются качественные характеристики населения. Именно качественные изменения в населении становятся актуальным направлением современных демографических исследований.

К сожалению, исследователи все еще не готовы предложить универсальные рекомендации действий в условиях демографического кризиса, когда масштабы и последствия сокращения населения таковы, что становятся угрозой будущему Российской Федерации (далее – РФ, Россия). В данном контексте проблема, связанная с демографической ситуацией в ЦФО, обретает новую актуальность. Демографический кризис, приведший к значительному сокращению населения, опустошению отдельных регионов, старению населения и к многим другим проблемам, вызывает серьезные опасения. Особенности территориального устройства РФ определяют тот факт, что демографический кризис по-разному проявляется в различных ее субъектах, приобретая свой специфический характер, углубляясь на уровне регионов. Региональная специфика демографических процессов детерминируется как общенациональными тенденциями, так и региональными различиями.

Актуальность исследования обусловлена осложнением социально-экономической и демографической ситуации в субъектах Центральной России и последствиями демографического кризиса, которые уже произошли, а также которые мы можем ожидать в будущем.

Рабочая гипотеза исследования основана на предположении, что пространственное распределение населения субъектов имеет существенные различия, оказывая влияние на их демографическое и социальное развитие. Основными задачами являются выявление демографических особенностей развития регионов относительно друг друга; определение факторов территориальной дифференциации, влияющих на развитие регионов.

Исследование факторов и тенденций межрегиональной дифференциации нацелено на поиск проблем и решений в территориальном аспекте, обеспечивающих демографическое равновесие между субъектами. Наряду с социальными, важнейшими факторами общественного развития являются демографические.

Нами определены следующие демографические показатели и процессы, воздействующие на население, его качественные и количественные характеристики: численность населения, плотность и тип размещения населения, рождаемость, смертность, брачность, миграция.

Для анализа в рамках исследования взяты 18 субъектов ЦФО. Информационную базу составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), материалы переписей населения 2002 г., 2010 г., 2021 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ ЦФО ПО ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Для анализа пространственного распределения населения по территории ЦФО взяты данные трех последних переписей. В результате были выделены 5 регионов, которые имеют наибольшую и наименьшую плотность населения. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Регионы ЦФО с наибольшей плотностью населения

Перепись 2002 г.		Перепись 2010 г.		Перепись 2021 г.	
Территория	Плотность населения, чел./км ²	Территория	Плотность населения, чел./км ²	Территория	Плотность населения, чел./км ²
Город Москва	3 954,09	Город Москва	4 491,8	Город Москва	5 080,09
Московская область	118,40	Московская область	160,06	Московская область	192,30
Тульская область	53,23	Тульская область	60,51	Тульская область	58,46
Ивановская область	44,28	Белгородская область	56,48	Белгородская область	56,77
Владимирская область	41,74	Владимирская область	49,64	Липецкая область	47,54

Составлено автором по материалам источников^{1,2,3}

Среди регионов, имеющих наибольшую плотность населения, лидируют во всех годах три субъекта – это город Москва, Московская и Тульская области. Очевидно, что наибольшее скопление людей, как правило, происходит в самых экономически развитых регионах. Однако возникает вопрос: почему другие регионы имеют высокую плотность населения и с чем это связано? Проанализировав статистику Тульской области, мы видим, что за период с 2002 г. по 2023 г. суммарная убыль населения составила 369,8 тыс. чел., в то время как миграционный прирост – 35,67 тыс. чел.; на миграционный фактор указывают и представители средств массовой информации Тульской области⁴. Вызывает также интерес Белгородская область, которая заняла 4-е место в переписях населения в 2010 г.⁵ и 2021 г.⁶ За период с 2002 г. по 2023 г. суммарная убыль населения в данном регионе составила 109,6 тыс. чел., в то время как миграционный прирост – 106,7 тыс. чел.⁷ Если бы не влияние внешних факторов, то миграционный прирост смог бы компенсировать всю естественную убыль в регионе.

Далее обратимся к субъектам, которые имеют наименьшую плотность населения (табл. 2), к ним отнесены Костромская, Тверская, Смоленская, Рязанская и Тамбовская области.

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 15.04.2025).

² Книга переписей. Итоги переписей. Всероссийская перепись населения 2010 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2010/> (дата обращения: 15.04.2025).

³ Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴ Тульская Пресса. В Тульской области вырос прирост населения за счет мигрантов. Режим доступа: <https://tulapressa.ru/2024/01/v-tulskoj-oblasti-vyros-prirost-naseleniya-za-schet-migrantov/?ysclid=m3ab20e4c9310271896> (дата обращения: 15.04.2025).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.04.2025).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.04.2025).

⁷ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Население. Режим доступа: <https://31.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

Таблица 2

Регионы ЦФО с наименьшей плотностью населения

Перепись 2002 г.		Перепись 2010 г.		Перепись 2021 г.	
Территория	Плотность населения, чел./км ²	Территория	Плотность населения, чел./км ²	Территория	Плотность населения, чел./км ²
Костромская область	8,24	Костромская область	11,09	Костромская область	9,65
Тверская область	12,78	Тверская область	16,07	Тверская область	14,61
Смоленская область	14,94	Смоленская область	19,8	Смоленская область	17,85
Тамбовская область	19,56	Рязанская область	29,14	Рязанская область	27,85
Рязанская область	21,37	Тамбовская область	31,69	Тамбовская область	28,52

Составлено автором по материалам источников^{8,9,10}

У регионов-антилидеров позиции между переписями населения остаются практически неизменными. Для них характерна высокая убыль населения. Так, за анализируемый период убыль в Тверской области составила 290 тыс. чел., в Тамбовской и Рязанской – 205 и 214 тыс. чел. Низкая плотность населения в Тверской области обусловлена тем, что данный регион имеет самую высокую долю на территории ЦФО – 12,95 %. В субъекте также низкий уровень миграции, миграционный прирост за анализируемый период составляет 3,7 тыс. чел.

Наблюдается неравномерность плотности населения, она колеблется от 9,65 чел./км² в Костромской области до 5 080,1 чел./км² в Москве. Если рассматривать ЦФО без Москвы, то максимальные значения показателя наблюдаются в Московской области – 192,3 чел./км².

По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., в России насчитывается 24 751 населенный пункт, в котором никто не проживает¹¹. Еще 23,5 тыс. сел и деревень имеют численность населения 6 и менее жителей. От 6 до 10 жителей проживает в 11,7 тыс. таких поселений. В основном эти населенные пункты находятся в центральных районах РФ.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО УРОВНЮ УРБАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

По мнению генерального директора фонда «Институт экономики города» А.С. Пузанова, период экстенсивной урбанизации на данный момент в России закончился¹². Это же отмечают и А.Г. Вишневский, Е.А. Кваша, Т.Л. Харьков, Е.М. Щерабкова в своей публикации¹³. С ними невозможно не согласиться, однако ситуация в регионах в ЦФО, на наш взгляд, является неоднозначной. За анализируемый период доля городского населения в целом по ЦФО выросла на 2,3 %, оставаясь последние 5 лет на неизменном уровне, и составила 82,2 % при 17,8 % сельского. Нами также были выделены регионы на момент 2023 г., где самый высокий и самый низкий уровень урбанизации. Данные приведены в табл. 3.

⁸ Всероссийская перепись населения 2002 года. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 15.04.2025).

⁹ Книга переписей. Итоги переписей. Всероссийская перепись населения 2010 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2010/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.04.2025).

¹¹ Книга переписей. Итоги переписей. Всероссийская перепись населения 2002 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2002/> (дата обращения: 16.04.2025).

¹² Пузанов А.С. Александр Пузанов – Период экстенсивной урбанизации в России закончился. Режим доступа: <https://urbaneconomics.ru/en/node/18214?ysclid=mdoazsbybe451025611> (дата обращения: 16.04.2025).

¹³ Вишневский А., Кваша Е., Харьков Т., Щерабкова Е. Российское село в демографическом измерении. Часть 2. Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/tema03.php> (дата обращения: 16.04.2025).

Распределение регионов ЦФО по уровню урбанизации в 2023 г.

Самые урбанизированные субъекты		Наименее урбанизированные субъекты	
Регион	Доля городского населения, %	Регион	Доля городского населения, %
Ивановская область	82,1	Московская область	28,0
Ярославская область	80,9	Тамбовская область	60,4
Владимирская область	77,6	Липецкая область	62,9
Тверская область	76,3	Белгородская область	65,3
Калужская область	74,8	Орловская область	66,6

Составлено автором по материалам источника¹⁴

Самым урбанизированным регионом оказалась Ивановская область с долей городского населения в 82,1%, этот показатель практически совпал с общим по ЦФО. В целом же эта доля выше 60 % во всех регионах, за исключением Московской области. В общем можно заключить, что урбанизация в большинстве субъектов ЦФО находится на высоком уровне и доля городского населения составляет более 60 %. В отдельных регионах она осталась без изменений, а в последние годы значительно замедлилась. Отдельно стоит также выделить Тульскую, Московскую, Калужскую, Белгородскую области, где происходит процесс субурбанизации. По темпу субурбанизации лидирует Тульская область. Если в 2002 г. доля сельского населения здесь была 18,47 %, то к 2023 г. она увеличилась на 8,43 % до 26,90 %. Остается открытым вопрос: последуют ли другие регионы ее примеру?

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ (РОЖДАЕМОСТИ, СМЕРТНОСТИ, БРАЧНОСТИ, МИГРАЦИИ) НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Демографические факторы становятся угрозой для долгосрочного развития и устойчивости страны. Россия, безусловно, сталкивается с серьезными вызовами в сфере демографии. Президент РФ В.В. Путин прямо заявляет о том, что улучшение демографической ситуации, а также укрепление семейных ценностей и устоев являются приоритетными общенациональными задачами¹⁵.

Одной из наиболее острых проблем в сфере демографии является катастрофически низкий уровень рождаемости. На рис. 1 показана динамика общего коэффициента рождаемости за период с 2002 г. по 2023 г. Рождаемость во всех регионах в последние годы неуклонно снижается, самые невысокие показатели в 2023 г. продемонстрировала Тамбовская область – 5,8 ребенка на 1 тыс. чел. населения, Ярославская и Воронежская – 6,4.

После анализа показателей рождаемости становится очевидным влияние демографического кризиса на уровень рождаемости в регионах ЦФО. В большинстве регионов значение суммарного коэффициента весьма далеко до уровня простого воспроизводства, и предпосылок для того, чтобы ситуация улучшилась в ближайшее время, не ожидается. Несмотря на меры, которые предпринимаются государством для стимулирования рождаемости, показатели рождаемости вернулись к показателям начала 2000-х гг. В 2023 г. 12 из 18 регионов ЦФО имели значение суммарного коэффициента ниже 1,3 ребенка на одну женщину¹⁶.

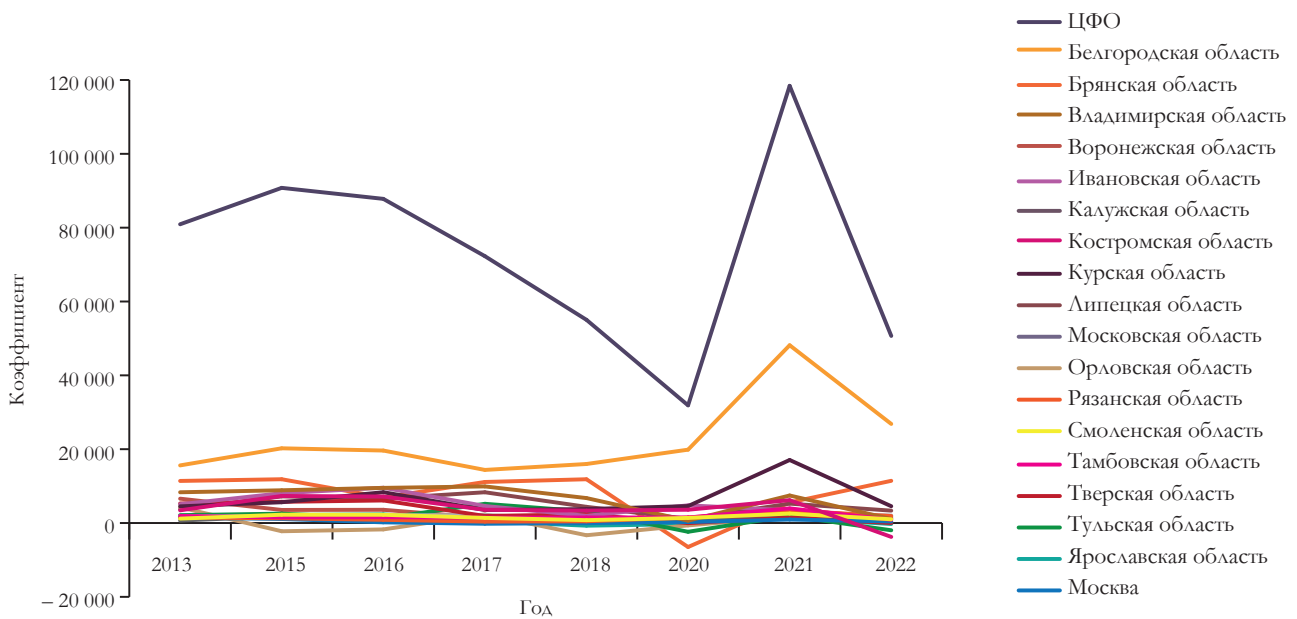
Рост рождаемости, который продемонстрировали регионы ЦФО в период с 2007 г. по 2016 г., связывают с мерами поддержки государства, прежде всего материнским капиталом. Однако на данный момент эта поддержка не работает в той мере, в которой она работала ранее, поэтому необходим анализ причин спада рождаемости. Несомненно, свое влияние оказали пандемия COVID-19, о чем утверждают С.В. Рязанцев, А.Е. Иванова, В.Н. Архангельский [5], а также вторая волна депопуляции, которая началась в 2016 г. и по своему характеру явно отличается от первой, о чем в своей работе утверждают

¹⁴ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Численность постоянного населения в среднем за год. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁵ РИА Новости. Путин назвал улучшение демографической ситуации приоритетной задачей. Режим доступа: <https://ria.ru/20240703/demografiya-1957212830.html> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Суммарный коэффициент рождаемости. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/55407> (дата обращения: 17.04.2025).

А.Л. Рыбаковский и Н.И. Кожевникова [6]. Эти два фактора на современном этапе демографического развития России в условиях демографического кризиса имеют очень важное значение.

Составлено автором по материалам источника¹⁷

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости за период с 2002 г. по 2023 г.

Анализируя регионы ЦФО, хотелось бы остановиться на Костромской области. Несмотря на то, что этот регион не является большим по площади, его население составляет 566 тыс. чел., а плотность населения — одна из самых низких среди других, в этом субъекте меры поддержки рождаемости, судя по данным статистики, оказались самыми эффективными. К 2016 г. показатель суммарного коэффициента рождаемости достиг здесь 1,96 ребенка на одну женщину, что весьма близко к показателю простого воспроизводства, который должен составлять 2,15 ребенка на одну женщину. В связи с этим необходимо более детальное изучение данной области, чтобы оценить показатели, по которым меры государства здесь продемонстрировали наилучший эффект. Поэтому возникает необходимость в адресной поддержке каждому региону исходя из тех механизмов, которые могут работать в данных конкретных условиях.

Смертность в регионах ЦФО за анализируемый период превышает число рождений. Во всех субъектах наблюдается отрицательный естественный прирост, за исключением Москвы, в которой 10 лет уровень рождаемости превышал смертность, однако за общий анализируемый период естественная убыль населения составила 174 тыс. чел. Всего же с 2002 г. по 2023 г. в ЦФО естественная убыль составила 4 252 663 чел.

Различия в воспроизводстве населения обусловили и различия в его возрастном составе (табл. 4).

Таблица 4

Население моложе трудоспособного возраста в регионах ЦФО в 2023 г.

Самые «старые» регионы ЦФО	% от общего населения	Самые «молодые» регионы ЦФО	% от общего населения
Брянская область	7,72	Тверская область	20,26
Липецкая область	7,80	Московская область	18,48
Тамбовская область	14,04	Костромская область	18,32
Тульская область	14,36	Ярославская область	17,46
Смоленская область	15,53	Курская область	16,79
Рязанская область	15,56	Калужская область	16,77

¹⁷ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Суммарный коэффициент рождаемости. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/55407> (дата обращения: 17.04.2025).

Самые «старые» регионы ЦФО	% от общего населения	Самые «молодые» регионы ЦФО	% от общего населения
Москва	15,87	Белгородская область	16,37
Владимирская область	15,91	Воронежская область	16,13
Ивановская область	15,94	Орловская область	16,07

Составлено автором по материалам источников^{18,19}

Все самые «молодые» регионы – это удаленные от центра, за исключением Московской области. Пожилое население концентрируется в столицах и русском историческом ядре – в Тульской, Московской, Рязанской и других областях. Среди регионов, где увеличилась доля населения моложе трудоспособного возраста, можно отметить город Москву (с 12,82 до 15,87 %), Ярославскую область (с 14,55 до 17,46 %), Тверскую (с 17,79 до 20,26 %), Калужскую (с 14,28 до 16,77 %). Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что данные регионы становятся наиболее привлекательными для молодежи.

Одними из важных составляющих демографического кризиса, определяющих качественные изменения, которые происходят в населении, являются репродуктивные установки и отношение граждан к браку и созданию семьи. Существует тесная взаимосвязь между брачностью и рождаемостью, так как в незарегистрированном браке рождается меньше детей [7]. Для анализа таких качественных изменений нами была взята брачная структура регионов ЦФО на основе данных переписей населения. Данные представлены в табл. 5.

Таблица 5

Брачная структура населения ЦФО

Граждане в возрасте 16 лет и более, указавшее состояние в браке	Данные переписи населения, чел.			Разница (2002–2021 гг.), чел./%
	2002 г.	2010 г.	2021 г.	
Состоящие в браке, из них:	17 763 145	17 803 388	15 781 254	–1 981 891 / –11,2
– в зарегистрированном браке;	16 576 545	15 970 768	14 536 930	–2 039 615 / –12,3
– в незарегистрированном браке	1 186 600	1 832 620	1 244 324	57 724 / +4,9

Составлено автором по материалам источников^{20,21,22}

Как видим, число лиц, состоящих в браке, за последние 20 лет сократилось на 11,2 %. В зарегистрированном браке сокращение произошло на 12,3 %. Единственной формой брака, доля которого выросла на 4,9 %, является незарегистрированный брак. В 2020 г. коэффициент брачности (число зарегистрированных союзов на 1 тыс. жителей) в ЦФО составил 6,2 – по данным Росстата, это минимум с начала нынешнего века. Даже в 1990-х гг. он был заметно выше: например, в 1995 г. – 7,51.

Исходя из данных, можно сделать вывод, что демографический кризис получил дальнейшее развитие в регионах ЦФО, усугубляя демографическое развитие регионов. Второй демографический переход в регионах находится в активной фазе, и предпосылок для того, чтобы выйти из него, на данный момент, к сожалению, не предвидится [8]. Если данная тенденция сохранится, следует ожидать новые последствия демографического кризиса, что негативно скажется на демографическом развитии.

В то же время растет влияние международной миграции населения как действенного фактора социально-демографического развития ЦФО. На рис. 2 показана динамика миграционного прироста в регионах ЦФО за период с 2013 г. по 2023 г. Наибольший вклад международной миграции в демографическую

¹⁸ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 17.04.2025).

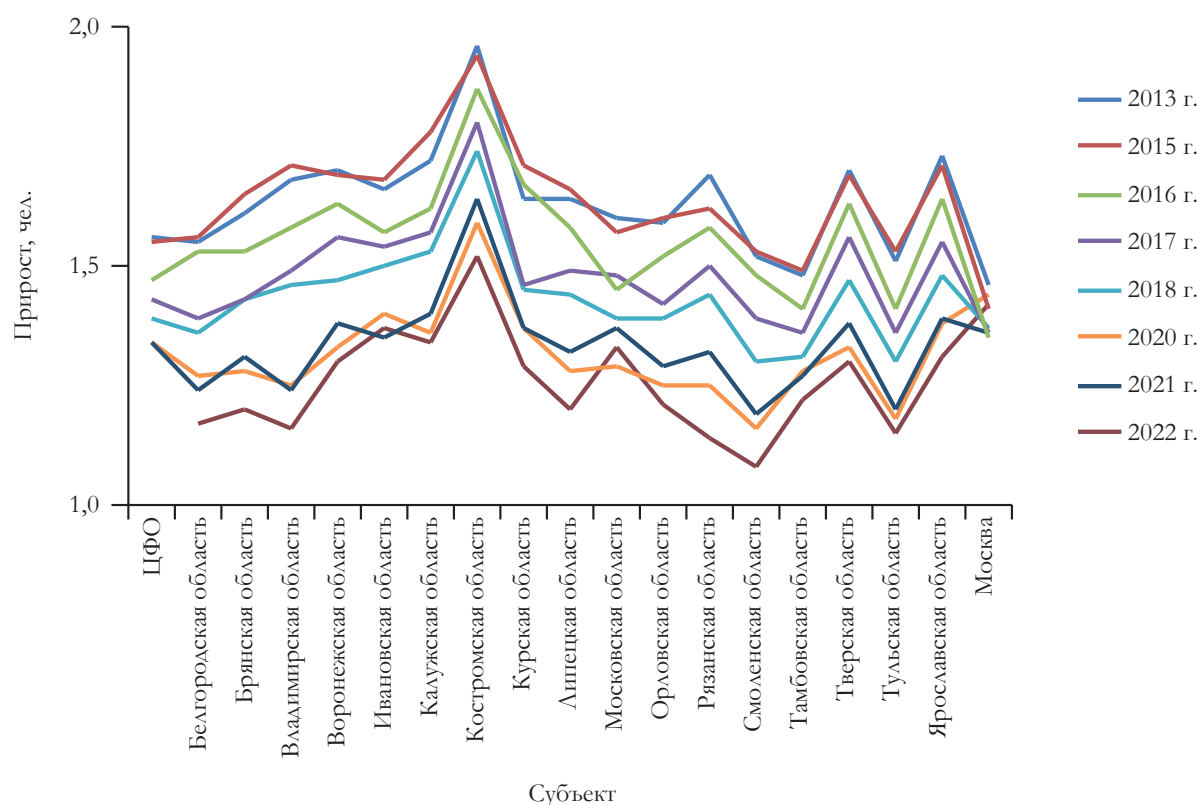
¹⁹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения: 17.04.2025).

²⁰ Всероссийская перепись населения 2002 года. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 15.04.2025).

²¹ Книга переписей. Итоги переписей. Всероссийская перепись населения 2010 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2010/> (дата обращения: 15.04.2025).

²² Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.04.2025).

динамику отмечается в Московской, Калужской, Тульской, Воронежской областях, наименьший – в Тамбовской, Ивановской, Костромской, Ярославской областях.

Составлено автором по материалам источника²³

Рис. 2. Динамика миграционного прироста в регионах ЦФО за период с 2013 г. по 2023 г.

Международная миграция населения является важным фактором демографического развития и в отдельных регионах способна компенсировать убыль населения. В связи с этим необходимо применять меры в отдельных субъектах для стимулирования международной иммиграции, тем более что удачные примеры такого стимулирования имеются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наблюдаются региональные различия в пространственном распределении населения: неравномерность плотности и размещения по территории округа, высокий уровень урбанизации, концентрация в крупных городах и региональных центрах. Велика межрегиональная дифференциация по плотности населения, разрыв в плотности между отдельными субъектами представляется значительным.

Негативные тенденции в демографическом развитии регионов отмечаются давно, однако ситуация усугубляется, региональные различия становятся все более существенными. В большинстве субъектов сокращается численность населения, снижаются рождаемость и коэффициент брачности, усиливается тенденция старения населения. Столь значительные региональные различия и их продолжительная отрицательная динамика в отдельных регионах выступают угрозами дальнейшего демографического, социального развития ЦФО.

Необходимо сглаживание межрегиональных различий, что требует комплексного подхода и разнообразного инструментария, но главными являются опережающее развитие демографических процессов и структур отстающих субъектов ЦФО, обеспечение демографического равновесия между регионами. В связи с этим необходимы меры, которые бы смогли способствовать снижению смертности и росту рождаемости в долгосрочной перспективе.

²³ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Миграционный прирост. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162> (дата обращения: 15.04.2025).

В условиях дальнейшего развития демографического кризиса возрастает роль такого демографического фактора, как международная миграция населения. Именно миграция населения, а точнее постоянная, безвозвратная международная миграция, становится единственным фактором демографического развития регионов ЦФО, способным компенсировать убыль, замедлить старение населения благодаря притоку более молодых граждан и оказать позитивное влияние на показатели рождаемости. Используя ее как способ смягчения депопуляции населения в условиях демографического кризиса, желательно улучшать миграционную привлекательность депрессивных регионов, обеспечивая условия для интеграции иммигрантов, что будет способствовать их демографическому развитию.

Список литературы

1. Валентей Д.И. (ред.) Система знаний о народонаселении. М.: Статистика; 1976. 367 с.
2. Зверева Н.В. Изучение народонаселения в отечественной науке (60–80-е годы). М.: Диалог-МГУ; 1998. 172 с.
3. Ионцев В.А., Саградов А.А. (ред.) Введение в демографию: учебник. М.: ТЕИС; 2002. 636 с.
4. Рязанцев С.В. (ред.) Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021). Тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад. М.: Издательско-торговый дом «Перспектива»; 2021. 200 с.
5. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021;2(14):7–20. <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20>
6. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации. Социально-трудовые исследования. 2019;2(35):6–15. <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15>
7. Синельников А.Б., Золотарева О.А., Халиб М.Д. Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью. Вестник университета. 2024;12:180–195 <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-12-180-195>
8. Lesthaeghe R. The “second demographic transition”: a conceptual map for the understanding of late modern demographic development in fertility and family formation. Historical Social Research. 2011;2(136(36)):179–218.

References

1. Valentey D.I. (ed.) System of knowledge about the population. Moscow: Statistika; 1976. 367 p. (In Russian).
2. Zvereva N.V. Population studies in domestic science (60–80s). Moscow: Dialog-MGU; 1998. 172 p. (In Russian).
3. Iontsev V.A., Sagradov A.A. (eds.) Introduction to demography: textbook. Moscow: TEIS; 2002. 636 p. (In Russian).
4. Ryzantsev S.V. (ed.) Demographic development of post-Soviet countries (1991–2021). Trends, demographic policy, perspectives. Analytical report. Moscow: Publ. and Trading House “Perspektiva”; 2021. 200 p. (In Russian).
5. Ryzantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangelsky V.N. Increasing depopulation in Russia in the context of the COVID-19 pandemic: regional features. Bulletin of South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences. 2021;2(14):7–20. (In Russian). <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20>
6. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of neutralization. Social & labour research. 2019;2(35):6–15. (In Russian). <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15>
7. Sinelnikov A.B., Zolotareva O.A., Khabib M.D. Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility. Vestnik universiteta. 2024;12:180–195 (In Russian). <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-12-180-195>
8. Lesthaeghe R. The “second demographic transition”: a conceptual map for the understanding of late modern demographic development in fertility and family formation. Historical Social Research. 2011;2(136(36)):179–218

Личностные компетенции в профессиональной ориентации

Алиев Джомарт Фазылович^{1,2}

Канд. экон. наук, PhD, академик
ORCID: 0009-0009-0127-9414, e-mail: dfaliev0103@gmail.com

Левковская Наталья Александровна³

Преп. каф. психологии, конфликтологии и бихевиористики, руководитель проектов отдела стандартизации и поддержки проектной деятельности
ORCID: 0000-0001-9024-2828, e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

¹Российская академия художеств, г. Москва, Россия

²Академия военных наук, г. Москва, Россия

³Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассматриваются термины и определения личностных качеств человека, которые сегодня, наравне со знаниями, умениями и навыками, трактуют понятие квалификации. Продемонстрированы отличия в определениях, используемых в нормативно-правовой базе, психологической и педагогической науке: универсальные, надпрофессиональные компетенции, мягкие навыки, или soft skills, профессионально важные качества, модели компетенций. Отмечается отсутствие консенсуса относительно применяемого в литературе и практике терминологического аппарата. В профессиональной ориентации (далее – профориентация) авторы предлагают использовать понятие «личностные компетенции», наиболее полно и точно определяющее то содержание личности человека, которое он демонстрирует и которое сравнивается с требованиями профессии к ней. Термин является наиболее близким охватывающим понятием с точки зрения как психологии, так и регулирования, а именно включает в себя личностные качества человека и их проявление – компетенции. Ставятся два вопроса: каков состав личностных компетенций, какие доступны методы и методики, позволяющие на приемлемом уровне оценить личностные компетенции человека и профессии. Показано, что модели компетенций схожи, но имеются различные подходы к определению их состава. Отмечается, что профориентация должна охватывать как минимум все основные профессии и использовать модели личностных компетенций, применимые для современного рынка труда. Предлагается использовать модель из 33 компетенций и Большой ориентационный тест, позволяющие наиболее эффективно решить задачу оценки человека и профессий для поиска наилучшего соответствия личности и выбираемой профессии.

Ключевые слова

Модель компетенций, личностные компетенции, универсальные компетенции, надпрофессиональные компетенции, мягкие навыки, профессиональная ориентация, Большой ориентационный тест, соответствие человека и профессии

Для цитирования: Алиев Д.Ф., Левковская Н.А. Личностные компетенции в профессиональной ориентации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 247–255.

Personal competencies in career guidance

Dzhomart F. Aliev^{1,2}

Cand. Sci. (Econ.), PhD, Academician
ORCID: 0009-0009-0127-9414, e-mail: dfaliev0103@gmail.com

Natalia A. Levkovskaya³

Lecturer at the Psychology Conflictology, and Behavioristics Department, Project Manager
at the Standardisation and Support of Project Activities Department
ORCID: 0000-0001-9024-2828, e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

¹Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

²Academy of Military Science, Moscow, Russia

³Russian State Social University, Moscow, Russia

Abstract

The terms and definitions of personal qualities are considered, which today, along with knowledge, skills, and abilities, interpret the concept of qualification. The differences in the definitions used in the regulatory framework, psychological and pedagogical science are demonstrated: universal, supra-professional competencies, soft skills, professionally important qualities, competency models. There is a lack of consensus on the terminology used in the literature and practice. In career guidance, the authors propose to apply the concept of personal competencies that most fully and accurately defines the content of personality which a human demonstrates and which is compared with the requirements of the profession for it. The term is the closest encompassing concept from the point of view of both psychology and regulation, namely, it includes personal qualities and their manifestation – competencies. Two questions are raised: what is the composition of personal competencies, what methods and techniques are available that make it possible to assess the personal competencies of a human and profession at an acceptable level. It is shown that the competency models are similar, but there are different approaches to determining their composition. It is noted that career guidance should cover at least all major professions and use the models of personal competencies applicable for the modern labour market. We propose to use a model of 33 competencies and Big orientation test to most effectively solve the problem of evaluating a human and professions in order to find the best match between personality and the chosen profession.

Keywords

Competence model, personal competencies, universal competencies, supra-professional competencies, soft skills, career guidance, Big orientation test, matching person and profession

For citation: Aliev D.F., Levkovskaya N.A. (2025) Personal competencies in career guidance. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 247–255.

ВВЕДЕНИЕ

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» включает понятие компетенции в компонентный состав понятия образования в части их объема, сложности и квалификации как характеристики, определяющую подготовленность к выполнению конкретного вида профессиональной деятельности. Согласно федеральному закону образовательные программы высшего образования в части профессиональных компетенций разрабатываются на основе профессиональных стандартов при наличии таковых¹. Отметим, что «при отсутствии профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции определяются Организацией на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники, иных источников»².

Понятие компетенций, в частности, используется в целеполагании государственной программы развития образования в части увеличения доли выпускников со средним профессиональным образованием, «занятых по виду деятельности и полученным компетенциям». Программой также указывается на формирование единой базы цифровых компетентностных профилей молодых специалистов³.

Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд РФ) от 25 февраля 2022 г. № 82н об утверждении стандарта процесса государственной услуги по организации профессиональной ориентации граждан требует внесение в единую цифровую платформу данных о профессиональных компетенциях гражданина; определяет рамку сервиса «Самостоятельное тестирование» как выявление индивидуально-психологических особенностей, выбор профессии, выявление предрасположенности к определенной профессии, оценку компетенций. Согласно стандарту результатом предоставления государственной услуги является «направление гражданину заключения о предоставлении государственной услуги, включающего рекомендации, содержащие перечень видов профессиональной деятельности, занятости и компетенций, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессиям, специальностям, возможные направления прохождения профессионального обучения и (или) получения профессионального образования, дополнительного профессионального образования, при осуществлении которых возможно достижение гражданином успешности в профессиональной или предпринимательской деятельности; результаты тестирования (при наличии)»⁴.

Таким образом, компетенции определяют понятия «образование» и «квалификации», используются в целеполагании национальной безопасности страны на период до 2030 г., являются результатом оказания государственной услуги в центрах занятости Минтруда РФ. Вместе с тем в законодательстве отсутствует прямое определение данного понятия. Само понятие компетенции определяется на уровне методических рекомендаций, регулирующих трудовую сферу. Согласно Всероссийскому научно-исследовательскому институту труда Минтруда РФ «компетенция – комбинация знаний, умений, опыта, способность и готовность применять их для успешной профессиональной деятельности. Справочно. Компетенция как проявление квалификации в деятельности находит опосредованное отражение в профессиональных стандартах при описании трудовых функций и трудовых действий, необходимых знаний и умений» [1, с. 4].

В свою очередь, в качестве планируемых результатов освоения образовательной программы федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС) определены следующие: для среднего профессионального образования – общие и профессиональные компетенции; для высшего –

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 08.04.2025).

² Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2020 г. № 5/40102-О «О подготовке основной профессиональной образовательной программы и определению профессиональных компетенций». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/573722376?ysclid=meb8rfrowv961803402> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие образования“» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/71848426/?ysclid=meb8uxi81c180101100> (дата обращения: 08.04.2025).

⁴ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.02.2022 г. № 82н «Об утверждении Стандарта процесса осуществления полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403686818/?ysclid=meb8x2i8dk800029270> (дата обращения: 08.04.2025).

универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [1]. Включение во ФГОС универсальных компетенций (для высшего образования) и общих (для среднего профессионального) определяет требования по формированию у обучающихся непредметных компетенций и личностных характеристик человека, также называемых мягкими навыками, или *soft skills*. При этом отмечается, что понятие универсальных компетенций остается достаточно размытым [2]. Вопрос компетентностного подхода в образовании и связанного понятийного аппарата является предметом отдельной дискуссии и не входит в рамки нашей статьи [3].

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Российская компетентностная школа к настоящему времени методически проработана, однако до сих пор в научной литературе отсутствует консенсус относительно состава компетенций и психометрических методов их диагностики. В литературе представлены различные варианты использования компетентностного подхода: в ракурсах разных научных специальностей (педагогические, психологические, экономические) и частных решений для отдельных отраслей или предприятий, для основных или вспомогательных функций предприятий. Отмечается значительное многообразие подходов и возможных решений, в частности отсутствие методических инструментариев для построения модели компетенций крупных организаций [4].

Важность вопроса обуславливается тем, что, как мы показали ранее [5], работодатели при приеме на работу принимают решение на основании изучения мягких навыков и личностных качеств кандидатов, а работодатель всегда выигрывает от проведения их оценки [6]. Можно предположить, что наниматели используют те модели личностных компетенций или мягких навыков, которые в наибольшей степени соответствуют их требованиям в разрезе конкретных профессий или направлений деятельности. При этом речь идет об изучении личностных характеристик человека, лежащих в основе тех или иных мягких навыков или личностных компетенций. Сложность задачи обуславливается тем, что «психологи выявили много личностных характеристик, которые как будто подтверждают наличие у человека активности: это побуждения к действию, притязания, способности, намерения, направленность, интересы и т.д. Однако трудности психологов в изучении личности были до сих пор связаны с тем, что эти характеристики и черты личности изучались сами по себе, вне жизненного применения, часто в искусственных условиях или искусственными методами. Нельзя сказать, что эти методы не давали знания о личности. Однако реальным критерием активности личности (мотивов, желаний, намерений) является ее способность (или неспособность) реализовать эти устремления в действиях, в поступках, жизненном пути», – пишет К.А. Абульханова-Славская [7, с. 23].

Методики профориентационной работы исходят из необходимости определения наилучшего соответствия личностных характеристик человека и требований профессий. При этом близкие термины (способности, одаренность, качества, характеризующие возможности человека, профессиональные важные качества, профессиональные умения и пр.) в научной литературе используются по-разному. Е.П. Ильин отмечает наличие разночтений в толковании близких понятий, сложности в понимании идей отдельных авторов, отсутствие адекватного понятийного аппарата. Он подчеркивает, «что вопрос о качествах вообще и профессионально важных качествах в частности в учебниках по общей психологии и психологии труда просто обходится стороной. Примечательно и то, что в психологических словарях понятие „профессионально важные качества“ отсутствует» [8, с. 30]. Отметим: сегодня в психологической науке термины «компетенции», «личностные качества» и «профессионально важные качества» используются достаточно широко, а во многих научных работах они получили определения [3]. Вместе с тем научные споры о том, что именно включается в понятие «компетенции», имеют весьма высокую степень напряжения [9].

Выше было показано, что на законодательном уровне и в научно-методической работе используются различные, четко не взаимосвязанные между собой два множества понятий. Выбор профессии определяется личностными особенностями человека, а принцип типизации профессий и сопоставление с ними личностных особенностей человека легли в основу всех главных методик профессиональной ориентации (далее – профориентация) и профессионального отбора [8]. Авторы убеждены, что вопрос приведения в соответствие терминологического поля со временем будет разрешен. Однако научные, методические и практические задачи в области профориентации требуются решать сегодня, здесь и сейчас, следовательно, уже сейчас приходится выбирать подходящие термины и определения. На наш взгляд, понятие «личностные компетенции» в сложившейся ситуации наиболее полно и точно определяет то содержание личности человека,

которое он демонстрирует и которое сравнивается с требованиями профессии к ней. Термин является наиболее близким охватывающим понятием с точки зрения как психологии, так и регулирования, а именно включает в себя личностные качества человека и их проявление — компетенции.

Отметим, что речь идет в первую очередь о проявлениях личностных качествах, вопросы учета личностных особенностей человека, выражаемых его характером, не затрагиваются. Проблема профессионального отбора с учетом личностных особенностей в психологии рассматривалась с разных ракурсов, в том числе путем изучения лиц с различными типами акцентуации характера по К. Леонгарду и того, как они преуспевают в той или иной профессии [8]. Эти вопросы выходят за рамки статьи.

Следовательно, при решении задачи поиска наилучшего соответствия человека и профессии целесообразно использовать обобщающее понятие личностных компетенций, поглощающее такие понятия, как универсальные компетенции (регулирование) и профессионально важные качества (психологические специальности). Сделанное обобщение позволяет поставить два вопроса: каков состав личностных компетенций, какие сегодня доступны методы и методики, позволяющие на приемлемом для задачи профориентации уровне провести оценку личностных компетенций человека и профессии. Как будет показано далее, эти вопросы совершенно не новы [10], но они до сих пор не имеют однозначного общепризнанного решения. Очевидно и бесспорно, что определение степени соответствия компетенций человека и профессии проводится по одному составу компетенций. Далее по тексту для лаконичности при упоминании личностных компетенций мы будем иногда опускать первое слово.

МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ

Сложившиеся к настоящему времени подходы к профориентации основываются на предложенных разработчиками психологических типизаций профессий и личности, корни которых преимущественно восходят к середине XX в. Как мы отмечали ранее, используемые типологии, с одной стороны, излишне обобщены, с другой — не учитывают современные требования рынка труда и появление новых профессий [11]. Переход от обобщенных моделей типа «профессия — личность» к прямому замеру личностных компетенций позволит устранить накопившиеся к сегодняшнему дню дисбалансы и ограничения используемых методов, что особенно важно для определенных социальных групп, включая участников специальной военной операции, лиц с ограниченными возможностями здоровья, молодых родителей и др. Для этого в первую очередь требуется определить используемый состав компетенций и выбрать психометрический инструментарий.

Переход к прямому замеру, очевидно, не устранит известную теоретическую проблему профориентации, поднятую Е.А. Климовым и состоящую в том, что в природе невозможно найти человека, чьи способности полностью соответствуют профессии. Способности лишь частично соответствуют профессии, и важно его индивидуальное приспособление к ней [12]. Однако прямой замер компетенций даст человеку качественно иное понимание степени его соответствия или несоответствия ввиду уменьшения имеющейся в любой модели системной ошибки, что позволит принимать решение о выборе профессии или плане личностного развития.

Набор личностных компетенций, используемый для анализа, в зависимости от контекста и решаемых задач, называют по-разному: модель компетенций, набор компетенций, панель компетенций и пр. При этом их состав определяется в научной литературе двумя способами.

Первый заключается в формировании типового набора (модели) компетенций, который был бы универсален для всех профессий и видов деятельности. Научно-методическая проработка вопроса осуществлялась многими отечественными и зарубежными авторами. Известны 30 универсальных компетенций, отобранных в рамках проекта развития Болонской системы образования Tuning Project [13]; словарь из 21 наиболее часто применявшейся компетенции в различных моделях по направлениям деятельности [14]; 37 компонентов компетенции по Дж. Равену [15] и др. Авторские модели могут опираться на эти результаты. Например, модель В.А. Толочка и А.С. Машковой из 29 компетенций разработана на основе моделей компетенций Д.К. Макклелланда, Р. Бояциса, Р. Пейджа, Л.М. Спенсера и С.М. Спенсера и др. [16]. Состояние вопроса в разной степени детализации рассмотрены в работах А.К. Ерофеева, Т.Ю. Базарова (2014 г.), Б.И. Беспалова (2014 г.), А.К. Ерофеева, О.Г. Носковой (2014 г.), А.В. Овчинникова (2014 г.) и др. [17–20]. Идеи авторов во многом пересекаются, но сами наборы компетенций имеют отличия, а предлагаемые методики их оценки часто носят описательный характер и сложны в практическом применении без участия профильного специалиста.

Второй подход определяет набор компетенций для конкретных профессий или видов деятельности. Распространенной практической задачей является разработка модели компетенций конкретной компании, подразделений или определенных должностей, например руководящих. Результаты представлялись разными авторами: И.Н. Ивановым, Т.В. Лукьяновой (2019 г.), Н.Н. Опариной (2019 г.), В.Н. Пуляевой (2014 г.), Т.В. Шендель, О.А. Шкляр (2023 г.) и др. [21–24]. Часто такие модели не ограничиваются личностными компетенциями, а включают профессиональные компетенции. Эти научные результаты в основном публикуются по экономическим наукам, в контексте процессов управления, перехода к компетентностному подходу к управлению ресурсами предприятия и оценки персонала. Появление таких результатов обусловлено тем, что работодатели активно разрабатывают собственные модели компетенций: так, по данным опроса 581 организации, проведенного компанией «Хэдхантер» в 2016 г., 43 % из них имели подобные модели⁵.

Профориентационная работа должна охватывать как минимум все основные профессии, в отличие от задач профессионального отбора, в которых могут использоваться отраслевые перечни специальностей, либо ограничиваться уровнем конкретного предприятия. Следовательно, подобные частные решения и сам подход не могут быть использованы вне его исходных рамок (компания, регион, выборка должностей и т.п.).

Рассмотрение первого из поставленных вопросов завершим выводом, что в целях профориентационной работы необходимо использовать такие модели личностных (надпрофессиональных, универсальных и др.) компетенций, которые могут быть применены при рассмотрении большей части профессий современного рынка труда. Размер этой части может быть оценен экспертным путем, по мнению авторов, 80 %, или четыре пятых, перечня являются адекватными.

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Перейдем к ответу на второй вопрос, а именно каким образом измерять личностные компетенции. Ответ одновременно и прост, и сложен. В области таксономии личностных черт сегодня доступно множество моделей и методик, обеспечивающих надежные результаты измерений. Вместе с тем вопрос об их использовании или адаптации под целевую модель компетенций требует усилий и научного обоснования. Подробно эти вопросы были изложены нами ранее в работе «Большой ориентационный тест: разработка, апробация, приложения», в которой можно найти описание моделей и соответствующих методов [25]. Можно констатировать, что, как правило, две задачи, а именно определение модели компетенций и выбор соответствующей методики, решаются вместе. В свою очередь, выше мы показали, какое множество моделей и связанных понятий присутствует в научной литературе. Следовательно, речь всегда идет о комплексе, состоящим из модели компетенций и соответствующей методики их измерений.

В 2017 г. по результатам проведенного исследования вопросов успешности, в котором приняло участие 2 275 экспертов на горизонте 15 лет, авторами была разработана прикладная модель компетенций, включающая 33 показателя (см. таблицу), в полной мере описывающих требования к профессии и личности с позиции работодателей из различных отраслей. Их оценка может проводиться с использованием Большого ориентационного теста, а сравнение профиля компетенций респондента с референтными группами по профессиям позволяет определить наилучшее соответствие человека и профессии [25].

Таблица

Модель компетенций

Компетенции		
Аналитичность	Решительность	Пассионарность
Визионарность	Саморазвитие	Позитивность
Конструктивность	Саморегуляция	Презентативность
Гибкость и адаптивность	Сервисность	Пытливость
Инновативность	Системность и концептуальность	Регулируемость
Коллективность и командность	Способность быть лидером	Решение проблем
Коммуникабельность	Способность планировать	Толерантность
Креативность	Стратегичность	Целостность

⁵ HeadHunter. Модели компетенций есть у 43 % российских компаний. Режим доступа: <https://hh.ru/article/306502> (дата обращения: 08.04.2025).

Компетенции		
Организованность	Стрессоустойчивость	Честность
Ориентация на качество	Творческий подход	Эмпатия
Ориентация на результат	Терпимость	Якорность

Составлено авторами по материалам источника [25]

По нашему мнению, использование модели из 33 компетенций и Большого ориентационного теста позволяет наиболее эффективно решить задачу оценки человека и профессий для поиска наилучшего соответствия личности и выбираемой профессии. Эффективность определяется следующими факторами:

- полнота модели компетенций, соответствующей потребностям работодателей из различных отраслей;
- возможность проведения тестирования по всей панели из 33 компетенций с высоким уровнем психометрических показателей;
- возможность прямой оценки профессий, соответствующих актуальному рынку труда, в частности, с учетом региональной специфики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня при рассмотрении кандидатов работодатели в равной степени изучают их знания, умения и навыки и компетенции, непосредственно связанные с личностью. Система образования прямо указывает на необходимость развития универсальных компетенций, задавая требования и их необходимый состав для каждой специальности.

Вопросам компетентностного управления, формированию компетенций и их оценки уделяют внимание психологи, педагоги, управленцы и экономисты. Основы их изучения были заложены в середине XX в., а активное развитие они получили за прошедшие 30 лет. Вместе с тем сегодня имеются отличия в определениях, которые используются в действующей нормативно-правовой базе, психологической и педагогической науке: универсальные, надпрофессиональные компетенции, мягкие навыки, или *soft skills*, профессионально важные качества, модели компетенций. Исследователи регулярно предпринимают попытки уточнения как самих терминов, так и их наполнения, а дискуссии бывают весьма оживленными.

Для решения задач профориентации целесообразно использовать обобщающее понятие – личностные компетенции – и такие их модели, которые могут быть применены при рассмотрении большей части профессий современного рынка труда.

Одновременно две задачи, а именно определение модели компетенций и выбор соответствующей психометрической методики могут быть решены при использовании модели из 33 компетенций и Большого ориентационного теста, позволяющих наиболее эффективно оценить человека и профессии для поиска наилучшего соответствия личности и выбираемой профессии.

Список литературы

1. *Всероссийский научно-исследовательский институт труда*. Рекомендации по учету положений профессиональных стандартов как основы формирования образовательных программ (апробационная версия). М.: Перо; 2023. 62 с.
2. *Авдеева С.М., Гасс П.В., Карданова Е.Ю., Корешникова Ю.Н., Куликова А.А., Орел Е.А. и др.* Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2021. 52 с.
3. *Зимняя И.А.* Компетентия и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании. Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013;4(4):16–31.
4. *Позолотина Е.И.* Методика формирования модели компетенций для крупного предприятия. Управленец. 2018;6(9):68–77. <http://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-7>
5. *Алиев Д.Ф., Левковская Н.А.* Методика психологической оценки компетентностей для определения траектории профессионального развития человека. Организационная психология и психология труда. 2025;1(10):202–234. http://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2025_34_1_008
6. *Касхгаров Ш.* Надпрофессиональные компетенции и управление ими. Организационная психология. 2014;4(4):103–120.

7. *Абдулханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль; 1991. 299 с.
8. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер; 2011. 432 с.
9. *Фрумкин А.А.* Письмо другу, или мысли вслух. Организационная психология. 2014;4(4):166–180.
10. *Ерофеев А.К., Базаров Т.Ю.* Авторские технологии разработки моделей компетенций. Организационная психология. 2014;4(4):74–92.
11. *Алиев Д.Ф., Левковская Н.А.* Профессиональная ориентация участников СВО на этапе косвенной профориентации: теоретические и методологические основы. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2024;3(172(23)):7–16. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2024-23-3-7-16>
12. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М.: Институт практической психологии; 1996. 400 с.
13. *Байденко В.И. (ред.)* Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING). М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; 2006. 211 с.
14. *Спенсер А.М., Спенсер С.М.* Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. Пер. с англ. А. Яковенко. М.: Гиппо; 2005. 371 с.
15. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр; 2002. 396 с.
16. *Толочек В.А., Машкова А.С.* Компетенции: методы исследования, результаты, сущностные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения. Организационная психология. 2020;4(10):252–270.
17. *Базаров Т.Ю., Ерофеев А.К., Шмелев А.Г.* Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания. Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2014;1:87–102.
18. *Беспалов Б.И.* Профессионально важные компоненты деятельности человека и подходы к их психодиагностике. Организационная психология. 2014;4(4):12–50.
19. *Ерофеев А.К., Носкова О.Г.* К предистории компетентностного подхода в прикладной психологии. Организационная психология. 2014;4(4):121–144.
20. *Овчинников А.В.* О классификации компетенций. Организационная психология. 2014;4(4):145–153.
21. *Иванов И.Н., Лукьянова Т.В.* Разработка модели компетенций: подходы и реализация. Вестник университета. 2019;1:14–21. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-14-21>
22. *Опарина Н.Н.* Модель компетенций управленческих кадров современных российских организаций. Государственное управление. Электронный вестник. 2019;75:209–226.
23. *Пуляева В.Н.* Формирование модели компетенций управленческого персонала предприятия на основе принципов сервисного менеджмента. Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2014;3(8):69–77.
24. *Шендель Т.В., Шкляр О.А.* Корпоративная модель компетенций предприятия железнодорожного транспорта. Лидерство и менеджмент. 2023;2(10):451–470. <https://doi.org/10.18334/lim.10.2.117462>
25. *Алиев Д.Ф., Каширский Д.В., Уроженко В.В.* Большой ориентационный тест: разработка, апробация, приложения: монография. М.: Российский государственный социальный университет: 2024. 204 р.

References

1. *All-Russian Scientific Research Institute of Labour.* Recommendations on considering the provisions of professional standards as the basis for the formation of educational programmes (approbation version). Moscow: Pero; 2023. 62 p. (In Russian).
2. *Ardeyeva S.M., Gass P.V., Kardanova Ye.Yu., Koreschnikova Yu.N., Kulikova A.A., Orel E.A. et al.* Assessment of universal competencies as the results of higher education. Analytical report for the XXII April international scientific conference on economic and social development. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2021. 52 p. (In Russian).
3. *Zimnaya I.A.* Competence and competency in the context of competency-based approach in education. Scientific Notes of National Association of Applied Linguistics 2013;4(4):16–31. (In Russian).
4. *Pozolotina E.I.* A competence model for a large enterprise. The Manager. 2018;6(9):68–77. (In Russian). <http://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-7>
5. *Aliiev D.F., Levkovskaya N.A.* Method of psychological assessment of competencies to determine the trajectory of a person’s professional development. Organizational Psychology and Labor Psychology. 2025;1(10):202–234. (In Russian). http://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2025_34_1_008
6. *Kachcharov S.* Over-professional competence and management. Organizational Psychology. 2014;4(4):103–120. (In Russian).
7. *Abulkbhanova-Slavskaya K.A.* Strategy of life. Moscow: Mysl; 1991. 299 p. (In Russian).
8. *Ilyin E.P.* Differential psychology of professional activity. St. Petersburg: Piter; 2011. 432 p. (In Russian).
9. *Frumkin A.A.* A letter to friend, or thinking out loud. Organizational Psychology. 2014;4(4):166–180. (In Russian).

10. Yerofeev A.K., Bazarov T.Yu. Original competences modeling technologies. *Organizational Psychology*. 2014;4(4):74–92. (In Russian).
11. Aliev D.F., Levkenskaya N.A. Career guidance of SMO participants at the stage of indirect career guidance: theoretical and methodological foundations. *Scientific Notes of the Russian State Social University*. 2024;3(172(23):7–16. (In Russian). <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2024-23-3-7-16>
12. Klimov E.A. *Psychology of a professional*. Moscow: Institute of Practical Psychology; 1996. 400 p. (In Russian).
13. Baydenko V.I. (ed.) *Bologna Process: search for commonality of European higher education systems (TUNING project)*. Moscow: Research Center for Quality Problems in Specialist Training; 2006. 211 p. (In Russian).
14. Spencer L.M., Spencer S.M. *Competence at work. Models for superior performance*. Trans. from Eng. A. Yakovenko. Moscow: Hippo; 2005. 371 p. (In Russian).
15. Raven J. *Competence in modern society. Its identification, development and release*. Moscow: Cogito-Centre; 2002. 396 p. (In Russian).
16. Toloche V.A., Mashkova A.S. Competencies: research methods, results, essential properties of psychological objects: relationships and mutual restrictions. *Organizational Psychology*. 2020;4(10):252–270. (In Russian).
17. Bazarov T.Yu., Erofeev A.K., Shmelev A.G. Collective definition of the notion “competence”: an attempt to acquire semantic regularities from fuzzy expert knowledge. *Moscow University Psychology Bulletin*. 2014;1:87–102. (In Russian).
18. Bespalov B.I. Professionally important components of the human’s active interaction with the world and approaches to its psychological diagnostics. *Organizational Psychology*. 2014;4(4):12–50. (In Russian).
19. Yerofeev A.K., Noskova O.G. To prehistory of a competent approach in the applied psychology. *Organizational Psychology*. 2014;4(4):121–144. (In Russian).
20. Ovchinnikov A.V. On the competences classification. *Organizational Psychology*. 2014;4(4):145–153. (In Russian).
21. Ivanov I.N., Lukyanova T.V. Development of the model of competence: approaches and implementation. *Vestnik universiteta*. 2019;1:14–21. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-14-21>
22. Oparina N.N. Model of modern Russian organizations managerial competences. *E-journal “Public Administration”*. 2019;75:209–226. (In Russian).
23. Puliaeva V.N. Creating a management personnel competence service-management-based model. *Bulletin of the Association of Universities for Tourism and Service*. 2014;3(8):69–77. (In Russian).
24. Shendel T.V., Shklyar O.A. Corporate competence model for a railway transport company. *Leadership and Management*. 2023;2(10):451–470. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/lim.10.2.117462>
25. Aliev D.F., Kashirsky D.V., Urozhenko V.V. *Big orientation test: development, approbation, applications: monograph*. Moscow: Russian State Social University; 2024. 204 p. (In Russian).

Отражение англоязычного мира в стереотипах студентов-переводчиков

Помуран Наталья Николаевна¹

Канд. психол. наук, доц. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0002-8709-6038, e-mail: pomnatnik@mail.ru

Лухманова Марина Анатольевна²

Ст. преп. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0001-9157-7654, e-mail: malukhm@mail.ru

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследуется отражение англоязычного мира в этнических стереотипах о представителях английской национальности и американского народа среди студентов-переводчиков Новосибирского государственного технического университета. Актуальность обусловлена необходимостью отслеживать содержание отражения мира изучаемого языка у специалистов, успешность профессиональной деятельности которых зависит от усвоения культурно-специфических знаний. В исследовании участвовали 47 студентов, использовались методика изучения стереотипов Д. Пибоди и опрос. Была обнаружена высокая степень согласованности суждений о типичных представителях английской национальности и американского народа, в частности, в разрезе групп, выбравших американский или британский вариант английского языка. При этом образ представителя английской национальности более гармоничен. Оба образа включают как адаптивные, так и дезадаптивные черты, в целом стереотипы положительные. Вместе с тем обнаруживается незначительная разница в выборе групп черт. Так, при оценке качеств типичного представителя американского народа студенты выделяют те, что в большей степени проявляются в межличностном взаимодействии и указывают на рациональный контроль и самоуверенность в поведении; при оценке типичного представителя английской национальности на первое место выдвигаются моральные и этические качества. Делается вывод о слиянии в сознании респондентов обоих образов в единое целое «англоязычный мир», а также о недостаточно полном представлении о национальном характере англичан и американцев, что затрудняет оценку влияния этнических стереотипов на предпочтение варианта английского языка.

Ключевые слова

Англоязычный мир, социальный стереотип, этнические стереотипы, авто-стереотипы, гетеростереотипы, меж-этнические отношения, обучение иностранным языкам, картина мира

Для цитирования: Помуран Н.Н., Лухманова М.А. Отражение англоязычного мира в стереотипах студентов-переводчиков // Вестник университета. 2025. № 7. С. 256–264.

Reflection of the English-speaking world in the stereotypes of students-translators

Natalia N. Pomuran¹

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Foreign Languages Department
ORCID: 0000-0002-8709-6038, e-mail: pomnatnik@mail.ru

Marina A. Likhmanova²

Senior Lecturer at the Foreign Languages Department
ORCID: 0000-0001-9157-7654, e-mail: malukhm@mail.ru

¹Novosibirsk Military Zhukov's Order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract

The article investigates the reflection of the English-speaking world in ethnic stereotypes concerning the representatives of English nationality and American people among students-translators of Novosibirsk State Technical University. This research is relevant due to the need to monitor the reflection of the world of the studied language in specialists whose successful professional activity depends on learning cultural-specific knowledge. The study involved 47 students, and the methodology of D. Peabody's stereotypes study and a survey were used. A high degree of the judgment coherence was found out about a typical representative of English nationality and American people, including the students' groups that chose American English or British English. Meanwhile the image of the English nationality is more harmonious. Both images have some adaptive and maladaptive features, and, in general, the stereotypes are positive. However, there is a little difference in the choice of features groups. Thus, assessing the qualities of a typical representative of American people, the students underline the features that are more identified in interpersonal interaction and indicate a rational control and self-confidence in behaviour, while assessing a typical representative of English nationality, they put moral and ethical qualities first. The article concludes that in the respondents' minds the images of these two countries representatives merge into a single one, the English-speaking world. Additionally, there is a perceived lack of comprehensive representation of the national character of the English and Americans, which hinders the evaluation of the influence of ethnic stereotypes on the preference for the English language variant.

Keywords

English-speaking world, social stereotype, ethnic stereotypes, autostereotypes, heterostereotypes, interethnic relations, foreign language teaching, worldview

For citation: Pomuran N.N., Likhmanova M.A. (2025) Reflection of the English-speaking world in the stereotypes of students-translators. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 256–264.

ВВЕДЕНИЕ

Усвоение культурноспецифических знаний о действительности является неотъемлемой частью успешного овладения иностранным языком. Как отмечает А.П. Миньяр-Белоручева, с усвоением грамматического и лексического материала необходимо понять и попытаться освоить мир изучаемого языка, который отражается в логике мышления его носителей, реализующейся как в лексическом составе, так и в национальной культуре. В нем отражается не только реальный мир, окружающий человека и условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его национальный характер [1].

Мир изучаемого языка составляет основу для понимания контекста, традиций, ценностей и мировоззрения носителей. Без усвоения культурноспецифических знаний язык становится лишь набором слов и грамматических правил, лишенным глубины и смысла. Для будущих переводчиков усвоение мира изучаемого языка является ключом к эффективному межкультурному взаимодействию, позволяя избежать неловкие ситуации, связанные с непониманием обычаев или норм поведения носителей. Культурноспецифическая грамотность – это не просто дополнение к языку, а неотъемлемая часть подготовки будущих специалистов в сфере межкультурного взаимодействия. Поэтому нам представляется важным в процессе профессиональной подготовки будущих переводчиков отслеживать содержание отражения мира изучаемого языка.

Настоящее исследование направлено на выявление у студентов-переводчиков отражения англоязычного мира в этнических стереотипах о представителях английской национальности и американского народа, взаимосвязи направленности этнических стереотипов и выбора варианта английского языка для изучения.

В исследовании мы поставили следующие вопросы:

- каково соотношение образов типичных представителей английской национальности и американского народа, по мнению современного студента-переводчика;
- каково содержание, характер и направленность гетеростереотипов у студентов-переводчиков;
- влияет ли содержание и направленность гетеростереотипов на предпочтение варианта английского языка.

Мы выдвинули гипотезу о том, что англоязычный мир в представлении студентов, изучающих английский язык в профессиональных целях, разнообразен. Это отражается в статистически значимой разнице образов представителей английской национальности и американского народа, что, в свою очередь, будет влиять на выбор варианта английского языка.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие «картина мира» многомерно и представлено в языкознании. И.А. Стернин трактует термин следующим образом: «знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц» [2, с. 112]. В.И. Постовалова интерпретирует картину мира как идеальное, концептуальное образование, обладающее действенной природой. Оно может быть необъективированным, выступая в качестве элемента сознания, воли или жизнедеятельности, а также объективированным, проявляясь в виде различных следов, оставленных сознанием, волей или жизнедеятельностью [3]. Из определения И.А. Стернина следует, что основным компонентом картины мира признается знание, разделяемое представителями социальных общностей и приобретающее манифестацию в языке. Через язык индивид, по утверждению одного из крупнейших исследователей кросс-культурной психологии Д. Маджумо, впитывает в себя саму сущность культуры [4]. Следовательно, изучая иностранный язык, человек познает и конструирует культурноспецифическую картину мира его носителей.

В социально-психологическом дискурсе усвоение информации о тех или иных социальных значениях происходит в самом начале процесса социализации, на стадии знаний. Вместе с тем, по мнению Г.Г. Шпета, важным выступает формирование отношения к смыслу культурных явлений [5]. Поэтому, соглашаясь в целом с представленной интерпретацией картины мира как системы знаний, мы все же считаем необходимым изучать не только содержание усвоенных культурноспецифических знаний, но и отношение к полученным знаниям, что в дальнейшем позволяет сформировать установку, означающую готовность к межнациональному взаимодействию в соответствии с заданным значением. В свою очередь, эмоционально-рациональное отношение к полученному знанию представляет собой социально-психологический стереотип восприятия, относительно жесткое и устойчивое образование.

В качестве теоретических оснований настоящего исследования выступают концепция социального стереотипа У. Липпмана [6] и теория стереотипизации Г. Теджфела [7]. В отечественной научной мысли анализ этнических стереотипов получил развитие в трудах Г.У. Солдатовой, акцентирующих внимание на анализе этнической идентичности, автостереотипов и гетеростереотипов [8]; в исследованиях Т.Г. Стефаненко, рассматривающих стереотипы через призму этнической идентичности [9]; в работах А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, раскрывающих их через процессы аккультурации [10]. В контексте нашего исследования отдельного внимания заслуживают труды А.П. Миньяр-Белоручевой, поскольку в работах автора этнические стереотипы анализируются в междисциплинарном ключе, с точки зрения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики [11].

В социальной психологии стереотипы определяются как относительно устойчивые схематические образы-клише социальных реалий, в соответствии с которыми человек воспринимает окружающих и намеренно или спонтанно строит отношения с ними [9]. Стереотип содержит знак отношения, который может вызывать чувство симпатии или антипатии к тому или иному явлению, что и выступает его ключевой характеристикой.

Необходимость стереотипов обусловлена тем, что они облегчают усвоение многих реалий окружающего мира, способствуют не только концептуализации, но и категоризации знаний в памяти человека. Данные образования могут касаться характеристик как своей, так и чужой этнической общности, отражать характеристики своего и других народов с различной степенью достоверности.

Процесс стереотипизации есть психологический процесс, в основе которого лежит мыслительная операция – обобщение, представляющая собой объединение социальных явлений или объектов окружающей действительности в единый класс на основе, по крайней мере, одного присущего им общего признака. Последующая рационализация этих чувств возможна в виде положительных или отрицательных этнических стереотипов [7].

Еще одной отличительной чертой процесса стереотипизации является ее источник. Стереотипы усваиваются из вторичных источников, а не из непосредственного опыта. Автостереотипы, представление о своей этнической общности, как правило, более позитивны, чем гетеростереотипы, представление о «других» [8].

Гетеростереотипы англоязычного мира – это относительно устойчивые образы о представителях социальных общностей, говорящих на английском языке. По данным Ethnologue, в 2024 г. число говорящих на английском как на родном (англ. first-language speakers, L1) составило около 372,9 млн чел., проживающих в Соединенном Королевстве и Северной Ирландии, Ирландской республике, Соединенных Штатах Америки (далее – США), Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Южной Африке¹. Рассмотрение отражения всего англоязычного мира в сознании студентов, изучающих английский язык, представляется возможным в рамках крупномасштабного исследования, поэтому мы ограничимся анализом образов носителей британского (англ. British English) и американского (англ. American English) вариантов, которые, как правило, изучаются в российских образовательных учреждениях [12].

К представителям носителей американского и британского вариантов как родных относят различные этнические группы. При этом следует различать понятия «этнос», «национальность», «нация», «народ». Значение терминов «этнос», «этническая группа» является немного более узким, по сравнению с понятием «нация»; несколько этнических групп могут входить в состав нации, осознавать свою принадлежность к конкретной национальности на основе единой территориально-государственной и (или) социокультурной системы. Нация – это социальная группа людей, связанная общностью экономической жизни, психического склада, имеющая одну территорию и язык. Ее главным формирующим фактором признается социально-экономический. Известный российский ученый в области этнопсихологии А.Д. Карнышев использует понятие «нация» в политизированном контексте [13]. Следовательно, носителями британского варианта английского языка являются представители английской национальности. Однако использование термина «национальность» по отношению к жителям США считается неправомерным, поскольку в их состав входят представители многих этнических общностей, объединенных общими психологическими характеристиками. Поэтому применительно к американцам мы будем использовать понятие «народ», подразумевая под ним социальную общность людей, принадлежащую к одному государству.

Несмотря на относительную устойчивость стереотипов, они все же подвержены как стремительным изменениям, так и постепенной трансформации. Об этом свидетельствуют исследования динамики отражения англоязычного мира в этнических стереотипах, проведенные в разное время разными авторами.

¹ Ethnologue. Official website. Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 17.03.2025).

Так, изучением стереотипов об американцах на протяжении нескольких лет занималась С.Г. Тер-Минасова. В начале 90-х гг., в представлении российских студентов американцы – дружелюбные, деловые, прагматичные, добрые, щедрые, бодрые, раскованные, бесцеремонные, открытые, наивные люди. В 1998 г. появляются такие характеристики, как общительный, предприимчивый, ленивый, искренний, прямой [14].

В исследовании роли художественной литературы в формировании образа о представителях американского народа, проведенном в 2016 г. на выборке российских студентов, были отмечены как положительные, так и отрицательные характеристики. Среди положительных были выделены черты, характеризующие личность с точки зрения межличностных отношений и оценки интеллекта: вежливость и образованность, патриотичность, отзывчивость, открытость, ум, общительность, доброта, толерантность, веселость и чистоплотность. Одна третья часть ассоциаций отражала отрицательные стереотипы: глупость, лень и эгоистичность [15]. В изучении образа типичного американца в представлении российской молодежи, на примере студентов Дальневосточного региона, были выявлены отрицательные черты, указывающие на недоверие молодых людей к нему [16]. В оценке национального характера американца у разных поколений россиян преобладали положительные качества, в основном относящиеся к его экономической активности [17]. Концептуальная и терминологическая несогласованность в этих исследованиях, а также различия в методологическом инструментарии затрудняют возможность сравнить результаты в полной мере. В исследованиях прослеживаются группы черт, характеризующие личность в межличностном взаимодействии, отражающие ее интеллектуальные способности, эмоциональное состояние и экономическую активность.

Анализ стереотипов о представителях английской национальности в российском научном дискурсе характеризуется значительно меньшим объемом, по сравнению с исследованиями, посвященными стереотипам об американцах [14; 18]. Меньший интерес к изучению стереотипов о представителях английской национальности, возможно, связан с историческим и культурным факторами. Во-первых, Великобритания, по сравнению с США, не была в центре внимания геополитического противостояния и не занимала такую же по значимости роль в российском общественном сознании. Во-вторых, культура США активнее проникает в жизнь россиян, что делает образ американцев более обсуждаемым.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящем исследовании приняли участие 47 студентов второго, третьего и четвертого курсов Новосибирского государственного технического университета, обучающихся по направлению «Перевод и переводоведение».

Для исследования отражения англоязычного мира в представлении студентов-переводчиков использовалась методика изучения стереотипов Д. Пибоди. Она основана на технологии семантического шкалирования и представляет собой 32 пары черт. Пары упорядочены на основе четырехпозиционной концепции личностной черты, то есть каждой положительной черте соответствует отрицательная. Преимущество использования данной методики заключается в возможности нейтрализовать влияние оценочного компонента социальной желательности; методика позволяет измерить когнитивный и эмотивный, оценочно-отношенческий компоненты стереотипа. Кроме этого, мы сопроводили тест вопросом о том, какой вариант английского языка (британский или американский) выбрали бы наши респонденты, если бы была возможность.

Для того чтобы нивелировать гендерные стереотипы, мы использовали в тесте нейтральную формулировку: «Оцените по семибальной шкале некоторые личностные характеристики представителей разных национальностей». Для подсчета согласованности представлений использовался параметрический метод корреляции r -Пирсона. Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы Microsoft Excel.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования стереотипов американского народа и английской национальности показаны в таблице. Сравнивая усредненные данные по двум стимульным объектам (представители американского народа и английской национальности), мы обнаружили высокую согласованность образов этих типичных представителей ($p \leq 0,01$, $n = 32$). Степень согласованности статистически значима. Это свидетельствует о принципиальной близости стереотипов национального характера англичан и американцев. Следовательно, в сознании наших респондентов англоязычный мир представлен как некий инвариант, не проявляющийся в вариативных характеристиках американского народа и английской национальности.

Представление о типичных американцах и англичанах

Личностные характеристики	Типичный представитель американского народа, балл	Типичный представитель английской национальности, балл
Критичный – легковверный	4,00	4,28
Недоверчивый – доверчивый	3,69	4,41
Агрессивный – миролюбивый	3,86	3,69
Бойкий – пассивный	4,31	4,17
Веселый – угрюмый	5,28	4,90
Легкомысленный – серьезный	4,62	3,79
Бестактный – тактичный	3,86	2,93
Откровенный – лицемерный	3,69	3,41
Гибкий – негибкий	4,66	4,76
Переменчивый – упорный	4,62	4,41
Возбужденный – спокойный	4,62	4,14
Активный – инертный	4,79	4,86
Скромный – претенциозный	3,41	3,86
Скупой – щедрый	4,03	4,28
Самоуверенный – застенчивый	5,00	4,83
Уверенный – неуверенный	4,90	4,97
Принципиальный – приспособленный	4,52	4,28
Непрактичный – практичный	3,79	3,41
Придирчивый – прощающий	4,28	4,21
Избирательный – неразборчивый	4,38	4,76
Осторожный – беспашашный	4,14	4,59
Робкий – смелый	3,45	4,14
Мягкотелый – твердый	4,00	4,62
Мягкий – жесткий	4,31	4,83
Сотрудничающий – несотрудничающий	4,83	4,76
Зависимый – независимый	3,86	3,59
Заторможенный – раскрепощенный	3,21	4,14
Организованный – импульсивный	3,86	4,69
Восторженный – озабоченный	4,79	4,62
Ленивый – трудолюбивый	4,00	3,41
Глупый – умный	4,03	3,38
Приятный – неприятный	4,76	4,83

Составлено авторами по материалам исследования

В целом национальный характер американцев, по мнению респондентов, гармоничный, в образе представлены всего четыре пары противоречивых черт. Среди них миролюбивый и бойкий, осторожный и смелый, сотрудничающий и независимый, глупый и приятный. Баллы по данным шкалам больше отклоняются в сторону социальной желательности, что свидетельствует об отклонении восприятия американцев в положительную сторону.

Среди связанных черт находим такие черты, как тактичный и в то же время лицемерный, гибкий и переменчивый, возбужденный и активный, придирчивый и избирательный. Баллы по данным шкалам больше отклоняются в сторону отрицательной социальной желательности.

Таким образом, представление об американцах включает как адаптивные, положительные черты, так и дезадаптивные, отрицательные.

По сравнению с американцами, англичанам приписывают большее количество противоречивых черт: миролюбивый и в то же время бойкий, веселый и серьезный, претенциозный и скромный,

приспособленный и непрактичный, сотрудничающий и независимый, восторженный и трудолюбивый. По мнению наших респондентов, англичане обладают более дисгармоничным характером, если сравнивать их с американцами.

Среди связанных черт находим такие, как критичный и недоверчивый. Оценка отклоняется в сторону отрицательной черты. Что касается показателей по другим связанным чертам характера, эти баллы отклоняются в сторону социальной желательности: гибкий и переменчивый, возбужденный и активный, самоуверенный и уверенный, придирчивый и избирательный, осторожный и робкий, мягкотелый и мягкий, заторможенный и организованный. В целом образ типичного представителя английской национальности является положительным.

Составим характерологический портрет типичных представителей американского народа и английской национальности, включив те качества, по которым полученный балл отклоняется от среднего (4,00 балла) более чем на 1,00. В образ типичного представителя американского народа наши респонденты включили две черты: веселый+ (отклонение от среднего балла 1,25) и самоуверенный– (отклонение от среднего 1,00). Как мы видим, одна черта – адаптивная, вторая – дезадаптивная. На первый план выдвигается эмоциональное состояние американцев. При этом данная черта связана с дезадаптивной чертой «легкомысленный», однако она выражена меньше, чем веселость. Выраженной акцентуированной чертой, по мнению наших респондентов, является самоуверенность. При этом американцам приписывается и противоположная черта – неуверенность, проявляющаяся в меньшей степени.

Еще менее определенным выглядит портрет типичного представителя английской национальности. В портрет включена одна черта, отклоняющаяся от среднего на 1,00 балл. Англичанам приписывается положительная черта, характеризующая их с точки зрения морали и этики – тактичность, которая согласуется со связанной отрицательной чертой – лицемерие. При этом балл отклоняется к полюсу социально желательной черты.

Из этих показателей можно заключить, что характер представителей американского народа и английской национальности достаточно неопределенный и черт, которые бы отличались от среднего значения, недостаточно. Возможно, это связано с не очень частыми личными контактами наших студентов с представителями американского народа и англичанами.

Далее мы проанализировали ответы на вопрос, касающийся предпочтительного выбора изучения британского или американского варианта языка. По нашим данным, 28 студентов выбрали бы американский вариант английского языка, 13 – британский, и 6 студентов затруднились ответить на этот вопрос. Тем не менее сравнение образа типичного представителя английской национальности у подгруппы, которая предпочла британский вариант английского языка, и респондентов, выбравших американский английский, показало большую согласованность. Также высокая степень согласованности была характерна для типичного представителя американского народа в разрезе данных подгрупп ($p \leq 0,01$, $n = 32$). Она статистически значима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза не получила подтверждения, так как результаты свидетельствуют о том, что образы типичных представителей английской национальности и американского народа у наших респондентов отличаются высокой степенью согласованности. Иными словами, жители Великобритании и США воспринимаются как единый народ, объединенный в понятие «англоязычный мир». Поскольку представление об американцах и англичанах значимо не отличается, оценить влияние этнических стереотипов на предпочтение того или иного варианта английского языка невозможно.

Качественный анализ полученных данных показал, что характер англичан менее гармоничен, менее акцентуирован, оба образа включают как адаптивные, так и дезадаптивные черты. В целом этнические стереотипы положительные. В отличие от портрета представителя американского народа, в характере англичан находим черты, описывающие их с точки зрения морали и этики, в то время как типичному представителю американского народа приписывают высокий уровень рационального контроля и самоуверенности в поведении, проявляющихся в межличностном общении. В целом стереотипы положительно направленные.

Неполный характерологический портрет и близость образов американцев и англичан могут указывать на недостаток знаний о национально-психологических особенностях носителей и в целом о мире изучаемого языка у студентов, что объясняется следующими причинами. Во-первых, как и в большинстве российских вузов, студенты изучают британский вариант и сопоставлению двух вариантов английского

языка уделяется недостаточно внимания. Во-вторых, ограниченный объем времени на языковые и культурологические дисциплины на бакалавриате не позволяет в полной мере раскрыть национально-психологические особенности представителей английской национальности и американского народа.

Выводы, сделанные в ходе исследования, необходимо учитывать при разработке основных образовательных программ, учебных планов подготовки специалистов в области межкультурного взаимодействия, а также при создании стратегий развития образования.

Список литературы

1. Миньяр-Белоручева А.П. Теория и практика обучения иностранным языкам. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020;2:182–191.
2. Стернин И.А. Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании В кн.: Лингвистика без границ. Воронеж: Наука-Юнипресс; 2016. С. 106–131.
3. Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? В кн.: Язык как коммуникативная деятельность человека. Выпуск 284. М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза; 1987. С. 65–72.
4. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер; 2003. 720 с.
5. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М.: АКИ; 2010. 160 с.
6. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчунова. М.: Общественное мнение; 2004. 384 с.
7. Tajfel H., Fraser C. Introducing social psychology. Harmondsworth: Penguin; 1978. 490 p.
8. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл; 1998. 389 с.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс; 2013. 224 с.
10. Татайко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2011. 238 с.
11. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013;1:52–65.
12. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 212 p.
13. Карнышев А.А., Карнышева О.А. Атрибуты генеалогии и сибирской транскультурной психологии как источники представлений о моделях многополярного мира. Сибирский психологический журнал. 2024;92:6–25. <https://doi.org/10.17223/17267080/92/1>
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2022. 368 с.
15. Коришкова Е.С., Мартишина Н.И. Образ американцев в представлениях современной российской молодежи: художественная литература как фактор формирования. Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2016;1:64–71.
16. Марин Е.Б. Образ представителей России и США у российской молодежи. Вестник Кемеровского государственного университета. 2019;21(1):101–111. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-101-111>
17. Углова Т.В., Алеева Ю.А., Беляева Т.Б. Стереотипные представления о типичном русском и типичном американце у россиян разных поколений. Вестник новгородского государственного университета. 2017;4(102):108–112.
18. Головушкина М.В. Образ англичан в стереотипах российских студентов. Наука. Общество. Государство. 2013;1(1).

References

1. Minyar-Beloroucheva A.P. The role of the national cultural worldview in modern languages learning. Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2020;2:182–191. (In Russian).
2. Sternin I.A. Linguistic mythology in everyday language consciousness. In: Linguistics without borders. Voronezh: Nauka-Unipress; 2016. Pp. 106–131. (In Russian).
3. Postovalova V.I. Does the linguistic picture of the world exist? In: Language as a communicative activity of man. Issue 284. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Thorez; 1987. Pp. 65–72. (In Russian).
4. Matsumoto D. Psychology and culture. St. Petersburg: Piter; 2003. 720 p. (In Russian).
5. Shpet G.G. Introduction to ethnic psychology. Moscow: LKI; 2010. 160 p. (In Russian).
6. Lippmann W. Public opinion. Trans. from Eng. T.V. Barchunova. Moscow: Public opinion; 2004. 384 p. (In Russian).
7. Tajfel H., Fraser C. Introducing social psychology. Harmondsworth: Penguin; 1978. 490 p.
8. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. Moscow: Smysl; 1998. 389 p. (In Russian).

9. *Stefanenko T.G.* Ethnopsychology. Moscow: Aspekt Press; 2013. 224 p. (In Russian).
10. *Tatarko A.N., Lebedeva N.M.* Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2011. 238 p. (In Russian).
11. *Minyar-Beloroucheva A.P., Pokrovskaya M.E.* Ethnic stereotypes in the English language space: a visual imagery-personification and verbal images-the anthroponyms. Moscow University Psychology Bulletin. 2013;1:52–65. (In Russian).
12. *Crystal D.* English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 212.
13. *Karnyshev A.D., Karnysheva O.A.* Attributes of genealogy and Siberian transcultural psychology as sources of ideas about models of a multipolar world. Siberian journal of psychology. 2024;92:6–25. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/92/1>
14. *Ter-Minasova S.G.* Language and intercultural communication. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2022. 368 p. (In Russian).
15. *Korsbunova E.S., Martishina N.I.* The image of Americans in the perceptions of modern Russian youth: fiction as a factor of formation. Bulletin of the Siberian Transport University. 2016;1:64–71. (In Russian).
16. *Marin E.B.* Images of Russians and Americans as seen by Russian adolescents. Bulletin of the Kemerovo State University. 2019;21(1):101–111. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-101-111>
17. *Uglova T.V., Aleeva Y.A., Belyaeva T.B.* Stereotypical perceptions of a typical Russian and a typical American among Russians of different generations. Bulletin of Novgorod State University. 2017;4(102):108–112. (In Russian).
18. *Golovushkina M.V.* Image of the English in stereotypes of Russian students. Science. Society. State. 2013;1(1). (In Russian).

Связь индекса толерантности с базисными убеждениями у студентов русской национальности - граждан Российской Федерации

Цветкова Надежда Александровна¹

Д-р психол. наук, глав. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Лагвилава Кира Евгеньевна²

Канд. психол. наук, доц. каф. психологии и сопровождения развития ребенка

ORCID: 0000-0002-8142-2779, e-mail: KiraLagvilava@gmail.com

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Россия

²Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Аннотация

Ставится проблема повышения индекса толерантности у студентов. Это важно для обеспечения психологической безопасности участников образовательного процесса вузов. Цели исследования – получение показателей индекса толерантности и базисных убеждений у студентов с самоидентификацией «Я русский» и российским гражданством, установление межполовых различий и определение характера связей полученных показателей. В результате исследования выяснилось: индекс толерантности совокупной выборки тяготеет к низкому уровню; в частности, у студентов обнаружены низкий уровень этнической толерантности с тенденцией к умеренной, умеренные показатели социальной толерантности и толерантности как черты характера. Учащиеся имеют нормативные показатели веры в доброжелательность мира и справедливость мироустройства; завышенные индикаторы самооценности и веры в свою удачливость, возможность контролировать события своей жизни. Индекс толерантности тесно положительно коррелирует с верой в доброжелательность мира, отрицательно согласуется с показателями самооценности и убеждением о возможности контроля. Резюмируется, что ключевым предиктором индекса толерантности выступает уровень веры в доброжелательность мира. Студенты женского пола имеют более высокие показатели социальной толерантности и веры в справедливость мироустройства. Показана возможность практического приложения полученных данных.

Ключевые слова

Студенты российских вузов, самоидентификация «Я русский», черта личности, этническая толерантность, социальная толерантность, индекс толерантности, базисные убеждения, связь толерантности и убеждений

Для цитирования: Цветкова Н.А., Лагвилава К.Е. Связь индекса толерантности с базисными убеждениями у студентов русской национальности – граждан Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 7. С. 265–273.

Relationship of the tolerance index with basic beliefs of Russian - citizens of the Russian Federation

Nadezhda A. Tsvetkova¹

Dr. Sci. (Psy.), Chief Researcher

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Kira E. Lagvilava²

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Psychology and Child Development Support Department

ORCID: 0000-0002-8142-2779, e-mail: KiraLagvilava@gmail.com

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

²Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract

The article raises the problem of increasing the tolerance index among students. This is important to ensure the psychological safety of participants in the educational process of universities. The purpose of the study is to obtain indicators of the tolerance index and basic beliefs among students with the self-identification "I am Russian" and Russian citizenship, to establish gender differences and to determine the nature of the relationships between the obtained indicators. Results: the tolerance index of the cumulative sample tends to a low level; in particular, students were found to have a low level of ethnic tolerance with a tendency to moderate, moderate indicators of social tolerance and tolerance as character traits. Students have normative indicators of faith in the benevolence of the world and the justice of the world order; overestimated indicators of faith in their luck, the ability to control the events of their lives and self-worth. The tolerance index closely correlates positively with faith in the benevolence of the world, negatively correlates with indicators of self-worth and the belief in the possibility of control. It is summarised that the key predictor of the tolerance index is the level of faith in the benevolence of the world. Female students have higher rates of social tolerance and faith in the justice of the world order. The possibility of practical application of the obtained data is shown.

Keywords

Students of Russian universities, self-identification "I am Russian", personality trait, ethnic tolerance, social tolerance, tolerance index, basic beliefs, links between tolerance and beliefs

For citation: Tsvetkova N.A., Lagvilava K.E. (2025) Relationship of the tolerance index with basic beliefs of Russian – citizens of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 265–273.

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к проблеме толерантности и базисных убеждений личности, если судить по публикациям последних трех лет, несколько ослаб и в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и за рубежом в силу конфликтогенной геополитической обстановки. Однако она не только не решена, но и углубляется, поскольку миграционные процессы становятся более интенсивными, а связанные с ними социальные конфликты – более острыми (например, если судить об этом по статистике преступлений мигрантов в России за последние три года).

Способность человека к общению и взаимодействию с представителями различных культур развивается не столько в семье, сколько в условиях образовательных учреждений – школы, колледжа, вуза. Она необходима для новых поколений россиян, живущих в стране с полиэтническим составом населения. Образовательная среда любого вуза – мультикультурное пространство общения и взаимодействия, степень психологической безопасности которого оказывает влияние на уровень социальной, а также межэтнической напряженности всего общества.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ряде российских и зарубежных вузов студенческие учебные группы состоят из представителей различных этносов – им приходится тесно общаться друг с другом длительное время. При этом позитивную этническую идентичность, тесно коррелирующую с толерантностью, имеет далеко не каждый из них [1–5], но каждый имеет гражданство – российское либо иное, у каждого есть убеждения, которые могут сильно отличаться от убеждений тех, кто рядом. Сотрудничеству этнически различных людей способствует принцип толерантности, выстраданный человечеством за весь период его существования. Философы Н.А. Гулина, Т.М. Садкина и Е.И. Филимонова пишут: «В множественности форм культуры, ее течений, направлений и субъектов толерантность выступает главным императивом для сохранения целостности, поиска компромиссов, взаимной уступчивости функционирования культуры. Культура толерантности – это культура диалоговой (коммуникативной) открытости, которая подразумевает личностное развитие человека, свободу его выбора и баланс интересов конкурирующих сторон» [6, с. 56].

Есть публикации, проливающие свет на сущность и содержание понятия толерантности, возникшего в глубокой древности, со временем расширившегося и содержательно обогатившегося [7; 8]. Например, С.И. Осипова и А.И. Богданова, проанализировав историю этого термина, пришли к заключению о том, что «зарождение идей толерантности связано с зарождением самого человеческого общества и его формированием в гражданское общество, признающее общей целью своего развития благо отдельного гражданина» [7, с. 128]. Они же определили это понятие как «интегративное личностное качество человека, основанное на ценностном отношении к людям как представителям иных социокультурных групп и проявляющееся в (выражающееся) в активной позиции человека, предполагающей расширение личных ценностей за счет позитивного взаимодействия с другими культурами» [7, с. 128]. Важным в их определении является то, что авторы обратили внимание на такую функцию толерантности, как расширение личных ценностей, то есть развитие и обогащение личности.

Негативное восприятие данного понятия в российском обществе объясняется отсутствием в русском языке слов, с помощью которых его возможно было бы раскрыть предельно точно (сначала эквивалентом выступила терпеливость, затем – терпимость). С позитивным подтекстом в России слово «толерантность» зафиксировано в середине XIX в. в либеральной печати. Тем не менее до сих пор неоднозначность его толкований в различных науках создает проблему для исследователей и вызывает дискуссии. Его периодическое переосмысление в конечном итоге способствует ослаблению разнообразных социальных конфликтов и установлению доброжелательных взаимоотношений [6], а это значит, что от принципа толерантности человечество вряд ли когда-либо полностью откажется.

Публикации последних лет показывают, что в настоящее время в психологии толерантность трактуется как устойчивость к стрессогенным факторам, способность принимать иноверцев, иное мышление, особенности поведения представителей не своей культуры [9–11]. В то же время одни исследователи определяют толерантность как установку личности, которая держится на убеждении в том, что у другого человека может быть иная точка зрения, что это естественно и приемлемо; другие считают ее компонентом жизненной позиции человека, который, имея собственные убеждения, ценности и смыслы,

подразумевает и принимает их и у других людей. Структурно толерантность включает как минимум четыре компонента – понимание того, с чем и с кем имеешь дело; признание различий; уважение иного в человеке и культуре; принятие, означающее уделение внимания иноверцу, иной культуре и демонстрацию миролюбия, готовности к позитивному взаимодействию.

Понятие «индекс толерантности» означает ее общий уровень, определяемый по совокупности частных показателей, например таких как социальная толерантность (уважительное отношение к людям, не зависящее от их социального положения, статуса, религии, сексуальной ориентации и др.), этническая толерантность (способность общаться и взаимодействовать, невзирая на очевидные различия в поведении, мышлении, верованиях и др., обусловленные принадлежностью к определенной культуре), толерантность как черта личности [12]. Индекс толерантности может быть определен у каждого человека, выявляются личностные предпосылки, как способствующие, так и препятствующие его росту.

Одной из таких предпосылок являются базисные убеждения личности, концептуально разработанные Р. Янофф-Бульманом, затем его теория, а также методика их изучения были адаптированы в РФ М.А. Падун и А.В. Котельниковой [13]. Система базисных убеждений (вера в доброжелательность мира, справедливость, доверие к людям, самооценność) – основной конструкт философии жизни каждого отдельно взятого человека. Они могут быть рациональными (адекватно отражающими реальность) и иррациональными (вызывающими стресс и невротические расстройства) [14]. Как предмет научного исследования они изучались в связи с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности [15]; в связи с представлениями учащихся о себе и их копингом [16]; в качестве одной из предпосылок психологической безопасности личности в образовательной среде [11] и др.

Если взаимосвязь толерантности с этнической идентичностью уже установлена исследователями, в том числе и нами [17], то вопрос о связи индекса толерантности с базисными убеждениями у студентов русской национальности – граждан РФ не рассматривался, поэтому поиск ответа на него является актуальным.

Завершая краткое теоретическое обоснование своего эмпирического исследования, поясним понятие «национальность», употребленное в названии данной статьи. В 1997 г. оно исчезло из паспорта гражданина РФ – и этот статус перестал быть субъектом права применительно к гражданскому документообороту. Тем не менее в уголовном праве, где прописана ответственность за разжигание межнациональной розни (экстремизм), это понятие осталось, тем самым человеку предоставляются государственная юрисдикция и защита со стороны государства. Граждане России по национальному признаку самоопределяются, то есть осознанно относят себя к какому-либо этносу. Ниже речь пойдет о студентах с этнической самоидентичностью «Я русский(-ая)», имеющих российское гражданство, обучающихся в условиях поликультурной образовательной среды.

Цель нашего эмпирического исследования заключалась в том, чтобы получить показатели индекса толерантности и базисных убеждений у студентов обоих полов с самоидентификацией «Я русский(-ая)» и российским гражданством, выявить межполовые различия в полученных данных и определить характер связей общих и частных показателей исследуемых интегративных характеристик. Гипотеза заключалась в следующем: предполагалось, что у студентов с самоидентификацией «Я русский(-ая)» и российским гражданством показатели индекса толерантности и, в частности, толерантности как черты личности, социальной и этнической толерантности, а также 5 базисных убеждений (вера в ценность Я, в доброжелательность мира и его справедливость, в свою удачливость и возможность контролировать события) являются умеренными, однако достоверно различающимися по фактору пола; при этом между их толерантностью и базисными убеждениями существует тесная связь.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирический материал накапливался в течение 2024 г. Данные собирались в студенческих аудиториях лично авторами статьи, занимающимися преподавательской деятельностью в вузах Москвы и Пскова, а также с помощью Google Forms. Использовались опросники «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой в соавторстве [12]; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульмана в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой [13]. Перед заполнением опросников студенты отвечали на вопросы анкеты, среди которых был следующий: какую национальность Вы бы вписали себе в паспорт гражданина РФ, если бы такая строка была в него возвращена? В итоге сформировалась выборка из 120 студентов второго и третьего курсов, обучающихся в российских вузах по очной форме (47 юношей – 39,2 % и 73 девушки –

60,8 %), имеющих российское гражданство и определяющих свою национальность как «русский(-ая)». Работа строилась с соблюдением принципов социально-психологического подхода в научном исследовании. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением пакета Microsoft Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Корреляционный анализ выполнен с помощью коэффициента Спирмена, что обусловлено особенностями распределения данных; сравнительный – на основе критерия Манна-Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДЕКСА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ТРЕХ ЕГО СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ – ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ, СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Полученные нами данные представлены ниже в табл. 1.

Таблица 1

Показатели индекса толерантности студентов мужского и женского пола и трех его структурных компонентов

Толерантность	Исследуемые группы		Совокупная выборка	Оценка различий по уровню признака	
	Студенты мужского пола	Студенты женского пола		U	p
Индекс толерантности	4,67	5,47	5,07	1 284,0	0,448
Исследуемые компоненты индекса толерантности					
Толерантность как черта характера	4,59	6,01	5,30	1 138,0	0,097
Социальная толерантность	4,92	6,02	5,47	1 012,0**	0,014
Этническая толерантность	4,49	4,37	4,43	1 338,0	0,670

Примечание: максимальное значение – 10 стенов, 1–4 стенов – низкий уровень, 5–7 – умеренный, 8–10 – высокий; ** – $p \leq 0,01$ (высокий уровень статистической значимости)

Составлено авторами по материалам исследования

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что показатель индекса толерантности по выборке в целом хоть и является умеренным, но тяготеет к низкому уровню. Обращает на себя внимание этническая толерантность – ее показатель является самым низким и у юношей, и у девушек, и в совокупной выборке. Оценка различий по уровню исследуемых компонентов индекса толерантности продемонстрировала, что значимые различия между студентами мужского и женского пола есть лишь по шкале социальной толерантности ($U = 1\,012,0$ при $p = 0,014$) – этот частный показатель статистически значимо выше у девушек.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Полученные данные представлены ниже в табл. 2.

Таблица 2

Показатели базисных убеждений студентов мужского и женского пола – российских граждан, самоопределившихся по национальному признаку как русские

Базисные убеждения	Исследуемые группы		Совокупная выборка	Оценка различий по уровню признака	
	Студенты мужского пола	Студенты женского пола		U	p
Самоценность	8,15	8,03	8,07	1 318,0	0,548

Окончание табл. 2

Базисные убеждения	Исследуемые группы		Совокупная выборка	Оценка различий по уровню признака	
	Студенты мужского пола	Студенты женского пола		U	p
Вера в доброжелательность мира	5,36	5,63	5,54	1 362,0	0,785
Вера в справедливость мироустройства	4,49	5,71	5,29	1 078,0*	0,041
Вера в свою удачливость	8,18	8,38	8,30	1 390,0	0,918
Вера в возможность контролировать события	8,95	7,68	8,13	880,0	0,001

Примечание: максимальное значение – 10 стенов, диапазон оптимальных значений – 4–7 стенов, 8–10 – неадекватно высокий уровень, 1–3 стенов – низкий уровень; * – $p \leq 0,05$ (статистически значимый уровень)

Составлено авторами по материалам исследования

Судя по данным табл. 2, студенты обоих полов имеют адекватную степень убежденности в доброжелательности мира, а также в его справедливости, хотя заметим, что показатель веры в справедливость мира у учащихся мужского пола тяготеет к области низких значений. В то же время студенты обоих полов явно преувеличивают веру в собственную удачливость, в возможность контролировать события своей жизни и ценность Я.

Оценка значимости различий по уровню базисных убеждений показала, что вера в справедливость мироустройства сильнее выражена у девушек, чем у юношей ($U = 1 078,0$ при $p = 0,041$).

РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

Полученные данные продемонстрированы в табл. 3.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа показателей толерантности с показателями базисных убеждений студентов

Индекс толерантности и его частные компоненты	Базисные убеждения	Коэффициент корреляции r	p
Индекс толерантности	Самоценность	-0,159	0,095
	Вера в доброжелательность мира	0,374***	0,000
	Вера в справедливость мироустройства	-0,029	0,761
	Вера в свою удачливость	-0,006	0,950
	Вера в возможность контролировать события	0,013	0,894
Этническая толерантность	Самоценность	-0,138	0,147
	Вера в доброжелательность мира	0,338***	0,000
	Вера в справедливость мироустройства	-0,058	0,544
	Вера в свою удачливость	0,109	0,251
	Вера в возможность контролировать события	0,085	0,375
Социальная толерантность	Самоценность	-0,264**	0,005
	Вера в доброжелательность мира	0,239**	0,011
	Вера в справедливость мироустройства	-0,063	0,512
	Вера в свою удачливость	-0,048	0,617
	Вера в возможность контролировать события	-0,199*	0,036

Индекс толерантности и его частные компоненты	Базисные убеждения	Коэффициент корреляции r	p
Толерантность как черта характера	Самоценность	-0,066	0,489
	Вера в доброжелательность мира	0,182	0,055
	Вера в справедливость мироустройства	-0,026	0,782
	Вера в свою удачливость	-0,003	0,978
	Вера в возможность контролировать события	-0,017	0,855

Примечание: *** – $p \leq 0,001$ (очень высокий уровень статистической значимости); ** – $p \leq 0,01$ (высокий уровень статистической значимости); * – $p \leq 0,05$ (статистически значимый уровень)

Составлено авторами по материалам исследования

Анализируя результаты корреляционного анализа, сведенные в табл. 3, возможно утверждать, что индекс толерантности сильно положительно согласуется с верой в доброжелательность мира ($r = 0,374$ при $p = 0,000$), то есть студенты, убежденные в доброжелательности окружающих, имеют достоверно более высокий индекс толерантности. При этом наиболее тесно указанная связь представлена в случае с частным показателем этнической толерантности ($r = 0,338$ при $p = 0,000$).

Большее число значимых согласований наблюдается с частным показателем индекса толерантности – социальной толерантностью.

Помимо уже отмеченной корреляции с верой в доброжелательность окружающих ($r = 0,239$ при $p = 0,011$), выявлены также отрицательная согласованность с показателем самооценности ($r = -0,264$ при $p = 0,005$) и слабая отрицательная корреляция с показателем убеждения о контроле ($r = -0,199$ при $p = 0,036$).

ВЫВОДЫ

Полученные результаты обработки и анализа эмпирических данных позволили нам сделать ряд выводов.

1. Индикатор индекса толерантности по студенческой выборке в целом является умеренным (5,07 стена из 10 возможных) и тяготеет к низкому уровню. В частности, у студентов в большей степени развита социальная толерантность, однако показатель этого структурного компонента индекса относится к области средних значений (5,47 стена из 10); самым низким оказался показатель этнической толерантности (4,43 стена из 10).

Хотя индекс толерантности у студентов мужского и женского пола сходный по уровню, тем не менее показатели социальной толерантности у юношей и девушек имеют значимые различия (у девушек он достоверно выше – 6,02 стена против 4,92 стена у юношей);

2. Совокупная студенческая выборка характеризуется нормативными значениями двух базисных убеждений: вера в доброжелательность мира и вера в справедливость мироустройства; неадекватными (завышенными) показателями веры в свою удачливость (8,3 стена из 10), веры в возможность контролировать события своей жизни (8,13 стена из 10), а также самооценности (8,07 стена из 10 возможных).

При этом вера в справедливость мироустройства сильнее выражена у студентов женского пола, и это единственное различие в показателях 5 базисных убеждений между группой юношей и группой девушек.

3. Показатель индекса толерантности у обследованных учащихся сильно положительно коррелирует с верой в доброжелательность мира: для студентов, у которых эта вера ярко выражена, характерен и более высокий его уровень. Выявленная закономерность более отчетливо наблюдается по этнической толерантности – частному компоненту индекса толерантности.

4. Тесная положительная корреляция индекса толерантности с верой в доброжелательность мира, его отрицательная согласованность с показателем самооценности и слабая отрицательная корреляция с показателем убеждения о контроле говорят о том, что уважительное отношение к представителям различных субкультур и социальных слоев согласуется с умеренными показателями самооценности и убеждения о возможности контроля событий своей жизни, но именно они в нашей студенческой выборке оказались несколько завышенными. Тем не менее ключевым предиктором индекса толерантности выступает уровень веры в доброжелательность мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования позволяют поставить проблему практического характера, решать которую возможно в системе высшего образования. Ее суть, с одной стороны, сводится к повышению уровня этнической толерантности студентов, их веры в доброжелательность мира и справедливость мироустройства (для здорового чувства безопасности молодому человеку любой национальности важно верить, что в мире больше добра, чем зла; что он наполнен смыслом; что события происходят не случайным образом, а подчиняются законам справедливости), а с другой стороны – к снижению чрезмерной веры в свою удачливость (надеяться на везение, счастливое стечение обстоятельств), излишнего убеждения в Я-ценности, а также чрезмерной убежденности в возможности контролировать события собственной жизни (что более характерно для студентов мужского пола).

Низкий показатель этнической толерантности сигнализирует о том, что русские студенты могут создавать в учебных группах ситуации напряженности и недоверия, держать высокую социальную дистанцию с однокурсниками иной национальности и, положительно оценивая себя, давать им низкие оценки; высказывать негативное отношение к межэтническим брачным союзам; демонстрировать превосходство своей нации, проявлять другие признаки этнической интолерантности. Это означает, что полученные нами результаты могут быть полезны в целях совершенствования и разработки программ, нацеленных на обеспечение психологической безопасности образовательного пространства современных вузов, программ профилактики проявлений экстремизма у студенческой молодежи.

Список литературы

1. Андриенко О.А., Безенкова Т.А. К вопросу об этнической идентичности современных студентов. АНИ: педагогика и психология. 2020;4(33).
2. Берберян А.С., Найденов В.Г. Исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности студентов. Южно-российский журнал социальных наук. 2016;3.
3. Берберян А.С., Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Этническая идентичность и индекс толерантности в различной социокультурной среде. Ярославский педагогический вестник. 2019;106(1):127–133. <http://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10287>
4. Weinreich P. Ethnic identity and enculturation/acculturation. In: Latest contributions to cross-cultural psychology. London: Routledge; 2020. Pp. 135–148.
5. Боброва Т.В., Дранишников С.А. Развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса. Вестник КГУ. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2020;4(3):187–197. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>
6. Гулина Н.А., Садкина Т.М., Филимонова Е.И. Понятие толерантности: история и современность. Sciences of Europe. 2018;26(4).
7. Осипова С.И., Богданова А.И. Генезис сущности и содержания понятия «толерантность». Сибирский педагогический журнал. 2011;6.
8. Мельникова М.А., Чебыкина И.В. Этническая толерантность студентов как предмет междисциплинарного исследования. Педагогическое образование в России. 2016;9:36–41.
9. Cuadrado I., Ordóñez-Carrasco J.L., López-Rodríguez L., Vázquez A., Marco B. Tolerance towards difference: adaptation and psychometric properties of the Spanish version of a new measure of tolerance and sex-moderated relations with prejudice. International Journal of Intercultural Relations. 2021;8:220–232. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.08.005>
10. Verkuyten M., Killen M. Tolerance, dissenting beliefs, and cultural diversity. Child Development Perspectives. 2021;15(1):51–56. <https://doi.org/10.1111/cdep.12399>
11. Эгамбердиева Е.В., Цветкова Н.А. Личностные предпосылки психологической безопасности российских студентов, находящихся в тесном межкультурном взаимодействии. Вестник университета. 2022;11:230–238. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-11-230-238>
12. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл; 2008. 176 с.
13. Падул М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. Психологический журнал. 2008;28(4):98–106.
14. Меркурьев Д.В. Феномен базисных убеждений личности: обзор исследований. Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022;17(1):71–78. <https://doi.org/10.24411/2409-4102-2022-10111>

15. Блаженкова Н.П. Взаимосвязь базисных убеждений с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:92–102.
16. Секацкая Е.О. Базисные убеждения личности, представления о себе и их взаимосвязь со стратегиями совладания. Проблемы современного образования. 2020;6:23–30. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-6-23-30>
17. Цветкова Н.А., Эгамбердиева Е.В. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и авторитарности у студентов, обучающихся в условиях межкультурного взаимодействия. Вестник МГОУ. Серия. Психологические науки. 2022;1:81–99. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-81-99>

References

1. Andrienko O.A., Bezenkova T.A. On the issue of ethnic identity of modern students. ANI: Pedagogy and Psychology. 2020;4(33). (In Russian).
2. Berberyan A.S., Naydenov V.G. A study of the relationship between ethnic identity and tolerance of students. South Russian Journal of Social Sciences. 2016;3. (In Russian).
3. Berberyan A.S., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Ethnic identity and tolerance index in various socio-cultural environments. Yarovslavl Pedagogical Bulletin. 2019;106(1):127–133. (In Russian). <http://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10287>
4. Weinreich P. Ethnic identity and enculturation/acculturation. In: Latest contributions to cross-cultural psychology. London: Routledge; 2020. Pp. 135–148.
5. Bobrova T.V., Dranishnikov S.A. The development of identity and tolerance of the personality of foreign students in the context of the educational process. Bulletin of KSU. Series: Humanities and Social Sciences. 2020;4(3):187–197. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>
6. Gulina N.A., Sadkina T.M., Filimonova E.I. The concept of tolerance: history and modernity. Sciences of Europe. 2018;26(4). (In Russian).
7. Osipova S.I., Bogdanova A.I. The genesis of the essence and content of the concept of tolerance. Siberian Pedagogical Journal. 2011;6. (In Russian).
8. Melnikova M.L., Chebykina I.V. Ethnic tolerance of students as a subject of interdisciplinary research. Pedagogical Education in Russia. 2016;9:36–41. (In Russian).
9. Cuadrado I., Ordóñez-Carrasco J.L., López-Rodríguez L., Vázquez A., Marco B. Tolerance towards difference: adaptation and psychometric properties of the Spanish version of a new measure of tolerance and sex-moderated relations with prejudice. International Journal of Intercultural Relations. 2021;8:220–232. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.08.005>
10. Verkuynen M., Killen M. Tolerance, dissenting beliefs, and cultural diversity. Child Development Perspectives. 2021;15(1):51–56. <https://doi.org/10.1111/cdep.12399>
11. Egamberdieva E.V., Tsvetkova N.A. Personal prerequisites for the psychological safety of Russian students in close intercultural interaction. Bulletin of the University. 2022;11:230–238. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-11-230-238>
12. Soldatova G.U., Shaigerova L.A., Prokofieva T.Y. Psychodiagnostics of personality tolerance. Moscow: Smysl; 2008. 176 p. (In Russian).
13. Padun M.A., Kotelnikova A.V. Modification of the methodology for the study of the basic beliefs of R. Yanoff-Bulman personality. Psychological Journal. 2008;28(4):98–106. (In Russian).
14. Merkujev D.V. The phenomenon of basic personality beliefs: a review of research. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and healthcare. 2022;17(1):71–78. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2409-4102-2022-10111>
15. Blazhenkova N.P. The relationship of basic beliefs with the values and fears of students with different levels of psychological security. Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2021;3:92–102. (In Russian).
16. Sekatskaya E.O. Basic personality beliefs, self-image and their relationship with coping strategies. Problems of Modern Education. 2020;6:23–30. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-6-23-30>
17. Tsvetkova N.A., Egamberdieva E.V. Interrelation of ethnic identity, tolerance and authoritarianism among students studying in conditions of intercultural interaction. Bulletin of the Moscow State University. Series. Psychological Sciences. 2022;1:81–99. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-81-99>

Эмоциональный интеллект как фактор трудовой мотивации в современных организациях

Шогенова Фатимат Олеговна

Канд. экон. наук, бизнес-тренер, психолог

ORCID: 0009-0005-8517-0352, e-mail: Shogen.fatima@gmail.com

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация

Представлен теоретический анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и трудовой мотивации сотрудников современных организаций. На основе систематизации данных эмпирических исследований автором были выявлены ключевые механизмы влияния компонентов эмоционального интеллекта на различные аспекты мотивационной сферы работников. Определены опосредующие факторы данной взаимосвязи и их специфика в организациях разного типа. Проведен мета-анализ результатов 157 независимых исследований, охватывающих более 42 тыс. респондентов, который подтвердил устойчивые корреляции между эмоциональным интеллектом и показателями трудовой мотивации сотрудников. Особое внимание автора было уделено дифференциации влияния внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта на внутреннюю и внешнюю мотивацию работников. Благодаря этому было выявлено, что наиболее выраженные взаимосвязи наблюдаются в компаниях, приветствующих инновационные решения, а наименее выраженные – в организациях с жесткими правилами и процедурами. Автором были предложены научно обоснованные рекомендации по использованию разработок в области эмоционального интеллекта для оптимизации систем мотивации персонала и повышения эффективности организаций. В заключение представлены практические программы развития эмоционального интеллекта как инструмента управления трудовой мотивацией.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, трудовая мотивация, вовлеченность в работу, эмоциональный климат, организационная психология, управление персоналом, профессиональная деятельность, психологическое благополучие

Для цитирования: Шогенова Ф.О. Эмоциональный интеллект как фактор трудовой мотивации в современных организациях // Вестник университета. 2025. № 7. С. 274–282.

Emotional intelligence as a factor of work motivation in modern organisations

Fatimat O. Shogenova

Cand. Sci. (Econ.), Business Trainer, Psychologist
ORCID: 0009-0005-8517-0352, e-mail: Shogen.fatima@gmail.com

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a theoretical analysis of the relationship between emotional intelligence and work motivation of employees in modern organisations. Based on the systematisation of empirical research data, key mechanisms of influence of emotional intelligence components on various aspects of the motivational sphere of workers have been identified. The mediating factors of this relationship and their specificity in organisations of different types are determined. A meta-analysis of the results of 157 independent studies covering more than 42,000 respondents was conducted, which confirmed stable correlations between emotional intelligence and work motivation indicators. Special attention is paid to the differentiation of the influence of intrapersonal and interpersonal emotional intelligence on intrinsic and extrinsic motivation. It was revealed that the most pronounced relationships are observed in innovative companies, while the least pronounced are in highly formalised organisations. Scientifically based recommendations are offered for using developments in the field of emotional intelligence to optimise personnel motivation systems and improve organisational effectiveness. Practical programmes for developing emotional intelligence as a tool for managing work motivation are presented.

Keywords

Emotional intelligence, work motivation, work engagement, emotional climate, organisational psychology, personnel management, professional activity, psychological well-being

For citation: Shogenova F.O. (2025) Emotional intelligence as a factor of work motivation in modern organisations. *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 274–282.

ВВЕДЕНИЕ

Современные организации функционируют в условиях высокой неопределенности, непрерывных изменений и растущих требований к адаптивности персонала. В этом контексте особую значимость приобретают личностные факторы, определяющие эффективность профессиональной деятельности и трудовую мотивацию сотрудников. Одним из таких факторов является эмоциональный интеллект, рассматриваемый как совокупность способностей к пониманию и управлению эмоциями (собственными и чужими), влияющих на принятие решений и эффективность деятельности [1].

Глобальные тенденции цифровизации, дистанционной работы и изменения форм трудовых отношений актуализируют потребность в понимании психологических механизмов, обеспечивающих устойчивую мотивацию сотрудников. Эмоциональный интеллект как интегративная характеристика личности играет ключевую роль в адаптации к новым условиям труда и поддержании высокого уровня профессиональной мотивации. Современные исследования показывают, что организации с высоким уровнем эмоционального интеллекта сотрудников демонстрируют превосходные результаты в области удержания персонала, инновационной активности и финансовой эффективности. Несмотря на растущий интерес к эмоциональному интеллекту в организационной психологии, исследований, раскрывающих механизмы его влияния на трудовую мотивацию, недостаточно. Существующие работы часто носят фрагментарный характер, не учитывают специфику различных типов организаций и должностных позиций. Актуальность темы исследования настоящей статьи обусловлена необходимостью разработки эффективных стратегий мотивации персонала в условиях трансформации трудовых отношений, возрастающей ролью эмоциональных аспектов в организационном взаимодействии, а также запросами практики на научно обоснованные программы развития эмоционального интеллекта как ресурса эффективности.

Цели настоящей статьи – теоретический анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и трудовой мотивации сотрудников современных организаций, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по использованию знаний об эмоциональном интеллекте для оптимизации систем мотивации персонала.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

В современной психологической науке выделяют несколько основных моделей эмоционального интеллекта. Модель способностей, разработанная Дж. Мэйером, П. Сэловеем и Д. Карузо, рассматривает его как совокупность когнитивных способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации [2]. Авторы выделяют четыре компонента: восприятие эмоций, использование их для повышения эффективности мышления, понимание эмоций и управление ими.

Смешанные модели, представленные в работах Р. Бар-Она и Д. Гоулмана, включают когнитивные способности и личностные характеристики, определяющие эффективность социального функционирования [3]. Д. Гоулман выделяет 5 компонентов эмоционального интеллекта: самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [4].

В отечественной психологии наиболее разработанной является модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, который определяет его как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [5]. Автор выделяет внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, а также выдвигает идею о его двойственной природе, обусловленной как когнитивными способностями, так и личностными характеристиками [6].

Исследования Е.А. Сергиенко и соавторов рассматривают эмоциональный интеллект в контексте модели психического как способность понимать собственные психические состояния и состояния других людей [7]. Авторы обосновывают положение о том, что эмоциональный интеллект является ресурсом психологического благополучия и эффективности деятельности.

Анализ современных исследований показывает, что эмоциональный интеллект оказывает значимое влияние на различные аспекты организационного поведения: лидерство [8], принятие решений [9], командное взаимодействие [10], адаптацию к организационным изменениям [11].

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ: ОБЗОР ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные труды демонстрируют устойчивые взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и различными аспектами трудовой мотивации. Метаанализ, проведенный К. Мяо, Р.Х. Хамфри и С. Цянем, обобщающий результаты 157 независимых выборок ($N = 42\,523$), показал значимые положительные корреляции эмоционального интеллекта с удовлетворенностью трудом ($r = 0,32$), организационной приверженностью ($r = 0,43$) и вовлеченностью в работу ($r = 0,33$) [2].

Особый интерес представляют исследования, дифференцирующие взаимосвязи компонентов эмоционального интеллекта с различными типами мотивации. В исследовании Н. Экстремеры и соавторов выявлено, что способность к пониманию эмоций сильнее коррелирует с внутренней мотивацией ($r = 0,41$, $p < 0,01$), чем с внешней ($r = 0,18$, $p < 0,05$). В то же время управление эмоциями демонстрирует значимые корреляции как с внутренней ($r = 0,39$, $p < 0,01$), так и с внешней мотивацией ($r = 0,26$, $p < 0,01$) [12].

Е.А. Хлевная и В.А. Штроо обнаружили, что эмоциональный интеллект руководителей оказывает позитивное влияние на мотивацию подчиненных через создание благоприятного эмоционального климата [13]. Авторы выявили значимую корреляцию между показателями эмоционального интеллекта руководителей и удовлетворенностью трудом сотрудников ($r = 0,37$, $p < 0,01$), а также их организационной приверженностью ($r = 0,42$, $p < 0,01$).

Исследование Д.В. Люсина показало, что внутриличностный эмоциональный интеллект теснее связан с саморегуляцией и мотивацией достижения ($r = 0,46$, $p < 0,01$), в то время как межличностный эмоциональный интеллект – с социальными аспектами мотивации, такими как стремление к коллаборации и признанию ($r = 0,39$, $p < 0,01$) [6].

Д.А. Ньюман, Д.Л. Джозеф и С. Макканн выявили, что связь эмоционального интеллекта и трудовой мотивации модулируется типом организационной культуры. В организациях с клановой культурой она выражена сильнее ($\beta = 0,48$, $p < 0,01$), чем в компаниях с иерархической культурой ($\beta = 0,25$, $p < 0,05$) [14].

Сравнительный анализ данных по различным типам организаций, проведенный Е.А. Сергиенко [7], демонстрирует наиболее выраженные взаимосвязи эмоционального интеллекта и мотивации в компаниях, ориентированных на инновации и высокую вовлеченность сотрудников (ИТ-компании (ИТ – информационные технологии), консалтинг), и наименее выраженные – в организациях со значительной формализацией и стандартизацией деятельности (производственные предприятия, государственные учреждения).

Исследование В.В. Дайнеко показало, что эмоциональный интеллект опосредует влияние организационной культуры на трудовую мотивацию [15]. Автор выделяет два механизма влияния – прямой (через повышение эмоциональной осознанности и осмысленности деятельности) и опосредованный (через оптимизацию взаимодействия в коллективе).

Таблица

Взаимосвязь компонентов эмоционального интеллекта и показателей трудовой мотивации по данным мета-анализа

Показатель трудовой мотивации	Восприятие эмоций	Понимание эмоций	Управление эмоциями	Общий показатель эмоционального интеллекта
Внутренняя мотивация	0,25**	0,31**	0,39**	0,35**
Внешняя мотивация	0,12*	0,18*	0,26**	0,19*
Удовлетворенность трудом	0,21**	0,28**	0,36**	0,32**
Организационная приверженность	0,27**	0,35**	0,45**	0,43**
Вовлеченность в работу	0,24**	0,29**	0,38**	0,33**

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; представлены скорректированные коэффициенты корреляции

Составлено автором по материалам источника [2]

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТРУДОВУЮ МОТИВАЦИЮ

На основе анализа эмпирических исследований можно выделить несколько ключевых механизмов влияния эмоционального интеллекта на трудовую мотивацию.

1. Механизм эмоциональной саморегуляции. Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует более эффективной регуляции эмоциональных состояний в процессе трудовой деятельности, что позволяет сохранять устойчивую мотивацию даже в стрессовых ситуациях [16]. В исследовании М.А. Падун показано, что способность к управлению эмоциями значимо коррелирует с устойчивостью мотивации в условиях повышенных нагрузок ($r = 0,43$, $p < 0,01$). Данный механизм особенно важен для сотрудников, работающих в условиях высокой неопределенности и временного давления [17].

2. Механизм смысловой регуляции деятельности. Эмоциональный интеллект способствует более глубокому пониманию личностного смысла профессиональной деятельности, что усиливает внутреннюю мотивацию [6]. В исследовании Е.Ю. Мандриковой обнаружено, что понимание эмоций позитивно связано с осмысленностью профессиональной деятельности ($r = 0,38$, $p < 0,01$) [16]. Сотрудники с высоким эмоциональным интеллектом лучше понимают эмоциональные аспекты своей работы и находят в ней больше личностного смысла.

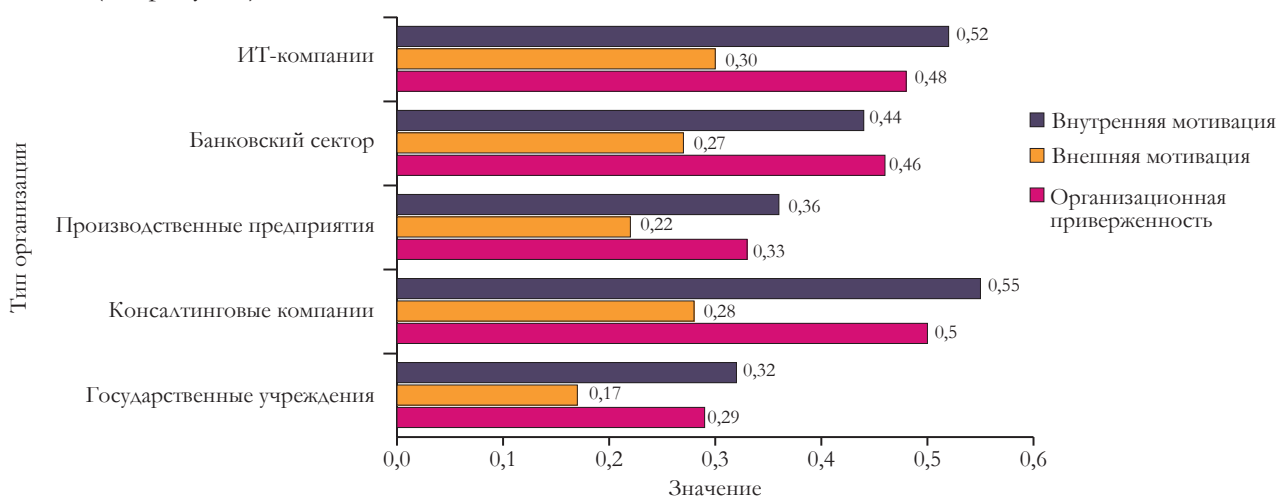
3. Социально-перцептивный механизм. Развитый эмоциональный интеллект обеспечивает более точное восприятие и понимание эмоциональных реакций коллег и руководителей, что создает основу для формирования адекватных ожиданий и мотивационных установок [5]. В исследовании Т.Ю. Ивановой и соавторов показано, что межличностный эмоциональный интеллект значимо коррелирует с удовлетворенностью социальными аспектами трудовой деятельности ($r = 0,35$, $p < 0,01$) [18].

4. Механизм эмоционального лидерства. Эмоциональный интеллект руководителей влияет на мотивацию подчиненных через создание позитивного эмоционального климата и эмоционально насыщенной корпоративной культуры. В исследовании Е.А. Хлевной и В.А. Штроо обнаружено, что эмоциональный интеллект руководителей объясняет до 28 % дисперсии показателей эмоционального климата в коллективе [13].

5. Механизм эмоциональной конгруэнтности. Соответствие эмоциональных компетенций сотрудника требованиям профессиональной роли повышает уровень идентификации с профессией и, как следствие, трудовую мотивацию [11]. Исследование А.С. Петровской показало, что эмоциональная конгруэнтность значимо коррелирует с профессиональной идентичностью ($r = 0,44$, $p < 0,01$) и вовлеченностью в работу ($r = 0,39$, $p < 0,01$) [9].

6. Механизм коллективной эмоциональной интеллектуальности. Совокупный уровень эмоционального интеллекта команды создает синергетический эффект, усиливающий индивидуальную мотивацию каждого участника через формирование атмосферы взаимопонимания и эмоциональной поддержки [19]. Данный механизм особенно выражен в проектных командах и творческих коллективах.

Рассмотрим взаимосвязь эмоционального интеллекта и составляющих трудовой мотивации в компаниях (см. рисунок).

Составлено автором по материалам источника [7]

Рисунок. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и компонентов трудовой мотивации в организациях различного типа

ФАКТОРЫ, МОДЕРИРУЮЩИЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

Анализ эмпирических данных показывает, что взаимосвязь эмоционального интеллекта и трудовой мотивации не является универсальной и зависит от ряда модерирующих факторов.

Тип организационной культуры. В организациях с клановой культурой, характеризующейся высокой степенью взаимодействия и сотрудничества, эмоциональный интеллект оказывает более сильное влияние на мотивацию сотрудников [14]. В адхократических культурах, ориентированных на инновации и творчество, особенно важны компоненты понимания эмоций и управления ими. В иерархических культурах значимость эмоционального интеллекта снижается в пользу формальных процедур и стандартов.

Специфика профессиональной деятельности. Наиболее выраженные взаимосвязи наблюдаются в профессиях, требующих интенсивного межличностного взаимодействия: менеджмент, продажи, консалтинг, образование [20]. В технических специальностях влияние эмоционального интеллекта на мотивацию менее выражено, но сохраняет значимость для командной работы и лидерства.

Уровень должности и управленческие функции. Для руководителей всех уровней эмоциональный интеллект является критическим фактором эффективности и мотивации [13]. Для рядовых сотрудников более важны аспекты внутриличностного эмоционального интеллекта, связанные с саморегуляцией и стрессоустойчивостью.

Демографические характеристики. Исследования показывают гендерные различия в структуре эмоционального интеллекта и его влиянии на мотивацию [8]. Возрастные особенности также модерируют данную взаимосвязь: у более молодых сотрудников эмоциональный интеллект сильнее коррелирует с внутренней мотивацией, у опытных работников — с организационной приверженностью.

На основе анализа теоретических моделей и эмпирических исследований можно сформулировать следующие научно обоснованные практические рекомендации по использованию эмоционального интеллекта для оптимизации систем мотивации персонала.

1. Дифференцированный подход к развитию эмоционального интеллекта с учетом должностного статуса:

- для руководителей приоритетным является развитие межличностного эмоционального интеллекта, особенно компонентов понимания эмоций подчиненных и управления групповыми эмоциональными состояниями [13];

- для специалистов акцент следует делать на повышении внутриличностного эмоционального интеллекта, в частности навыков эмоциональной саморегуляции и рефлексии [6].

2. Интеграция компонентов эмоционального интеллекта в системы оценки и отбора персонала:

- включение оценки эмоционального интеллекта в программы отбора на должности, требующие интенсивного социального взаимодействия и эмоциональной стабильности [14];

- использование уровня эмоционального интеллекта как предиктора потенциальной эффективности сотрудника и его мотивационного профиля [2].

3. Создание эмоционально-интеллектуальной организационной среды:

- формирование практик открытой эмоциональной коммуникации, признание значимости эмоций в организационном контексте [15];

- развитие эмоционального лидерства как фактора, влияющего на мотивацию персонала [13];

- учет эмоциональных потребностей сотрудников при разработке систем вознаграждения и признания [9].

4. Программы развития эмоционального интеллекта для повышения трудовой мотивации, которые должны включать:

- тренинги осознания эмоций и развития эмоционального словаря [16];

- обучение техникам эмоциональной саморегуляции, работе с негативными эмоциональными состояниями [17];

- развитие навыков эмпатии и эмоциональной коммуникации [5];

- тренинги эмоционального лидерства для руководителей [13].

5. Учет индивидуальных особенностей эмоционального интеллекта при разработке мотивационных систем:

- для сотрудников с высоким внутриличностным эмоциональным интеллектом эффективны системы мотивации, основанные на автономии и признании компетентности [6];
- для сотрудников с высоким межличностным эмоциональным интеллектом – системы, акцентирующие социальное признание и коллаборацию [7];
- для сотрудников с низким эмоциональным интеллектом – более структурированные системы с четкими критериями и регулярной обратной связью [11].

6. Развитие культуры эмоциональной безопасности в организации:

- создание условий для открытого выражения эмоций без страха осуждения или негативных последствий;
- обучение сотрудников навыкам конструктивного решения эмоциональных конфликтов;
- внедрение системы эмоциональной поддержки и психологической помощи сотрудникам.

Данные рекомендации могут быть адаптированы с учетом специфики конкретной организации, особенностей ее культуры и персонала. Важно отметить, что эффективность применения эмоционального интеллекта для оптимизации мотивации требует системного подхода и долгосрочной перспективы реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретический анализ подтверждает значимую роль эмоционального интеллекта как фактора трудовой мотивации в современных организациях. Систематизация данных эмпирических исследований позволила выявить устойчивые положительные взаимосвязи между компонентами эмоционального интеллекта и различными аспектами мотивационной сферы работников, особенно с показателями внутренней мотивации и вовлеченности в работу. Мета-анализ 157 исследований с участием более 42 тыс. респондентов подтвердил универсальность данных взаимосвязей в различных культурных и организационных контекстах.

Выделены 6 ключевых механизмов влияния эмоционального интеллекта на трудовую мотивацию: эмоциональная саморегуляция, смысловая регуляция деятельности, социально-перцептивный механизм, эмоциональное лидерство, эмоциональная конгруэнтность и коллективная эмоциональная интеллектуальность. Определена специфика взаимосвязи эмоционального интеллекта и трудовой мотивации в организациях различного типа, выявлены модулирующие факторы данного влияния.

На основе проведенного анализа разработаны научно обоснованные рекомендации по использованию эмоционального интеллекта для оптимизации систем мотивации персонала, которые включают дифференцированный подход к развитию эмоционального интеллекта, интеграцию его компонентов в системы оценки и отбора, создание эмоционально-интеллектуальной организационной среды и учет индивидуальных особенностей при разработке мотивационных систем. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов для повышения эффективности управления персоналом в современных организациях.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются изучение долгосрочных эффектов развития эмоционального интеллекта на трудовую мотивацию, анализ влияния культурных факторов на характер данной взаимосвязи, разработка и апробация инструментов диагностики эмоционального климата в организациях разного типа, изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта с новыми формами трудовой мотивации в условиях цифровизации и дистанционной работы.

Список литературы

1. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): руководство. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2010. 176 с.
2. Miao C., Humphrey R.H., Qian S. A meta-analysis of emotional intelligence and work attitudes. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2017;2(90):177–202. <http://doi.org/10.1111/joop.12167>
3. Joseph D.L., Newman D.A. Emotional intelligence: an integrative meta-analysis and cascading model. *Journal of Applied Psychology*. 2010;1(95):54–78. <http://doi.org/10.1037/a0017286>
4. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект в бизнесе. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2013. 512 с.
5. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. В кн.: Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2009. С. 264–278.

6. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте. В кн.: Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2004. С. 29–36.
7. *Сергиенко Е.А.* Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT v. 2.0), русскоязычная адаптация. В кн.: Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2009. С. 308–331.
8. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой; 2011. 388 с.
9. *Петровская А.С.* Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; 2007. 225 с.
10. *Батурич Н.А., Мельникова Н.Н.* Технология разработки тестов: часть II. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009;42:11–25.
11. *Климов А.А.* Эмоциональный интеллект в структуре адаптационного потенциала личности. Вестник РГТУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018;2(12):33–45. <http://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-2-33-45>
12. *Extremera N., Mérida-López S., Sánchez-Álvarez N.* The role of emotional intelligence in the psychological adjustment of high school students: a systematic review. Educational Research Review. 2020;31. <http://doi.org/10.1016/j.edurev.2020.100359>
13. *Хлевная Е.А., Штмпо В.А.* Эмоциональный интеллект руководителя в бизнес-процессах организации. Менеджмент в России и за рубежом. 2012;4:44–52.
14. *Newman D.A., Joseph D.L., MacCann C.* Emotional intelligence and job performance: the importance of emotion regulation and emotional labor context. Industrial and Organizational Psychology. 2010;2(3):159–164. <http://doi.org/10.1111/j.1754-9434.2010.01218.x>
15. *Дайнеко В.В.* Позитивная организационная доктрина: позитивное организационное поведение Ф. Лютанса и позитивное организационное видение К. Камерона. Организационная психология. 2022;1(12):175–200. <http://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-1-175-200>
16. *Мандрикова Е.Ю.* Личностный потенциал в организационном контексте. В кн.: Личностный потенциал. Структура и диагностика. М.: Смысл; 2011. С. 469–490.
17. *Падун М.А.* Регуляция эмоций и ее нарушения. Психологические исследования. 2015;39(8).
18. *Паванова Т.Ю., Рассказова Е.П., Осин Е.Н.* Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики. Организационная психология. 2012;3(2):2–15.
19. *Березовская Р.А.* Психологическое благополучие, субъективный возраст и профессиональная мотивация. Психологический журнал. 2019;4(40):68–77. <http://doi.org/10.31857/S020595920005374-8>
20. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist. 2000;1(55):68–78. <http://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>

References

1. *Sergienko E.A., Vetrova I.I.* Test J. Mayer, P. Salovey and D. Caruso “Emotional intelligence” (MSCEIT v. 2.0): guide. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2010. 176 p. (In Russian).
2. *Miao C., Humphrey R.H., Qian S.* A meta-analysis of emotional intelligence and work attitudes. Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2017;2(90):177–202. <http://doi.org/10.1111/joop.12167>
3. *Joseph D.L., Newman D.A.* Emotional intelligence: an integrative meta-analysis and cascading model. Journal of Applied Psychology. 2010;1(95):54–78. <http://doi.org/10.1037/a0017286>
4. *Goleman D.* Emotional intelligence in business. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2013. 512 p. (In Russian).
5. *Lyusin D.V.* EmIn’s questionnaire on emotional intelligence: new psychometric data. In: Social and emotional intelligence. From processes to measurements. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. Pp. 264–278. (In Russian).
6. *Lyusin D.V.* Modern concepts of emotional intelligence. In: Social intelligence. Theory, measurement, research. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. Pp. 29–36. (In Russian).
7. *Sergienko E.A.* Emotional intelligence: model, test structure (MSCEIT v. 2.0), Russian-language adaptation. In: Social and emotional intelligence. From processes to measurements. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. Pp. 308–331. (In Russian).
8. *Andreeva I.N.* Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology. Novopolotsk: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk; 2011. 388 p. (In Russian).

9. *Petrovskaya A.S.* Emotional intelligence as a determinant of effective parameters and procedural characteristics of managerial activity. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 19.00.03. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2007. 225 p. (In Russian).
10. *Baturin N.A., Melnikova N.N.* Test development technology: part II. Bulletin of the South Ural state university. Series: Psychology. 2009;42:11–25. (In Russian).
11. *Klimov A.A.* Emotional intelligence in the structure of an individual's adaptive potential. Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Psychology. Pedagogy. Education. 2018;2(12):33–45. (In Russian). <http://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-2-33-45>
12. *Extremera N., Mérida-López S., Sánchez-Álvarez N.* The role of emotional intelligence in the psychological adjustment of high school students: a systematic review. Educational Research Review. 2020;31. <http://doi.org/10.1016/j.edurev.2020.100359>
13. *Khlevnaya E.A., Stroy V.A.* Emotional intelligence of a business executive-organization processes. Management in Russia and Abroad. 2012;4:44–52. (In Russian).
14. *Newman D.A., Joseph D.L., MacCann C.* Emotional intelligence and job performance: the importance of emotion regulation and emotional labor context. Industrial and Organizational Psychology. 2010;2(3):159–164. <http://doi.org/10.1111/j.1754-9434.2010.01218.x>
15. *Daineko V.V.* Positive organizational doctrine: positive organizational behavior by F. Luthans and positive organizational vision by K. Cameron. Organizational Psychology. 2022;1(12):175–200. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-1-175-200>
16. *Mandrikova E.Yu.* Personal potential in an organizational context. In: Personal potential. Structure and diagnosis. Moscow: Smysl; 2011. Pp. 469–490. (In Russian).
17. *Padun M.A.* Emotion regulation and its disorders. Psychological research. 2015;39(8). (In Russian).
18. *Ivanova T.Yu., Rasskazova E.I., Osin E.N.* Structure and diagnostics of job satisfaction: development and testing of methodology. Organizational psychology. 2015;39(8). (In Russian).
19. *Berezovskaya R.A.* Psychological well-being, subjective age and professional motivation. Psychological journal. 2019;4(40):68–77. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S020595920005374-8>
20. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist. 2000;1(55):68–78. <http://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>